Весенние соблазны

Сборник рассказов

Весенние соблазны

Татьяна Юрьевна Богатырева, Евгения Соловьева, Евгения Сафонова, Марина Ли, Алина Лис, Алина Лис, Кира Кэрис, Марина Комарова, Тереза Тур, Ирина Успенская, Ольга Мигель, Бронислава Вонсович, Кира Стрельникова, Стелла Вайнштейн, Артемий Дымов, Эльвира Плотникова, Дана Арнаутова, Ирина Смирнова, Мария Дубинина, Сора Наумова, Варя Медная, Марина Андреева, Гера Симова

Аннотация
Весенние соблазны
Богатырева Татьяна, Соловьева Евгения. ВРЕМЯ ЛИЛИЙ
Евгения Сафонова. ПАПАГЕНО
Марина Ли. ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН
Алина Лис
НАКАЖИ МЕНЯ!
НЕПРИСТОЙНАЯ СДЕЛКА

Кира Кэрис. СЕСТРА МОИХ БРАТЬЕВ
1. Кладбище
2. Предисловие
3. Триглав
4. Нитки
5. Ларек
6. Покупатель
7. Подтверждение
8. Запах
9. Тени
10. Защита
11. Заключение
Марина Комарова. ПО БЕСОВУ СЛЕДУ
Тереза Тур. ЗИМНЯЯ ПОЧТИ СКАЗКА
Ирина Успенская. ТРИ ДНЯ
Ольга Мигель. ФЕЯ ПОД ЧЕРНЫМ ЗОНТОМ
Бронислава Вонсович. ЛУЧШИЕ БЛОНДИНКИ КОРОЛЕВСТВА И Я
Кира Стрельникова. ИСПАНСКИЕ КАНИКУЛЫ
Стелла Вайнштейн. ЖАЖДА ЧУДЕС
Артемий Дымов. УДОБРИ МНОЙ
1
2
3
4
Эльвира Плотникова. ДЕТИ НАДЕЖДЫ

Дана Арнаутова. СВЕТ ЛУНЫ В ТВОИХ ГЛАЗАХ
Ирина Смирнова. ИГОРЬ
Мария Дубинина, Сора Наумова. ЕСЛИ БЫ МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ РАНЬШЕ
Варя
Медная. МОНСТР, ИЗВЕСТНЫЙ ВЛЮБЛЕННЫМ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
Марина Андреева. 199 НОЧЕЙ
Гера Симова. НЕ ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Аннотация

Сборник рассказов о любви, такой разной и непредсказуемой. В сборник вошли произведения 20 авторов, в том числе наш рассказ «Время лилий».

Весенние соблазны

Богатырева Татьяна, Соловьева Евгения
ВРЕМЯ ЛИЛИЙ

У самых дверей ресторанчика прошу его:

— Сыграй для меня.

Слова отзываются восторгом и жаром предвкушения. Глаза блестят, взволнованно приоткрываются губы.

— Играй. Только ты и рояль.

Он кивает. Да! С этих слов он — мой. Или я — его?

Мы разворачиваемся и быстро, почти бегом устремляемся вверх по Большой Никитской, навстречу людям с мечтательными и одухотворенными лицами. В их ушах все еще звучат хоралы Баха, а в наших сердцах уже… Равель? Моцарт? Скрябин? Я гадаю — что он выберет? Почему-то кажется, что Рахманинова…

Капельдинерша как раз запирает зал.

— Евгения Петровна, я принесу вам ключ завтра, — просит он.

Строгая седая дама окидывает нас скептическим взглядом и вдруг расцветает улыбкой.

— Не позже двенадцати. У третьего курса репетиция.

Она протягивает ключ, опуская глаза. Но нам нет дела до неё. Он обещал играть — а я слушать. Выбегаю на середину едва освещенного уличными фонарями зала. Я пьяна, лечу…

Подняв руки в ауфтакт, даю тон: фа диез второй октавы плюс четверть тона. Стены зала вибрируют и поют, странным гулким и стеклянным звуком.

Оборачиваюсь, смеюсь его удивлению.

— Вот почему кувшины в стенах никогда не откликались. Четверть тона! Хитро. — Он качает головой, нащупывает выключатель. Загорается люстра. — А говоришь, что не музыкант.

— Всего лишь теоретик.

Снова смеюсь. Сегодня мне все равно, что я не могу ни петь, ни играть. Сегодня мое сердце бьется: в такт его сердцу и его музыке.

Он вспрыгивает на сцену прямо через рампу. Подходит к роялю, касается крышки — осторожно, словно боится спугнуть. Ласкает ладонью, прислушивается. А я замираю, забыв дышать, будто он касается не крыла рояля, а моих крыльев.

— Любишь Рахманинова? — спрашивает он.

Оборачивается. Шальные, цвета африканского

кофе, глаза полны колдовства, пальцы подрагивают. Он готов на все — ради меня, ради слушателя, которого никогда у него не было. И не будет.

— Люблю.

Пью его предвкушение, волнение, азарт. Любуюсь им, ладным и изящным, как альт Амати. Он открывает рояль, а мне кажется, что раздевает меня: вечерний воздух касается обнаженных струн, целует клавиши.

— Подожди, — останавливаю его. — Только ты и рояль.

Смотрит на меня непонимающе. Он уже там, в музыке.

Вспрыгиваю на сцену, подхожу. Глядя ему в глаза, легко касаюсь смуглой щеки, провожу ладонью вниз — плечо, грудь… Он дышит неровно, тянется ко мне.

— Только ты и рояль, — шепчу, поднимая край его футболки.

Он вспыхивает румянцем, вздрагивает. Поднимает руки, позволяя себя раздеть. Меня обдает жаром, его послушание и возбуждение откликаются острым удовольствием.

— А ты? — Прижимает к напряженным бедрам, дергает мой сарафан. — Хочу видеть тебя.

— Сначала играй.

Отталкиваю, нащупываю молнию на его джинсах. Руки дрожат, во рту пересохло — запах дразнит, требует: попробуй на вкус, на ощупь.

Еле отрываюсь от него, обнаженного. Шаг назад, глубоко вздохнуть… Сердце бьется, как сумасшедшее, губы горят. Он так красив!

— Прелюдия c-moll, — объявляет он. Кланяется, словно перед полным залом, садится.

Ловлю его взгляд, кладу ладонь на рояль, киваю. И, едва его пальцы касаются нот, меня сносит шквалом наслаждения — страсть тяжелых аккордов, порывистые, шальные пассажи и болезненные до отчаяния ноны, весенний дождь стаккато и вкрадчивые, мягкие сексты… Звуки и чувства вырываются из-под крышки рояля, вьюгой и шквалом заполняют зал, бьются о стены и вылетают в окна. Я лечу вместе с ними — живая! Горячая. Боже, спасибо тебе!

Рояль вибрирует в финальном аккорде, я — вместе с ним. Непослушными руками стаскиваю с себя сарафан. Он поднимается навстречу, нагой, пьяный, словно занимался с роялем любовью. Миг мы смотрим друг на друга, а потом — он прижимает меня к роялю и берет властно, как брал рахманиновский аккорд. Инструмент отзывается стоном на каждый толчок, моему крику

откликаются вмурованные в стены кувшины-резонаторы: фа-диез с четвертью…

— Кто ты?

Голова кружится, я еще не вернулась из-за края света.

— Лилия, — отвечаю, зарываясь пальцами в черные гладкие пряди.

Он усмехается, целует меня — губы, скула, висок. Прикусывает ухо, ласкает языком. Я выгибаюсь, шепчу:

— Дан… я хочу еще.

Он прижимает крепче, пробегает пассажем вдоль спины — у него очень сильные и чуткие пальцы. Откликаюсь стоном: h-moll. Чувство полноты сбивает дыхание, смешивает тональности. Я хватаюсь за его плечи, впиваюсь в губы — и двигаюсь, двигаюсь навстречу: тема сплетается с противосложением в порывистой фуге фа диез, танец на нотном стане, шелк полированного дерева и слоновая кость клавиш, звон сопрановой струны и глубокая вибрация басов. Я — рояль, я — его музыка, я — он…

* * *

Щелкнул пульт, и прелюдия Рахманинова оборвалась. Черно-белые кадры воспоминаний

улеглись обратно, в холодный сундук памяти, к таким же драгоценным кадрам. В читальном зале повисла тишина. Пусто. Холодно. Мертво. Только доносится шум Петровки, еле слышно гудит кондиционер, а из абонемента долетают обрывки голосов: студенты всегда сдают книги в последний момент.

Я посмотрела в окно. Прямо напротив — афишная тумба. Крупными буквами: «Сергей Рахманинов. Концерт для фортепиано с оркестром. Исполняет Даниил Дунаев». И портрет: узкое лицо, известное всем почитателям классической музыки.

Он пришел без двух минут шесть.

— Лилия Моисеевна здесь? — звучный драматический тенор взлетел на второй этаж, минуя две закрытые двери.

Миг я слушала собственное сердце: откликнется? Промолчит? Застучало. Я улыбнулась, вдохнула запах старой бумаги, провела пальцем по резной спинке кресла, наслаждаясь ощущением дерева, и сбежала вниз.

— Лилия Моисеевна, вас спрашивает господин Дунаев! — встретила меня девушка, работающая на абонементе. Удивленный прищур, поджатые губы.

Я в ответ пожала плечами и пошла навстречу Дану.

— Здравствуй, — сказали мы одновременно и так же одновременно улыбнулись.

Он рассматривал меня, словно ожидал вместо тридцатилетней барышни а-ля синий чулок увидеть Анжелину Джоли. Я же рассматривала нити седины, еще больше заострившийся подбородок и проваливалась в почти позабытую за шесть лет разлуки атональную симфонию его чувств.

— Ты совсем не изменилась.

— Ты совсем не изменился.

Сказали в унисон, с сожалением и восхищением. Только один — правду, а второй — ложь.

Дан протянул букетик фиалок, поймал и поцеловал руку.

— Пойдем со мной, — то ли попросил, то ли велел он. — Ты мне нужна сегодня. Очень.

Я кивнула, бросила за спину: «Ниночка, закройте сегодня сами!» — и вышла в гудящую моторами и клаксонами майскую жару.

Мы шли быстро, почти бежали: наперерез Тверской, к Большой Никитской. На бегу перекидывались рваными, ненужными фразами: «Как ты?» — «А ты?» — «Отлично», — просто чтоб услышать голос. На нас оборачивались, кто-то

даже сфотографировал. Зрелище и впрямь было странное: породистый джентльмен в белой рубашке и при бабочке тащит за руку девицу в длинной юбке и мешковатом свитере, с живыми фиалками в растрепанной прическе, при этом оба смеются, словно подростки, а с афиш на все это строго смотрит его же лицо.

Около служебного подъезда вышагивал Николаич, продюсер Дана. Он ругался в телефон и шарил глазами по толпе. Едва заметив Дана, Николаич помчался навстречу, распихивая перекуривающих перед концертом оркестрантов.

— Где тебя носит! Черт бы тебя побрал! — заорал он шепотом, чтобы не привлекать внимания телевизионщиков: те уже брали интервью у профессора Шнеерсона, некогда учившего сегодняшнюю звезду. — Это еще кто?

— Черт. Уже побрал. — Я изобразила голливудскую улыбку лично для него. — По просьбам трудящихся.

— Черт… — Глаза Николаича на миг приобрели квадратную форму, но губы уже складывались в светскую улыбку. — Лилия… э… Моисеевна, счастлив встрече. Не узнал.

— Да-да, богатой буду, — усмехнулась я.

Николаича перекорежило, а от Дана пахнуло

досадой, сожалением, виной — и в этом терпком коктейле мне почудилось что-то очень неправильное.

* * *

Дан разыгрывался, пил чай с мятой и улыбался в телекамеру, делясь впечатлениями от посещения родной Москвы впервые за шесть лет. Я от него не отходила, ждала подвоха. Продюсер раз пять пытался отвести меня в сторонку и «серьезно поговорить», но Дан зыркал на него волком, чуть не рычал. Я же мило улыбалась, обещала «потом-потом» и ждала: слушать Николаича не имело смысла.

— Николаич, провались, наконец! — не выдержал Дан за пять минут до выхода.

— Вместе с этой лярвой, — намекнула я, указав на ассистентку.

— Да как… — взорвалась та, но Николаич оперативно утащил ее за дверь.

Единственный поцелуй был сладким и очень долгим.

— Потом, Дан, — шепнула я в пульсирующую жилку на смуглой шее, провела по ней языком и отстранилась.

Запах… чужой, опасный. Запах подвоха.

Дан прижал меня, расстегнул мою заколку, вытащил фиалки и растрепал то, что утром было прической.

— Долго ты еще будешь притворяться мышкой?

— А я не притворяюсь. — Я встряхнула русой гривой, позволяя ей рассыпаться по спине. — И есть мышка.

— Мышка я, мышка… — Дан потянул вверх мой свитер, оглядел вышитый черный корсаж и стекающую в ложбинку меж грудей цепочку. Усмехнулся и закончил: — Говорила кошка.

— Расколол, — я сделала испуганные глаза и прикрыла руками платину.

— Не уходи, пожалуйста. Только не сегодня.

— Сегодня — нет, — пообещала я и потянулась к его губам…

Нас прервал порыв сквозняка из распахнувшейся двери и запах: чужой, опасный. Мертвый. Дан обнял меня, то ли защищая, то ли прячась.

— Дааан, нехороший! — послышалось капризное сопрано.

— Кажется, мы не вовремя, — хохотнул пустой, голодный баритон.

Дверь захлопнулась перед носом Николаича, и до меня донеслось его облегчение пополам с до-

садой. Двое незваных гостей по-хозяйски прошли на середину кабинета.

Мне не надо было оборачиваться, чтобы понять, кто пришел. Дабл-Ве. Виталий и Вероника. Широко известные в узких кругах личности. В отличие от меня, Дабл-Ве историей не интересовались и определить, кого прижимает к себе Дан, не могли.

— Симпатичная фигурка. — По мне скользнул оценивающий плотоядный взгляд.

— Поделишься?

— Конечно, поделится, дорогой, — протянула Вероника. — Он просто соскучился…

Я слушала их, слушала Дана. Его страх, смешанный с виной и страстью, пьянил и заставлял сердце колотиться. И пришел давно позабытый азарт — я была почти благодарна Дабл-Ве за то, что они не знают истории, плюют на закон и полностью отбили нюх дымом и духами.

— Лили? — шепнул Дан и погладил меня по волосам.

Только тут я поняла, что дрожу.

— Как трогательно. Прям котеночек, — пропела Вероника, протягивая ко мне руку, и тут же заорала: — А, черт!..

— Спасибо за комплимент, — я обернулась и

улыбнулась, светло и наивно.

Высокий, холеный брюнет трудноопределимого возраста в костюме стоимостью с автомобиль замер за полшага до меня. Похожая на него, как вторая капля цикуты, девица в брильянтах, облизывающая покрасневшие пальцы, прищурилась на мое колье: серебро? Дабл-Ве топтались в замешательстве: инстинкты подсказывали, что пора поджимать хвост и драпать, а жадность и здравый смысл — что в этой пигалице не может быть ничего опасного, кроме серебряных цацек.

— Кто это, Дан? — снова первой пошла в атаку Вероника.

— Моя жена, — без колебаний соврал Дан.

Я чуть не засмеялась. Конечно, приятно. Боже, как приятно! Особенно после того, что он наговорил мне шесть лет назад…

— Прошу простить, но мне через две минуты на сцену. Поговорим позже, — холодно распорядился Дан.

Дабл-Ве синхронно кивнули и пропустили нас вперед. Так и спускались к сцене, двумя чинными парами.

— Даниил… — кинулся к нам Николаич, мявшийся у двустворчатых дверей. — Все в порядке?

Он рассматривал Дана, меня и Дабл-Ве так,

словно снимался в роли последнего выжившего в ужастике про страшный зомби-вирус. Смешно. Грустно. Из него получится, почти получился, отличный зомби…

— Даниил, вы готовы? — послышался за спиной голос Федосеева.

Дирижер сиял. Он уже чувствовал зал — волнение, предвкушение, готовность раствориться в музыке и отдать кусочек души в обмен на волшебство.

— Разумеется, — Дан поклонился. Он тоже светился, и никто не мог встать между ним и слушателями. — Прошу, маэстро.

Меня Дан потянул за собой:

— Будешь переворачивать ноты.

Я покачала головой. Прижалась на миг, вдохнула запах разгоряченного мужчины, потерлась бедрами, поцеловала в губы — пришлось подняться на цыпочки — и пообещала еще раз:

— Я буду здесь, в ложе.

Дабл-Ве снисходительно усмехнулись. Их предвкушение звучало фальшивой темой в стоголосой фуге радостного ожидания зала, резало обоняние перегарной вонью. Я пошла за ними в директорскую ложу. Села на любимый крайний стул и сделала вид, что забыла про них, увлечен-

ная речью конферансье.

— С каких это пор у Даниила появилась жена? — насмешливо спросил Виталий.

— С давних, — ровно ответила я, обернувшись. — Мы вместе пятнадцать лет.

Если до этого момента Дабл-Ве еще размышляли, серебро или что-то иное обожгло Веронику, то сейчас расслабились. За пятнадцать лет они бы выжали Дана досуха… даже не за пятнадцать, им хватает и года. Свиньи. Только и умеют, что жрать, жрать и жрать.

— Как трогательно, — фальшиво улыбнулась Вероника. — Наверное, вам нелегко приходится.

Я пожала плечами и снова отвернулась к сцене: выходил Дан. Первый его взгляд — в директорскую ложу, улыбка мне, и лишь потом — в зал.

За моей спиной фыркнула Вероника.

— Дан вам рассказал о нашем предложении? — приступил к делу Виталий.

— Не особо подробно. Что-то насчет концерта в Олимпийском, участия в телешоу…

— Прекрасная возможность, вы не находите, э…

— Лилия.

— Э… Лилия, — повторил Виталий. — Такой талант, как у Даниила, не должен пропадать…

Я кивала бреду о совместных проектах, клипах, популярности в широких массах и несусветных гонорарах, пропуская его мимо ушей. А то я не знаю, как эти творят свои кулинарные «шедевры»! Весь телевизор полон их отрыжкой.

Подмывало напомнить им, что чревоугодие есть смертный грех. Дабл-Ве так привыкли к безнаказанному обжорству, что до сих пор не поняли: Николаич-то нервничал не из-за денег. Но — не мои проблемы.

Вскоре мне надоело кивать, да и Дабл-Ве, наконец, почуяли неладное: вместо вибраций радости, грусти, боли и неги им доставалось от зала… а ничего не доставалось! Еще я буду делиться, размечтались. Слишком давно я не слышала Дана. Зря шесть лет назад отпустила его — со времен Сержа Рахманинова никто не играл так. Звуки и эмоции кружили голову, наполняли восторгом резонанса…

— Хватит. — Я обернулась к Дабл-Ве: теперь-то даже полностью потерявшие нюх твари не примут меня за человека. — Вы достаточно наговорили. Пойдите вон.

Они разом умолкли, съежились и стали бочком протискиваться к выходу. Их страх вонял мертвечиной, и сами они были безнадежно мертвы,

несмотря на хлещущую изо всех дыр чужую прану. А я была жива и буду жива, пока Дан играет для меня.

Кажется, я смеялась, кувыркалась под потолком, целовала пальцы Дана, щекотала скрипачей и творила всяческие глупости. Не помню. Пьяна была, пьяна! И счастлива.

* * *

Мы увиделись впервые пятнадцать лет назад. Профессор Шнеерсон, старинный приятель и коллега, вздумал сделать мне подарок. В его записке не было ни слова о дипломной работе по Скрябину, зато был вопрос: «Ты еще не забыла, как пахнет весна?»

Мальчик, вошедший в читальный зал РГБИ, был хорош. Смуглый, тонкий и острый, с восточными глазами и чудными крепкими руками. Пианист.

Он будет играть для меня — я поняла это еще до того, как он положил на стойку студенческий, записку и фиалки.

Даниил Дунаев. Степной ковыль и оливы, талая вода и свист иволги… красивый, цельный мальчик, светящийся божьим даром. Мой.

— Лилия Моисеевна? — Он неуверенно улыб-

нулся. — Аристарх Михайлович сказал, вы можете посоветовать литературу для диплома…

Литература, рояль, диплом, концерты в Москве и по всему миру — девять лет счастья. Он отдавал мне все, до донышка: любовь и боль, страх и нежность. И получал сторицей: публика обожала его, циничные музыковеды плакали, когда он играл двадцать третий концерт Моцарта. А я… я была очень осторожна. Чревоугодие — смертный грех. Мне хотелось жить и хотелось, чтобы жил он. Слишком хорошо я помнила тот недописанный «Реквием» и того мальчика, сгоревшего мотыльком. Помнила, как умирала вместе с каждым, кто играл для меня на последней струне. Наверное, я постарела… и потому шесть лет назад на вопрос «кто ты?» ответила правду.

* * *

После концерта тихий и грустный Николаич держался в стороне, даже не подошел поздравить Дана. Он боялся — моей мести, мести Дабл-Ве. Глупый. Кому он нужен, пустой и обыкновенный? Это вокруг Дана и Федосеева вьются поклонники, телевизионщики, оркестранты и уборщицы. Сегодня всем перепало немножко волшебства.

— Забудь о них, Андрей Николаич, — утешила

я продюсера. Его страх я забрала. Просто забрала, не срезонировала — ни к чему мучить человека зря.

К гостинице мы снова шли пешком. Опьянение схлынуло, больше не хотелось ни петь, ни летать. Страх Николаича оказался лишним. А может, я сама боялась стать такой же, как Дабл-Ве, как десятки Дабл-Ве: вечно голодных, не способных остановиться, в погоне за едой забывшими, кто и что они есть. Меня все еще преследовал страшный запах мертвечины.

Уже в номере он спросил:

— Зачем ты меня обманула, Лили? Они мне все рассказали.

Я пожала плечами. Обманула? Ни разу.

— Почему ты не захотела дать мне… — он осекся перед словом «бессмертие».

— Чуть позже, Дан, ладно?

Он кивнул, в темных глазах отразилась боль — моя боль. Смешно… Такие, как я, не могут чувствовать сами. Но почему я никогда не достаю из холодного сундука памяти самый первый кадр, свою музыку? Ведь когда-то и под моими пальцами стонал и пел орган, и мой голос возносился к сводам собора…

Его губы были горькими и солеными, а руки

нежными, как никогда. Наверное, он опасался помять мои крылья — те крылья, которые снились ему, виделись в угаре струнной страсти. А я целовала длинные ресницы и острые скулы, и впервые чувствовала его, но не была им. Мое сердце билось не в такт, и я шептала не его фразы. Зеркало треснуло.

— Прости, Лили. Я… мне все равно, кто ты. Я не верю! Слышишь, не верю!

Он схватил меня, поставил перед зеркальной дверцей шкафа.

— Ты отражаешься. Ты теплая. Ты… настоящая.

Плакать или смеяться? Так трогательно…

Я улыбнулась, провела пальцем по его губам.

— А Веронике ты поверил.

— Ты не такая.

— Такая, Дан. Просто немножко постарше и капельку поумнее. Надеюсь. — Я погладила его по щеке: горячая, чуть влажная кожа, колючие щетинки. Как же приятно чувствовать! — И я не дам тебе бессмертия. Никакого.

— Почему? Я не достоин?

От детской обиды в его голосе я засмеялась.

— Господи, Дан… какой ты… Они тебе сказали, чем приходится платить за бессмертие?

— Я не верю в такую чушь. Душа не товар.

— Помнишь, ты спрашивал, почему я никогда не сажусь к инструменту? Почему не пою, хоть у меня все в порядке и со слухом, и тембром, и с диапазоном? Это и есть цена. Я мертва, Дан. Нет вечной жизни, понимаешь? Есть вечная смерть. От моей музыки остались лишь воспоминания. Но мне не больно. Потому что мы не можем чувствовать. Только отражать и резонировать… а все, что тебе наговорили Дабл-Ве, бред голодной нежити.

— Не такой уж и бред…

— Погоди, Дан. Тебе кажется, что я живая, да? Теплая, и сердце бьется. Но это твои чувства, твое тепло. Эхо твоего сердца — у меня его нет. Я люблю тебя твоей любовью. Болею твоей болью и счастлива твоим счастьем. Я живу твоей жизнью, Дан, разве ты не понял? С ними ты через год станешь пустым, как все эти теледивы и фабрики звезд. А со мной сгоришь к сорока пяти. Ты уже седой.

— Поэтому ты и ушла, Лили?

— Разумеется. Я не хочу, чтобы…

— Значит, говоришь, я для тебя еда? — он разглядывал меня, словно пришпиленную к гербарию бабочку. — И как, вкусно?

— Да. Очень.

Дан все еще пах тем особым запахом лакированного дерева, сценической пыли и горячих струн. Но в глазах — чернота, и запах чужой, опасный.

— Люблю тебя, Лили, — шепнул он, укладывая меня на постель, и впился в губы.

Я откликнулась стоном: h-moll. Я — твой рояль, я — бабочка на булавке…

Боль. Счастье. Все смешалось, разлетелось — и погасло.

* * *

«Сыграй для меня», — просит она.

В ней восторг, жар. Рот приоткрыт, глаза горят.

«Играй. Только ты и рояль».

Я киваю. Да! С этих слов она — моя. Или я — её?

Комната полна перьев. Мягких, легких, светлых — как она. Ловлю одно, касаюсь им своих губ: влажных и соленых. Вдыхаю её запах.

— Теперь ты никогда не оставишь меня, Лили.

Оборачиваюсь, смотрю на смятую, в темных каплях постель, все еще хранящую её тепло и ее

форму. Перевожу взгляд на перо, то, что касалось моих губ. Алое. Единственное алое.

— Ты здесь, Лили?

«Здесь», — шепчет ветер за окном: F-dur, модуляция в e-moll, тревожным диссонансом малая нона и пассаж острых секунд.

Закрываю глаза и ловлю губами мелодию — незнакомую, пряную. Она скользит по лицу, ласкает руки, щиплет за кончики пальцев.

— Бессмертие стоит души, — говорю Лили.

Она молчит, не спорит.

Сажусь за рояль, кладу слипшееся перо на пюпитр, руки замирают над клавишами. Самый сладкий миг, когда та, что ускользала, дразнила — уже твоя, но еще не знаешь, какова она на вкус и на ощупь.

— Для тебя, любовь моя. Всегда для тебя, — говорю ей и касаюсь нот.

Лилейные белые обжигают льдом, острые осколки диезов режут пальцы. Больно! Рояль стонет квартой f, срывается на скрип и визг.

Руки отдергиваются.

— Лили?

Она молчит. Злыми глиссандо шуршат автомобили, параллельными квинтами — чужие голоса под окнами.

Страшно, тошно. Играть, скорее играть — Моцарта, двадцать третий концерт, он освятит любую ночь. Вытираю пальцы о платье, что валяется на рояле. Отбрасываю прочь: оно взметывается черными крыльями, планирует на постель и падает, накрывая…

— Лили?!

Под шелком рисуется силуэт, шевелится, вздыхает… Мерещится! Зажмуриваюсь, беру первую ноту. Визг, отвратительный визг!

Вскакиваю, подбегаю к зеркалу. Смотрю на свое отражение, провожу пальцем по стеклу.

«Бессмертие стоит души?» — шепчет Лили прямо в ухо, проводит ладонями по плечам. Но в зеркале — только я, рояль и пустая постель.

Евгения Сафонова
ПАПАГЕНО

Игла опустилась на проторенную дорожку пластинки с хирургической точностью: захрипела помехами пауза, а затем весело чирикнула флейта. Каким образом Лёшке удавалось сразу найти нужную композицию на стареньком патефоне?

— Начнём с чего-нибудь попроще. Барокко, классика, модерн?

Я со вздохом отняла чашку от губ. Начинается…

С первого дня нашей совместной жизни Лёшка обеспечивал мне кофе в постель, приправляя его сливками классической музыки — и очень скоро превратил моё утро в ежедневную музыкальную викторину. Победитель прошлого конкурса Чайковского был неумолим в намерении спасти свою благоверную, вытянув её к классическому Олимпу из пропасти любви к музыкальным орнаментам Стинга и ностальгическому свету Битлов.

— М… точно не модерн. А для барокко слишком легкомысленно, — патефон разразился барито-

ном, разливающимся немецким соловьём. — Ага! Ну это, знаешь ли, даже слишком просто. Опера, немецкая, классическая? — Лёшка утвердительно кивнул. — Моцарт?

— Верно. А какая именно?

— Ох, — я прикрыла глаза. Весёлый мотивчик, высокий регистр, птичьи переливы флейт… Что-то до боли знакомое. — Ну… может быть… эм…

— «Волшебная флейта», чудо, — сжалился он. — Ария Папагено[1], «Der Vogelfänger bin ich ja».

— «Я всем известный птицелов»? Тогда это не я чудо, а он, — я мотнула головой в сторону проигрывателя. — Чудо в перьях. В самом прямом смысле.

— А тебя разве нельзя назвать птицеловом? — Лёшка хитро щурился — в свете бледного позднеосеннего солнышка его глаза отливали кошачьей желтизной. — Последние пять лет, если не ошибаюсь, ты активно ловишь некого соловушку…

Рабочий мобильный на тумбочке не замедлил распеться «Here comes the sun». Я взглянула на определившийся номер.

В утро моего законного выходного специалист-дерматоглифик мог побеспокоить меня по

---

[1] Примечания: 1

персонаж оперы Моцарта «Волшебная флейта», птицелов, облачённый в костюм из перьев.

одной-единственной причине.

— Доброе утро, Коль, — сказала я в трубку. — Соловей?

— Да, — коротко ответил мужской голос. — Полагаю, ты в деле?

— Адрес! — нашарив в верхнем ящике ручку и блокнот, я торопливо записала продиктованное. — Ага, спасибо, скоро буду…

— Значит, тринадцатое нашли, — скорее утвердительно, чем вопросительно произнёс Лёшка.

— Как видишь, — я села в постели, позволив натянутому до подбородка одеялу упасть, и перехватила взгляд его сузившихся зрачков. — А ты всё такое же животное, как четыре года назад…

— Ага, — мурлыкнул Лёшка, подтягивая к себе скрипичный футляр. — Твой ласковый и нежный зверь.

И я знала, что борьба с желанием толкнуть меня обратно на кровать будет стоить ему трёх часов непрерывных занятий.

Доехала быстро: пробок в выходной не предвиделось, а в Подмосковье — тем более. Элитный коттеджный посёлок встретил меня пестротой разномастных особняков: местные миллионеры строились, кто во что горазд, вот и соседствовал здесь английский дворец с русским теремом.

Я поприветствовала коллегу-следователя и в благодарность была проведена к месту преступления.

— Безупречно, как всегда, — доложил Коля, работавший поблизости, пока я рассматривала сейф. — Если какие-то следы оставались, их уже затоптали.

— Когда было совершено ограбление?

Коля только плечами пожал:

— Хозяйка сегодня полезла в сейф, а вместо него…

— Перо, — закончила я. — Что, никаких шансов?

— Снял всё, что можно, внутри и снаружи, но вряд ли от этого будет прок. Горничная драит всё по два раза в день… Снег три дня назад стаял, а вчера новый нанесло… Перо хозяйка облапила — хотя от Соловья на пальчики надеяться… — Коля ухмыльнулся в усы. — Молодец Соловушка, ничего не скажешь.

Коля испытывал по отношению к Соловью странные чувства — как и все, ведущие это дело. С одной стороны, вор и следователи — вещи несовместные, а с другой — когда имеешь дело с виртуозом, да ещё и таким… *необычным*…

Приступили к опросу свидетелей. Сигнали-

зация, конечно же, не срабатывала, собаки не лаяли, охрана ничего подозрительного не заметила, записей, скорее всего, не осталось: неделю назад посреди ночи во всём поселке на час вырубался свет, — авария на линии, — и в том, что это дело рук вора, сомневаться причин не было. Кассеты на всякий случай изъяли, но в данном случае надежда была добита заранее.

Хозяйка — тоненькая блондиночка, даже дома расхаживавшая на умопомрачительных каблучках — рыдала на диванчике в огромном холле, и её стенания звенели в хрустальных подвесках венецианской люстры. Её супруг восседал рядом и сопел: тройной подбородок, уползавший под воротник рубашки, цветом готов был сравняться с алым платьем его благоверной.

— Опишите пропажу, — попросила я, открывая новую страницу в протоколе.

— Ожерееелье, — завыла блондинка, промакивая платочком искусно подкрашенные глаза. Тушь, кстати, изумительная — и не думает течь. — Котик мне подарил на день рождения три месяца назаааад…

— Платиновое, — буркнул «котик». — Алмаз «Джонкер».

— «Джонкер»… Тысяча девятьсот тридцать чет-

вёртый год, Южная Африка… Семьсот двадцать шесть карат, если не ошибаюсь… Первый владелец — Гарри Уинстон?

— Понятия не имею, — голос владельца трёх особняков и четырёх квартир в разных частях света злобно булькал в необъятном горле. — Ольке брюлик понравился, я его на «Кристи» и купил, а что про него болтали, мне по…

— Да, пожалуй, теперь мне всё ясно, — я зафиксировала вышесказанное аккуратным разборчивым почерком. — Скажите пожалуйста… вы ничего не слышали о некоем воре по прозвищу Соловей?

— Слышал, а как же! Борьку, соседа моего, год назад так же обокрали. Ничего не взяли, кроме яйца этого, Фаберже. Зелёные рядом лежали — не тронул! А на сейф посмотришь — в жизни не поймёшь, что взломали. Только перо, сука, оставил, — «котик» рычал почти по-собачьи. — Значит, до меня добрался…

— Мы ловим Соловья уже пять лет, — выслушав длинную непечатную тираду, спокойно продолжила я. — Послужной список его приличен: тринадцать ограблений. Характерный почерк: никаких следов, ни одной зацепки, соловьиное перо на месте преступления, один-единственный

украденный предмет… и чрезвычайное богатство пострадавших.

— Робин Гуд х… — выплюнул честный бизнесмен. — А отловить его, когда продавать будет — никак?

— Мы думаем, что Соловей не нуждается в деньгах. Он не торговец, он коллекционер. Для него это своего рода искусство… и акт возмездия. Видите ли, по странному стечению обстоятельств, все без исключения пострадавшие лишились очень дорогих вещей с очень долгой и непростой историей… о которой они, увы, не имели ни малейшего понятия.

— То есть?

— Упомянутый вами Борис Алексеев, владелец украденного яйца Фаберже под названием «Памятное Александра Третьего», приобрёл его на аукционе «Кристи» за шесть миллионов долларов. Если я не ошибаюсь, сделал он это потому, что незадолго до покупки его коллега по бизнесу купил похожее, а Борис Иванович не хотел ударить перед ним в грязь лицом… При этом он искренне считал Карла Фаберже французом, а об Александре Третьем знал только, что он был императором. Вопрос о том, в каком веке он жил и какой страной правил, вызвал у Бориса Ивано-

вича крайнее затруднение.

— А какая на… разница?!

— Для вас — никакой, — легко согласилась я. — А вот для Соловья, видимо, огромная. Видимо, он счёл вас, Бориса Ивановича и ещё одиннадцать ваших товарищей по несчастью недостойными владеть подобными сокровищами.

— Меня?! Недостойным?!! Да я… — «котик» осёкся, но это явно стоило ему нечеловеческих усилий. — И что, за пять лет вы его не поймали?

— Мы пытались, поверьте. Но за пять лет у нас не возникло ни одного подозреваемого, — я запнулась, но повторила, — ни одного.

— И на… тогда нам нужна…

Я не слушала — хрустальная люстра и натяжной потолок вдруг прыгнули и унеслись куда-то, а вместо них я видела рампы и лепнину Малого Зала Консерватории пятилетней давности. Дело Соловья только попало ко мне — но тогда ещё не было клички «Соловей». А была коллекционная скрипка Амати, похищенная в нашем районе; её владелец, хозяин подпольного ломбарда, собиравшийся в ближайшее время выставить скрипку на аукцион; её прежний владелец, учитель музыки, заложивший семейное сокровище за десять тысяч долларов на лечение умирающей

дочери; и его любимый ученик, в день кражи гулявший на дне рождения своего друга в обокраденном доме. Связь между двумя последними элементами я уловила первой: потому и была в свои двадцать пять старшим следователем, что отличалась каким-то животным чутьём и раскрывала «глухари», которые тихой новенькой кидали для галочки. Разузнав всю подноготную бывшего владельца «Амати» (у того было железное алиби — всю ночь провёл в палате дочери) и прослышав о талантливом Алёшеньке, который питал к своему первому учителю самые нежные чувства, я вдруг ощутила знакомый укол в сердце. Дело нечисто! Никаких следов, ни одной зацепки: друзья Алёшеньки хором уверяли, что тот всё время был на виду, разве что в уборную удалялся, но… чтобы убедиться в своей правоте, мне обычно требовалось всего-навсего взглянуть в честные глаза подозреваемого. А найти улики — дело техники, если знаешь, где искать.

Полюбоваться на таинственного Алёшеньку, не привлекая его внимания, проще всего было при его выступлении на очередном туре конкурса Чайковского. Посмотреть из зрительного зала, подойти поздравить с удачным выступлением… Ничего подозрительного. Тогдашний

июнь душил жарой; в тот день небо хмурилось и ворчало, не спеша приносить москвичам дождливое облегчение. Усевшись на первом ряду балкона рядом с возбуждённо хихикавшими студентками, я отложила бинокль, облокотилась на парапет и первые два часа честно продремала под мелодичный сценический скрип. Наконец объявили вожделенное имя, я вскинула голову и уставилась на объект наблюдения: молодого человека в чёрном, почти мальчика — тонкого, звонкого и нервного, как его скрипка. Он вскинул смычок, возвёл глаза кверху. Улыбнулся чему-то.

В окна, будто только того и ждал, заколотился ливень — а из скрипки вырвалась музыка. Словно кристально чистая вода, высеченная пророком из скалы, она разливалась по залу, и смычок взлетал и парил, а пальцы молниями метались по струнам, и замирали, и таяли, и мелькали в магических гармониях, мелодиях и пассажах…

Первое в своей жизни «Браво» я крикнула, казалось, помимо своего желания. А когда приблизилась и взглянула в эти карие, на прорезавшемся солнце отливавшие золотом глаза — я поняла, что укол в сердце, всегда значивший «нашла!», теперь имеет странную вариационную окраску.

Чутьё не случайно привело меня тогда в Ма-

лый Зал. Я не поймала Соловья, — официально прозванного так год спустя, — но зато приобрела нечто куда более стоящее.

Когда мы поженились, Лёшка признался, что тогда из пёстрой восхищённой круговерти он выделил только мой взгляд: цвет изменчивой февральской лазури, кошачья хищническая цепкость — и изумление атеиста, узревшего неопалимую купину на грядке собственного огорода. «Как осторожно вошла в моё сердце, — шутливо напевал он попсовый мотивчик, — твоя золотая стрела»…

— Э, вы меня вообще слышите?

— Вряд ли вышесказанное вами нужно заносить в протокол, а речи не для протокола меня не касаются, — вынырнув из собственной памяти, хладнокровно отозвалась я. — Что ж, я вам рассказала, что знаю, теперь закончим с вами. Если вы выговорились, продолжим, не возражаете?

— Пренеприятнейший тип, — буркнула я, покидая особняк час спустя.

— Как и двенадцать предыдущих, — весело подтвердил Коля. — Молодец Соловушка, ничего не скажешь… Есть идеи?

— Поеду просматривать кассеты, — я посмотрела на пакет в руке. — Сомневаюсь, что поможет,

но вдруг?

— Ничего, может, в следующий раз… И на старуху бывает проруха.

— Да, и проверим общих знакомых нового пострадавшего и Бориса Алексеева. Два обокраденных приятеля… Личные мотивы? Это может быть зацепкой.

— Может, — Коля галантно распахнул передо мной дверцу машины. — Садись, подвезу до дома.

— Спасибо, — ещё раз поблагодарила я, покидая авто у родного подъезда.

— Всегда пожалуйста. Лёшке привет! Когда там ближайший концерт?

— Он на гастроли в Англию уезжает на следующей неделе. А через месяц в Доме Музыки играет, хочешь, приходи.

— При организованной контрамарочке — почему бы не прийти? — подмигнул коллега. — Тем более что Машка от муженька твоего без ума. Гляди, конкурентка подрастает!

— Ага. Красивая она у тебя, — искренне ответила я. — К тому же музыкант, в отличие от некоторых.

— Соседи уже воют. А я не спешу их расстраивать, что мы ещё школу не кончили и в консер-

ваторию собираемся, — хохотнул Коля. — Удачи! Поехал со своим разбираться…

И, махнув рукой в кожаной перчатке, укатил, перед въездом в арочную подворотню огласив двор прощальными гудками. Покачав головой — как дитё малое! — я достала ключ, выслушала комариный писк домофона и шагнула в подъезд.

— Есть кто дома? — крикнула с порога в тихий тёмный коридор.

— Куда денемся, — откликнулись из комнаты. — Сейчас, добью тут одного…

— Опять шахматы? — скинув сапожки, я босиком прошла внутрь — плитка с подогревом для озябших ног была как нельзя кстати. — И как дела?

— Шах и мат, — зевнул Лёшка, в этот самый момент совершив финальный клик. — Восемнадцать ходов. Почти «шотландская партия» на острове Святой Елены[2], должен тебе сказать.

— Твой любимый Наполеон?

— Он самый. Противник, конечно, не генерал Бертран, но приятно силён, — он захлопнул крышку ноутбука и крутанулся на стуле, поворачиваясь ко мне. — Ну как?

---

[2] Примечания: 2
предсмертная шахматная партия Наполеона Бонапарта.

— Алмаз «Джонкер»… Ювелирная работа, — я взглянула на мужа: он походил на мальчишку, в кои-то веки убравшегося в комнате и теперь пытливо заглядывающего в мамины глаза, надеясь на поощрение. — Ты безупречен, как всегда.

Он не улыбнулся, но глаза его просияли.

Он никогда не рассказывал мне о «делах» заранее: моя реакция должна быть естественной — даже для самой себя.

— В этот раз пришлось повозиться, — небрежно заметил он. — Но ты, судя по всему, мной довольна?

— Ещё бы, — подавив тяжёлый вздох, я взъерошила ему каштановые кудри.

Чутьё никогда меня не обманывало. Его — тоже. Следствие зашло в тупик, и год мы играли в странную игру, кошки-мышки, где оба знают, что другой знает, но не могут и не хотят рушить сложившуюся ситуацию. А потом Алёшенька пришёл ко мне с предложением руки и сердца — и с повинной. Тогда я в первый и в последний раз в жизни увидела чёрный чемодан, где скрипка Амати покоилась по соседству с жемчужным ожерельем Александры Фёдоровны Романовой и подлинником «Букета фиалок» Мане; тогда его послужной список насчитывал всего три

блестящих ограбления. Я до сих пор не знаю, где он хранит свои сокровища; он лишь говорит, что меня ни в чём не смогут обвинить и, даст Бог, по истечении срока давности он пристроит их в хорошие руки. А если не он, так кто-нибудь другой.

Ещё он говорит, что всего их будет двадцать четыре. Законченный опус: как каприсы Паганини, как прелюдии Рахманинова и Шопена.

С артистической лёгкостью, так ему свойственной, он протянул мне весы, на одной чаше которых лежала его жизнь, а на другой — смерть; и от одного моего слова зависело, погубить его или помиловать. Он любил меня, он не хотел мне лгать. И он готов был принять от меня, — одной меня, — смертный приговор, будь на то моя воля.

Вор и следователи — вещи несовместные. Враги, осуждённые пребывать по разные стороны черты.

Но всё дело было в том, что стоило мне взглянуть в его глаза, и я поняла, что отныне моя сторона — там, где бьётся его сердце, звучит его голос и спорит с вечностью его скрипка.

Через две недели будет очередной аукцион, и вскоре он — через десятых лиц, естественно — узнает об очередном нечистом на руку богаче, купившемся на престиж, но не имеющем ни

малейшего понятия об истинной ценности сокровища, попавшего в его руки: не видящего его красоты, пропитывающей его Истории.

Эх, Лёшка, Лёшка… Соловей мой, разбойник и ночной певец…

— Утешаю себя только тем, — всё-таки произнесла я, — что я всё равно тебя поймала… в каком-то смысле.

— Ещё бы! Оковы обручального колечка куда прочнее тюремных наручников, чтобы ты знала. В старину так точно были, а нам стоит брать пример с наших славных предков, — он поймал мою руку. Поцеловал вначале её, а потом кольцо с крупным бриллиантом на безымянном пальце. — Не помнишь, на чём мы остановились утром?

— Папагено, — мигом приуныла я.

Склонив голову набок, какое-то время он созерцал моё лицо. Потом улыбнулся — мягкой улыбкой кота, запертого на ночь в молочной лавке.

— И это тоже, — согласился он, подхватывая меня на руки. — Но чтобы иметь возможность принести тебе кофе в постель, сначала надо тебя туда уложить.

Марина Ли
ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

Изнурительный день, полный бесконечных тревог, закончился в душе. Я повесила на крючок халат, положила на деревянную скамеечку сумочку с бельем и косметикой, завернулась в полотенце и на цыпочках вбежала в пустой гулкий зал с душевыми ячейками.

Я не слышала скрипа открываемой двери, но успела почувствовать, как холодок сквозняка метнулся мне в ноги, а затем мою талию обхватили сильные руки, и теплое дыхание коснулось моего уха:

— Ты должна мне, — сообщил Арсений и переместил свои ладони до моих подмышек, от чего сердце моментально ухнуло с места в галоп.

— Должна? — я стукнула его по рукам и оглянулась. — Тебе?

— А кому же еще? — он позволил мне развернуться в кольце своих рук и хитро блеснул глазами, втянув нижнюю губу и прижав ее зубами. — Я же делился с тобой водой в мужской день.

Я смутилась, потому что вспомнила о том, как мы столкнулись с ним здесь в самом начале нашего знакомства. О жарком взгляде, о каплях воды, стекающих по смуглой коже, о губах, нетерпеливо дрожащих на расстоянии, слишком далеком для поцелуя…

— О, вижу, ты тоже помнишь о той ночи! — он мечтательно заломил бровь и прошептал едва слышно:

— Надо обновить воспоминания.

А после этого толкнул меня к стене, я же зашипела, когда моих лопаток коснулся холодный кафель.

— Холодно!

— Извини. Сейчас согрею, — и прижался ко мне, обволакивая своим теплом.

— М-м-м, — промычал, ведя носом по моей безвольно открытой шее. — Как же ты пахнешь!

— Ка-ак?

— Как женщина, которая должна стать моей навсегда.

Я задохнулась от важности его слов, от обещания, звучащего в них, от намека на что-то большее, о чем ни он, ни я не говорили пока вслух. Ну и еще, конечно, от того, что Арсений крутанул вентиль на стене и обрушил на нас

поток ледяной воды, одновременно сдирая с меня полотенце и выбрасывая его в общий коридор.

— Зачем оно? — удивился наигранно и, хмыкнув, пояснил:

— Намокнет же.

Вот тут я и сделала первую стратегическую ошибку: заглянула ему в глаза, сразу же нырнув в уже знакомую кофейную бездну, жаркую, как ночи на побережье, когда галька впивается в пятки круглым боком, а морская волна с удовольствием облизывает твои колени, обещая все мыслимые наслаждения ночного заплыва.

Ну, если бы я когда-то бывала на ночном берегу, то это все обязательно выглядело бы именно так. Сейчас же, у края бездны, обещающей наслаждение, я отшатнулась, испуганно вскинув руки к груди, чтобы закрыться от пронзительного мужского взгляда.

Арсений гулко сглотнул и прохрипел:

— Поздно.

— Что? — пятиться было некуда, поэтому я просто отвела глаза, сгорая от внезапно накатившего стыда и страха.

— Я уже все рассмотрел, — он с усилием отвел мою правую руку и прижал ее к стене у моей головы. — И в первую очередь… — симметрично

правой легла левая рука, — это.

Северов слегка наклонил голову, и я поняла, что он смотрит на мою грудь, на сжавшиеся в ожидании ласки ореолы и на бесстыдно заострившиеся соски.

— С ума сойти, до чего красиво!

Он оторвался от созерцания явного свидетельства моего возбуждения и посмотрел мне в глаза. Внезапно оказалось, что во рту у меня пересохло, а сама я трясусь, словно лишенный вожделенной дозы наркоман, и едва ворочая языком, скриплю песком в голосе:

— Просто вода холодная.

— Я так и понял, — слишком торопливо согласился он. — Не двигайся.

Правая рука парня выпустила из своего плена мое левое запястье и ушла в сторону, чтобы подкорректировать температуру воды (хотя мне, откровенно говоря, и без того уже давно было очень и очень жарко), а затем вернулась, скользнув кончиками пальцев под грудью. Так нежно и одновременно так жарко. С ума сойти! Я неосознанно прогнулась, мечтая о том, чтобы пальцы скользнули немного выше, уже почти готовая признать свое поражение. Давно готовая…

— Я же не велел тебе двигаться, — прохрипел

Арсений у моего уха и, словно в наказание, прикусил мочку, от чего мои ноги немедленно стали ватными, а руки опустились на смуглые плечи.

— Прости, — просипела я и кашлянула в попытке вернуть голосу прежний тембр. Какое там! Я в следующий момент, по-моему, вообще лишилась голоса, потому что парень поднес мою руку к своему лицу и, закрыв глаза, поцеловал ладонь, голубую жилку на запястье, пощекотал языком кожу на локтевом сгибе. Подумать только, как много, оказывается, можно получить удовольствия, когда кто-то целует тебе руки… Нет, не кто-то. С какой-то самоубийственной ясностью я вдруг поняла: не кто-то, а именно он, только он.

— Арсений, — скорее выдохнула, чем произнесла, — Сеня…

Он поцеловал мое плечо, а затем снова заглянул в глаза, и столько в его взгляде было откровенного нетерпения, столько обнаженного желания и такого обжигающего ожидания, что я не выдержала и совершила вторую ошибку за вечер. Я набрала полную грудь воздуха, и безропотно повторила движение мужских губ напротив:

— Я так тебя хочу.

Он замер, словно не веря, наклонился, чтобы вслушаться в шепот, почти не слышимый за

шумом воды:

— Пожалуйста.

— Оля! — он обхватил меня за талию, вжимая в себя, торопясь поделиться со мною своей страстной жаждой, поднимая над полом до тех пор, пока моя грудь не оказалась на уровне его рта.

— Хочу попробовать, — прохрипел Арсений, и теперь его дыхание показалось мне прохладным — настолько раскалилась моя кожа, — какая ты на вкус.

Он медленно облизал мой сосок, который своим окаменевшим видом буквально умолял об этой ласке, а затем нетерпеливо втянул его в рот, прижимая языком и хрипло постанывая от удовольствия.

— Везде, — мурлыкнул он, проводя языком по ложбинке между моими грудями, чертя дорожку ко второму соску, — везде.

Молочный пар в душевой вдруг стал густым, каждый вдох давался с трудом, легкие болезненно раздавались, втягивая влажный воздух и совершенно не насыщая кровь кислородом. Именно поэтому, наверное, темнеет в глазах. Поэтому голова идет кругом, поэтому, а не из-за того, что вытворяет с моей грудью этот бесстыдный рот.

Я совершенно покорена, я полностью открыта.

Я буквально умоляю о каждой следующей ласке абсолютно любым движением своего тела. А Арсений вдруг останавливается, замирает, часто дыша и откинув голову назад. Я вижу как вздрагивает его горло и неосознанно тянусь губами к его шее.

— Тоже хочу, — хриплю я, — попробовать.

И языком — снизу вверх — до мочки уха, с каким-то садистским наслаждением прислушиваясь к хриплому рыку, следующему за движением моих губ.

Руки с моей талии скользят на бедра и сжимают, снова приподнимая, раскрывая, заставляя обхватить торс ногами. И я выдыхаю долго и протяжно, остро наслаждаясь новым ощущением.

— Это… — не голос, хрип, пытающийся выразить словами невозможное.

— Охренеть, — грубовато рычит Северов, видимо, как и я, утратив возможность подбирать слова и складывать их в предложения.

Он поднимает меня выше, и мое тело, тесно прижавшись к его, скользит вверх по влажной коже.

— Охренеть, до чего хорошо, — выдыхает мне в рот и, наконец, целует.

Я впиваюсь пальцами в его плечи, я ногами

крепко сжимаю его талию, мне хочется раствориться в нем, вирусом проникнуть под смуглую кожу и остаться там навсегда, потому что жизнь без него — это пытка, пытка, лишающая дыхания.

Я дрожу, пытаясь перехватить инициативу в поцелуе, я повторяю каждое движение языка. Я хочу. Я так хочу тебя. Только тебя. Навсегда.

— Моя… — руки сжимают ягодицы, наверняка оставляя на них след, но мне все равно, я вскрикиваю от наслаждения, которое тесно граничит с болью. И я не знаю, чего я хочу больше — продлить это странное чувство или шагнуть дальше, оставляя его за собой.

— Моя, — повторяет Арсений.

— Твоя, — безмолвно соглашаюсь я, не понимая, куда вдруг исчез жаркий рот.

— Твоя, — испуганно повторяю, все еще не веря в происходящее.

— Только твоя! — кричу, раненым зверем, но реальность уже выдирает меня из моего сна, как всегда, грубо и жестко.

Душевая, наполненная паром, исчезла, а Северов растворился без следа. Есть только я, только моя спальня в Пансионе. Только боль неудовлетворенного желания и неутешительная в своей

очевидной безысходности мысль: он нужен мне, как воздух, мой Арсений Северов.

Алина Лис

НАКАЖИ МЕНЯ!

— Может, вот эту шляпку?

— Ага. Безусловно. Шляпка — то, что надо. Именно! — говорит он, не отрывая взгляда от парящего в воздухе светящегося шара, заполненного жидким зеленым огнем. Повинуясь движениям его пальцев, шарик медленно съеживается вослепительную светящуюся точку.

— Ты не смотришь!

— Я и так знаю, что у сеньориты безупречный вкус.

Из точки проклевывается тонкий росток. Вздрагивая, точно живой, тянется вверх, раскрывая тонкие листочки. Фантом мигает, меняет окрас на ярко-оранжевый и на вершине стебля расцветает бутон.

— Как я выгляжу?

— Ослепительно, как всегда.

В центре цветка угадывается фигурка крохотной обнаженной женщины с тонкими стрекозиными крылышками за спиной.

— Элвин!

— Мммм?

— Ну, посмотри же на меня!

Муж не слышит. Его лицо сосредоточено, брови нахмурены, пальцы мелькают в воздухе быстро-быстро.

Музыкант, исполняющий сложнейший пассаж.

Маг за работой.

Обычно я люблю наблюдать, как он тренируется, оттачивая мастерство, но сейчас это зрелище только злит. Зря я что ли полчаса уговаривала его посмотреть на мой наряд?

Кладу руку ему на плечо:

— Элвин!

Цветок идет рябью и расплывается некрасивым пятном. С чувством выругавшись, Элвин сминает его, как неудачный черновик. В воздухе повисает едкий запах гари.

— Франческа, ну что ты творишь? Разве я лезу к тебе, когда ты штудируешь законы?

— Я не штудирую законы, когда мы собираемся на прием.

— У меня не было выбора. Иначе я рисковал умереть от скуки, ожидая пока сеньорита определиться.

— Так помоги мне. Какая шляпка лучше.

— Эта, — кивает он, не глядя.

— Подожди, я померяю.

— Ни в коем случае! Не заставляй меня в этом участвовать или я вынужден буду честно сказать все, что я думаю о твоих шляпках.

Я с досадой кусаю губы. Ну вот — напросилась, называется.

— Они так ужасны?

— Радость моя, — проникновенно говорит Элвин. — Ты могла бы поехать не только без шляпки, но и без платья. Зачем прятать красоту?

Да уж. Мой муж знает толк в комплиментах.

* * *

Я пытаюсь выйти из кареты, но на последних ступеньках Элвин подхватывает меня за талию, чтобы поставить рядом с собой.

— Я и сама могу спуститься! — притворно возмущаюсь я, даже не пытаясь высвободится из его объятий.

— Договорились. В следующий раз все сделаешь сама, — хмыкает он, целуя меня за ухом. Там, где под тонкой кожей бьется голубая жилка.

От мимолетного прикосновения горячих губ по телу расходится сладкая дрожь. Ноги слабеют, чтобы не упасть, я обнимаю своего мужчину. Перед закрытыми глазами встают непристойные, но такие возбуждающие картинки, и я вдруг

понимаю, что шнуровка платья затянута уж слишком туго…

Элвин мгновенно ловит мой изменившийся настрой. Прижимает к себе крепче и целует еще раз — теперь в полураскрытые губы. Настойчиво и властно, поцелуем, который способен воспламенить и монахиню.

Забыв обо всем, кроме друг друга, пьяные объятиями и прикосновениями, мы так и замираем у входа во дворец княгини.

— Может к грискам этот прием? — выдыхает он, прерывая поцелуй.

— Нельзя. Ты же знаешь.

— Ладно, — мурлычет он мне на ухо. — Во дворце княгини полно уютных чуланчиков, сеньорита. И мы еще не все из них опробовали.

— Нет.

Кровь бросается мне в лицо, как всегда, когда я вспоминаю о том случае, когда поддалась на его уговоры.

В чулане было тесно, стояли какие-то ведра, тазы, швабры. Элвин притиснул меня к стене и долго, ругаясь, задирал одежду — как назло, в тот день я надела пышное платье со множеством юбок. Было неудобно и безумно страшно, что нас застанут. Я балансировала на одной ноге, цепля-

лась за его шею, чтобы не упасть, и кусала губы. В голове билась одна-единственная мысль «Только не стонать!». А не стонать было невозможно — он врывался в меня резко, глубоко, и мое тело отзывалось сладостными спазмами на каждое движение. Хотелось кричать в голос от осознания своей развратности, порочности, от обжигающего стыда и такой же обжигающей похоти…

Шаткий шкафчик рядом трясся в такт нашим толчкам, и в этот момент я услышала за дверью рядом голоса — мимо шли фэйри. Я представила, как кто-то из них, привлеченный звуками из чулана, заглядывает внутрь, чтобы увидеть нас. Меня. У стены, с раздвинутыми ногами, лиф расшнурован, юбки задраны, одна нога лежит у него на бедре, а он берет меня прямо так, не снимая одежды, как шлюху…

Невыносимо стыдно и страшно. Сладостная отрава этого страха и стыда стала последней каплей! Я прокусила себе губу до крови, чтобы не закричать, но даже не заметила этого. Слишком хорошо, мучительно-хорошо было. Фэйри остановились за дверью, перемолвились несколькими словами, послышался смех. Мы замерли, сдерживая стоны.

Стоит мне закрыть глаза и вызвать в памяти

этот чулан, я вспоминаю то мгновение. Стыд, страх, безумное возбуждение, сводящее с ума ощущение мужчины внутри, горячие и жадные губы, сильные пальцы, стискивающие ягодицы — позже оказалось, что он наставил мне синяков.

И голоса фэйри за хлипкой дверью.

Наслаждение было невероятным. Долгим, почти болезненным. Мы, задыхаясь, сползли по стенке. И еще минут двадцать просто сидели в обнимку. Не осталось сил даже на разговоры.

А потом я почувствовала себя ужасно развратной и грязной. Чуть не расплакалась. Элвин поцеловал меня в нос и сказал, что я маленькая ханжа. Но совершенно изумительная и замечательная ханжа.

Когда мы выбрались обратно к гостям, княгиня все поняла по моим припухшим губам и растрепанной прическе и не уставала весь вечер тонко издеваться по этому поводу. И я сидела с каменным лицом, внутри умирая от стыда, и делала вид, что не понимаю ее намеков.

Элвин же только потешался, наблюдая это зрелище. Его таким не проймешь, он абсолютно бесстыжий.

Нет уж! Пусть я до сих пор обмираю от возбуждения при мысли о том чулане, повторить

подобное я не готова. Не сегодня.

И вообще никогда!

* * *

Прием в самом разгаре. Мы проходим меж фэйри, приветствуем знакомых, улыбаемся в ответ на фальшивые улыбки и повторяем вежливые, ничего не значащие фразы.

Временами Элвин дотрагивается до меня — словно невзначай. Подает бокал с вином, придерживает за локоть, поправляет и без того идеально сидящую брошь на корсаже. Каждое такое действие сопровождается многозначительной улыбкой и раздевающим взглядом, от которого по телу разбегаются сладкие мурашки.

Еще хуже становится, когда он, склонившись к моему уху, с совершенно серьезным лицом отпускает возмутительное и возбуждающее замечание по поводу моего декольте.

Вот ведь бесстыжий!

Я следую за ним, как в тумане. Кровь стучит в висках, хочется запустить руку в короткие пепельные волосы, прикоснуться ладонью к свежевыбритой щеке, поймать отзвук своего желания в глубине голубых глаз.

Как он это делает?! Как без малейших усилий,

без красивых слов и изысканных комплиментов заставляет меня желать его снова и снова? Забывать о приличиях, становиться похотливой мартовской кошкой в его руках…

Жизнерадостное «Элвин!" вырывает меня из мучительных и сладостных фантазий.

— Риэн!

Братские объятия вместо чинного рукопожатия на приеме — нарушение всех правил, но когда Элвин следовал этикету?

Я с любопытством рассматриваю очередного побратима своего мужа. Элвин не особо спешит знакомить меня с родней, за десять лет, что мы вместе, я видела только троих его родственников…

Как всегда, когда я вспоминаю об этом, хочется кусать губы от досады и надумывать лишнего. Лепить из пичуги дракона.

Элвин же не специально прячет меня от сестер и братьев. Просто… не общается с другими Стражами. И он так и не женился на мне по законам фэйри, значит, в их глазах, я — никто.

Рабыня. Фамильяр. Кошка.

Нет смысла врать самой себе — мне обидно.

…мне не угодишь. Мой второй муж обожал хвастаться мною перед родственниками. Я воз-

ненавидела всех этих троюродных кузенов и двоюродных братьев тетушки уже на третий день после свадьбы.

— Сеньорита, разрешите представить вам седьмого Стража. Этого разгильдяя зовут Риэном. Ну а вам он заочно знаком под именем А. Ландри.

Щеки ожигает жаром.

Ландри?!

Тот самый А. Ландри, автор чувственных и скабрезных романчиков для мужчин?!

Нет, разумеется, я вовсе не читаю такие пошлости! Так… несколько раз полистала, найдя в библиотеке Элвина. Ну и увлеклась против воли. В книге обнаружилось не только бесконечное описание разнообразных совокуплений, но и довольно бойкий сюжет. А кое-какие идеи, почерпнутые из книжки, я потом применила на практике, приятно удивив своего мужчину.

При мысли, что брат Элвина — автор этих порнографических фантазий я против воли безудержно краснею.

А он красив, пусть и в его красоте чуть больше сладости, чем обычно простительно мужчине. Длинные золотые волосы, тонкие вдохновенные черты лица, которые подошли бы скорее фэйри, и блудливые зеленые глаза. Я почти ощущаю

кожей, как скользит по мне его взгляд, задерживаясь в вырезе декольте. Чувственные губы расплываются в улыбке:

— О, это ли тот самый восхитительный цветок, который ты прятал от всех нас так долго?

— «Восхитительный цветок»-фе, — Элвин кривится. — Всякий раз, когда кажется, что хуже уже быть не может, ты открываешь новые горизонты, — и уже мне, — будьте осторожнее, сеньорита. Риэн — настоящий мастер нести приторную чушь. Наверняка вы заметили эту его очаровательную манеру еще по книгам. Все эти «раскаленные клинки страсти" и «любопытные жемчужины». Если не остановить его вовремя, можно потонуть в сладкой галиматье. Риэн, это Франческа. Моя жена.

Всего лишь «это Франческа»?! И никакого «прекрати на нее пялиться»!

Опускаю ресницы, чтобы скрыть свое разочарование.

Знаю, это неправильно, но ничего не могу с собой поделать. Я хочу, чтобы муж иногда ревновал. Чтобы проявил себя тираном и собственником. И чтобы все вокруг понимали — дело именно в ревности, а не приступе дурного настроения. Хочу, чтобы он заявил свои права на меня — бес-

компромиссно и властно, подтверждая, как я ему дорога.

Я даже согласна, чтобы он в этой ревности запрещал мне общаться с некоторыми мужчинами. Такими, как Риэн, например. Клянусь, что была бы послушна этому запрету…

Глупое бабское желание.

Риэн целует мне пальцы, умудрившись задержать ладонь в руках на мгновение дольше, чем положено приличиями, и рассыпается в пустых восторгах.

Обычно я не любительница ювелирных комплиментов. Рубиновые губки и перламутровые зубки — верх пошлости. Хуже только сравнить женщину с каким-нибудь цветочком.

Но сейчас я милостиво улыбаюсь банальностям Риэна.

Буду флиртовать, раз мой муж не спешит охранять мою нравственность.

Элвин продолжает пренебрежительным тоном, словно не замечая внимания ко мне со стороны его брата:

— Риэн гордится тем, что пишет только о том, что опробовал на практике. В некотором роде его писульки — автобиографичный материал. Это делает их особо интересными для знакомых

и родственников. А ты еще жалуешься на мое бесстыдство.

Риэн радостно вспыхивает, словно услышал не насмешку, но похвалу своему таланту писателя:

— Вы читали мои книги, прекрасная леди?

Да, читала! Особенно ту, «Любовь на троих», с возмутительно откровенными литографиями и препохабнейшим сонетом в начале. Сонет я даже выучила наизусть. Не специально, о нет! Просто перечитывала несколько раз, и непристойные строки сами собой поселились в моей голове. Стоит вспомнить о них, как тут же всплывает:

Тот воин,

Что ребячьим дротиком в чрево метит,

Ледяной лишь клизмы, подлец, достоин.

Пусть уж лучше мальчиков он валетит.

Только тем, кто крепко и щедро скроен,

Как вот я, жемчужина лона светит.

Возмутительно!

Я еще подыскиваю слова для гневной отповеди,

когда Элвин склоняется к моему уху, чтобы прошептать «Вы очаровательны в своем ханжестве, сеньорита».

Почему ему так нравится меня смущать? И откуда он вообще знает, что я читала ту гадкую книжонку?!

Неловкую паузу прерывает появление княгини Исы. Мгновение назад пожиравший меня взглядом Риэн склоняется над ее рукой, чтобы повторить уже знакомый ритуал, и бормочет что-то про серебро волос, кораллы губ и жестокую красоту сапфировых глаз…

Иса улыбается — надменной улыбкой знающей себе цену женщины.

— Дорогая, я ненадолго украду твоего супруга, — говорит она не терпящим возражения тоном. — Элвин, мне нужен совет!

— Уверен, что бы это ни было, княгиня прекрасно разберется без меня.

— Ах, лорд-Страж, вы всегда так забавно шутите, — она берет его под руку, вынуждая последовать за собой.

Я провожаю их взглядом.

Сколько можно?! Почему это повторяется раз за разом?

Знаю, что глупо обижаться на Элвина. Княгиня

— правительница домена, он не может ответить отказом на ее просьбу. Знаю и что глупо ревновать к прошлому, каким бы оно ни было. И все равно…

Я спокойно отношусь к красоткам фэйри, которые вьются вокруг моего мужа, мне даже льстит мысль, что он привлекателен для других женщин. Но Иса!

Княгиня любит испытывать чужие души. Или «испытывать" не совсем справедливое слово?

Вернее будет «пытать».

Эта женщина — аристократичная, блистательная, выдержанная в каждом жесте и взгляде, была и есть для меня загадка. Бывшая любовница моего мужа, мой добрый гений и мое проклятье. Каждый раз, когда вижу ее беседующей с Элвином, мне хочется, наплевав на приличия и гордость, подкрасться и подслушать. И, должно быть, она догадывается о моих чувствах, потому что не устает меня дразнить. Моему мужчине всегда достается чуть более ласковая, чем всем прочим, призывная улыбка, а иногда и прикосновения…

В такие минуты я представляю, как превращаюсь в кошку, чтобы расцарапать ее совершенное личико.

Хорошо, что Элвин тоже понимает цену нежным взглядам княгини и держится с ней подчеркнуто холодно и вежливо.

— Не ведись, — как-то сказал он, когда мы возвращались с приема, на котором княгиня весь вечер не отпускала его от себя. — Иса развлекается, не играй в ее игры.

Он прав.

Чтобы смыть горький привкус ревности, я отхлебываю охлажденного игристого вина из поданного Риэном бокала.

— Боюсь, я мало что запомню из сегодняшнего вечера, — с грустным вздохом говорит брат Элвина. — Кроме сияния ваших божественных глаз.

— Гранитных, — подсказываю я.

— А… — он озадаченно хмурится.

— Мои глаза серые, лорд Риэн. Некоторые льстецы умудряются сравнить их с мельхиором, но сделать это, не погрешив против истины, невозможно. Остается неблагородный гранит или еще более плебейский кремний. Весьма неудобно, не так ли?

Отповедь не смущает красавчика. Он улыбается, все так же облизывая меня восторженным взглядом, чуть склоняется и шепчет:

— Кошачий глаз.

— Что?

— Кошачий глаз. Он серый и сияет перламутром. В нем загадка. Глупцы находят кошачий глаз не таким привлекательным, как вульгарные самоцветы, но я скажу — он прекрасен! Неброская красота и скрытая за ним тайна завораживают. Невозможно оторваться от его чарующей глубины, — с придыханием говорит Риэн.

Наивное бесстыдство или находчивость собеседника тому причина, но я вдруг улыбаюсь в ответ — благосклонно и призывно.

* * *

На застекленной террасе лишь чуть холоднее, чем во дворце. За незримой преградой в сиянии разноцветных фонарей парят крупные снежинки. Небо темно и беззвездно, зависшие в воздухе огни рисуют по нему палитру света, от алого до темно-синего. Не меньше сотни фонарей, и каждый следующий на тон темнее предыдущего. Словно какой-то чудак мазнул кистью, оставив радужный след на полотне ночи.

Будь рядом Элвин, мы бы поняли друг друга без слов. Просто сплели бы пальцы рук и стояли, любуясь, как снежинки опускаются, меняя цвет…

Риэн не такая плохая замена своему побратиму.

С ним легко. Он болтает, перескакивая с темы на тему, рассыпается в комплиментах, смотрит восторженно и страстно. Он даже смешит меня, и я смеюсь вполне искренне. Шутки Риэна мало походят на язвительные остроты Элвина, они жизнерадостны и полны любви к миру, как он сам.

С ним даже интересно. Возможно, потому, что в основном мы беседуем обо мне. Нет, я не наивная дурочка и понимаю, что на моем месте могла быть любая женщина. Цена таким комплиментам — четверть пенни в день большой ярмарки.

И все же приятно.

— Почему вы носите ошейник, а не браслет? — шаловливые пальцы в нарушение всех границ поглаживают черную полоску на моей шее и как бы невзначай касаются кожи. — Как рабыня.

Надо бы возмутиться, но мне слишком хочется восхищенных комплиментов Риэна. Муж не балует меня красивыми словами, он не любитель говорить о том, что чувствует, и куда искуснее в насмешках, чем в признаниях.

— Потому, что я принадлежу Элвину.

— Как же так получилось?

Почти против воли рука тянется к ошейнику.

Не просто знак принадлежности моему муж-

чине и не просто символ рабского статуса. Творение злого чернокнижника, артефакт, заставляющий бездумно подчиняться приказам хозяина, если он того пожелает.

Я так давно ношу его, что уже не помню каково это — не чувствовать на горле мягкого, но властного охвата. Двадцать лет. Большую часть жизни.

Двадцать лет назад лорд-Страж купил меня у герцога Рино — моего отца. Увез из родной страны, надел ошейник. Странно вспомнить, как я его ненавидела…

Тогда мы оба не знали ни друг друга, ни о той особой связи, которую артефакт создал между нами.

Ошейник — наше благословение и проклятье. Причина, по которой я не старею. Причина, по которой мой мужчина не может жениться на мне — законы фэйри не дозволяют жениться на рабынях.

За бессмертие и вечную молодость нужно платить.

— Простите, я не хочу говорить об этом.

Риэн кивает. И снова рассыпается в комплиментах. Сравнивает меня с орхидеей, глаза со звездами, губы с лепестками розы, а волосы…

— …ваши волосы подобны темному грозовому облаку, — он протягивает руку, чтобы коснуться их. Мягкие пальцы очерчивают ушную раковину, спускаются ниже по шее, и сам Риэн подвигается чуть ближе. — От них пахнет жасмином и медом, на свету в них пляшут рыжие искры. Как маленькие молнии.

— Грозовые облака синие или черные. Ваш комплимент куда больше подошел бы брюнетке, лорд Риэн. Как видите, у меня не только глаза неудобного цвета.

— Поверьте, облака могут быть любого оттенка. Я помню, как наблюдал закат у пролива Никкельхольм с вершины одной из Великих Колонн, охраняющих проход в Срединное море. Огромные тучи нависали над водной гладью океана, и от мысли, что дальше на сотни тысяч лиг ничего, кроме воды и неба, от мысли о ничтожности что человека, что Стража перед этой бесконечной стихией, охватывало благоговение, — с каждым словом он склоняется все ниже и ниже, а голос падает до страстного шепота. — Закат окрасил волны, словно кто-то вспорол брюхо исполинскому зверю и залил воды кровью. А тучи над океаном уже утратили багрянец и окрасились темной охрой. Совсем как ваши прекрасные

кудри, леди.

О, Риэн — мастер живописать словом. Я почти увидела безбрежный океан, о котором грезила в юности, кровавые волны и тучи в тон моих волос.

— Рад сознавать, что сеньорита не скучала в одиночестве, — комментирует знакомый, полный яда голос.

Вздрогнув, я отстраняюсь и поворачиваюсь к выходу. Элвин стоит, небрежно облокотившись на дверь. Его лицо непроницаемо, руки сложены на груди.

Ну вот — доигралась. Как давно он здесь?

— Риэн рассказывал о своем путешествии.

— Он любит молоть языком.

Мягкой походкой хищника Элвин подходит ближе, на ходу разминая пальцы.

— Исчезни! — слово звучит как плевок.

Риэну не нужно повторять дважды.

Он покидает террасу неслышно, словно и впрямь в роду с фэйри, оставляя «богиню" расхлебывать последствия собственной глупости.

— Развлекаешься? — свистящим от ярости шепотом спрашивает Элвин.

Мне все же удалось вызвать его ревность. Как и хотелось.

Отчего-то я совсем не рада такому повороту. Одно дело мечтать, представляя, как твой муж властно запрещает тебе смотреть на других мужчин. И совсем другое — столкнуться с настоящей злостью и обидой близкого человека.

— Немного. Ты злишься?

— Нет, я просто счастлив, — и тоном, не допускающим возражений. — Собирайся, уезжаем.

* * *

Хорошо, что Элвин предпочитает ездить верхом. Полчаса в карете в одиночестве дают мне время собраться с мыслями, оценить ситуацию. И признать печальный факт: я сделала глупость.

Додумалась: флиртовать с братом мужа! Да еще на официальном приеме во дворце княгини. Красивых слов захотелось? От кого? Закоренелого бабника, который расписывает свои победы в мерзких книжонках?!

Или хуже того — ревности. Не я ли требовала от своего мужчины свободы и доверия?

Как же стыдно…

Я собираюсь сказать об этом, стоит нам переступить порог дома, но Элвин не дает мне сделать этого:

— Позже. Иди спать, Фран.

…глаза у него светлеют, становятся почти прозрачными, а лицо каменеет в маске ярости. Я вглядываюсь и не вижу за ней человека, которого люблю. Его нет, ушел, занят.

Складка меж бровей становится глубокой, кулаки и челюсть сжаты. Злится.

Даже не злится. В бешенстве.

Так бывает всегда, когда его тень берет слишком много власти. Зовет крушить, ломать, убивать. И все силы души направлены на то, чтобы не дать воли одержимой инстинктами бестии.

Больше всего Элвин боится утратить самоконтроль и натворить дел.

Надо бы уйти. Оставить его сражаться со своей тварью, не лезть под выстрелы. Я немного побаиваюсь, когда он такой. Но чувство вины и желание все исправить толкают под руку.

— Нет, сейчас. Я знаю, как это могло смотреться со стороны. Но поверь: ничего не было. И быть не могло.

И тут он взрывается:

— Какого гриска, Фран?! Нашла, с кем обжиматься в уголочке! С Риэном?! А приди я чуть позже, ты бы уже и ноги раздвинула?!

Лучше бы он меня ударил.

Он и так ударил. Словом можно высечь боль-

нее, чем плетью, мне ли не знать этого.

Только не разреветься! Только не плакать!

Сглатываю неуместные жалкие слезы. И говорю с холодной насмешкой:

— От Риэна я сегодня услышала десятки прекрасных комплиментов, а от тебя — оскорбление…

— Конечно, он же во всем лучше меня.

— Возможно, мне и впрямь стоило быть с ним поласковей.

— Давай, беги. Вдруг он еще не успел никого подцепить.

Отворачиваюсь к двери. Невыносима мысль оставаться здесь после случившейся ссоры. Ходить по комнате, накручивая себя. А как после спать в одной постели?! Почему у нас одна спальня на двоих? Почему раньше это никогда не было проблемой?!

Он ловит меня у двери. Сгребает в объятия, удерживает, притиснув к стене, молча пережидая мои вопли «Пусти!" и удары кулаками. Бесполезные, слабые удары — женщине никогда не совладать с мужчиной.

— Мне больно! — это ложь. Я просто пытаюсь заставить его разжать руки. Хочу сбежать, уйти, оставить его здесь — и пусть злится в одиноче-

стве, как и собирался.

Хочу сбежать. И хочу, чтобы он не дал мне сбежать. Чтобы задержал, остановил, показал, как я ему дорога.

— Прости, — выдыхает он мне на ухо. — Я не должен был говорить такого. Не уходи. Пожалуйста!

И злость, которая не давала слезам прорваться наружу, исчезает.

Я всхлипываю, а он гладит меня по голове. По-прежнему удерживая в объятиях, хватка у него стальная — не вырваться.

…да я и не хочу вырываться.

Тень отступила. Спряталась, скрылась, уползла в норы души. Остался только человек, которого я люблю. И я не хочу бежать от него в ночь, подняв свою обиду, как знамя. Не хочу возвращаться во дворец княгини. Не хочу, чтобы хоть кто-то знал о нашей ссоре.

— Ты тоже прости, — шепчу я, уткнувшись в его шею. — Мне не стоило флиртовать с Риэном.

Муж вздыхает:

— Это уж точно. Нашла ухажера! Этот парень любит все, что шевелится. Ты хоть знаешь, что на Эмайн Аблах не осталось ни одной не осчастливленной им девы?

— Про тебя говорят то же самое.

— Гриска с два! Я всегда был разборчив, — он снова заводится при воспоминании о сцене на террасе. — Радость моя, я понимаю, что тебе нравится кружить головы, но будь добра, выбирай объект для своих чар тщательнее. Или сеньорите так хочется, чтобы братец увековечил это рандеву в очередной писульке?

Я — героиня скабрезного романчика?!

Эта мысль приводит в ужас.

— Ничего не было!

— У Риэна богатая фантазия.

— Но почему?! Он же знает, что я — твоя жена.

Он улыбается грустно и чуть устало, целует меня в висок.

— Потому же, почему ты с ним обнималась. Азарт и нежелание думать. Раньше мы частенько ухлестывали за одними и теми же девушками. Иногда на спор.

— Прости. Это было очень глупо. И… мне стыдно, правда. Ну, не злись. Пожалуйста!

Снова вздыхает:

— Я не злюсь. Не на тебя.

— Не будешь устраивать сцену ревности и крушить мебель?

Теплая улыбка. Настоящая. Больше всего я

люблю его таким — открытым, близким, чуть уязвимым. Моим!

— Как в дешевой пьеске? Нет, пожалуй, воздержусь.

Поцелуй в уголок губ. И еще один — чуть выше, чтобы стереть суровую складку меж его бровей.

— Как я могу заслужить прощение?

Элвин ухмыляется. В его глазах снова пляшут лукавые искорки, которые мне так нравятся.

— «Служить за прощение»— это к святошам. Мое дело — грешить и сбивать с пути истинного честных квартерианок.

— О, вы жестоки, мой лорд, — подхватываю я предложенный тон. — Никакой епитимьи? Никакой надежды на искупление? Я-то надеялась: вы накажете меня, избавив тем самым от чувства вины и мук совести.

В глазах моего мужчины загорается опасный огонек.

— Наказаааать, — тянет он предвкушающим тоном, пока его палец очерчивает контур моих губ. — Мммм, какая замечательная идея, сеньорита.

Мне внезапно становится жарко.

— Я не это имела в ви…

— Раздевайся! — приказ в голосе, как щелчок

кнута.

Делаю шаг назад и замираю. Возбуждение накатывает откуда-то снизу живота, расходится по телу, заставляя вздыбиться каждый волосок на теле.

Пауза все тянется и тянется. Воздух вокруг, кажется, нагрелся. Я отступаю еще на шаг, к самой стене. Подчиниться? Спорить?

— А если «нет»? — в моем голосе звучит вызов. — Что тогда?

— Увидишь.

И снова напряженная, заполненная ожиданием тишина. Я понимаю, что хочу увидеть все, что обещает мне этот тон и этот взгляд.

— Тогда нет!

Он настигает меня уже на лестнице. Короткая безнадежная борьба. Я сопротивляюсь почти по-настоящему. Элвин перекидывает меня через плечо и несет в спальню, чтобы швырнуть на кровать.

Руки клещами перехватывают запястья, нога вторгается меж коленей.

Долгий, безмерно долгий возбуждающий поцелуй. Я отвечаю жадно и распутно, выгибаюсь, распятая в его руках, трусь о него всем телом, как кошка. Он отстраняется, нависает надо мной,

словно раздумывая, что сделать дальше.

— И это все, что я должна была увидеть? — насмешливо спрашиваю я.

Дразнить его увлекательно и немного страшно.

— Это только начало.

Он сводит мои запястья, легко удерживая их вместе одной рукой. Ощущаю кожей неприятный холод металла — этого плена не вырваться.

Тихий шелест покидающего ножны кинжала.

Я смотрю снизу вверх, тяжело дыша. Возбуждение мешается с испугом. Он не причинит мне вреда, но до этого в наших играх не было места заточенной стали.

Лезвие обрезает шнур, удерживающий полог, и занавес падает, отделяя нас от прочего мира. Элвин наваливается сверху, тянет меня за руку, чтобы привязать к столбику. Я шиплю, царапаюсь и отбиваюсь уже всерьез, прекрасно сознавая бессмысленность подобной борьбы.

Это знание мешается с вожделением. Я жду, я почти жажду, чтобы он сломил мое сопротивление. Потому что иногда мне нравится чувствовать себя беспомощной и покорной.

Осознание его власти пьянит сильнее любого вина.

— Так-то лучше.

Мои запястья примотаны к столбикам кровати. Мы оба тяжело дышим, на его щеке алеет свежая царапина. Я не хотела!

Он почти касается губами моих губ, я тянусь навстречу, впиваюсь в его рот, пускаю в ход зубы. Снова поцелуй, жадный, но короткий. Элвин отстраняется. Руки медленно, по-хозяйски гладят меня сквозь одежду, и я изгибаюсь, подчиняясь этой ласке. Хочу ощутить его прикосновения обнаженной кожей.

— Ты такая злючка. Может, оставить тебя здесь, чтобы подумала о своем поведении?

Смотрю на него в притворном гневе.

— Развяжи меня!

— Как можно? Мы же только начали.

— И как ты меня разденешь?

— О, это совсем не сложно.

В поле зрения снова появляется лезвие. Слышу треск ткани, холодная сталь плашмя касается кожи, и уже ничто не стесняет дыхания. Секундное сожаление по поводу испорченного платья.

— Я любила этот роб!

Его глаза смеются:

— Видишь, как вредно со мной спорить.

От одежды остались одни лохмотья. Он вы-

нимает шпильки из волос, зарывается лицом в распущенную гриву, пропускает прядь меж пальцев, гладит шею, касается ошейника. Затем медленно разводит мои ноги, проходится, поглаживая, горячими пальцами по внутренней стороне бедра и скатывает сначала один, потом второй чулок. Я нага и беспомощна, руки раскинуты в стороны — не закрыться от жадных взглядов. Кожа горит от возбуждения. Прикрываю глаза и тяжело дышу. Предвкушение едва ли не слаще того, что последует дальше. Я знаю, что он сейчас сделает. Или нет? Тело жаждет прикосновений, хочу, мечтаю ощутить его внутри, хочу его губ, его горячих рук…

Открываю глаза, чтобы взглянуть в расширенные зрачки. Элвин нависает сверху и тоже тяжело дышит. Наше дыхание смешивается.

— Возьми меня! Пожалуйста.

— Подожди.

Я смотрю как он раздевается, как подчеркнуто медленно, не отводя от меня взгляда, натягивает на протез перчатку. Это неповторимое, невероятное ощущение, когда знаешь, что сейчас тебя возьмет любимый мужчина. Это ожидание, возбуждение почти на грани терпимого.

А потом его губы и руки начинают странствие

по моему телу. Он нежен и не торопится. Элвин не любит торопиться. Его неспешность всегда бросает вызов моему нетерпению. Будь мои руки свободны, я бы знала, как заставить его забыть обо всем. Но сейчас я могу только стонать в ответ.

Пальцы поглаживают грудь, легко, едва ощутимо, как крылья бабочки, касаются напряженных сосков. У меня вырывается хриплый крик:

— Сильнее!

Но он только усмехается и продолжает неспешную нежную пытку. Правая рука ныряет меж бедер, я вскрикиваю, ощущая вторжение.

— Да, да, да, — шепчу, ощущая, как каждое движение возносит меня чуть ближе к сладкой волне. Я почти готова нырнуть в это восхитительно-бездумное марево, когда его пальцы вдруг покидают мое тело.

— Не останавливайся! — мой негодующий крик встречает его усмешку.

— Куда ты так спешишь?

Я дергаюсь, приподнимаюсь, пытаюсь высвободиться. Почему он медлит? Я хочу! Я умираю от желания!

— Не надо, — шепчет он на ухо. — Только сделаешь себе больно. Я хорошо тебя привязал.

Возбуждение отступает медленно, тело ломит

от похоти. Мой мучитель все так же нависает сверху, поглаживая кожу легкими летящими касаниями. Я вижу и чувствую его вожделение, он голоден не меньше, чем я, но не спешит утолить страсть.

— Почему?

Горячее дыхание щекочет ухо:

— Это же наказание, сеньорита.

Не сразу, но я успокаиваюсь, перестаю жадно заглатывать воздух и вздрагивать, и это становится для него сигналом. Теперь он пускает в ход губы. Дразнящими поцелуями спускается вдоль шеи, прикусывает сосок, заставляя меня выгнуться. Рука поглаживает живот, спускается ниже.

— Я поняла, что ты задумал!

— Ты всегда была умненькой девочкой.

— У тебя ничего не выйдет.

— Проверим?

Я пробую отвлечься, не реагировать на его прикосновения, его ласки, но это невозможно. Голову дурманит осознание чужой власти, пьянит ощущение пут на руках, близость мужчины, возможность утолить плотский голод. А Элвин слишком хорошо знает, как заставить откликнуться мое тело.

Его пальцы порхают меж моих раздвинутых

бедер. Я начинаю постанывать, потом кричать, голова мечется по подушке. Мне хорошо! Невероятно, невозможно хорошо, и я уже почти, почти…

Он снова останавливается и просто кладет мне руку на низ живота. Это невыносимо! Я давлюсь возмущенным всхлипом:

— Сволочь!

— Сколько страсти, сеньорита, — низкий и хриплый голос выдает, что он возбужден не меньше моего.

— Пожалуйста… помоги мне… дай мне…

— «Дай" чего?

— Пожалуйста, — скулю я. — Я хочу тебя.

Поцелуй в ключицу:

— Потерпи.

И снова мучительно-сладкая пытка. В моих криках возмущение смешивается с удовольствием. Мне хорошо и плохо. Я изгибаюсь, резко двигаю бедрами навстречу, пытаюсь поймать ускользающее наслаждение. Каждый мускул дрожит, каждое прикосновение заставляет дергаться, словно с меня содрали кожу. Соски ноют от напряжения, живот скручивает и отпускает сладострастная судорога. А он все так же неспешно и умело гладит и целует мое тело, подводит почти

к самому пику и останавливается в полушаге от финала. Как он может себя контролировать?

Хочу! Хочу, чтобы он вошел в меня, чтобы взял, хочу слиться, ощутить его внутри! Хочу сладкой, восхитительной разрядки, что обещают, но никак не дают его губы и руки!

Воспитание и представление о приличиях тонут в багряной пелене, жажда заполняет меня целиком, и я начинаю кричать и упрашивать, используя самые грязные и пошлые слова, что знаю. Сейчас мне плевать на любые приличия. Сейчас я просто хочу.

Хочу!

А потом он не выдерживает и прерывает игру. И я наконец ощущаю горячую тяжесть тела сверху, ощущаю тянущую, такую приятную наполненность внутри. Оплетаю его ногами, вскрикиваю от каждого резкого толчка и двигаю бедрами навстречу. Мне хорошо. Хочу, чтобы это продолжалось и продолжалось…

— Да! Да! Да! — шепчу я, как заведенная. — Хорошоооо…

Всего несколько движений подбрасывают к вожделенному пику. Острая восхитительная судорога идет по телу. Одна. Вторая и третья. С губ срывается стон. Я плыву в сладких волнах на-

слаждения, тону в них, обмякаю и погружаюсь в теплый блаженный туман. Нет сил двигаться, но я продолжаю ощущать резкие движения мужчины, каждое из них вызывает новую упоительную волну, продлевая удовольствие.

Потом я слышу его стон, и низ живота снова скручивается в болезненно-приятном спазме. Я так люблю, когда Элвин теряет голову. Когда отпускает этот проклятый самоконтроль. Люблю слышать его стоны, ощущать свою власть над ним.

Он опускается рядом, обнимает меня и тяжело дышит. Над кроватью запах пота и страсти.

— Развяжи, — прошу я.

Открывает глаза и снова ухмыляется, возвращая на лицо привычную маску:

— Зачем?

— Чтобы я могла тебя отдубасить.

— О! Достойная причина, — соглашается он и распускает узлы. Обнимаю его, утыкаюсь в плечо.

— Гад ты! Это было жестоко!

— На то и наказание. И еще скажи, что тебе не понравилось. Кстати, мне было очень сложно терпеть, когда ты так эротично пищала.

— Все равно предупреждать надо!

— Если предупреждать, уже не то. И потом, это была импровизация, — Элвин касается губами следа от шнура на моем запястье, где кожа стесана почти до крови. — Эх ты. Я же говорил: «Не дергайся».

— Посмотрю я, как ты будешь «не дергаться», когда я тебя так же привяжу и начну мучить, — притворно возмущаюсь я.

— Сначала привяжи, — смеется он.

Я начинаю думать, что это отличная идея. Кажется, знаю, что устроить ему в следующий раз.

Накатывает усталость. Закрываю глаза и сонно шепчу «Люблю тебя», он целует меня в макушку и ничего не отвечает.

Он очень редко говорит, что любит. Потому что вообще редко говорит о своих чувствах.

Я не обижаюсь. Люблю его таким, какой есть.

НЕПРИСТОЙНАЯ СДЕЛКА

Элвин

Тихое царапанье со стороны двери я услышал далеко не сразу. А услыхав, задумался — стоит ли открывать. Франческа уехала, я был один и не ждал гостей. Уютное кресло, огонь в камине, интересная книга и дождь за окном — что еще нужно для хорошего осеннего вечера?

Потом любопытство победило, и я спустился посмотреть, кто там скребется.

— Мне нужна помощь, колдун! — огорошила она меня прямо через порог.

Я приподнял бровь и смерил ее взглядом. Раз пять. Потом кивнул:

— Ну, конечно. Я же известен в Рондомионе как главный помогайка. Отчего бы сельским девкам не бегать ко мне каждый раз, когда нужно сделать приворот или скинуть ребенка?

Судя по одежде, даже не горожанка — крестьянка. Молодая и довольно хорошенькая, хоть последнее утверждение лучше проверить еще раз, когда обсохнет у камина. Волосы сосульками, губы дрожат, плащ весь мокрый.

Я посторонился и сделал пригласительный жест. Девчонка, поникшая было при моих словах, снова оживилась. Бочком пробралась мимо и застыла нерешительно в холле.

Она зря боялась, что я ее прогоню. Крестьянская девчонка, которая сумела зайти на Изнанку, да еще и сделала это в поисках моего общества — явление уж слишком нетипичное, чтобы захлопнуть дверь перед ее носом.

Как минимум, ее кто-то научил.

Я пригласил девушку в гостиную и даже предложил вина. Она отказалась. Сесть в кресло — тоже. Стояла передо мною, теребила пальцами край нарядно вышитого пояса и отчаянно трусила.

Я решил не подкидывать ей реплики. Раз у девчонки ко мне дело, пусть излагает. А она молчала. Отводила взгляд и снова возвращалась к моей левой руке. Пялилась на нее, как на ярмарочного уродца. Я почувствовал, что раздражаюсь от такого внимания. Да и пауза слишком затянулась, пора прекращать спектакль…

Но крестьянка наконец решилась.

— Я прошу помощи, колдун.

А хороша пейзаночка. Я даже залюбовался. Статная, ладная, не похожа на крепко сбитых деревенских бабищ. Не иначе как заезжий рыцарь

или лорд улучшил породу в ее деревеньке.

— Я это уже слышал. И я не помогаю бесплатно.

Я вообще не помогаю, будем честными. Ни бесплатно, потому что благотворительность развращает. Ни за деньги, потому что не нуждаюсь в них.

— У меня есть, чем заплатить, — плащ слегка распахнулся, когда она потянулась к кошельку на груди.

— Намекаешь на то, что я нищий? Не оскорбляй меня, женщина, мне не нужны твои крестьянские гроши.

— Это большие деньги.

— Да хоть все сокровища Короны. Предложи действительно достойную плату или уходи.

— Простите. Не хотела вас обидеть, — ее голос задрожал.

Предположение, что этот милый ребенок мог меня обидеть, вызвало улыбку. На самом деле я самым бессовестным образом развлекался за ее счет.

— А что бы вы хотели? — ее голос дрогнул.

— У меня все есть.

Почти правда. Было немного любопытно, как она попала на Изнанку и откуда узнала про меня.

Но вряд ли эта информация могла послужить достойной оплатой.

— Как зовут тебя, прелестное дитя?

— Элли… — она откашлялась. — Элли Браун.

— И какой помощи ты хочешь от меня?

— Мой… мой жених. Саймон. Он исчез. Куч… кузнец видел, как его похитили ши.

Я приподнял бровь:

— Похитили?

— Да, — казалось, что это невозможно, но она покраснела еще больше. — Он ушел за ним… за ней. Мне нужно вернуть Саймона. Вы поможете?

Тут мне захотелось выругаться. Потому что я наконец ее узнал.

Элисон — так ее звали. Старшая дочь лорда Генри Майтлтона. Сколько лет прошло? Шесть или восемь… тогда, на похоронах патера Вимано, она была совсем девчонкой — платье с кружавчиками, косички.

А рыжий Саймон совсем не был ее женихом. Он был ее братом.

Пусть в последние годы я стал частым гостем в человеческом мире, привыкнуть к тому, как быстро взрослеют и стареют смертные, так и не смог. В мире фэйри, где все неизменно и каждый год похож на предыдущий, слишком легко поза-

быть про время.

Девочка выросла. И превратилась в женщину. Весьма привлекательную женщину, это невозможно было не заметить даже сейчас, когда она была мокрая, продрогшая, в простом крестьянском платье.

Не знаю, что меня больше завело — собственная невнимательность или ее ложь, но я почувствовал настоящий азарт.

— Смотря, что ты предложишь взамен.

Элисон, похоже, держала меня за идиота, способного купиться на дешевый маскарад. И что обидно: я на него почти повелся.

Зачем ей это? Надеется, что с крестьянки потребуют меньшую оплату?

Хоть бы волосы перекрасила!

— Вы не хотите денег. Тогда что? Услугу?

— Может быть. И какую услугу ты можешь предложить, Элли Браун?

— Не знаю, — ее голос звучал так проникновенно-наивно, просто невинная овечка. — Какую?

— Ну… — протянул я, гадко улыбаясь. — Я — мужчина. А ты весьма хорошенькая.

Вместо того, чтобы вспылить, она испугалась.

— Меня? Вы хотите меня? — спросила девушка хриплым шепотом.

— Именно.

Элисон задумалась. Я не торопил. «Элли Браун», ха! Пусть поймет, что со мной игры в бедную сиротку не прокатят, назовет себя, и тогда мы попробуем еще раз, сначала.

— Хорошо, — после долгой паузы выдавила девчонка.

— Что?!

— Я согласна.

Она что же — думает, я так шучу?

— Тогда я хочу посмотреть на товар.

Девушка вздрогнула всем телом, уставилась на меня зелеными глазищами. Я все ждал, когда она возмутится, но она молчала, вцепившись в край плаща побелевшими пальцами.

— Давай. Раздевайся или проваливай.

Показалось, сейчас девчонка отвесит мне пощечину. Но она глотнула воздуха и кивнула.

Пальцы откинули капюшон, расстегнули фибулу на плаще, и тот опал бесформенным куском ткани к ее ногам.

Дочка графа Сэнтшимского действительно собирается раздеться в качестве предоплаты за услуги? Как дешевая шлюха?

Я даже засомневался в собственных выводах. Глянул еще раз, внимательнее. Может, просто

похожа?

Зеленые глаза на бледном лице кажутся огромными, капли воды поблескивают на густой гриве. Прошлой зимой я добыл лису со шкуркой такого же изумительного темно-рыжего оттенка. Золотистая тонкая кожа. Полупрозрачная, аж вены видно. Нос и щеки усыпаны конопушками. Овал лица аристократичен — такие нежные черты нередки на картинах разеннских художников.

Не сказать, чтобы классическая красивая кукла, но в ней было что-то очень привлекательное. Быть может, сочетание беззащитности, порочности и дерзости.

Она? Не она? Непонятно.

Но хороша! Удивительно хороша, рыжая.

Медленно-медленно ее пальцы потянулись к шнуровке на груди, распустили завязки…

Никогда не видел, чтобы женщина предлагала себя с таким преисполненным отчаяния достоинством.

Платье упало рядом с плащом, и девчонка осталась в тоненькой полупрозрачной сорочке, не скрывавшей, но подчеркивавшей ее прелести. Она бросила на меня безумный взгляд и стянула рубаху.

Пожалуй, что слишком худая — ребра видны

под кожей. Россыпь веснушек по плечам. Грудь красивой формы со слегка вздернутыми заостренными сосками. Я залюбовался. Не люблю плоских. Ноги стройные и длинные.

Породистая молодая кобылка.

«Нет, — поправил я себя мысленно. — Не кобылка — девушка».

Грязь к ней не липла, словно и не она стояла обнаженной, готовая заплатить собственным телом. Огонек жертвенности в зеленых глазах, до крови закушенная губа, стыдливый румянец на лбу, щеках и даже шее.

Проклятье, если бы не сеньорита, я бы, не раздумывая, воспользовался этой возможностью.

— Повернись.

Как и думал — никаких следов порки на ухоженной коже. Слишком ухоженной и тонкой для сельской девки. Нежные ручки — ни единой мозоли, не знавшее загара лицо. Будь я проклят, если она крестьянка!

Тогда какого гриска?

Элли зябко повела плечами:

— Можно одеться?

— Можно.

Одевалась она быстро и неловко. То отворачивала пылающее лицо, то снова косилась. Губы

девчонки дрожали.

Ладно, предположим, рыжий Саймон и правда приглянулся кому-то из ши. Это совершенно не объясняет, почему его сестра здесь. Не похоже, чтобы для нее было в порядке вещей вот так раздеваться перед мужчиной. Что за извращенная любовь к брату, ради которой знатная женщина соглашается на… а, будем называть вещи своими именами! На проституцию.

— И что скажет твой жених по поводу такого способа оплачивать услуги? — ехидно поинтересовался я.

— Он поймет, — без колебаний ответила Элли.

Ха! Хотел бы я посмотреть на мужчину, который поймет такое.

— Милое дитя, Ши не крадут людей. За ними уходят добровольно и с радостью.

— Я знаю, — Элли опустила голову. — Но я сумею его вернуть… Вы поможете?

Куда я денусь? Девчонке удалось по-настоящему раздразнить мое любопытство.

— Сделаю, что смогу. У тебя есть родные, близкие, друзья, обязательства?

— Зачем это?

— Надо. Еще раз. Родные, близкие, друзья, обязательства?

— У меня есть мать… — Элли немного помедлила. — Две сестры, дядя, Терранс…

— Это не праздный вопрос. Путешествие будет опасным, и если тебя ничего не держит в этом мире, ты можешь не вернуться.

— Я рискну.

— Хорошо. Мы отправляемся на Эмайн Аблах.

Элли не стала причитать и благодарить, и это мне понравилось. Только на лице застыло такое облегчение, словно она ожидала, что я потребую оплату вперед и немедленно.

Глупая девочка, тебе еще придется узнать, что все жертвы и вся ложь были напрасны.

Элисон

Теперь я знаю, что я — шлюха.

Приличная женщина бы в обморок упала. Или дала ему пощечину. Или закатила скандал. А я — разделась.

Если теперь мне кто-то предложит руку и сердце, я должна буду отказать. Не могу же я выйти замуж, не предупредив будущего супруга, что его избранница — падшая женщина. А как о таком рассказывать?

К счастью, никто не предлагает, поэтому проблемы нет.

Не знаю, согласилась бы я, будь маг страшным горбуном. Но он горбуном не был. И не был старцем с длинной бородой, как в сказках. Молодой, даже красивый, несмотря на жуткую руку. Светловолосый, с холодными глазами и неожиданно обаятельной улыбкой. Мне показалось, он немного похож на офицера, с которым я целовалась два года назад. Не совсем взаправду, не в губы целовалась. Мне очень хотелось, но тогда я еще надеялась выйти замуж и знала, что нельзя позволять мужчине лишнего. Поэтому разрешила только чмокнуть меня в щеку. А потом сбежала.

Повезло, что колдун принял меня за сельчанку. Знай он мое настоящее имя, я бы никогда не смогла раздеться — стыдно. Так бы и вернулась домой ни с чем.

Может, не стоило врать про жениха? Но я подумала: если скажу, что Саймон мне брат, маг откажется помогать. Мол, отстань, не мешай, у юноши любовь.

В сказках дева всегда вызволяет любимого.

Так что я не только шлюха, но и лгунья.

* * *

Красивый конь у мага. Я не встречала раньше лошадей с длинной шерстью, как у собак. Хотела

его погладить, но колдун поймал меня за руку.

— Гейл у нас как девица. Не любит, когда его лапают.

Конь в ответ сердито фыркнул, как будто понял все, о чем мы говорили, и выпустил из ноздрей две струйки дыма, а по рыжей шерсти пробежали искорки. Я уставилась на него в полнейшем восторге.

А потом я поняла, что попала в сказку. Потому что из темного угла выкатились два мохнатых карлика. И принялись седлать чудо-коня. Я глаз отвести не могла, наблюдая, как они ползают вверх-вниз по стремянке, надевают потник, затягивают подпругу.

— Не боишься?

— Нет. А надо?

— Не надо, — маг улыбнулся по-доброму, и я не смогла не улыбнуться в ответ.

Странно, когда я просила его помочь, он разговаривал совсем по-другому. Более жестко, высокомерно. Мне даже показалось, что он за что-то злится на меня. А теперь колдуна как подменили. Я понимала, что надо бы ненавидеть его за цену, которую он потребовал, но не получалось.

Я же сама согласилась.

Карлики управились с седлом, шмыгнули в угол и растворились, как нет их. Мне хотелось задать сразу столько вопросов, что я совершенно не знала, с чего начать. Да и не знала, захочет ли маг ответить.

Он вывел коня наружу. Дождь уже не крапал слегка, но лил. И небо сердито громыхало, намекая, что будет гроза.

— Готова к самой безумной скачке в своей жизни?

Я не была уверена, что готова, но кивнула.

Так и не поняла, как он в седле оказался. Только что стоял рядом, и вот…

— А я?

Он хлопнул рукой перед собой:

— Только так. Ни один конь не угонится за Гейлом.

Я хотела спросить, как же я залезу на коня, когда карлики утащили стремянку с собой, но поймала взгляд мага и поняла — это испытание мне. На находчивость. Я же в сказке, а в сказках герой всегда должен доказать, что достоин помощи.

К счастью, совсем рядом стояла колода. Я влезла на нее, а маг меня подхватил и усадил перед собой.

— А куда мы поедем?

— К морю. Как иначе попасть на остров?
— Но будет буря. И ночь скоро.
Он рассмеялся.
— Буря — это прекрасно! Держись крепче.

Элвин

Вокруг бесновался ветер, чернота пеленала нас и хлестала плетью дождя. Вихри визжали, ревели и выли на разные голоса. А мы летели, рассекая тьму, грязь, воду и ветер. Гейлу не нужны маяки. Плоть от плоти бури, он не знает усталости или страха. И чем яростней негодовали ветра, тем быстрее скакал Гейл сквозь непроглядный мрак штормовой ночи.

К рассвету буря выдохлась, и Гейл перешел на шаг. Элли изумленно оглядывалась по сторонам. Привычные холмы и леса, окружавшие Рондомион, сменились камнями и скалами. То тут, то там вставали седые, покрытые мхом дольмены. Стало гораздо холоднее, а в воздухе запахло солью и морем.

— Мы так далеко уехали? — Она дрожала от холода, ее плащ и платье насквозь промокли во время скачки. Я обнял ее одной рукой, прижал к себе и невольно вспомнил, как соблазнительна рыжая без одежды…

Если забыть о ее неумелой лжи и попытке манипуляции с клятвой, Элли держалась замечательно. Не боялась, не задавала глупых вопросов, не ныла и не требовала к себе особого отношения.

Она начинала мне нравиться. По-настоящему нравиться. Проблема…

— В бурю для Гейла нет преград, кроме моря. Ты замерзла?

— Немножко, — она улыбнулась посиневшими губами.

Скалы расступились и вывели нас к обрыву. Впереди все пространство, что мог охватить взгляд, занимало серое море и такое же серое хмурое небо. А прямо у ног начиналась почти незаметная тропа, ведущая вниз, туда, где черные волны в клочьях грязной пены с обреченным упорством штурмовали скалы.

Я спрыгнул с коня и снял свою замерзшую спутницу. Она прижалась ко мне, мелко дрожа, зубы выстукивали негромкую дробь.

Гейл недовольно фыркнул, когда я хлопнул его по шее.

— Скачи домой.

Он покосился неодобрительно, но послушался и потрусил обратно той же тропинкой.

Я снял с пояса рог, поднес к губам и повернулся к морю. Тяжелый, низкий и хриплый звук пронесся над водой, и скалы застонали, подхватив заунывную ноту. Налетевший ветер высушил мои волосы и одежду, рев рога отразился от водной глади и устремился в небо, чтобы снова вернуться в море. Дольмены, волны, чайки, короткий бурый мох и свинцовые облака подпевали звуку рога, и из шорохов, плеска и стонов начали складываться слова древней страшной песни.

Сгустилась, схлопнулась, клочьями повисла на облаках тьма, черными снежинками высыпалась на воду, закружилась водоворотом. Элли шумно вдохнула и дернулась, словно собираясь сбежать. Этого еще не хватало! Я опустил ей руку на плечо и сжал пальцы, она тихо ойкнула.

— Пошли, — скомандовал я, пропуская ее вперед по тропинке. Она посерела от ужаса, но подчинилась.

Спускалась девчонка медленно, отчаянно цеплялась за руку, не отводя взгляда от моря, где черные снежинки уже собрались в борта, весла, паруса. С каждым нашим шагом вниз корабль становился объемнее и реальней. Вот он похож на силуэт, обрисованный углем на серой воде. Шаг. На силуэте появились доски, а на парусе

— полоски. Шаг — носовая фигура сложилась в оскаленную драконью пасть. Шаг — пространство раздвинулось, и корабль встал перед нами во всем своем чернильно-черном великолепии.

Последний шаг, и с корабля навстречу спустился грубо сколоченный трап.

Здесь мелко, и много острых камней, о которые бьются даже рыбачьи лодки. Неважно. Мой корабль ходит по иным морям.

Я подтолкнул Элли:

— Ну, иди же!

Она еще раз бросила на меня отчаянный взгляд, сглотнула и ступила на трап. Я нарочно не стал вдаваться в объяснения. Было интересно, выдержит ли девчонка.

Не сбежала. Поднялась по шаткому трапу и встала у борта, вглядываясь вниз. Хрупкая фигурка, завернутая в насквозь промокший плащ.

Наверное, мне хотелось, чтобы она струсила. Или хотя бы повела себя истерично и неумно. Чтобы это наваждение прекратилось. Ее наивность, открытость, красота и, чего уж скрывать правду, доступность, превращали девушку в слишком большой соблазн.

Проблема…

Элисон

— Какой странный корабль. И до сих пор не видно никого из команды.

Он покачал головой:

— Будет лучше, если ты никого из них и не увидишь.

Я поежилась, глотнула вина, которое маг налил в кубок, и не ощутила вкуса. Здесь все было каким-то серым, словно само пространство выпивало у жизни краски. Бесцветие просачивалось из каждой щелочки, звуки вязли, вещи теряли объем.

Только мерный скрип, что шел от весел, и был настоящим. Негромкий, но такой противный. Хотелось заткнуть уши, лишь бы его не слышать.

— Почему нельзя было нанять обычный корабль?

— О! А у тебя есть карта пути до Эмайн Аблах? Что же ты молчала!

Мне стало стыдно. Понятно же, что я в сказке, здесь свои законы. В страну ши не пройти обычными путями. А маг взглянул на меня и смилостивился:

— Корабль Проклятых — единственный способ быстро попасть на Яблоневый остров, который я

знаю. Холмы мне неподвластны.

— И сколько нам плыть?

— «Сколько» — неподходящее слово. Здесь нет времени.

Он был прав.

Здесь не было ни времени, ни вещей, одни иллюзии. Моя одежда промокла до нитки, но я не ощущала этого, как не ощущала и холода. Ничего. Пустота. Тоскливая серая пустота.

— Но почему он… такой?

— Это давняя и унылая история.

— Я слышала легенду о воинах, нарушивших клятву.

— Значит, ты и так все знаешь.

— Я почти ничего не помню. Расскажите…

Он нахмурился. Мне показалось, что он совсем не хочет об этом говорить. Я бы и не стала спрашивать, но молчание было слишком тягостным. Хотелось заполнить тишину хоть чем-то.

— Люди сплошь и рядом нарушают данные друг другу обещания, но эту клятву принимал не обычный человек. И он обиделся на такую необязательность.

— И что?

— Проклял, как обычно принято у могущественных ублюдков. Слышишь? — маг замолчал, и в

наступившей тишине снова раздался мертвенный скрип. — Они все еще там. Всегда на своих местах, у весел, у руля…

Тоска навалилась, как тяжелый камень, придавила к полу. Даже страх куда-то делся, словно его пеплом присыпало. И вино не пьянило. И человек рядом вдруг показался мне древним и усталым.

Мне так отчаянно захотелось тепла в этой бесконечной серости, что я чуть было не взяла мага за руку. Но он посмотрел хмуро, будто знал об этом моем желании и не одобрял его. Поэтому я постеснялась.

Еще подумала, что не спросила его имени, а теперь уже неловко. Он-то мое спросил…

Мой проводник усмехнулся:

— Кстати, проклятье все еще в силе. Так что не давай необдуманных обещаний, если не хочешь провести здесь посмертие. О, чувствуешь, запахло яблоками? Приплыли.

Мы вышли на палубу. Впереди из серого промозглого ничто вырастал силуэт берега.

И на берегу было лето.

Цвели яблони, солнце играло в бирюзе прибрежных волн. А прямо у песчаной косы выстроилось два десятка статных золотовласых воинов с луками в руках.

— Я смотрю, Мэй лично вышла встретить гостей, — колдун кивнул на женщину в белом платье, стоявшую во главе отряда. — Как считаешь, мы должны почувствовать себя польщенными?

— Не знаю.

Опять он шутил о чем-то, чего я не понимала.

Вблизи женщина оказалась еще красивее, чем я ожидала. И у нее действительно были зеленые волосы. Не парик. А еще алые губы и сияющая кожа. Тонкие, насмешливо изогнутые брови, высокий лоб, чуть вытянутый овал лица и горделиво изогнутая шея. В руках женщина сжимала выточенный из камня посох. Тоже зеленый, в тон к волосам.

— Ну и ну, Элвин, ты ли это? И что это за забавная зверушка рядом с тобой?

В голосе незнакомки слышалось столько высокомерия, что все мое восхищение ее красотой сразу прошло. Он смотрела на меня с презрительно-брезгливой улыбкой, словно гадкое насекомое углядела. И я сразу под этим взглядом вспомнила, что на мне крестьянское платье, грязное и мокрое. И волосы грязные и спутанные. И вообще вид, как у нищенки.

Маг опустил руку мне на плечо:

— Познакомься, Элли. Это — моя сестра Мэй.

Нетрудно догадаться, не так ли? Очаровательные манеры и врожденная вежливость — это у нас семейное. А еще она регент ши, тоже в некотором смысле семейное…

— Королева!

— Регент. Королеву зовут Августа.

Я только глазами хлопала, слушая, как они цапаются.

— Королева! — почти прошипела женщина. — Августа не вернется, ей и на Изнанке с мужем хорошо. Зачем приехал?

Он ухмыльнулся:

— А если я скажу, что соскучился по дорогой сестре, ты поверишь?

— Нет!

— И правильно. Я был так обеспокоен, когда узнал, что ты перешла на селюков, что решил вмешаться. Фи, сестричка, как же твой хваленый вкус? Не боишься за репутацию?

Королева удивилась. Очень-очень удивилась, а у меня от страха аж внутри все скрутилось. Я поняла, что сейчас колдун узнает мое настоящее имя. И будет так стыдно, что хоть в море прыгай. Получится, что я — лгунья, выставила его дураком перед сестрой.

Ну почему я об этом не подумала, когда врала?

Надо признаться, пока не поздно!

Я шагнула вперед, но сказала совсем не то, что собиралась.

— Милостивая королева, я прошу отпустить моего… моего жениха Саймона, — выпалив это, я зажмурилась и приготовилась, что сейчас меня разоблачат и высмеют.

Ой, ну какая же я бестолковая! И трусиха к тому же.

Но она не торопилась выводить меня на чистую воду.

— Значит, ты здесь, чтобы помочь простой крестьянской девочке, Элвин? Как трогательно.

— Не менее трогательно, чем твоя страсть к простому крестьянскому мальчику.

— Пожалуйста, — протянула я и поняла, что голос дрожит. — Позвольте ему вернуться обратно в мир людей. Здесь он всего лишь игрушка, а дома его ждет семья…

Она наконец снизошла, чтобы ответить мне:

— Понимаю твое горе, замарашка. Но Саймон отправился в мое королевство добровольно, и я не хочу отпускать его. Этот мальчик развлекает меня.

— Позвольте хотя бы увидеть его…

— Не позволю, — отрезала королева.

Это был конец. Пройти весь путь и уйти ни с чем, потому что мне не дадут даже поговорить с братом?! Вернуться домой, где уже поджидает Блудсворд?! Я плохо умею ненавидеть, но в тот момент почувствовала настоящую ненависть к этой злой женщине.

За что она так?

Маг стиснул мою руку чуть выше локтя, как бы предупреждая не лезть. И снова заговорил:

— Хочешь выгнать нас, Мэй? А как же испытание?

— Это ничего не изменит. Саймон не хочет возвращаться.

— Пусть скажет об этом, глядя в глаза своей невесте.

— Хорошо, — ее многозначительная улыбка не предвещала ничего хорошего. — Я подберу для тебя испытание, девочка. Но не будем беседовать на берегу, подобно смердам. Будь моим гостем, Элвин. Отдохни в моем доме, попробуй моего сидра.

* * *

Это была не ванная, скорее уж маленький бассейн. Выложенный разноцветной мозаикой край начинался вровень с полом. Под тяжелой шапкой

пены бурлила вода. Как в котле на огне.

Представилось: внизу, в подземелье, горит костер. И мохнатые карлики, вроде тех, которых я видела у мага, все подкладывают и подкладывают в него дрова. И смешно, и страшно. Как бы не свариться!

Я нерешительно тронула воду пальцами ног. Горячая, но не обжигает. Набралась смелости, шагнула в пушистое пахнущее ландышами облако. Сразу стало так хорошо! Озябшие пальцы чуть покалывало, и память об осенней буре и туманной жути медленно уходила. Горячие струи били со дна, поглаживая тело. Я откинулась на бортик, ощущая такую блаженную, сладкую усталость…

И заснула.

Проснулась от того, что маг тряс меня за плечо.

— Приятных снов.

— Ой, — мне стало стыдно. Он пустил меня первой, потому что я обещала быстро. — Извини.

— Не вылезай, мы вдвоем прекрасно поместимся.

Я снова ойкнула и оглянулась в поисках своей одежды. Надевать ее — замурзанную и вонючую, на чистое тело ужасно не хотелось. Но что поделать, когда всей одежды у тебя только грязное крестьянское платье?

Его не было. Ни платья, ни сорочки, ни плаща. А я точно помнила, что оставила их на лавке. Теперь там лежали только два полотенца Маг начал расстегивать камзол.

— Где мои вещи?

— Служанка унесла.

— А как тогда… — я снова огляделась. Ничего похожего на одежду в купальне не было.

— Как-нибудь, — он снял рубашку и я, вспомнив наставления мисс Уайт, зажмурилась.

А потом открыла один глаз, чтобы подглядеть. Чуть-чуть, в щелочку.

Сразу бросилась в глаза его рука. Я думала — она целиком медная, а оказалось, что нет. До запястья нормальная, человеческая. А из запястья вырастали темные жгуты. Сплетались, свивались в единое целое, как изгородь из лозы или корзина. А медные накладки сверху прикрывали и защищали эти жгуты.

Мне стало до ужаса любопытно, зачем магу такая рука. Но я постеснялась спрашивать.

Он расстегнул пряжку пояса, и тут я опомнилась. И вскочила.

— Останься. Я тебе спинку потру.

— Нннне надо… — выбраться из бассейна удалось не с первого раза. Разомлевшее в тепле тело

никак не желало слушаться. Наконец я перевалилась через бортик и прошлепала, оставляя мокрые следы, к полотенцу. Завернулась в него и выскочила за дверь.

Вслед мне летел его смех и издевательское «Подожди меня в кровати».

* * *

В кровать я из принципа не пошла. Села на диванчик, обняла себя за плечи. От мокрых волос стекали струйки воды, пропитывали пушистое полотенце.

Только сейчас я до конца поняла, на что согласилась в уплату за возвращение Саймона. И как же противно стало от этого понимания.

Признаться, я довольно бесстыжая. Нельзя вырасти стыдливой, когда у тебя друг-призрак, который всегда с тобой. Точно знаю, что Терри за мной в ванной подглядывал, и не раз.

Если бы маг немного поухаживал, я бы уступила. Наверное. Все равно старой девой останусь, а так хоть будет, что вспомнить. Но от осознания, что он меня купил, что я не могу отказаться и ничего не решаю, становилось гадко. Я даже заплакать хотела, но потом передумала. Сначала надо Саймона вернуть, потом буду плакать.

Королева поселила нас в одних покоях. Я, когда узнала, хотела возмутиться, но колдун посмотрел, как взглядом облапил, и спросил:

— Имеешь что-то против?

А я вспомнила про нашу сделку и не нашлась, что возразить.

Ужасно быть падшей женщиной. Никакого к тебе уважения.

Комната была совсем простая и почти без мебели, зато с окном во всю стену. За стеклом виднелись верхушки деревьев и морская бескрайняя синева. Еще одну стену занимало зеркало, а две другие покрывала тончайшая роспись, изображавшая лесную чащу. Деревья смотрелись совсем как живые — каждая веточка, каждая прожилочка на листочке выписаны. Будто сидишь среди настоящих зарослей. Сквозь стекло лилось солнце, плясало в кронах нарисованных деревьев и отражалось слепящими бликами в зеркале.

Маг появился неслышно. Прошел мимо почти голый, только полотенце на бедрах, и рухнул на кровать.

Я отвернулась, потому что все это ужасно неприлично, но в зеркале тоже был колдун. И я начала его разглядывать, потому что неприличное всегда интереснее приличного.

Раньше я видела только одного полуголого мужчину — разеннского героя Луция Грозного на картине в комнате маменьки. У героя была борода, палица и огромные мышцы буграми — я в детстве думала, что это у него болезнь такая, от которой тело опухает.

Колдун смотрелся как-то… естественнее, чем герой с картины. Не такой мускулистый, не такой волосатый.

И еще было в нем что-то хищное, порочно-привлекательное…

Стоило мне подумать эту мысль, как маг повернул голову, встретился со мной взглядом и подмигнул. Я покраснела.

— Почему вы не сказали, что она ваша сестра?

Он гадко ухмыльнулся:

— Ты не спрашивала.

Как я могла о таком спросить, если не знала?

А если подумать, то я тоже не сказала, что Саймон — мой брат. И получается, что мы оба были нечестны. И оба смотрелись бы дураками, пожелай королева нас опозорить. Она-то всю правду знает.

— Как тебе Мэй? — продолжал он насмешливым голосом.

— Она красивая, — я решила не врать. — Но

неприятная.

Маг рассмеялся:

— Мэй спесива, как купчиха, получившая титул. И совершенно не умеет держаться. Так отчаянно и безуспешно подражает Исе.

— Кто такая Иса? — задав вопрос, я тут же забыла о нем, потому что по поверхности зеркала прошла рябь, как по воде от ветра. И почти сразу прекратилась.

— Княгиня фэйри. Умная стерва с бесподобным вкусом. Сестренке до нее как до луны…

Я глазела на свое отражение, почти не слушая рассуждения мага. Элисон из зазеркалья смотрела с подозрением, а само зеркало больше не двигалось: твердое и основательное даже на вид.

— Эмайн Аблах — слишком бесконфликтное местечко. Местному народу королева нужна вместо Майского древа, — продолжал маг. — Нарядить и водить вокруг нее хороводы. Они могли бы посадить на трон заводную куклу. Уверен, кукла справится не хуже Мэй. Сестричка это чувствует, вот и дурит с тоски. Крутит любовь с человеческими мальчишками, чтобы почувствовать себя нужной.

Зеркало снова колыхнулось, и мне послышалось сердитое шипение. Я обернулась на мага, но

тот даже ухом не повел. Словно ничего не было.

Я даже ущипнула себя чуть повыше локтя. От щипка стало больно.

У меня опять галлюцинации?

— Ладно, пустое. Каждый развлекается, как может, — он сел и поманил меня пальцем.

Я сглотнула. Подходить к нему, после всех намеков?! Надо срочно отвлечь его чем-нибудь.

— Значит, вас зовут Элвин?

— Можешь звать меня так.

— Что такое испытание?

— Сказки про ши слышала? Это правило оттуда. Мэй обязана дать тебе задание и разрешить встречу с женихом, если ты сможешь его выполнить. Иди сюда, Элли.

Пришлось подойти. Он потянул меня за руку, заставил сесть рядом с ним на кровать. Я уставилась на бледный шрам на его плече. Еще один, более заметный, рассекал грудь наискось. И рядом несколько совсем тонких, как белые нити.

— Насмотрелась? — маг положил металлическую руку мне на талию, заставляя придвинуться.

В горле внезапно стало совсем сухо, и сердце заколотилось так, что даже в ушах отдавалось.

— Королева отпустит Саймона?

— Только если он сам захочет уйти. Вот и проверим, насколько убедительной ты умеешь быть.

Маг — мне пока даже в мыслях неудобно было звать его по имени — провел пальцем по моей нижней губе. Приятно, даже возбуждающе, но и противно одновременно.

Я — шлюха. Шлюха не имеет права отказаться.

Если бы могла, я б сбежала. Прямо так, в одном полотенце.

Он коснулся губами мочки моего уха и прошептал еле слышно «Подыграй мне».

— А? — я вздрогнула, отстранилась.

Подыграть в чем?

И тут он меня поцеловал. По-настоящему.

Первый поцелуй в моей жизни.

Я даже не поняла толком, понравилось ли мне. Слишком испугалась всего, что будет дальше. Зажмурилась и съежилась, никак не реагируя. А он мягко надавил на плечи, заставляя опуститься на кровать. Я лежала, молилась, чтобы все побыстрее закончилось, и сглатывала подступающие слезы.

— Элвин, милый, прости, что прерываю вашу идиллию, — голос королевы прозвучал прямо над ухом.

Маг чуть ослабил объятия, и я отпрянула, зады-

хаясь от стыда и обиды. Зачем она сюда пришла? Посмеяться?

Мэй в комнате не было, а голос шел от зеркала. Оно мерцало, по поверхности шли круги, как от брошенного в воду камня. И наши отражения то растекались, то съеживались.

— Вы такие голубочки, — тут королева мерзко хихикнула. — Но нам уже накрыли обед на Лазурной террасе, и я боюсь, что сидр выдохнется, а мясо остынет, пока вы будете кувыркаться.

Зеркало еще раз дрогнуло и застыло, обманчиво-твердое. В нем я увидела себя — полуголую, в мокром полотенце с огромными испуганными глазами. И мага рядом. Тот совсем не выглядел удивленным, скорее довольным. Будто ждал чего-то подобного.

И вот тогда я все-таки разревелась.

* * *

Долго реветь маг мне не позволил. Заставил встать, снова оттащил в купальню и умыл. Он не кричал и не ругался, просто командовал так поделовому, что не послушаться было невозможно.

После купальни он отвел меня в гардеробную комнату. Оказалось, здесь была гардеробная комната с множеством нарядов. Просто я не заметила

дверь, потому что она, как и стены, расписана деревьями.

Ох, сколько всяких платьев там висело! Одно другого красивее. А маг снял с вешалки самое простое, серое, со шнуровкой спереди. В самый раз для служанки.

Он что же — одевать меня собирается?!

— Элли, не дури, — сердито сказал Элвин, когда я вцепилась в полотенце и замотала головой. — У нас мало времени. Надо ловить момент, пока Мэй в правильном настроении.

— Вы знали, что она подглядывает?!

Он фыркнул:

— Конечно, знал.

— Тогда зачем? — я замялась.

— Надо было, — он сжал мою руку. — Так, Элли. Во время обеда ты сидишь, жуешь и молчишь, глупых вопросов не задаешь. Если к тебе обращаются, опускаешь глазки и отвечаешь «Да, миледи" и «Нет, миледи». Поняла?

Я кивнула.

— Что бы ни происходило, что угодно, в разговор не лезешь. Повтори, если поняла.

— Я не лезу в разговор.

— Умничка. Давай, я помогу тебе одеться Я снова вцепилась в полотенце:

— Я сама!

Элвин усмехнулся:

— Сама, так сама. У тебя пять минут, если не уложишься, приду помогать.

* * *

Небо было глубоким, синим, а море отливало в бирюзу. Негромкий шелест звал спуститься вниз по ступеням. Туда, где волны лизали покатые валуны.

Непонятно, отчего эту террасу называют «Лазурной», если она отделана белым, в серых прожилках, мрамором.

Я понюхала бледно-золотистую жидкость в бокале — пахло яблоками. На вкус напиток был сладким, а язык и небо защекотали пузырьки, как у игристых вин.

Сестра колдуна сейчас выглядела еще лучше, чем утром. И платье у нее было еще роскошнее. Я в своем сером, служаночьем, рядом с ней смотрелась совсем никчемной.

Элвин и разговаривал с ней так, словно меня нет рядом — пустое место. А я, помня о своем обещании, молчала и скучала. Интересно, если я выскользну и спущусь к морю, кто-нибудь заметит?

Мэй наколола оливку крохотной двузубой вилкой и положила в рот. Потом покосилась на мага:

— Я прямо не узнаю своего братика. Возвращать какого-то олуха в лоно семьи по просьбе крестьянки! Чем тебя приворожила эта дурочка?

— Ее история была такой трогательной.

— Стареешь, — королева покачала изящной головкой, от чего маленькие золотые колокольчики в ее серьгах мелодично зазвенели. — Стареешь, — повторила она с особым наслаждением, словно мысль о старости мага делала ее счастливее. — Раньше у девок не получалось дурить тебя.

— У них и сейчас не… Подожди! — он с подозрением покосился на Мэй. — Ты что-то знаешь?

Конечно, знает! Она знает, кто Саймон и кто я на самом деле. Поэтому и сидит такая довольная, с видом победителя.

— «У них и сейчас не», — передразнила королева. — Ну что, Элвин, каково это — чувствовать себя идиотом?

— Думаю, тебе это ощущение знакомо не понаслышке. Говори, если есть что сказать.

Ой, мамочки, она ведь сейчас скажет! Никогда больше не буду лгать. Не зря патер учил, что ложь оскверняет уста и отравляет душу.

Нашарив бокал, я сделала большой глоток и закашлялась. Стало только хуже, потому что они оба на меня наконец посмотрели.

— Постучать? — спросил Элвин.

Я помотала головой и уткнулась в тарелку, раздирая мясо по волоконцам. Ну хватит, отвернитесь! Сколько можно на меня смотреть? Зря я, что ли, в незаметном сером платье?!

Мэй отпилила ножом кусочек мяса в тарелке, положила в рот, прожевала, прикрыв глаза.

— Божественно! Попробуй вырезку, Элвин. Так умеют готовить только на Эмайн Аблах.

Маг рассмеялся.

— Не можешь сообщить мне ничего нового, не так ли, дорогая сестрица?

— Могу.

— Тогда говори. Я весь внимание.

Королева раздраженно отставила столовые приборы:

— Сначала я так и хотела сделать. Но ты же Элвин-умник! Никогда не признаешь, что я в чем-то могу превзойти тебя. Честное слово, братец, ты заслуживаешь показательной порки.

— Тебе меня даже не шлепнуть.

— Ты так думаешь? — ее глаза гневно сузились, а ноздри раздулись. — Что же — давай пари, если

не боишься!

— Не боюсь. Как обычно — на желание?

Я открыла рот, чтобы вмешаться. И тут же почувствовала, как маг довольно чувствительно пнул меня под столом.

Да, я помню, что обещала не лезть в разговор. Но он же не понимает…

— На желание. — Мэй щелкнула пальцами, и ее губы сложились в азартную улыбку.

Неслышно, словно из воздуха, возник слуга. На подносе у него была пачка бумаги, чернильница с перьями, конверты и сургуч.

Элвин и Мэй переглянулись. На их лицах, как в зеркалах, отражалась совершенно одинаковая злорадная улыбка.

Сразу видно — брат и сестра.

А я так и ничего не сказала. Молча смотрела, как они пишут что-то на листках бумаги, как присыпают написанное песком, как запечатывают конверты, скрепляя разогретый сургуч перстнями-печатками, и отдают конверты слуге.

Маг откинулся на спинку стула, отхлебнул яблочного вина. Вид у него был довольный.

Элвин

В какой бы части Эмайн Аблах ты ни находился, запах яблок будет преследовать тебя. Сады здесь везде. Яблони цветущие, яблони с завязями, яблоки. Ветки клонятся под весом огромных спелых плодов величиной с голову ребенка.

— Пришли, — выдохнула Элли. — Вон она.

Эта нахалка стояла на нижней ветке одной из старейших яблонь, яблони-патриарха, и бессовестно обгладывала нежные цветочные завязи.

— Хейдрун! — громко возмутился я. — Какого гриска ты вытворяешь?! Тебе мало остального леса?

Коза покосилась на меня и очень по-человечьи фыркнула, но объедать дерево не прекратила.

Я неплохо умею управляться с животными, женщинами и вредными младшими сестрами. Но на Хейдрун мои умения не распространяются. С детства ненавижу эту тварь.

— И что делать? — растерянно спросила Элли.

Я раздраженно пожал плечами. При всей моей симпатии к девушке я не собирался решать за нее эту задачку.

Готов еще раз поспорить на желание, что Мэй изрядно повеселилась, назначая такое Испы-

тание.

— Не знаю. Тебе видней. Доить коз — женское занятие.

— А, — она сглотнула и неуклюже перехватила подойник. — Хорошо.

Что мне по-настоящему нравилось в этой девочке — она не сдавалась. Уверен, Элисон никогда в жизни не доила скотину, кто бы позволил графской дочери заниматься подобной работой? Но она не отступила. И не начала ныла. Одно это заслуживало симпатии.

Я следил за тем, как Элли медленно идет к козе, бормоча под нос ласковую бессмыслицу, и гадал, каким образом Мэй на этот раз подсматривает за нами. В то, что сестренка пропустит подобное развлечение, верилось слабо.

Хейдрун вскинула голову, украшенную золотыми рогами, и мемекнула. Не знаю, как у нее это получается, но в блеянии явственно послышалась угроза.

— Козочка хорошая, козочка милая. Бяшка, бяшка… — повторяла Элли, приближаясь к козе маленькими шажками.

Хейдрун прервала обед и заинтересованно покосилась на девушку. Когда Элли осталось сделать всего пяток шагов, мерзкое животное

издало звук, весьма похожий на конское ржание, спрыгнуло с ветки и неторопливой лошадиной трусцой направилось в чащу леса.

— Стой! — выкрикнула Элли и пустилась в погоню.

Дальнейший спектакль я наблюдал из первого ряда, сидя на той самой ветке, которую Хейдрун так любезно освободила.

Спектакль состоял из двух периодически сменявшихся мизансцен: «Элли бегает за козой" и «Элли бегает от козы». Поначалу девчонка еще пыталась на бегу призвать Хейдрун к порядку, потом молчала, сберегая силы. А Хейдрун выныривала то тут, то там, мерзенько блеяла, а то и грозила острыми золотыми рогами. Элли каждый раз пугалась и визжала. Короче, всем было весело, включая меня.

Наконец девушка в бессилии плюхнулась на землю.

— Ненавижу эту козу! — простонала она.

— Я бы на твоем месте не говорил подобного вслух, — предупредил я.

— Хейдрун фантастически злопамятна.

— Думаете, она понимает?

— Я абсолютно уверен, что она понимает человеческую речь лучше некоторых людей. А не

говорит только для того, чтобы ее не заставили вести себя прилично.

Как бы подтверждая мои слова, Хейдрун остановилась в отдалении и заинтересованно повела ухом, словно прислушиваясь к разговору.

— Может, нарвать для нее завязей? — спросила Элли.

— Еще чего! За надругательство над садом Августы я лично надеру тебе уши. Не уподобляйся козе, даже ей такое поведение не всегда прощается.

— Что же делать?

— Побегай еще немного. Может, она разрешит подоить себя в благодарность за доставленное удовольствие.

— А вы не поможете?

— Я и так помогаю. Советами.

— Ну хотя бы подержите ее!

Я расхохотался:

— Как ты себе это представляешь? Я буду держать козу за рога, а ты доить?

Она очаровательно смущалась. На щеках и шее, под тонкой, молочно-белой кожей, вспыхивал стыдливый румянец. Эффект, вкупе с виноватым взглядом и неуверенной улыбкой, получался совершенно убойный. Оставалось

только удивляться, что малышка не догадывается о магнетической власти над мужчинами, которую дают ее дрожащие губы и широко распахнутые глаза.

Возможно, как раз в этом неведении и предельной искренности девушки и крылся секрет ее обаяния.

— Я думала… может вы магией?

— Магией, — я задумался. — Можно попробовать.

— О нет! — вскричала Элли несчастным голосом. — Она убегает.

Обернувшись, я успел увидеть только мелькнувший среди кустарника белый хвост. Не коза, а лесной олень какой-то!

— Все она понимает! — с тайным удовлетворением констатировал я. — Надо было соглашаться на то пари с Августой.

Девушка поникла, подойник в ее руке грустно звякнул.

— А как же…

— Не грусти. Найдем мы твою пропажу. От меня еще ни одна коза не уходила.

Элисон

Мы шли по лесу больше часа, а коза мелькала то впереди, то сбоку. Иногда она подавала голос, и я бросалась на звук сквозь кусты, но успевала увидеть только куцый белый хвост впереди.

Подол моего серого платья весь перепачкался в земле и травянистом зеленом соке. И рукав я порвала — зацепила за ветку. А вот колдун по-прежнему смотрелся так, будто сошел с парадного портрета — элегантный, небрежный, ни морщиночки, ни пятнышка на камзоле. Заклятие использовал, не иначе.

Когда впереди снова раздалось мемеканье, я даже не дернулась. Сил уже не осталось. Тяжело переставляя ноги, выбралась за колдуном на полянку.

Коза поджидала нас, выглядывая из-за молодого дубка. Я никогда не думала раньше, что козы умеют улыбаться, но она именно улыбалась. Еще глумливее, чем маг. И я поняла, что это не мы ее выслеживали, а она дала себя найти.

Прав был колдун — она умная.

Элвин встряхнул руками, размял пальцы:

— Ну что — откроем сезон охоты на коз? Я могу поймать ее силовым лассо.

— Погоди. Я так попробую.

— Ты уже пробовала «так».

Тем не менее, он пожал плечами и вмешиваться не стал.

А я пошла к козе медленно-медленно. И все время, пока шла, говорила с ней. Негромко. Рассказывала, как важно мне вернуть Саймона. И что королева позволит мне с ним поговорить, только если я смогу подоить Хейдрун. И что дома у меня маменька и две младшие сестры. И они тоже очень-очень ждут нашего возвращения.

Коза слушала. Ее смешные длинные уши шевелились, и как-то было видно, что она и правда все понимает.

А я продолжала рассказывать, как надеюсь, что уважаемая госпожа Хейдрун прислушается к моей просьбе и даст немного молока. А если ей потом захочется, я с ней побегаю. Ей же, наверное, скучно тут одной…

Коза вышла из-за дубочка. Встала, косясь на меня. Она была красивая — совсем не вонючая и не похожая на деревенских коз. Очень чистая с длинной шелковистой шерстью и умной мордой. Мне даже неловко стало, что я раньше о ней так плохо отзывалась.

Это было как свист ветра над ухом. Негромкий,

но противный. И в ту же минуту Хейдрун рухнула на траву и задергалась, безуспешно пытаясь вырваться из невидимой сети.

— Ну вот — сейчас завяжу узлы, и дои ее хоть весь день, — услышала я насмешливый голос.

Маг приближался, на ходу сматывая в клубок невидимую нитку.

— Пусти ее немедленно!

— Не говори ерунды. Отпущу — потом не найдешь, — он подмигнул. — Ловко ты ее отвлекла.

Я аж задохнулась от возмущения. Так нельзя! Это же подлость какая-то! Хейдрун мне доверилась, а теперь получается, что я ее обманула.

— Я не отвлекала!

— Да какая разница? Или тебя мучает чувство вины перед козой?

Мне ужасно захотелось стукнуть колдуна, чтобы он убрался со своей непрошенной помощью.

Он подошел и встал совсем рядом.

— Думаешь, она позволила бы себя подоить просто так? Гриска с два.

Металлические пальцы на левой руке мага задвигались, словно завязывали узел.

Ну что за гадость?! Не хочу я в таком участвовать, и не буду!

...сама не знаю, что собиралась сделать. Навер-

ное, просто схватить его за запястье. Но наши руки так и не встретились. Чуть раньше я наткнулась ладонью на что-то шевелящееся, упругое, горячее. И, когда я сомкнула пальцы, это «упругое" лопнуло, обдав кожу почти нестерпимым жаром.

— Ты что творишь?! Совсем мозги потеряла — лезть под заклинание?! Как ты вообще это сделала?

Я не ответила, зачарованно глядя на свою руку. Кожа ладони еще немного горела, как бывает, когда стукнешь по чему-то твердому со всей силы.

Маг встряхнул меня за плечи:

— Элли, ты меня слышишь?!

И тут же вскрикнул, отскочил, запнулся ногой о корень и шлепнулся на траву, возмущенно потирая ногу.

Между нами, нацелив на мага острые рога, стояла коза.

Я честно не хотела смеяться.

Смех сам полез наружу, прорывался, как я его ни давила, вместе со всхлипами и невольными слезами. А я так старалась его удержать, что даже лицо заболело.

Очень уж смешно было наблюдать, как Элвин опасливо косился на мою бесстрашную заступни-

цу. Встать он так и не решился.

Дурной пример заразителен. Маг посмотрел на меня и тоже засмеялся.

— Похоже, Хейдрун будет защищать тебя до последней капли моей крови.

— А вот не надо было ее обижать!

— Ага, ее обидишь. Страшнее козы зверя нет.

— И вовсе она не страшная. Просто тебя не любит, — сама не заметила, как перешла с колдуном на «ты». А он не стал поправлять. Словно так и надо.

— Это чувство взаимно. Дои ее, пока она не передумала.

Элвин

Мэй походила на кошку, вылакавшую целое блюдце отменных сливок втайне от хозяина. По одной ее довольной улыбке становилось ясно, что она не только наблюдала за этим цирком, но и получила необычайное удовольствие от увиденного.

Интересно, как она это делает? Зеркал я там не заметил.

Она восседала в высоком кресле с резной спинкой. Я нарочно встал за ее спиной. Сестренку это здорово нервировало.

Запечатанные конверты лежали рядом на низеньком столике.

Я приготовился к пафосному представлению. Мэй была бы не Мэй, если бы не попыталась выжать все возможное из возникшей ситуации.

Ее можно понять. На Эмайн Аблах слишком мало развлечений.

— Ты успешно справилась с заданием, девочка, и я выполню свое обещание, — по кивку Мэй слуга забрал у Элли подойник, до краев полный тягучего, пахнущего медом молока. — Но не сетуй, если твой жених откажется идти с тобой.

Сестра щелкнула пальцами, и в зал в сопровождении двух ши влетел высокий рыжий парень.

— Моя королева, вы звали… — начал он и осекся, увидев Элли. На лице его отразился суеверный ужас. — Элисон?! О нет! Ты ведь мне снишься, правда?

— Саймон! — голос Элли дрожал от ярости.

Куда подевалась та стеснительная девочка, что краснела от любого моего намека или взгляда? Зашуганная мышка внезапно обернулась разъяренной тигрицей, и кто как, а я рыжему Саймону совершенно не завидовал.

— Как ты мог?! Бросил меня, маму, сестер! Ты — единственный мужчина в семье! Да как ты

смеешь называть себя мужчиной?!

— Элисон, милая, о чем ты говоришь? — бормотал парень, отступая перед ее неудержимым напором.

— Я говорю о том, что ты забыл свой долг сына и брата, бросил семью в самый тяжелый, самый трудный момент! Я говорю о том, что ты немедленно отправишься со мной обратно и заявишь свои права на Гринберри Манор и наследство, пока дядя не отобрал у нас все и не пустил по миру!

А, вот оно что! Недостающий элемент головоломки встал на место, объясняя поведение девушки.

Так и думал, что все дело в деньгах.

Мэй откинулась в своем кресле, расхохоталась и зааплодировала.

— Браво! Браво, девочка! Ты так ловко обманула моего братца. Я горжусь тобой!

Элли остановилась, бросила виноватый взгляд в мою сторону:

— Простите… я не хотела врать. Я из дома сбежала. Переоделась, чтобы не нашли. А потом, когда вы ошиблись, подумала — хорошо, что так. Не будет сплетен…

Пока Элли сбивчиво оправдывалась, повернувшись ко мне, Саймон перевел дух, пугливо

огляделся по сторонам и юркнул в ближайший коридор.

— Мне жаль, братик, но, видно, сегодня удача решила изменить тебе, — объявила Мэй, кинув в мою сторону короткий торжествующий взгляд. — А теперь… — как ни старалась сестренка сохранить торжественно-мрачный вид, ее губы неудержимо расплывались в широкой радостной улыбке. Она была так счастлива, что переиграла меня. Мне на секунду даже стало ее жаль. — Слушай мое желание, Элвин…

— Может, сначала конверт откроешь? — безразлично спросил я.

Улыбка пропала с ее лица, а брови сложились горестным домиком. Она схватила конверт, ломая ногти, сорвала сургучную печать, прочитала и отшвырнула в отчаянии:

— О нет!

— Мне жаль… да нет, что я несу? Мне совершенно не жаль. Леди Удача — верная девочка. Никаких адюльтеров.

Мэй сгорбилась в кресле и совершенно по-детски разревелась.

Растерянно переводившая взгляд с меня на рыдающую сестричку Элли подошла к записке, подняла ее, разгладила и прочитала.

— Вы знали?! — возмущенно воскликнула она.

Я развел руками, признавая очевидное.

— С самого начала? — спросила она и густо залилась краской.

— Да почти с первых минут. Для того и устроил цирк с раздеванием. Извини, дорогая, ты крестьянок видела? Я даже не про руки сейчас, хотя на них надо смотреть в первую очередь. Я в целом. Обрати внимание как-нибудь, какие следы на человеке оставляет тяжелая работа в полях. А уж как ты доила несчастную козу, даже мне ее жалко стало. Тут бы и слепой догадался.

— Гадкий Элвин! — всхлипнула Мэй. — Все зло в мире от братьев!

— Похоже, Элисон полностью согласна с тобой в этом вопросе.

— Но как ты узнал… — начала Элли.

— Твое родовое имя? — закончил я за нее. — А ты меня не помнишь? Семь лет назад, похороны патера Вимано.

Она покачала головой.

— Мы не были представлены, но ты подошла познакомиться. Даже в двенадцать лет ты не слишком-то уважала правила приличия.

Очевидно, Элли усмотрела в моих словах какой-то намек, потому что покраснела еще гуще и

опустила глаза.

— Вспомнила?

Она помотала головой.

— Неудивительно. Тогда мы недолго разговаривали. Надеюсь, в следующий раз ты меня узнаешь.

Элли была вежливой девочкой, поэтому не сказала вслух, что надеется больше никогда не встретить меня, но это желание читалось на ее лице.

Я взглянул на ее дрожащие губы и почувствовал укол совести. Подшучивать над Элли сейчас — все равно, что бить калеку или ребенка. Ни удовольствия, ни интереса, да еще и чувствуешь себя последним мерзавцем.

Когда она часто-часто заморгала, я понял, что еще немного, и окажусь в одной комнате с двумя рыдающими женщинами. Даже с моим талантом портить всем настроение как-то чересчур. Поэтому я потряс сестренку за плечо.

— Чего тебе еще надо, Элвин? — прошипела она.

— Желание.

— А что, ты уже придумал?

— Похоже на то.

Я снова взглянул на Элли. Она из последних сил

сдерживала слезы.

К грискам! Почему девчонка должна страдать, если ее дружок — любитель нечестной игры?

— Хоть ты и хотела заставить меня подоить Хейдрун, я не буду отвечать тебе той же монетой, — начал я.

— Откуда ты это знаешь?! — возмущенно завопила Мэй. — Почему ты все время читаешь мои мысли?

— Ну, извини, — я подавил ухмылку. Было бы, чего там читать. — Так вот: я не стану отвечать тебе той же монетой. Вместо этого я просто хочу, чтобы ты сегодня же вернула Саймона Майтлтона безутешным родственникам.

— Ой! — Элли вскинула голову, посмотрела — неверяще и изумленно. А потом одарила меня влюбленной улыбкой. — Спасибо, колдун!

Она шагнула вперед, словно собиралась броситься мне на шею, но тут же смутилась своего порыва. Остановилась и сделала церемонный книксен:

— От всей души благодарю вас за помощь, уважаемый сэр.

— Да ладно, мне это ничего не стоило.

Ох уж этот восторженный взгляд снизу вверх! Немногие мужчины способны устоять перед

ним. Если однажды Элисон поймет о силе оружия, которым ее одарила природа, и начнет пользоваться им сознательно, как любит делать Франческа, она разобьет не одно сердце.

Чтобы отвлечься, я снова похлопал Мэй по плечу:

— Так что насчет Саймона?

— Да забирай! — сестричка успокоилась, высморкалась и даже повеселела. — Он все равно мне уже надоел. Никогда больше не буду с тобой спорить.

— То же самое ты говорила и в прошлый раз.

— В этот раз — все! Совсем и навсегда, — она провела рукой перед собой, и мгновенно все следы слез исчезли с ее лица. Косметическая магия, как и любые другие иллюзии, — конек Мэй.

— Откроешь нам путь через холмы?

— Вы разве не останетесь к ужину?

Я посмотрел на Элли, она едва заметно покачала головой.

— Пожалуй, нет. Мы покинем тебя прямо сейчас. Прости, что испортил развлечение.

Мэй вздохнула:

— Да ладно. Ты всегда ломал мои игрушки. Но я все равно была рада видеть тебя, Элвин.

* * *

— Думаю, отсюда вы и сами доберетесь до дома.

От подножия холма к Гринберри Манор вела широкая наезженная дорога.

Элли кивнула:

— Конечно, доберемся. А… — она замолчала, но я и так понял невысказанный вопрос.

— Забудь. Ты мне ничего не должна, — с легким сожалением ответил я. — Это была шутка. У меня злое чувство юмора.

Она выдохнула, уткнулась мне в плечо и тихо расплакалась.

— Тс-с-с… Не при Саймоне же!

— Глаза бы мои на нее не глядели, — пожаловался рыжий. — Все зло в этом мире от сестер.

Элли ничего не ответила, только обхватила меня за шею руками.

— Знаешь, я терпеть не могу утешать плачущих женщин, — заметил я.

— Во-во! Всегда они так, — прокомментировал Саймон. — То пилят, то ноют.

— И что? Ты мужчина или мальчик? Сбежал, чтобы найти себе добрую мамочку, которая не будет обижать и вытрет сопельки? Это твои жен-

щины, ты за них отвечаешь, вот и разберись с ними.

— У меня мать и три сестры! Ты не знаешь, на что это похоже!

— Немного представляю. В общих чертах. У меня шесть сестер и жена.

— О… соболезную, — выдавил он. И замолчал.

— Сравнивать, конечно, нельзя, с сестрами у нас нежная любовь на расстоянии. Но будь я проклят, если позволю женщине указывать, что мне делать.

Элли выпустила мою шею и прекратила всхлипывать.

— Прости! — прошептала она еле слышно. — Спасибо, Элвин!

— А еще я терпеть не могу долгих прощаний.

— Да, да. Я уже… — Она перестала плакать, но ее губы по-прежнему подозрительно дрожали.

Я нежно погладил Элли по щеке:

— Удачи тебе, девочка. Постарайся забыть все, как страшный сон.

— Я никогда тебя не забуду.

— Брось! Я — это совсем не то, что тебе нужно, — я подтолкнул Элли в сторону дороги. — Иди! Твоя мать и сестры сходят с ума, гадая, куда ты подевалась.

Кира Кэрис
СЕСТРА МОИХ БРАТЬЕВ

Я хочу тебя, слышишь,
увидеть на крыше
и успеть тебе крикнуть:
«Давай ещё поживём!»

Светлана Сурганова

1. Кладбище

Дождь капает, моросит, он почти незаметен. Люди, стоящие у гроба, около свежевырытой могилы, моросят тоже (вряд ли здесь уместно слово «плачут»: дождь, это дождь). Я пытаюсь быть такой же и, наверное, мне удаётся, потому что, приподнявшись над кладбищем, я вижу очень печальную, очень несчастную девушку в чёрном пальто. Пальто длинное, и я уже испачкала его — левая пола вся в грязи, и кроме меня грязь замечают ещё двое. Двое мужчин; единственные, кто знаком мне здесь. Они стоят с опущенными глазами, но всё, что интересует их на кладбище в данный момент, — это я, они пришли сюда из-за меня — не на похороны, нет, на их лицах дождь — только дождь.

Один из них безотрывно смотрит на моё пальто, и я невольно нагибаюсь, чтобы отряхнуть его. Но грязь жидкая и липкая, мои усилия — недолгие, впрочем, — бесполезны. Он подошёл бы сам, чтобы помочь мне, но мы на кладбище, и он просто смотрит — искоса и неодобрительно.

Второму не мешает грязь на моём пальто, но зато ему очень не нравится само наше присутствие

на этих похоронах: нам не к лицу находиться здесь.

Эти двое — мои родные братья.

Я младше обоих; возможно, поэтому я стою на кладбище почти рядом со свежей могилой, среди незнакомых мне людей. Я стараюсь не смотреть на человека в гробу, на его лицо, такое подвижное у живого. Я пытаюсь думать, что он незнаком мне тоже, я так хотела бы в это поверить. Я смотрю вдаль, поверх железной кладбищенской ограды, высокой ограды, небо над кладбищем серое, и, может быть, тот, кто лежит сейчас с закрытыми глазами, смотрит на меня — с неба. Я поднимаюсь над кладбищем снова, но ничего, кроме неба, над кладбищем нет. Никого; и, вернувшись к могиле, я крещусь — как положено, сложенными в щепоть тремя пальцами, истово, почти напоказ. Нет-нет, напоказ не тем, кто пришёл сюда хоронить. Они, до сегодняшнего дня не видевшие меня ни разу, вряд ли обратят внимание и сейчас, да я и не делаю ничего удивительного — креститься на кладбище в порядке вещей, верно?

Я крещусь напоказ своим братьям, пришедшим сюда вслед за мной. Из-за меня. Чтобы подставить плечо, если я потеряю контроль над собой.

Они безмерно любят меня, мои братья.

Эта любовь взаимна.

Она взаимна даже теперь.

Мне никуда от неё не деться.

Поэтому я не хочу, чтобы человек, лежащий в гробу, смотрел на меня с неба.

2. Предисловие

Девочка жила на втором этаже, в сорок девятой квартире.

Брюнеточка, и очень милая, в восточном немного стиле, она обещала вырасти красавицей. Говоря так, соседи по дому немедленно добавляли, что в жизни ей это ничем не поможет. Лучше бы девочка родилась уродиной.

Девочка была больна. Сильно хромала, сутулилась так, что казалась горбатой, дёргала при ходьбе головой, непомерно большой для худенького тела. Что-то костно-суставное — или последствия детского церебрального паралича, а может быть, нечто совершенно иное. Врачей среди соседей не было.

Соседи очень жалели девочку, гладили при встрече роскошные чёрные кудри, совали конфетки. Искренне сочувствовали её родителям: горе-то какое! на всю жизнь!..

С родителями девочки соседи встречались редко (как и с самой девочкой) — всё больше по утрам, в подъезде, спеша на работу. Родители эти были люди интеллигентные, приятные и очень занятые. Удивляться не приходилось — вне со-

мнений, лекарства, поддерживающие девочкину жизнь, стоили непомерно дорого. Так дорого, что, и трудясь на нескольких работах, родители не могли себе позволить даже няню для неё пригласить. Девочка целыми днями сидела одна, а соседские дети хоть и здоровались с ней приветливо, понукаемые сердобольными взрослыми, дружить не хотели. Уродство отталкивает, а уж детей тем более. Не дразнились, и ладно.

В школу девочка, конечно, не ходила. Так и росла в одиночестве, хорошея лицом, приволакивая ногу. На улицу она выходила редко — стеснялась, наверное, да и невесело было сидеть на лавочке, глядя на носящихся по двору ровесников. Правда, смотрела она без зависти, без злости, с мечтательной улыбкой. Соседи вздыхали.

Неизбывное соседское любопытство в случае с девочкой было, как ни странно, весьма умеренным. Никто не пытался узнать, где именно зарабатывают деньги её несчастные родители, каким образом девочка получает образование, что за болезнь заставляет трястись её очаровательную головку. Не было сплетен, не было досужих вымыслов — вообще никаких разговоров. Даже фамилия жителей сорок девятой квартиры — хорошей, кстати, квартиры, четы-

рёхкомнатной, с большим балконом — никому не была известна. Ни к девочкиной маме, ни к девочкиному папе соседи не смогли бы обратиться по имени-отчеству, случись у них такая нужда. Но нужды не случалось.

О существовании у девочки двух старших — взрослых — братьев соседи понятия не имели. Тем не менее, братья у неё имелись, больше того — жили с ней в одной квартире. А вот родители девочкины, напротив, и ногой туда никогда не ступали.

Не лишним будет также указать, что девочка была абсолютно здорова; состояние же соседей при виде девочки и её несуществующих родителей очень напоминало результат действия обыкновенного морока.

Братьям девочки морок навести было — что сигаретку прикурить. Да и самой девочке это особого труда не составляло.

Соседям, впрочем, было известно, как зовут девочку.

Девочку звали Ингой.

3. Триглав

Это довольно старое здание. Высокие потолки, окна в коридоре. Прекрасные квартиры — а заглянув в нашу, люди добавили бы эпитет «богатая». Те же, в чьём обществе нам подобает находиться, сочли бы нас аскетами — даже учитывая обстоятельства, волей которых мы живём здесь. По счастью, гости в нашей квартире очень редки.

Было бы странно называть квартиру домом — наш дом не здесь, и выглядит он иначе. Но у каждого места должно быть имя. «Триглав» — так говорят о квартире братья. Мне тоже нравится это слово.

Самая маленькая комната принадлежит Кириллу: шесть квадратов, узкий диван, книжный шкаф, компьютерный стол. Кирилл неприхотлив — он может спать не раздевшись, а проснувшись, сесть за работу, не имея и мысли о завтраке. Подозреваю, что любой профессиональный программист многое отдал бы за возможность влезть в Кириллову машину. Вот только работать на ней не смог бы.

Моя комната полна игрушек. Я уже выросла из них, но не хочу ничего менять. Сантименты; но

мне нравятся мои сантименты.

Виталий сибарит; ему, привыкшему к огромным залам, приходится трудно. Обилие красивых вещей, антикварная мебель — но всё это, посмеиваясь над собою, он называет «эрзацем».

Территорией Виталия является и кухня. Он любит готовить — не каждый день, конечно, но кроме него этим не занимается никто. Баловство, говорит Кирилл. Я с ним согласна — кухарка нам ни к чему не нужна. Как и уборщица, как и горничная. Триглав вполне способен обслуживать нас самостоятельно. Поэтому, когда Виталий возится на кухне, я забираюсь с книжкой на кресло в углу и краем глаза наблюдаю за процессом. Сверхъестественное зрелище! особенно если знаешь о моём старшем (самом старшем) брате то, что знаю я. Мне кажется, что нарезка лука вручную выше пределов сколь угодно умелого мага и сколь угодно высокого бога.

Четвёртая комната триглава — общая; мы часто проводим вечера вместе. Диван в этой комнате никогда не складывается, он завален пледами и подушками, книгами и журналами, дисками и пультами. Моя любимая подушка — плюшевый кот, но иногда я уступаю кота Кириллу.

Существование пятой комнаты не на шутку

удивило бы строителей дома. Что делать! Я с трудом верю, что в подобных квартирах живут целыми семьями! Одна из странностей этого мира; впрочем, Виталий говорит, что дело не в мире, а в людях.

Возможно; всё, что я знаю о людях, я знаю из книг и фильмов. Братья долго запрещали мне общение с людьми (правда, я никогда не страдала от этого). Конечно, я здороваюсь с соседями по подъезду — как и они со мной. Но наши соседи много лет были единственными людьми, с которыми я вообще разговаривала. Я никогда не ходила в школу, а в детстве, вычитав о её существовании, несколько месяцев наблюдала из окошка за детьми, у которых были портфели. Жалела их и ужасно боялась, что меня тоже отправят в школу. Когда я, наконец, призналась в своих страхах братьям, Кирилл смеялся до слёз, а Виталий утешал меня и рычал на Кирилла.

Гулять я лет до семнадцати ходила только с братьями. Если не считать того, что иногда мне приходилось сидеть около получаса на лавочке у подъезда, поддерживая созданную для соседей иллюзию. Вместе с братьями я побродила немало — но не по городу, в котором мы жили, конечно, нет; в других местах. В других местах этого мира

и в других мирах — везде, кроме Дома. Нашего Дома. Домой нам нельзя. Я до сих пор не знаю, почему, но вот этот запрет касается и моих братьев. Я давно привыкла не интересоваться его причинами. Так же, как работой Виталия и Кирилла.

Я часто остаюсь одна, и я не знаю, чем занимаются мои братья. Не торопись, сказал мне Виталий, тебе надо учиться.

Учусь я здесь, в триглаве. Это мои братья дают мне необходимое образование, но я знаю, что сами они учились иначе. Обстоятельства, сложившиеся в нашей семье, мешают мне следовать их примеру и возлагают на моих братьев ответственность за моё воспитание, потому что родители не могут заниматься этим. Мои братья любят меня, я чувствую себя птенцом в уютном гнезде, но иногда мне кажется, что их опека чрезмерна.

Хочу ли я лишиться этой опеки? Нет! мне страшно представить подобное! Братья — мой мир, мой дом, я люблю их больше всего на свете.

Мне кажется, что они любят меня гораздо сильнее — ведь им есть, с чем сравнить эту любовь…

4. Нитки

От внезапной тяжести пружинит диван, шуршит одежда, соскальзывает, обнажая грудь, одеяло, и я улыбаюсь сквозь сон. Присевший на мою постель обрывает нитки, сплетающие меня со сном, — легкими касаниями, медленно, бережно. Я просыпаюсь, я обвиваю брата руками и ногами, тяну его к себе. Я знаю каждое его движение, каждую линию его тела.

Я знаю это о них обоих.

Я сплетаю нитки, касаясь их тел, — так же, как плету настоящие, но настоящие я люблю плести пальцами… У меня гибкие, очень красивые пальцы: филигранный рисунок гениального скульптора. Братья говорят, что у нашей матери — такие же. Пальцы, которым не нужен ни уход, ни маникюр, ни украшения. Правда, братья все время дарят мне драгоценности — точнее, дарят себе, они способны подолгу играть с моими пальцами, нанизывая на них кольца, перстни, печатки. Они превратили это занятие в хобби, они словно собирают мозаику — вместе и порознь, всерьез спорят, смотрится ли рядом с изумрудом — рубин, или черный агат подойдет сюда лучше…

Они даже надоедают мне, особенно, когда мне хочется сплетать нитки.

Я делаю это без спиц и крючков; я не плету только что одежду. Триглав полон моих изделий, а когда я была маленькой, то заплетала сложным лабиринтом всю квартиру, зацепляя нитки за ручки дверей и ящиков, за перекладины стульев и подлокотники кресел… Это не было похоже на паутину — даже когда я выбирала только один цвет, даже когда я выбирала серый. Струйки воды, пузырьки в лимонаде, листья деревьев — если смотреть напросвет.

Братья часто заставали меня сидящей среди лабиринта — на полу, на столе, под столом… Они не ругали меня, конечно, нет, и не рвали нитки. Они играли со мной. Подымая и опуская части узора, вытягивая, меняя цвета, они прятали мои пальцы в своих ладонях и учили плести не касаясь. Закончив игру, один из них (чаще Виталий) сворачивал лабиринт в клубочек — или просто уменьшал. В триглаве полно моих лабиринтов — самые крошечные лежат в секретере, в шкатулках.

Мои братья научили меня плести многое другое — ведь нитки бывают разными.

Я очень люблю сплетать их в постели: занятие,

именующееся в книгах сексом. Этому меня тоже научили братья, но наша постель — всего лишь часть моей любви к ним, всего лишь часть их любви ко мне.

Я знаю, что любовь в постели — секс — только удовлетворение физиологической потребности тела. Да; конечно так; но я люблю своих братьев и одетыми, и не за постель, и я блаженствую в их постели.

Нитки, которые не оборвать, не уменьшить, не спрятать в шкатулке: блаженство в постели брата. Книги именуют это инцестом.

У людей есть мифы о первых людях. Их было мало, и они женились на своих сестрах. Авель; Каин; кто-то еще… Адам — с Евой, сотворенной из него самого.

Инцест был в чести у королей — или в нужде.

Еще им занимались боги.

5. Ларек

Раза три в неделю я работаю ночной продавщицей в нашем ларьке.

Квартал, где находится ларек, почти безлюден после восьми вечера. Редкие прохожие, редкие покупатели. Ларек не богат ассортиментом, но клиентам его и не нужно многое — пиво, сигареты, чипсы… А мне не нужны клиенты.

Я не знаю, зачем моим братьям ларек. Возможно, как склад: здесь есть товар, не подлежащий продаже. Он хранится в ящиках, запечатанных и нет. В раскрытых, деревянных, лежат пересыпанные опилками яблоки, весьма непрезентабельного вида, желтые, с пятнами, и это действительно яблоки, и они довольно вкусные, чего никак не подумаешь по внешнему виду. Я грызу их иногда, но Виталий, заставши меня за поеданием яблок, кривится. Ящики, перехваченные крест-накрест широким скотчем, — картонные. Не слишком большие, совсем не тияжелые, с надписями вполне продуктового или сигаретного содержания. Спросить, что в них находится, мне никогда не приходило в голову. В нашей семье не приняты вопросы, заключающие в себе

пустое, праздное любопытство. К тому же я не любопытна сама по себе, это не в моем характере. Да и вмешиваться в дела моих братьев — дело достаточно опасное и неблагодарное. Опасное не для меня, но сомнительно, что братья стали бы отвечать на такие мои вопросы.

В ларьке хорошо. Он чем-то напоминает мне полузабытый Дом — не интерьерами, конечно. Я не смогла бы объяснить внятно — чем.

Может быть, свет… Дневные лампы, яркие, не выключаемые никогда. Из-за них почти ничего не видно на улице — только людей, когда они уже подходят вплотную.

Может быть, запах, исходящий от закрытых ящиков, близкий к яблочному, только так пахнут огромные, зеленые фрукты, а желтые пародии в опилках пахнут совершенно иначе.

Может быть, возникающее уже через час чувство отделенности от мира вне ларька — словно ларек находится в другом месте, а все за его стенами — иллюзия, странное кино… Не знаю, откуда это чувство берется, ведь в своей квартире, закрытой, отгороженной и куда как более странной, я не ощущаю ничего подобного. Не знаю… но мне хорошо в нем. Я даже испытываю порой дискомфорт от прихода братьев, довольно часто

навещающих меня по ночам. Навещающих просто так — убедиться, что со мной все в порядке, и всегда они приносят мне какой-нибудь еды, хотя прекрасно знают, что я не люблю есть в ларьке.

Торговать мне приходится совсем мало — может быть, десяток покупателей вечером, а ночью даже двое — уже много. Я читаю, сидя в кресле за витриной, уместив ноги на одном из ящиков, но читаю что-нибудь совсем легкое, а чаще — листаю бестолковые, но толстые и красочные журналы. Кирилл, забегая в ларек, проводит в нем от силы минут пятнадцать, пьет со мной кофе и, целуя меня перед уходом, просит не скучать. Виталий заходит гораздо реже, но и сидит со мной дольше. Товаром, в основном, занимается тоже Виталий — то есть ларечным, пиво-сигаретным товаром. Яблоки и запечатанные ящики они привозят вдвоем — только вдвоем, и только на своей машине, и, как правило, после полуночи.

Я всегда рада их видеть — но я не предлагаю им навещать ларек чаще. Мне комфортно полностью только в присутствии братьев, я начинаю скучать по ним через полчаса после расставания, но здесь, в ларьке, я немножко отдыхаю от них.

Собственно говоря, у нас два ларька. Но во втором я не торгую. Сидеть в нем мне пришлось всего

раза три — опять же днем, даже не в сумерки, ни в коем случае не в сумерки, строго-настрого приказал мне Виталий, не вздумай задержаться.

Это обычный ларек, только на форточке окошка всегда висит табличка «закрыто». Давно привыкшие к табличке окрестные жители не пытаются в окошко стучать, и поэтому ничто не мешает заниматься здесь чем угодно — читать ли, спать ли… Но я не люблю быть в этом ларьке и вряд ли смогу объяснить, почему. В нем очень светло — несмотря на то, что нет ни одной лампочки. Словно бы солнечный свет проходит сквозь стены, или стены — обычные, железные — на самом деле стеклянные. Товара в ларьке нет совсем — только макеты на витрине, совсем немного, просто для вида. За витриной тоже стоят ящики, но иные, чем в ларьке ночном. Железные, совершенно неподъемные ящики. Их никогда не бывает больше пяти, и от них пахнет смазкой, машинным маслом, порою даже бензином. В фильмах такие ящики обычно набиты оружием, но я не представляю ситуации, в которой моим братьям могло бы потребоваться оружие — то есть, обычное оружие этого мира. Так же, как здешние деньги.

Кроме железных ящиков за витриной стоит

единственный табурет, деревянный, выкрашенный зеленой краской — выкрашенный давным-давно и потому порядком облезлый. Сидеть на нем весьма неудобно, правда, мне никогда и не приходилось делать это долго — часа два от силы. Братья всегда привозили меня туда сами и никогда не делали этого оба сразу — кто-то один, словно бы им нельзя находиться там вместе. И всегда они напряжены в нем, а со мной не говорят совсем. Один раз мне довелось быть там вдвоем с Кириллом около полутора часов; все это время он молча просидел на полу, с закрытыми глазами, привалившись к стене, в позе, к которой очень подошел бы автомат на коленях. Но автомата, конечно, не было.

Никто из нас не называет этот ларек ларьком. Коробка, гараж, сарай: мои братья определяют его исключительно этими словами. Хотелось бы знать, при чем тут гараж (а чаще всего они употребляют именно это слово), но я никогда не спрашивала.

Мой ларек совсем другой, и я даже люблю его — почти так же, как свою комнату. В любом случае — я никогда не испытывала в нем ничего дурного. И братья мои ведут себя в нем так же, как в триглаве. Обычно. Нормально.

6. Покупатель

Это был совсем молодой парень, мой ровесник, наверное. В длинном свитере, в кроссовках, с кучей сережек в ушах и проколотой нижней губой. Смешной, но очень милый.

Он купил у меня бутылку пива — уже за полночь. Я успела заснуть и потому двигалась ужасно медленно.

— Барышня, а можно холодного? — попросил он, заглядывая в окошко.

Он взял пиво, взял сдачу и посмотрел на меня опять, а потом уселся на парапет и стал пить прямо из бутылки, редкими глотками. Я никогда не завожу знакомств с покупателями, никогда не беседую с ними на посторонние темы. Это скучно, это глупо. Недостойно, сказал бы Виталий, фу, Инга, сказал бы Кирилл.

Я взяла сигарету, распахнула дверь настежь и, переступив порог, закурила.

— Проветриваешь? — спросил мой покупатель. Да, я не ошиблась спросонок: очень милый.

— Проветриваю.

— А я вот сижу и думаю, как с тобой познакомиться. Не закрывай дверь, пожалуйста! Я не

маньяк, честное слово!

Мне было совершенно ни к чему опасаться маньяков — да кого бы то ни было! — и я присела на парапет с ним рядом.

— А кто ты?

— Я музыкант, — сказал он и тут же пропел что-то не по-русски, чистым-чистым голосом. — Король рок-н-ролла.

— Здорово, — сказала я.

— Шутка, — сказал он. — Просто в кабаке играю. Но состав подобрался неплохой. Я бы тебя пригласил послушать. Можно?

— Я на работе.

— А завтра?

— Знаешь, — сказала я. — Ты лучше иди. Сейчас хозяева могут приехать.

— Ночные поставки?

— Почти.

— Я же не в ларьке сижу. Они на машине? Так мы услышим. Зайдешь сразу, да и все. Хочешь пива?

Он протянул мне бутылку, и я взяла. Пиво было почему-то сладкое. Сладкое и густое; а парень уставился на мои мокрые губы.

— Меня зовут Дилан, — сказал он. — Ты смертельно красивая. Не уходи, ладно? Я все равно

буду здесь сидеть. Ты когда меняешься? В семь?

— В восемь, — сказала я. — Но лучше тебе домой пойти.

— Не-а, — сказал он. — Не пойду. Вынеси еще пива, пожалуйста. Денег у меня полно сегодня.

7. Подтверждение

У него совсем маленькая квартира.

Одна комната, крошечная кухня и совмещенный санузел, но дискомфорта я не чувствую. Наоборот.

Я прохожу в комнату и оглядываюсь. Двустворчатый полированный шифоньер, вдоль окна — тахта, застеленная клетчатым пледом. На полу — истертый палас, на стенах — цветные плакаты. Полка с книгами. Очень старое пианино, и рядом с ним — ударная установка. Три гитары: две висят на гвоздях над диваном, одна прислонена к шифоньеру. И множество каких-то пультов, проводов на полу, по всей комнате расставлены и развешаны звуковые колонки всех размеров. На пюпитре пианино — лист бумаги, исписанный от руки нотами на неровно начерченном стане.

Хозяин комнаты сразу начинает щелкать кнопками, и комната наполняется музыкой. Я не слишком люблю такую, но узнаю сразу — «Назарет», Кирилл часто слушает эту группу.

Музыка очень громкая. Дилан дирижирует ею, потом садится к пианино (вместо стула — большая колонка) и подыгрывает, громко и вполне

верно, а потом поворачивается ко мне и говорит:

— Ты же танцуешь? под такое можешь?

— Могу, — говорю я и танцую — на месте, боясь наступить на провода, ползущие по паласу. Дилан смотрит на меня, склонив голову набок, и беззвучно поет, чуть покачиваясь взад-вперед.

— Стой! — говорит он и, вскочив, сдвигает ногами мешающие мне провода. — Двигайся! давай!..

Я слушаюсь, а он пристально следит, как я танцую, следит с задумчивым, рассеянным видом, и я тоже смотрю на него — я не могу на него не смотреть.

— Это все нужно снять, — говорит он и подходит ко мне.

Я позволяю ему раздеть себя — догола, я даже помогаю ему. Музыка становится быстрее — или, может быть, мне только кажется, а сестра моих братьев, где-то на краю сознания сопротивляющаяся мне сиюминутной, машет мне руками, отчаянно машет мне руками, но я смотрю на Дилана, и когда он заканчивает раздевать меня (моя одежда разбросана по всей комнате), я прижимаюсь к его свитеру лицом.

Смесь сигарет, незнакомого одеколона и чего-то еще, чужого, совсем чужого и странного. У меня сухо во рту от этого запаха, я поднимаю голову и

говорю Дилану:

— Да.

Я не знаю сама, что я подтверждаю, но он, кажется, знает. Он переспрашивает:

— Да?

Лицо его делается напряженным, а глаза очень большими — светлые глаза с зелеными точками. Колечко разделяет пополам нижнюю губу, оно красное — словно едва зажившая ранка.

— Да, — киваю я.

Дилан поднимает меня, отрывает от пола, укладывает на тахту (плед на ней тоже шершавый и теплый, как свитер Дилана) и пропадает куда-то. Я смотрю на потолок: на потолке желтоватые, в косую полоску обои. Я не шевелюсь; у меня кружится голова; а в комнате вдруг становится очень светло — и снова как было, и опять светло. Я поворачиваю голову: это лампочки, десятки разноцветных лампочек повсюду, они неторопливо мигают, и я вижу, как Дилан задергивает шторы.

Он раздевается и ложится рядом, наклоняется надо мной, лампочки отражаются в его глазах, загораются, и гаснут, и загораются. Дилан водит пальцем по моему лицу, наклоняется совсем близко и спрашивает:

— Сможешь в ритм попасть?

— Смогу, — говорю я.

— Вот так — так… — Он стучит пальцами по моей левой груди, в такт музыке, потом пальцы его расслабляются, их сменяют губы, и я вижу его темный затылок, я берусь за его плечи — они очень твердые, и далеко-далеко кричит что-то сестра моих братьев, так далеко, что я не слышу ее. Зато я слышу Дилана:

— Меня вообще-то Борисом зовут, — говорит он.

— Все равно, — говорю я. — Все равно.

Наши ноги переплетаются, и он растерянно усмехается мне.

— Только со мной нельзя. Тебе нельзя, — говорю я и изо всех сил тяну его к себе. — Нельзя, — говорю я, чтобы предупредить его. — Ты не можешь, — говорю я и, вцепившись в его плечи, повторяю: — Мне нельзя с тобой.

— Все равно, — говорит он. — Все равно.

Я пытаюсь сказать ему что-то еще, но уже поздно. Совсем поздно.

Отблески на его лице, на его теле; и сестра моих братьев пропадает — совсем: отовсюду.

8. Запах

Октябрь этого года страдает раздвоением личности. В городе лето. Совершенная, безупречная синева неба, зеленые кроны деревьев. Ни единого желтого листа. Ни дождя; ни холода; ничего. Лето. Октябрь.

Но в парке, рядом с моей любимой скамейкой, происходит осень. Кусты боярышника: пурпур и золото. Небо бледное, и на нем — тоном темнее — облака.

Присущие нынешней осени симптомы шизофрении в той же мере проявляются у меня. Очень просто: везде — лето, на скамейке — осень; повсюду я — с Диланом, в триглаве — прежняя. Только… только у кустов боярышника в парке октябрь бесспорен и однозначен. А вот в триглаве, свернувшись клубком под боком читающего Виталия, бездумно разглядывая рисунок пледа, я замираю от внезапного запаха. Запах Дилана: словно дразня, он пропадает в ту же секунду — не было! не могло быть! морок…

Морок — и не иначе, как наведенный мною, мною — на меня.

Чаще; все чаще. И совсем плохо — на работе:

мне все время кажется, что Дилан (которому я запретила появляться в окрестностях) где-то рядом — сидит на парапете за ларьком, на лавочке у соседнего дома, курит за углом магазина… Морок; я ни разу не увидела его, выходя — смотреть.

Я никогда не лгала своим братьям. Не лгу и сейчас: они не замечают моих перемен. Они не могут представить себе даже возможность подобного. Тем более — с человеком! о нет…

Но однажды, в середине ночи, уже засыпая рядом со мной, Кирилл вдруг спросил: ты сменила духи? Да, сказала я, разве плохой запах? Очень терпкий, сказал Кирилл, он больше подходит мужчине, но если тебе нравится…

Я никогда не лгала своим братьям… Даже той ночью: ведь это можно назвать и так — я сменила духи. Я сменила духи: новый запах. Запах Дилана на моем теле. Наверное, я занимаюсь изменой. Падеж родительный — измена кого?.. изменить… измениться… Измена меня; но — падеж дательный — измена кому? Дилану? Братьям? А они, мои братья, быть может, и я делю их с кем-то? В любом случае, не с людьми, конечно…

Я люблю их — я так их люблю! Но Дилан? Любовь ли то, что я чувствую к нему? Или только запах — запах, по которому самцы и самки отыс-

кивают друг друга. Я хочу, чтобы это было так: ведь тогда я могла бы просто сменить духи, еще раз сменить духи.

Запах — это секс; потребности — но, боги! я утрачиваю свои умения, когда со мной Дилан. Даже простые; даже женские. Ему нравится это, я знаю. Ему льстит, что порой я не успеваю за ним. Он смеется надо мной — герой! победитель! Пастух, утащивший в кусты богиню, заласкавший ее так, что она уже кричит и плачет как смертная.

Я, привыкшая к изощренным ласкам (он и представить себе не может такого!) — удивлена? Я, способная играть в это часами, я, умеющая принимать и дарить, — неспособна? Я, достойная ученица искушенных учителей, — недостойна? Я, богиня, потому что он — смертный, а значит, я — богиня…

Лабиринт из ниток, связавший смертного и богиню: спрятать такой в шкатулку не стоит труда, но я не сплетала его, нет, я не сплетала…

Боги, боги, братья мои, как я хотела бы рассказать вам! спросить совета! Но нет — ведь вы дадите мне не совет — защиту.

Кроме занятий инцестом, у богов было еще одно развлечение: они обожали соблазнять людей.

9. Тени

Наряжаясь, девчонки распахивают окна и вертятся перед зеркалом.

Я зажигаю свечи — много свеч — и смотрю на свою тень. Широкие рукава платья — и на стене машет крыльями птица. Капюшон плаща и присесть на корточки — гном, зарывающий золото, мастерящий тайник. Джинсы и кепка — получается клоун, существо опасное, странное и не слишком живое. Я поднимаю, покачивая, руки — и клоун превращается в колдуна из человеческих сказок, бросает со стены заклятие, но я уворачиваюсь.

Я падаю на ковер и меняю взглядом сумрак на свет. Лампа под потолком вспыхивает с секундной задержкой, потолок убегает вверх. Игра теней; но в эту секунду я вижу наш Дом.

Дом, который я помню прозрачным и узким. Огромные комнаты — узки, потому что потолок высок, как небо. Выше неба: ведь для меня маленькой небо было под Домом. Я спрашивала об этом братьев: Дом висит в небе, почти серьезно отвечали они.

Детская память не соответствует действитель-

ности; тем не менее, она точна — точна, как алгебра. Дети видят мир настоящим — взрослые видят мир сквозь призму собственных представлений. Мои братья населяют триглав вещами, похожими на вещи нашего Дома, и получают обратный эффект; странно, что я не замечала этого раньше. Обратный эффект: статуи, обернувшиеся статуэтками. Не копии, нет. Иное.

Там, в Доме, я помню братьев очень смутно. Большие гости, они появлялись так редко, они исчезали, не давая мне узнать их. Гости-колдуны, взрослые боги, плащи и тени, замок посреди неба…

Я давно выросла, и нитки, держащие в небе наш Дом, лежат у меня на ладонях. Формулы на мониторе Кирилла. Поля и энергии, подвластные слову и жесту. Слова и жесты чистят мебель в триглаве, трепещут в железных ящиках, пятнают желтые яблоки. Быт и оружие, компонент нашей крови, инструмент колдунов из человеческих сказок. Сущность богов.

Боги должны жить в небе; может быть, потому я так люблю летать. И люблю ходить по крышам — по крышам обычных городских многоэтажек и четырехугольным скатам старых домов. Я хожу босиком; лучше всего делать это зимой, оставляя

следы на снегу.

Я хотела бы научить Дилана… взять его с собой. Дождаться зимы — и сказать ему, что я не замерзну, раздевшись. Лечь на снег — вдвоем, отпечатав один силуэт… Взлететь к замку в небе, войти в него вместе — среди прочих гостей-колдунов…

Мне хочется думать, что это возможно.

Я знаю, что нет.

10. Защита

Они приехали глубокой ночью, но ни яблок, ни ящиков не привезли. Виталий уселся в кресло, Кирилл — на ящик с пивом, и оба молчали.

— Кофе будете? — спросила я. — Что-то случилось?

— Не успеем, — сказал Виталий, и в ларьке стало холодно. Ощутимо холодно; а на полки пал иней.

В окошко постучали, и я подошла, чувствуя спиной взгляды братьев.

— Привет, — сказал мне Дилан. Он сидел на корточках, а не маячил перед окошком, и это было просто прекрасно.

— Что вы хотели? — спросила я и сказала одними губами: — Уходи! Хозяева!

— Да я знаю, — сказал Дилан. — Хозяева!.. Они там ружье с библией захватили, хозяева твои? Я знакомиться пришел, Инга. Меня вежливо пригласили пообщаться.

— Что?.. Кто?

— Твои родственники. Мне звонил такой ужасно серьезный парень. Брат, кажется. Я только не понял, почему в ларек-то надо придти.

— Открой ему, — сказал с кресла Виталий.

— Не надо, — сказала я, оборачиваясь. — Это… Это просто так, я… Я просто не успела вам сказать! Это совершенно неважно! Кирилл!

— Открой, Инга, — сказал Кирилл и поднялся с ящика.

— Борис, — сказала я в окошко, — уходи отсюда. Уходи сейчас же.

Было уже бессмысленно — уходить, но я просто не знала, что делать.

— Да ладно тебе, — сказал Дилан. — Думаешь, морду набьют? Но я согласен на тебе жениться, так что, может, и обойдется.

На секунду я поверила в это — в грозных родственников, заставших на горячем и требующих законного брака. В добрых братьев, которые глянут на моего мужчину и со вздохом примутся устраивать свадьбу. В замке посреди неба: мы войдем туда, держась за руки, и будут гости — много гостей, и огромный зал, и лепестки, летящие с потолка… В фужерах с ледяным вином отразятся свечи, а мама поцелует смущенного жениха, ведь счастье дочери дороже предрассудков, счастье сестры…

Секунда прошла, и я повисла на руке у шагнувшего к двери Кирилла.

— Не надо, Кир! Не надо, я больше не буду! Кир, я просто скучала! Ничего серьезного! Кирилл, подожди! Кирилл!

Он стряхнул меня, как прилипший фантик, сдвинул щеколду и толкнул дверь.

Дилан переступил порог. Развел руками. Потупил глаза. И вдруг вскинулся, подался назад.

— Да уходи ты! — крикнула я, но он уже опомнился, подавил то, что почуял, дурачок, пастушок, я должна была сказать ему, давным-давно… Но он все равно пришел бы, в надежде, что моим родственникам нравится группа «Назарет», и, кто бы они ни были, все утрясется, ведь счастье сестры…

— Здравствуйте, — сказал Дилан. — Это вы мне звонили? Вот, я пришел. Но честное слово, ружье вам не потребуется. Я очень люблю вашу сестру — она же ваша сестра? — и не намерен уклоняться от женитьбы. Я даже ей предлагал. Она обещала подумать.

«Выходи за меня замуж». — «Я подумаю, Дилан». — «Я даже из кабака уйду. Правда, там недурно платят… но если ты против..». — «Я совершенно не против». — «Роди мне мальчика, Инга. Только обязательно со слухом. Я его научу на саксе лабать..».

Не научишь, Дилан. Нет, не научишь.

— Сочувствую, — сказал Виталий. Он встал, усадил меня в кресло и подтолкнул Дилана на середину ларька.

— А почему в ларьке-то разговариваем? — спросил Дилан. — Нет, как хотите, конечно…

— Мы собираемся поговорить с сестрой, — сказал Кирилл. — Ты уж извини, но девочка должна осознать, что неправильно себя вела. Ты тут не виноват. Да, Инга?

— Отпустите его, — сказала я. — Я не буду больше, — сказала я, только слова мои были никому не нужны. — Вы просто ревнуете! — сказала я. — Это же глупо! Пожалуйста, Вит!

— Бить будете? — поинтересовался Дилан.

— А ты смелый мальчик, — сказал Виталий. — Зря ты так, Инга. Хороший ведь мальчик.

— Крутые у тебя братишки, Инга, — сказал Дилан. — Страсти какие.

— Да какие уж страсти, — сказал Кирилл и щелкнул пальцами.

Дилана оторвало от пола. Синие линии — светящиеся, тонкие — обмотали его с головы до ног.

Больше они не сказали ему ни слова — и не дали мне отвернуться.

Дурачок, пастушок, человек — он и вправду

был смелый мальчик. Он молчал, он пытался сопротивляться — сколько сумел. Он даже не закрыл глаза.

Он понял, кто перед ним, понял почти сразу. Мне остается надеяться, что он счел это сном, который скоро закончится. Галлюцинацией. Кошмаром, где непослушной, изолгавшейся девчонке демонстрировали последствия ее поведения. Моя надежда хрупка и не имеет оснований — но ничего другого у меня нет.

Демонстрация была обстоятельной, продуманной и долгой.

Только в самом ее конце Дилану позволили умереть.

Минутою позже иней, лежащий в ларьке, превратился в снег — и растаял только к утру.

11. Заключение

У холмика со вкопанным крестом уже никого нет, кроме нас троих; впрочем, и мы стоим поодаль. Пора уходить, но на кресте — фотография, мне очень нужно взглянуть на нее, увидеть это лицо живым, но я не одна здесь, и я иду прочь от холмика. Земля повсюду мокрая и рыхлая, до асфальтовой дорожки еще несколько метров, и я спотыкаюсь и останавливаюсь. Кирилл мгновенно оказывается рядом, он обнимает меня, притягивает к себе, и я кладу голову ему на плечо. Мне плохо; мне уже совсем плохо, и он вынужден почти нести меня.

Перед воротами кладбища стоит машина — трехдверная, цвета «мокрый асфальт». Около машины выхаживает взад-вперед высокая женщина в белом плаще. У нее длинные волосы, собранные в пучок низко на затылке. У нее горбатый, словно сломанный, нос и узкое лицо, но она бесспорно великолепна. И она молода: лет, может быть, тридцати — на вид. Дама высшего света.

Виталий ускоряет шаг, подойдя к женщине, целует ей руку, а женщина треплет его по волосам, по щеке, и Кирилл напрягается, тянет меня впе-

ред, и тогда я узнаю даму. Русский мультфильм про три банана — злая пародия на нее; это Черная дама. Это моя мать. Наша мать.

Мы уже рядом с ней, и мать повторяет ритуал встречи с Кириллом. Я мешаю ритуалу, и она заканчивает его короткой улыбкой и переключается на меня. Я не знаю, была бы она рада видеть меня, не случись того, что случилось, но мне она не улыбается.

— Инга, — говорит она и пальцами — не всей ладонью — поднимает мою голову от плеча Кирилла. И я выпрямляюсь. Когда — если — она уйдет — уедет — оставит нас одних, без себя, я упаду в обморок на руки моих братьев, но сейчас я не могу себе этого позволить, как бы плохо мне ни было, и я выпрямляюсь. Кирилл по-прежнему поддерживает меня, и Дама говорит ему:

— Отойди.

Он отходит — неохотно, но сразу, и оба мои брата стоят, напрягшись, готовые подхватить меня. Рефлекс; они знают, что я не упаду. Ничего такого не будет — я держусь прямо и смотрю матери в глаза. В ее глаза, темные, как у Кирилла, как у меня, под прямыми, уходящими к вискам бровями. В ее глаза, которыми она обводит меня с головы до ног.

Я больше не хочу говорить с ней. Ни о чем. Я не хочу. Я не обижена, не зла на нее — просто я не хочу. Я не видела ее много лет, я о ней мечтала, но в моих мечтах не было Черной Дамы. Нет, она была совсем другой много лет назад.

Мать убирает пальцы с моей щеки и отступает на шаг.

— У нее пальто в грязи, — говорит она, повернув голову к Виталию. — Вы невнимательны, мальчики.

Сразу же после ее слов Кирилл проводит рукой по воздуху — короткий, знакомый жест, и я опускаю взгляд вниз, на пальто, уже чистое.

Мать одобрительно кивает Кириллу, но Кирилл не видит этого, он смотрит на меня, в упор, но молчит, и я знаю, что останавливать меня сейчас он не станет. Ни он, ни Виталий. А Черная дама, моя мать, еще не догадывается, что я хочу сделать.

Я отхожу в сторону — в двух метрах от меня газон, покрытый мутной водой с островками коричневой грязи. Я наклоняюсь, зачерпываю грязь и тщательно вытираю руку о матово-черную полу своего пальто. Остатки грязи я сдуваю с ладони, и они медленно плывут по воздуху в сторону газона — жирные капли-кляксы.

Мне так жаль, что вы не убьете меня за это, мои старшие братья. Мне очень жаль.

Но я не могу позволить себе большего.

Марина Комарова
ПО БЕСОВУ СЛЕДУ

Душно… Холщевым сполохом
надо мною спит туман.
Слушай, куда ж завел меня ты,
милый мой атаман?
Да по бесову следу, да камышо-
вою тропой,
Только мне бы к рассвету до-
браться домой!

Калевала «Камышовая тропа»

— Чудо же! Чудо! Ой…

Расшитая зелёными, как листья, и алыми, как земляника, крупными бусинами лента наголовника упала на пол. Василинка тут же подобрала ее, прижала к груди и застрекотала:

— Прости, прости, я ненароком, вижу такую красоту — и руки не держат. Жадан, не сердись, я же ни за что…

В хате было натоплено с самого утра, за окном трещал мороз и знай себе разрисовывал окна причудливым узором. Эх, повторить бы его, да

разве сумеют человеческие руки сотворить подобное? То матушка-природа способна только на такое, а мы так, все в учениках у неё ходим.

Стрекот подруги отвлекал и не давал сосредоточиться. Игла пошла по кривой, палец пронзила острая боль, и я резко отдёрнула руку. Узор сегодня словно с нечистыми сдружился — в упор не хотел ложиться на полотно: то нитка спутается, то стежки косо лягут, а то и вовсе придёт кто — и никакой работы.

— Забирай, сорока, — буркнула я.

— Ой, Жаданочка!

Василинка было кинулась ко мне с объятиями, но я успела вовремя увернуться.

— Куда ж ты, оглашённая! Уколю — потом рыдать будешь!

— Не буду, не буду!

Подруга показала кончик языка и вновь прижала наголовник к груди. А потом и вовсе закружилась посреди хаты и задорно рассмеялась:

— Вот потеплеет — все они, голубчики, моими будут!

— А хаты твоей на всех хватит? — хмыкнула я. — Али как гаёвка будешь?

— Кто? — озорно блеснула глазами Василинка.

— Гаёвка, — повторила я, расправляя полотно

на столе и придирчиво оглядывая. — Мне мой дед Яуген рассказывал о них давным-давно. Живут в гаю, деревья берегут. Всё живое к ним бежит, потому что и вылечат, и сил дадут. Родня им — Дедушка Гаюн, у него все люди совета просят.

— Слово-то какое чудное, — пробормотала Василинка, — гай.

Я положила новый стежок:

— Это как Чернолесье. Просто у нас его так зовут. А гаёвками — его жительниц. Они красавицы такие, что обычным девкам с ними не сравняться.

— Это и парни все их, что ли? — заволновалась подруга.

— Угу!

Я отмотала красную нить — на ярмарке в соседней деревне купила, у нас таких не взять — и заправила в иглу.

— Только как парни до гаёвок охочи, так гаёвки красивое любят: одёжку разную да украшения. Дед Яуген говорил, что раз его односельчанку завела гаёвка в лес. Так потом ей, горемычной, пришлось всё с себя снять и лесной красавице отдать, чтоб та домой отпустила.

Василинка прижала руки к щекам, правда, наголовник держала крепко:

— Ой, батюшки! Так это она в село вернулась вся… — скулы подруги залил румянец.

— Конечно, — развеселилась я. — По деревне потом долго шепотки стелились, мол, негоже наряжаться в лес, как на праздник. А то…

Василинка рассмеялась:

— А правду говорили! Хотя… пусть мне теперь кто сказать что попробует! У меня украшение от самой Жаданы-искусницы!

Резкий порыв ветра хлопнул форточкой, завыла вьюга. За окном раздался хохот — звонкий, сладкий, нечеловеческий. У меня по спине пробежали мурашки. Василинка замерла, широко раскрытыми глазами уставилась в окно.

Танцующее пламя свечи резко погасло, за окном лихо засвистел ветер-разбойник. Я поглубже вдохнула тёплый воздух хаты. Ну, не возьмёшь, ночь Корочуна. Не мне тебя бояться! Я быстро встала и подошла к окну.

— Ты куда? — дрожащим шёпотом произнесла за спиной Василинка.

— Не бойся.

Я глянула на улицу и чуть не отпрыгнула назад. На меня смотрела изящная девушка, укутанная в белый мех с ног до головы. Только лицо и видно. Миг — встретилась с огромными чёр-

ными глазами: без края, без дна. Как колодец ночью: смотришь-смотришь, и голова начинает кружиться. Насмешливые глаза, с хитринкой и неожиданно маняще-зовущие. А ещё присмотришься — чернота-то будто живая. Как наше Чернолесье в начале месяца снеженя: всё белым-бело, только стволы деревьев стоят тёмным частоколом да покачиваются на ветру. И от этого на душе делается как-то тоскливо и тревожно, словно зовёт тебя лес, манит к себе — а пойти не можешь. Лицо у девицы красивое, только не румянее снега, зато губы, что брусничный сок. Лоб высокий и чистый, дуги бровей как медь, нос тонкий, чуть вздёрнутый. А тело — и человек, и не человек вовсе. Не меховое одеяние на ней, как сразу показалось. Вся стройная, статная, только вместо кожи — шелковистая белая шёрстка, как у зайчишки. Мои пальцы дрогнули, будто ощутив её мягкость. Сверкнули задорно чёрные глаза незнакомки, приоткрылись брусничные губы. И стало вдруг жарко, так, что захотелось рвануть ворот рубахи, отбежать подальше от горячей печи, а то и вовсе — выскочить на снег босыми ногами.

Она протянула ко мне руки, и растаяли морозные узоры на окне. Подошла ближе, выдохнула:

— Иди ко мне, Гроза.

Внутри затрепетало всё, стало душно и сладко, будто хмельной отвар в голову ударил. А чёрные глаза всё смотрят-смотрят — и Чернолесье зовёт к себе.

Захохотал вновь ветер, швырнул в окно метелью — растворилась девица, будто и не было вовсе.

Повисла тишина. Только наше дыхание и слышалось.

— Что… — хрипло прошептала Василинка, глядя на меня широко раскрытыми глазами. — Что это?

Я шумно выдохнула, прикрыла глаза, попытавшись успокоить бешено колотившееся сердце. Потом на почему-то подкосившихся ногах дошла до лавки и опустилась на неё. Неуверенными руками — аж самой противно — зажгла свечу.

— Ты вот что, Василинка… Лучше посиди у меня до рассвета. Ночь Корочуна — не время для прогулок.

* * *

Стежка вилась лентой, спускалась всё ниже и ниже. Вот он летний лес — хорошо-то как! Елшанские сюда боятся ходить. Но порой всё же к

местной ведунье заглядывают. Как с дедом Яугеном оказались в этих краях, так с Зорей Лютовной и познакомились. Славная она женщина. Ежели хворь какая — вылечит, если недуг на сердце — словом добрым развеет. Всё тут знает, лес её как родную любит. И видно это сразу. Деревья вкруг полянки, где её дом стоит, будто укрыть от недоброго глаза пытаются. Люди только не шибко её жалуют. Впрочем, что с них взять? Они и на меня-то косо порой смотрят, говорят:

— Ты, Жадана, издалека пришла. Уклада нашего не знаешь, к обычаям не прислушиваешься. Руки у тебя золотые, да только сама ты чудная. И далёкая. Парни тебя стороной обходят, хоть красотою боги не обделили. Зато по ночам из лесу всё кто-то прибегает и в окна твоей избушки заглядывает.

Да только что спорить? Не в красоте дело. Не отличаюсь я от елшанских: и статью, как их девки, и коса русая, и глаза обычные — серые. Только когда серчаю, темнее становятся; дед Яуген меня всё Грозой звал за это. И сам хоть смеялся, но для виду строго так говорил:

— Не мечи очами молний, Жадана. Вон стог рядом. Коль загорится, как потом тушить будем?

Ранее говорил. Уж три года, как гостем стал в

этом мире, а я одна осталась. А что ходят ко мне из лесу — так нечего любопытные носы в чужие хаты совать. Плохие не ходят. А духи лесные — так это свои, они зла не причинят.

Хоть и… Я нахмурилась, вспоминая ночь Корочуна. Уже не раз о ней думала, только ответа не могла найти. Василинка тогда чуть чувств не лишилась — травяной настойкой пришлось отпаивать. Чем угодно могу поклясться, пальцами своими быстрыми, глазами зоркими — гаёвка ко мне приходила. Только к чему? Ума не приложу. И во сне ещё несколько раз являлась. Слова шептала такие, что и повторить стыдно, а в черноте глаз — зелёный огонь горел. Лесной, чародейский. И раз только пришла в белый мех одетая — зимою гаёвки им обрастают, будто звери, — а после — только в листьях, на шее — ожерелье из ягод, а на рыжих волосах — венок.

Рядом со мной проскочил заяц, где-то в вышине, в сплетённых солнцем ветвях, застрекотала невидимая птица. А вот и хатка уже показалась. Я перехватила поудобнее сверток с вещицей Зори Лютовны и пошла быстрее. Рубаху она мне давала починить. Хорошая рубаха: изо льна отбеленного, а сама тонкая-тонкая, будто не человеческие руки её делали. Рукава тоже белым расшиты —

одёжка для снежинки — внучки Батьки Мороза. Видно, что дорогая вещь, а в руки возьмёшь — будто солнышко в ладонях оказалось. Сразу ясно — вещь непростая. Обычные-то люди не поймут, а вот я сразу увидела. Уж сколько-то всего перешила-перерасшивала. И до этого, и елшанским. Все благодарили, одна только жена мельникова осталась недовольна: то ей не так, это ей не этак. Чуть в колодце не притопила вредную бабу. Да жалко стало. Дочка у неё, певунья Миленка, славная. Да и сам мельник мужик добрый. Но да ладно, не об этом…

Зоря Лютовна свою рубаху сама могла б починить — всего-то вышитый узор распустился — но отдала мне. Знает ведунья, что если он нарушен, то и спрятанная в плетении нитей волшба исчезнет. Потому и меня попросила. Несколько дней с рубахой сидела: все не хотел белый орнамент ложиться как надо. Но никуда от меня не делся. А для верности я ещё и серебряную нить вплела — мне водяница как-то её принесла. На удачу заговоренную.

Рубаха вышла на загляденье, как новенькая.

Я подбила камушек носком лаптя. Только вот сразу решила, что платы с Зори Лютовны брать не буду. Ни к чему. А вот совета спрошу.

Не успела я подойти к дверям, как те сами распахнулись, будто знала ведунья о моём приходе.

— Жадана? — послышался глубокий приятный голос. — Утра доброго тебе, голубушка. Заходи, не стой на пороге.

Произносит она имя с таким напевным выговором, что звучит совсем по-нашему. Жадана — значит, желанная.

Я улыбнулась и прошла вперёд. Голову тут же закружил дурманный запах трав и свежей выпечки. Ведунья хоть и одна живет, а в хате у неё чисто, хорошо: полы выметены, печка побелена, а на печке рыжий кот урчит и лапу лижет. Любят её звери. И то верно говорят, что зверь лучше человека разберёт, добро перед тобой или зло. Сама Зоря Лютовна не старая и не молодая. Вроде и не красавица, а глаз не отвести. Одним словом — ведунья. Смотришь, и уразуметь, что видишь — не можешь.

Я разложила перед ней рубаху на лавке, посмотрела краем глаза, мол, как? Охнула Зоря Лютовна, прижала руки к щекам, прям как Василинка моя. Оно и верно, все мы бабы на один лад, когда красивое видим.

— Искусница, чудодейка. Ну, ничего, я отплачу…

— Постой, Зоря Лютовна, — покачала я головой. — Не надо мне платы. Лучше советом подсоби.

Ведунья нахмурилась, аккуратно взяла рубаху, принялась складывать.

— Садись, Жадана. Коль так, то стоя разговоры не ведут.

Я и села. И говорила долго. А Зоря Лютовна всё подвигала мне блюда с блинами да берёзовым соком поила. Не перебивала, слушала внимательно. Видно только было, что сама не знает, почему вдруг гаёвка ко мне является. Но в то же время, только я закончила сказывать про чудные сны и ночь Корочуна, промолвила:

— Что-то лесному духу от тебя надо, раз ходит по пятам. Это тебе не Славомир из Елшанки.

Я поперхнулась, закашлялась. Вот уж не могут забыть мне этого! Славомир — первый красавец на деревню. Пригож, в плечах широк, статью хорош. Очами васильковыми да кудрями льняными не одну девку плакать ночами заставил. Только вот Удова страсть у него на первом месте. Меня-то поначалу не замечал, а потом будто глаза открыл. Проходу не давал, у дома поджидал, всё ладушкой звать пытался. А раз и вовсе на ночь глядя явился, водички попросил испить.

Его в хату пустила, а он рукам волю дал. Ну, вот я ухватом его и приветила сокола ясного. Теперь вся Елшанка потешается, а Славомир меня за три версты обходит. Хорошо хоть, нрав у него незлобивый, сам потом прощения просил.

— Я с лесными духами мирно живу, — буркнула. — Они не хлопцы.

— А с кем из них жить смогла бы? — неожиданно спросила Зоря Лютовна.

Я и задумалась. Такой простой вопрос, а ответа не найти. Вроде и не юна уже, девки в моём возрасте дочек да сынков рожают, а у меня таких и помыслов нет. И хлопцев стараюсь стороной обойти.

— Впрочем, что нам тут. — Зоря Лютовна вдруг хлопнула ладонью по столу, рыжий кот обернулся к ней, будто тоже прислушивался. — Скоро Купальская ночь. Дома не сиди — приходи на праздник. Духи лесные его тоже любят. Там уж скорее всего ответ отыщешь. А чтобы вернее было, дам тебе подвеску заговорённую, малахитовую. Как девицы венки по воде пускать будут — сожми её в ладони, позови того, о ком думаешь — сам предстанет пред ясны очи.

* * *

Полыхает жаром костров Купальская ночь, рассыпает щедрой рукой самоцветы звёзд да дурманит лесными запахами. Звенит в ушах смехом девиц и парней, видно даже во тьме, как пламенеют румянцем щёки, как горят глаза — что там папороть-кветка рядом с ними?

Воздух пропитан хмелем и радостью, и молчание тут значит поболе слов. Взгляды такие, что обжечься можно, губы шепчут имена желанных, а руки сплетаются крепко-крепко. Только нет мне туда дороги. И так уже косо смотрят, знают ведь, что в Купальскую ночь не хожу я сюда. Сжав камень в руке, пошла прямо к берегу реки. А там уже девиц немало, даже Василинка с ними. Венок в воду опустила, смотрит на него, как на надежду последнюю, и шепчет что-то неразборчивое. Я подошла сзади, она обернулась. Глаза широко раскрылись, а потом ухватила меня, закружила.

— Жаданка, хорошо, что пришла! Нечего сидеть в хате в такую ночь! Венок тебе надо!

Я невольно коснулась туго заплетённой косы.

— Глупости говоришь, сорока. Не за этим я здесь.

Василинка недоверчиво посмотрела, а потом

хихикнула.

— Все тут за одним. Ой! — вскрикнув, подруга кинулась вслед за уплывавшим венком. — Долюто свою упущу! Я тебя потом найду!

Я невольно улыбнулась. Что ж, пусть Доля будет пригожей. Посмотрела на другой берег реки — тёмный, молчаливый, будто там — царство Чернобога и нет ему дела до веселья купальского.

Сжала крепче ведуньин малахит, прикрыла глаза и вдохнула глубоко. Приди ко мне, лесная, приди… И образ из сновидений перед глазами задержала. Вдруг — раз! — звуки все смолкли: ни смеха девушек, ни треска костров, ни шелеста листвы.

Горячие ладони легли мне на плечи, того и гляди, тонкая рубаха загорится и сразу пеплом станет.

— Гроза… — выдохнул кто-то прямо на ухо. За шиворот будто сыпанули горсть муравьев. Сердце застучало, как у пойманной птахи, а внизу живота сладко заныло.

Я вздрогнула и резко обернулась: по-прежнему пляшет пламя, лижет рыжими языками дрова, сыплет искрами вокруг. Но ярче пламени полыхают кудри лесной гаёвки. Так и стоит у

костра, будто огнем одетая. Белая кожа словно внутренним светом напоена, жемчуг водяницы по сравнению с ней — блеклые камушки. Сама стройная, ладная — так и хочется коснуться, огладить крутое бедро, скользнуть ладонью по округлому животу к налитым грудям. Гаёвка посмотрела на меня — в глаза будто ночь чернолесская опрокинута — и улыбнулась брусничными губами. Спелая ягодка, красная ягодка, а попробуй сорвать! И тенью лишь мелькнула мысль, что негоже так о девке думать. Но как же не думать, когда смотришь на неё — и забываешь всё на свете.

— Гроза, — выдохнула снова, а меня будто студёной волной в жаркий день окатило. — Иди ко мне, — протянула белые руки, поманила. А пальцы-то! Аж зависть взяла: длинные, гибкие, словно ивовые прутики, заострённые чуть, а каждый ноготь — смарагдом мерцает. И не смотрят на неё другие или не видят вовсе.

В голове зашумело, словно хмельной браги глотнула, сделала шаг вперёд. Вспыхнул ближайший купальский костер, огонь взвился чуть ли не до небес. С визгом елшанские девки и хлопцы кинулись врассыпную, а я засмеялась.

— Ну, баловница, Гаюнова внученька, посмот-

рим, что тебе от меня надобно, — шепнула и направилась за ней — прямо к лесу.

А лес шептал, звал, смеялся нечеловеческими голосами, рассказывал истории седой древности. Среди черных ветвей и листьев мелькало белое тело, вспыхивали огненные пряди, слышался сладкий голос. Бесшумно ступала гаёвка по листьям и травам, только и видны были маленькие ступни да изящные лодыжки.

А стоило мне остановиться, как сильнее прежнего начинало колотиться сердце и в жар кидало, будто в купальский костёр вошла. И шла за ней, шла дальше, почти бежала. Знала, что назад не вернусь, пока не узнаю правды.

— Стой! — крикнула я.

Показалось, даже лес на мгновение смолк.

— Пошли! — с серебряным хохотом отозвалась гаёвка. — Недолго уже, Гроза, осталось!

Она замерла, посмотрела мне прямо в очи — я и забыла, как дышать, приоткрыла брусничные губы, будто поцеловать хотела, а потом вдруг метнулась в самую чащу огненной искрой. Миг — я отмерла и рванула за ней. И бежать почему-то вдруг стало легко-легко, будто крылья за спиной распахнулись.

— Гроза-а-а!

— Иду-у-у! — расхохоталась я, словно принимая неведомую мне игру.

— Быстре-е-е-е-й!

Ноги почти земли не касались, так летела вслед за ней — горлица за огненной птахой. Верно, не зря дед Яуген мне рассказывал про бесов след. Есть в лесу такая стежка-дорожка — так не найти, но если выведет кто — забудешь, как человеком быть. Свободу почуешь такую, что в небо взмыть захочется. И никто помешать не сможет. А внутри всё звенеть будет от счастья. И уже от ступившего зависит — сойдёт он с бесова следа в сторону правды или к кривде двинется.

Гаёвка остановилась, мои пальцы почти ухватили гибкую руку, по венам пробежал огонь. Рванула к себе. Хоть и не добыча, а поймана.

— Нравится, Гроза? — вдруг шепнула она в мои губы. Голова пошла кругом от запаха хвои, ягод и листьев.

Возбуждение не дало раздумать, выдохнула в ответ:

— Да.

Гаёвка вдруг резко оттолкнула меня:

— Так поймай!

Зазвенела серебряным смехом, вспыхнула слепящей искрой и помчалась дальше. Я только

хрипло выдохнула, облизнула пересохшие губы, хранящие брусничный вкус, и понеслась следом. Догоню! Поймаю!

От вызова, будто от хмеля, кровь заиграла. Меня проверить хочешь? А это мы посмотрим!

И, словно учуяв наши забавушки, многолетние стволы расступаться начали, ветви подниматься, а трава — скатертью стелиться. Только мерцал-переливался самоцветной лентой бесов след. Дед Яуген говорил, что на нём растёт папороть-кветка, цветёт звёздами небесными — бесов след стережёт.

И всё ближе белые ноги, и кажется, что огненная сеть волос лица моего касается. Да! Точно! Ухватила её снова, поймала — моя.

А гаёвка сама горячая, дышит тяжело, медные завитки ко лбу прилипли, а в чёрных глазах — смешинки пляшут.

— Что, Гроза? — шепнула. — Понравилось?

А я после погони сама не своя, надышаться не могу, во рту пересохло, а эта смотрит так, что жажда ещё пуще делается.

— Зачем приходила ко мне во снах?

Вокруг вдруг вспыхнул свет. Я огляделась: стоим мы посреди поляны, в огненном круге, а везде звёздный блеск папороть-кветки.

— Что же это? — шепнула, не понимая, что вижу.

Гибкие пальцы коснулись моей щеки, нарисовали замысловатый узор, спустились ниже — по шее, к самому плечу.

— А ты что думала, Гроза?

Цепко ухватила рубаху, потянула вниз, коснулась губами плеча.

— Я посмотреть хотела, какая ты.

Я вздрогнула. Негоже так, но… сама вплела пальцы в огненные пряди, чуть сжала, пропустила сквозь пальцы.

— Красивое люблю, Гроза, — продолжала шептать гаёвка.

Послышался треск, рубаха упала к моим ногам, оставив нагой. Её чёрные глаза стали будто глубже, тьма в них ожила, заволновалась.

— А ты красива. И вещи делаешь — краше не сыскать.

Она взяла мою руку, коснулась губами пальцев, ладони, запястья. У меня внутри всё сжалось, мысли, будто в хмельном бреду, пошли. Что же ты делаешь?

— И руки у тебя золотые, Гроза, и сама ты…

Шёпот слился с шелестом листвы, хмелем дурманили слова, а губы и пальцы ласкали-голубили

— себя потерять-не найти. В мёд и огонь тело моё превратили. Сладко и жарко стало, лишь холодила спину мягкая трава. А после вдруг небо упало — стало мне ещё слаще, и крик мой взлетел аж до звёзд.

* * *

Я молча лежала на коленях у гаёвки, а она перебирала мои волосы. Рана на ладони ныла, но это ничего. Пройдёт.

— Откуда знаешь-то, что меня Грозой зовут?

Гаёвка засмеялась:

— Так давно на тебя смотрю, Жадана-искусница. Подслушала, как Яуген зовёт. И правильно это.

— Что правильно? — поморщилась я. От гаёвки пахло свежестью и лесными ягодами, так бы век лежать.

— А и есть ты Гроза. Глазами молнии так и мечешь. И цвета они у тебя, как туча. А коль что не по нраву, так и ухват в руки берёшь.

Я фыркнула:

— Нечего лезть. Тебе-то, кстати, кто сумасбродничать разрешил? И как звать-то?

Гаёвка молчала. Даже пальцы замерли. Но потом вздохнула:

— Не могу я имени назвать своего. Не положено. А сумасбродничать, так это Купала. В эту ночь всё можно. Вот и задумала провести тебя по бесову следу. Думаю, коль пройдёт до конца — одарю.

— Конец — это как раз на полянке с папороть-кветкой был?

— Угу.

Я тяжко вздохнула. Да уж. Все люди, как люди. А мне кроме как с гаёвкой, в Купальскую ночь пойти и не с кем.

Гаёвка будто почуяла что-то и рассмеялась. Ветер этот смех подхватил, унёс ввысь, смешав с шёпотом колышущихся листьев.

— Нашла чему печалиться, глупая.

Она вновь перебирала мои волосы, пропуская сквозь белые пальцы тяжёлые русые пряди.

— У Зори-то, ведуньи чернолесской, тоже сынок был. Ушёл из этих мест долю свою искать. Вроде всем хорош, а люди невзлюбили. А всё почему? Лес он чуял, там, где человек побоится пройти, за милую душу пробегал. И зла никому не делал — а всё равно невзлюбили. Так и тебя, Гроза. Любуются твоими вещами, искусницей зовут, а сами завидуют чёрно, яро. Думают, за что ей, приблудной, боги таких милостей отсыпали? А раз не понимают, то и не любят. А коль не любят,

то что и говорить? Вы для них, что волки лесные — не люди. Всё что-то ищете, ищете, а не находите. Оттого и беспокойно вам, оттого и на одном месте долго не задерживаетесь.

Я нахмурилась, гаёвка погладила меня по голове, как маленькую, зарылась пальцами в пряди:

— Как знать? Кто по бесову следу ходит — на людские стежки не ступает. Тут у Доли с Недолей надо спрашивать. Высоко сидят сестрицы, всё видят, всё знают.

Она начала заплетать мне косу.

— Они-то тебе и помогут. А как прийти к ним — у дара моего спроси. Только сама, Гроза, знаешь: что на роду написано, то так и случится.

Я сжала крепче ладонь, чувствуя, как по руке разливается жар от огненного стебелька папароть-кветки. Что ж… коль только они знают, то у них и спрошу.

Утро выдалось хмурым и неприветливым. Того и гляди, с неба вода хлынет, только мне уж задерживаться ни к чему. Собралась быстро — добро мастерицы нехитрое: иголки да нитки, узёлок с собою. Попрощалась с Василинкой, пожелала им добра и счастья со Славомиром — подругин венок-то приплыл именно к нему — и отправилась в путь-дорогу. Через лес, по узкой дорожке

— к неприметной хатке Зори Лютовны. Малахит заговоренный вернуть надо, несколькими словечками перемолвиться, за тепло да заботу отблагодарить.

За спиной оставалась Елшанка. Лес вздыхал, шептал, манил к себе. Сосны протягивали зелёные лапы, касались волос, плеч, будто прощались. Высоко-высоко разливались птичьи трелли, гулко стучали дятлы.

И словно былью стал вчерашний сон, полыхнула среди деревьев огненная прядь, рассыпался серебром тихий смех.

— Прощай, Гроза. И… возвращайся.

Тереза Тур
ЗИМНЯЯ ПОЧТИ СКАЗКА

Зима, похоже, все-таки забыла, что королевство Рианон находится на Южном континенте. Что в конце осени в садах обычно цветут розы, а всю зиму на тщательно подстриженных газонах зеленеет травка. Что если здесь и бывают снег и мороз — то лишь как дополнение к веселым и беззаботным праздникам конца года…

В этом году все было не так. Резкий, неожиданный мороз, уносящий тепло из душ людей и из самой земли, ударил в середине осени, заставляя хозяек тревожно ахать над не укрытыми и потому поникшими кустами роз.

Всадник, спешащий куда-то по своим делам в дальних предместьях столицы, бурчал что-то себе под нос. Его раздражала и эта внезапная поездка, и холодная погода. Он хотел обратно — в свое хорошо укрепленное поместье в Приграничье. Он скептически рассматривал изящные и легкие особнячки за кружевными заборчиками — и представлял, насколько неуютно ему будет в них.

Он хотел напиться — и хоть как-то выключить память, которая стала его грызть. Надо же, два года жил спокойно — ну, почти спокойно — ведь приграничные стычки с бандитами, соседями, наемниками — не в счет. Создание нового танства — это увлекательнейшее занятие, а риск получить в спину арбалетный болт, несколько суток в седле, общение с наемниками — это хорошая приправа к жизни, хоть какая-то возможность почувствовать себя живым. И, может быть, даже заснуть. И в идеале, без сновидений.

Как раз с этим всем у молодого человека и были грандиозные проблемы. С того самого момента, как он покинул Приграничье. И бандитов, за которыми можно было гоняться, не наблюдалось. Постоянно пьяным в дороге — в связи с бешеной скачкой — тоже было проблематично.

Поэтому, наверное, ему стали сниться сны. Точнее — один. Ему снилась собственная свадьба.

Три года назад… Их с Дарой сияющие лица. Да… На собственной свадьбе они, пожалуй, единственные кто были счастливы. «Моя рыжая графиня», — шептал он ей. И сам себе не верил. После всех размолвок, страстных ссор и не менее страстных примирений, исступленной жажды обладания — с его стороны, неожиданной неж-

ной покорности — с ее, после всех перипетий студенческого романа… он сделал ей предложение. И она — удивив саму себя — согласилась.

Неловкость в глазах ее родителей — недовольство в глазах его отца и матери. Все-таки никто не думал, что он, тан Шарль Ги, вторая фамилия королевства Рианон, решится на такой мезальянс.

Ну и что, что девочка — очень сильный маг? Ну и что, что обучалась в Академии в одной группе с младшим принцем и представителями самых знатных родов королевства Рианон? Ну и что, что умна и прелестна? Что за глупости, право — они любят друг друга?

Это не повод так оскорблять семью и приводить в нее дочку торговца.

Как горько, что все они оказались правы. Как горько, что сказки не вышло… Как больно…

Не прошло и года с момента заключения брака, как его молоденькая жена завела смазливого любовника — и убила своего супруга. Глупо получилось — он так до конца и не верил, что Дара способна на измену. Отправился в лесной домик, чтобы доказать — себе в первую очередь — что в анонимной записке написана очередная ложь…

Он настолько не желал верить своим глазам, что даже не выставил защиту… И был убит… А

его неверная супруга… Была казнена по решению суда танов. Ее судили и приговорили представители самых знатных фамилий королевства — а ведь как иначе? Своим замужеством она стала на одну ступеньку с ними — и ее имели право судить лишь равные. Ее сожгли на костре. Он присутствовал на казни — все надеялся… На что?

Глупец!

И ведь он погиб тоже… Погиб в тот яркий летний день, когда выследил свою неверную жену. Почувствовав его, она обрушила на него всю свою мощь. В те дни, пока шло расследование, он находился на грани жизни и смерти. Пока шел суд, он печалился о том, что не погиб — у него выжгли магический дар. В тот день, когда ее казнили, он принял решение уйти из жизни.

Его спас друг. Генрих По. Младший принц не только председательствовал на процессе против уже вдовы благородного тана Шарля Ги, но еще и выхаживал его самого. Принял его решение официально уйти из жизни — ведь аристократ без магии… Это хуже, чем калека… Много хуже.

Не дал погибнуть физически… Нашел ему дело. Королевство давно собиралось навести порядок в Приграничье — вот и собралось. Руками эмиссара короны с необычайно широкими пол-

номочиями.

А ему в Приграничье — под чужим именем — было хорошо. Ему и сейчас хорошо. Только бы заснуть без сновидений…

Зачем его вызвал младший принц, Шарль не знал. Наверное, что-то важное. Хотя… Скорее всего, козни наследника — тот не терпел, чтобы еще кто-то вмешивался в управление страной… И бывшему тану Ги все казалось, что наследник, принц Грегори… Знает…

Местом встречи служило небольшое поместье, неподалеку от Академии, которую они когда-то заканчивали.

Он, младший принц… и Дара.

Три лучших студента.

Они вдвоем — знатные аристократы. И девчонка — выскочка и зубрилка. С таким магическим потенциалом, что все лишь диву давались. Как их злили ее успехи! Какие замечательные пакости они ей устраивали! Но и Дара не оставалась в долгу. Она никогда не оставалась в долгу… Никогда не жаловалась. Никогда не плакала…

Как он любил ее… Истово… Запредельно…

Шарль тяжело вздохнул — и очнулся. Перед ним были ворота особняка, стоящего на отшибе. Он принюхался к воздуху — и с удивлением

понял, что место жилое. Странно, он считал, что этот дом стоит заброшенный с тех самых пор, как они закончили Академию. В общежитии им жить было не положено — вот они и обитали с принцем здесь…

Он спешился, приложил руки к воротам — надо же… Они вспомнили его и без магии. Открылись.

Не выдержал. Прижался к чугунной вязи решетки с немым вопросом.

«Как же так?.».

Как обычно — не получил ответа.

Привычно скривился. Ведя коня на поводу, не торопясь, направился к дому. Вспомнил, что слуг наверняка нет — и повернул к конюшне. Оттуда прошел через сад, занесенным снегом… И тяжело, как старик, опустился на скамейку, возле куста кроваво-красных роз.

Вздрогнул, осознав, что не один. А спустя мгновение его обнимала женщина.

— Живой! — она и кричала, плакала, и смеялась. — Живой! Я знала, что ты живой! Я чувствовала! Я им пыталась объяснить! Шарль — ты — живой…

А он в растерянности смотрел в зеленые сияющие глаза своей неверной жены. Сожженной за его убийство два года назад неверной жены…

В голове начали стучать молоточки — сначала быстро-быстро, едва касаясь своими острыми гранями сознания. Потом обнаружилось что-то большое, мощное — раздалось тяжелое «БАМ!» — и он смог расцепить руки женщины, оторвать ее от себя — и отшвырнуть в сторону.

Ненависть к ней, презрение к себе, дикое чувство утраты от его поруганной любви затопили все его существо. Остервенелое желание убить ее снова поднялось в нем тяжелой волной.

Он выхватил кинжал — и бросился на нее, в надежде успеть перерезать ей горло.

Его отбросило в сторону воздушной волной.

— Ты спятил, Шарль, — закричала она. — Это же я — Дара!

— Тварь! — прошипел он. — Ненавижу…

Они так и остались сидеть в снегу — он понимал, что теперь уж точно она убьет его — магических сил в нем теперь не было. А с ее потенциалом… У него опять заныло сердце — в том самом месте, где его когда-то пробили.

— Не тяни, — приказал он. — Давай уже с этим покончим.

Только Дара почему-то тоже не торопилась подниматься из снега. Женщина, напротив, уселась поудобнее, обхватила колени руками — и

уставилась прямо на него.

— Шарль, — раздался вдруг спустя какое-то весьма продолжительное время ее голос. — Ты, действительно, думал все это время, что это я покушалась на тебя?

Он высокомерно промолчал.

— И раз ты жив, значит, покушение было неудачным… Тогда почему меня судили?

О! Об этом говорить он готов — хоть когда-то в его жизни торжествовала справедливость.

— Тебя судили за мое убийство, — с каким-то извращенным удовольствие выдохнул он. — А удачное или нет — это не важно. Приговор-то все равно был бы один и тот же: смерть неверной жене — убившей или собиравшейся убить супруга…

— А почему ты… не восстал из мертвых? — в голосе послышалась насмешка.

— Не хотел позора.

— Значит, позора… — в голосе появилось недоумение.

— Может, ты в силу воспитания и характера не понимаешь, — он поднялся — если она его не убивает немедленно, так какой смысл сидеть в снегу, — но вся эта история — это позор. Для меня, для моей семьи… К тому же я…

Вот этого он сказать не смог — про то, что она лишила его магии… Не смог.

Но она уже почуяла:

— Ты потерял дар?

— Ты выжгла его… тем днем, — голоса не было. Оставалась лишь схватившая его за горло ненависть.

— Кто еще знал? — теперь в голосе было разлито равнодушие. Он понял, что жена притворяется. Вот чего в ней никогда не было — так это равнодушия…

— Я знал, — раздался негромкий голос со стороны входа в сад.

— Собственно, не трудно было догадаться, — пробормотала она. — Добрый вечер, ваше высочество. Простите, я без реверансов. По-простому.

Она по-прежнему сидела в сугробе — и не делала попыток подняться. Или напасть.

Над занесенными снегом кустами роз повисла тишина.

— Правильно ли я понимаю, — все же заговорила она. — Ты, Шарль — решил, что именно я пыталась тебя убить. И принял решение о казни.

— Да! — выкрикнул он. — И я жалею лишь об одном — ты еще жива…

— Прелестно, — кивнула она, по-прежнему

погруженная то ли в свои мысли, то ли в воспоминания. — Это для меня сделал любимый… А ты…

Она перевела взгляд на принца:

— Ты проследил, чтобы приговор был приведен в исполнение.

— Да, — опустил голову принц.

— Ага… Это я получила от друга…

— Ты предала, — выдохнул наследник престола.

— Я устала повторять еще на суде, — тяжело поднялась она. — Я не убивала своего мужа. И была ему верна.

Кинжал, который полетел ей в горло после этого слова, помогла ей отбить чужая магия. Она не успела ни удивиться, ни задуматься над этим — мужчины напали слажено, с двух сторон.

Взвыл ветер — Дара всегда при защите предпочитала использовать силу воздуха. Щит у нее получался отменный — не только не пробиваемый, но и вязкий, вытягивающий силы и воздух из нападавших.

А потом в атаку на мужчин пошли две огненные змеи, возникшие прямо из земли — так сочетать огненную магию с земной, переплетая и усиливая друг друга — могла только Дара — самородок их Академии. Куда ее взяли, несмотря на

происхождение…

Она проломила защиту младшего принца, словно и не заметив ее — сын короля все равно оставался лишь третьим на их потоке по умениям и способностям. Что уж говорить про Шарля — у него, лишенного магии, не было шансов вообще…

Но Дара не торопилась наносить смертельный удар. Она стояла молча — и любовалась на мужчин, захваченных в плен огромными, в полтора человеческих роста, огненными тварями.

Змеи, потрескивая на ледяном воздухе, обвивали тела замерших мужчин практически нежно, как опытные любовницы. Но вместе с тем, не давали и шевельнуться.

Кроме того, принц, как ни старался, не мог ни вспомнить, ни произнести ни одного заклинания. Значит, пропустил и ментальный удар.

Дара стояла между ними. Отблески огня от ее огненных созданий отражались в ее зеленых глазах. Рыжие волосы словно горели. Рот кривила горькая усмешка.

Мужчины вздрогнули — они все это видели уже. Когда она сгорала на костре.

— Значит, я виновна в смерти, — ее голос хрипел. — Значит, я виновна в измене и преда-

тельстве… О, давайте я вам об этом расскажу… О вине… Сначала вам, супруг мой. Мой доверчивый, обманутый супруг…

Ее голос мурлыкал, как будто она была кошкой.

— В тот день, когда вас убили… как раз между двумя и тремя часами пополудни, я была в библиотеке Академии. Как впрочем, и всегда в это время. Только, как мы понимаем, это ложь. А библиотекаря, который мог бы подтвердить это, нашли трагически скончавшимся. От сердечного приступа…

Она подошла к нему и уставилась прямо в глаза:

— Но ведь это все не важно, правда. Вы так легко поверили в мою вину… Несмотря на вашу как бы любовь… Вы так легко… организовали мою встречу с палачом. Вы так легко отреклись от меня, словно знали… всегда знали, что все это произойдет… Получается, что я так и не поняла, кого я полюбила. Что же вам еще рассказать о вашей неверной жене? Чего вы еще не знаете? Что я чувствовала все это время, что вы живы — и пыталась объяснить это всем? Как бы вам дать почувствовать весь мой ужас? Всю мою скорбь?

Дара протянула руку и погладила его по щеке.

— А знаете, что должно было случиться в тот день, если бы не покушение? Я должна была вам сказать, что жду ребенка…

Она все-таки добилась того, чтобы он задрожал, а почувствовав эту дрожь — улыбнулась ей. И заговорила тихо-тихо. Быстро-быстро.

— О, я вам много могу рассказать об ужасе… Ужас — это когда впервые чувствуешь биение сердца своего ребенка в тюрьме. Ужас — это когда валяешься в ногах у каждого, кто приходит на тебя поглазеть. Молить, чтобы тебя казнили через несколько месяцев — дали возможность выносить ребенка. Ужас — это по крохам собирать энергию в браслетах, блокирующих магию — чтобы передать ее своему ребенку…

Он хотел закричать, что все это не правда, что ребенок даже и не его… Скорее всего… Но смог лишь захрипеть.

Улыбка исказила лицо женщины. И она отвернулась от мужа, чтобы посмотреть в глаза младшему принцу:

— А ты, Генрих… Что скажешь мне ты? — в ее голосе было столько яда, что все ядовитые змеи не то, что королевства — всего мира могли позавидовать.

— Дара… — смог заговорить он. — Я поверил. Я

поверил, что ты — убийца. И поэтому я смог…

Он опустил голову.

— Ты верил, что я убийца — и все же организовал мне побег… И укрыл меня в этом доме, о котором знали только трое — ты, я и Шарль… Генрих, ты сделал самое главное — ты спас мою дочь…

— Нет, — младший принц еще ниже опустил голову. — Нет. Это был не я.

— Что?

— Я честно выполнил долг дружбы, — Генрих все же вскинул голову и смог посмотреть женщине в глаза. — Я смог убедить членов суда и настоял на твоей казни. Я присутствовал на ней. Это моя вина. И моя боль. И за это мне нет прощения.

Теперь пришел ее черед отшатнуться.

— Если не ты… Тогда кто?

— Это был я, — раздался еще один голос, невероятно похожий на голос младшего принца.

Из темноты показалась еще одна фигура.

Это был еще один Генрих По. Как показалось вначале. Но потом, уже подходя к ним, мужчина провел открытой ладонью по своему лицу. Жест получился каким-то обреченным.

— Грегори? — выдохнули все трое.

А Дара через секунду добавила:

— Как-то моя жизнь стремительно становится похожа на фарс.

Перед ними стоял наследник королевства Рианон, принц Грегори.

— Значит, и ты мне лгал, — тихо проговорила Дара.

— У нас были… странные отношения. Я боялся, что от меня ты помощи не примешь. Когда я пришел к тебе, ты обвинила меня в том, что это я все подстроил, — тихо сказал ей Грегори, не обращая внимания на Шарля и Генриха, что забились в объятиях огненных змей.

— Ты не снял личину, даже когда мы стали близки.

— Я… запутался.

— И я… запуталась…

Не было даже взмаха рукой, но Грегори почувствовал, что шевелиться не может.

— Дара, что ты затеяла?

— Помолчи, — приказала женщина. И обратилась к мужу. — Скажи, ты и твой друг настаивали на казни, потому что верили в глупую старую сказку… Если колдунья забрала силу, то для того, чтобы вернуть магию — надо сжечь тварь?

Тот еще ниже опустил голову.

— И учились не блестяще… И в сказки верят, — пробормотал наследник себе под нос.

Между тем Дара порылась в снегу, нашла охотничий нож, которым Шарль метнул в нее, надеясь успеть.

— Что ты задумала? — осторожно спросил младший принц.

— Значит, любимый, ты потерял магию… Да забери ее себе!

Она быстрым движением, рванула на муже камзол, рубаху — плащ он скинул, когда кинулся на нее. Разрезала свою ладонь. Сделала разрез на его груди — и смешала их кровь.

Шарль Ги дернулся — и закричал. Боль была нестерпимой. Сила не хотела вновь струиться по его жилам — она сопротивлялась и отторгала его. Но Дара, действительно, была сильнейшей. А может быть, никто и ничто сегодня не могли противиться ее воле.

Поэтому на смену дикой боли пришло тепло.

И мир вокруг исчез — осталась только она. Его любимая. В голове его шумело — и он потянулся к ней — как когда-то… Истово. И даже ее магия не могла его остановить.

— Запомни этот момент, любимый, — прошептала она ему.

Потом завела поднятые руки за голову, расстегнула цепочку. Не вырываясь из его объятий, протянула ему кулон.

— Что это? — спросил он.

— Это? Это — твоя вина, — прошептала она ему в ответ. — Там локон твоей дочери и капля ее крови. Ты же сможешь по ним почувствовать, чья эта девочка? Теперь, когда магия вернулась к тебе — ты не сможешь ошибиться…

И стала оседать в снег. Ее магия исчезла из этого мира, словно ее никогда и не было. Исчезли огненные змеи, стих ветер, послушно опустился снег, заботливо укрыв на смерть перепуганные розы….

Грегори шагнул к женщине и поднял на руки.

— Сумасшедшая девчонка! — прорычал он. — Зачем?! Ледяная вся!

Развернулся к Шарлю и брату. Скомандовал:

— Вон отсюда!

— Но… Ваше высочество! — попробовал возразить Шарль. — Мне необходимо…

— Я сказал — прочь, — не повышая голоса, повторил наследник. — Все, что можно и нельзя, вы уже сделали. Теперь вы отправляетесь во дворец, в мой кабинет. Вызываете отца. И уже королю объясняете, что и как получилось.

Молодые люди содрогнулись.

— И, — не смог отказать себе в удовольствии Грегори, — мой дорогой тан Шарль Ги, подумайте, что вы скажете своей матушке… Думаю, она будет в восторге от вашей задумки. И еще… Свою женщину я не отдам. Свободны.

Мужчины поклонились — наследник взмахнул рукой — они исчезли.

— Ты совсем замерзла, — он поцеловал Дару в висок. И быстрыми шагами пошел к дому.

— Нам надо поговорить, — уже пришла в себя женщина — и попыталась вырваться из кольца его рук.

— Надо, — с сожалением констатировал он очевидный факт. — И чего ты вообще выбралась из дома в этот холод?

— Не могла заснуть, — покраснела женщина. — Ворочалась. Тебе спать мешала.

Осознав это простое, домашнее «тебе», сказанное так просто, так привычно — и зажмурилась.

— Все-таки любовница. Все-таки неверная…

— Прекрати.

— Все это представление устроил ты… Когда ты вызвал Шарля в столицу?

— Как только мы стали…

— То есть две недели назад.

— Прости. Весь этот фарс слишком затянулся… Надо было что-то делать. Только мне и в голову не могло прийти, что ты отдашь ему силу. Ты …так сильно любишь его?

Дара промолчала. Потом спросила:

— Почему? Ты знал, что я не виновна? Поэтому помог?

— Нет, — он с силой прижал ее к себе, понимая, что после его слов произойдет что-то непоправимое — и счастье, что, вопреки всему, поселилось в этом домике, осыплется на мелкие осколки разбитым зеркалом.

— Я — как и все — был уверен, что ты убила мужа. Я просто не мог видеть, как тебя казнят.

Он выпустил Дару из рук, когда вошел в детскую. Ее дочь сладко спала… Грегори повернулся, чтобы уйти.

— Погоди, — остановил его тихий шепот. — Не уходи… Не сегодня…

Он стоял на пороге детской — и смотрел, как Дара идет к нему. Шаг. Еще один… Встает на цыпочки, тянется к его губам.

— Я тебя люблю, — прошептал он. — Всегда любил…

— Молчи, — приказала она. — Молчи…

— Люблю… — не покорился он.

Дара стала целовать его, как сумасшедшая. Грегори потащил ее прочь из детской — в соседнюю комнату, которая две недели назад стала их спальней.

— Люблю! — говорил он, покрывая поцелуями ее тело, срывая стоны с ее губ…

— Грегори… — прошептала она.

И он сошел с ума окончательно. Как он устал от притворства. Как он ненавидел, когда ее губы складывались в имя младшего брата — и она шептала ему: «Генри…» Как он проклинал нелепую судьбу и свой желчный характер, Она ведь, перед тем, как принять предложение Шарля, пришла к нему. А он просто взбесился, потому что Дара пришла — посоветоваться…

— Он же — просто мальчишка, — говорила она, сверкая зелеными глазами. — И я… запуталась… Помогите мне… Я хочу понять…

Он наговорил ей гадостей. И про происхождение, и про неразборчивость в связях. И про связь с младшим принцем… И Дара ушла, хлопнув дверью.

Ее свадьба ознаменовалась для него загулом — портовые бордели, ром. Драки. И рыжеволосые девки с зелеными глазами, что быстро сменяли друг друга., в его тщетной попытке забыть…

Тогда он взял себя в руки. У него вообще всегда было хорошо с выдержкой… Но… в жизни поселилась тягучая неправильность. Которая исчезла, как только эта женщина стала принадлежать ему…

* * *

— Не надо пытаться накладывать на меня чары, — тихо сказал он, резко открывая глаза. И тут Грегори понял. И возликовал. — Ты не потеряла магию!

— После того, как… — Дара жгуче покраснела. — Мы… вместе… Магия вернулась.

— Вот так, не рассуждая, просто отдать магию… Дара, ты же понимаешь, что это глупость!

Женщина покачала головой, но ничего не ответила. Была она уже одета. Собрана. И готова уйти в ночь.

— Неужели, ты надеялась на благодарность семьи Ги? Да первое, что они сделали бы — это забрали девочку. А ты была бы не в состоянии им помешать!

Тут Грегори понял, что снова говорит о ее муже… Не о них. Не о том, что она собралась сбежать…

— И оставь эту глупую мысль! — резче, чем

собирался проговорил он, поднимаясь с кровати и нависая над ней. — Моя женщина ночью, по холоду… Да еще и с ребенком! Бродить не будет!

— А что будет делать твоя женщина?

— Если ей необходимо время, чтобы подумать… Она… Она будет думать столько, сколько нужно. А потом придет, и объявит мне о своем решении.

— Грегори…

— Хотя мое сердце будет разрываться от боли… — он обнял ее и прижался лбом к ее лбу. — Я приму, если ты захочешь уйти.

— Спасибо тебе.

— Поместье «Серебряные розы» в твоем распоряжении.

— Но… На каком основании?!

— Там хорошо… А весной будет еще лучше. И… ты же хотела начать серию опытов на сведении земной и водной магии.

— У тебя все готово к моему отъезду? — невесело усмехнулась она.

— Да. И… к твоему возвращению — тоже.

* * *

Да… Отправить ее в тайное и безопасное место — самое грамотное решение на этот момент, — размышлял наследник, пристально рассматривая

огонь в камине. — Пока все привыкнут к мысли. Пока смирятся…»

Он уговаривал ноющее сердце… Дара уехала…

Хлопанье дверей. Недовольные шаги.

— Грегори! — возмущенный голос матушки. — Потрудись объяснить, что все это значит!

Он поднялся, искренне улыбнулся. И неторопливо проговорил:

— Я выбрал женщину, которая станет моей женой. У нее потрясающий магический потенциал. Она умна, образована. Явно не бесплодна. И… я ее люблю. Мама, мне нужна твоя помощь!

Ирина Успенская
ТРИ ДНЯ

День первый

Она сорвала голос, так кричала, когда ее муж упал от удара в сердце длинного узкого меча.

— Дьявол покинул его, а бог забыл, — проговорил убийца мужа, безразлично вытирая клинок о штору. — Мы взяли замок, господа. Похороните его защитников с почестями. Они дрались достойно.

— А ее куда?

Он скользнул безразличным взглядом по молодой женщине, сжавшейся у стены.

— Заприте где-нибудь, я потом решу, что с нею делать…

— Ненавижу тебя, ненавижу, — прошипела она ему, проходя мимо.

— Ничего, это я как-нибудь переживу, — Безразлично поклонился он ей.

Черные насмешливые глаза проводили женщину и тут же забыли о ней, отдавая короткие и четкие указания снующим по замку воинам.

— Сир, вы знаете, как вас называют местные?

— Просвети меня, мой верный шут.

— «Жажда и боль».

Высокий черноволосый и черноглазый мужчина приподнял брови.

— Вас жаждет любая женщина, но вы приносите им лишь боль.

— Да здесь живут одни поэты, — рассмеялся черноглазый.

— Вы так и не нашли себе достойного врага.

— Кстати, хорошо, что ты напомнил. Возможно, я, наконец-то его нашел…

— Думаете? — шут захихикал. — Через три дня она рухнет в ваши объятия, сир.

— Три дня, говоришь? Её ненависть кажется такой искренней. Кстати, как ее имя?

— Лаура. Пари?

— Что вы делаете в моей спальне, леди?

— Это моя опочивальня.

Мужчина прошел мимо застывшей с прямой спиной молодой женщины в лазоревом платье. Она стояла, гордо вскинув голову, и только сжатые до белых пятен кулаки говорили о напряжении. Король упал на кровать, вытягивая длинные ноги в запыленных сапогах.

— Теперь замок принадлежит мне, а значит и

это комната тоже, но раз вы сами пришли в мою спальню, то будьте так любезны, помочь мне раздеться. Начните с сапог.

Женщина вспыхнула.

— Я виконтесса!

— И что? — с любопытством поинтересовался мужчина. — А я король. Не думаю, что вы унизите свою честь, помогая сюзерену. Кстати, как ваше имя?

— Можно подумать вам оно неизвестно, — горько произнесла виконтесса. — Разве не из желания обладать мною вы убили моего супруга?

Мужчина расхохотался.

— Леди, вы себе льстите. Я даже не знал о вашем существовании до сегодняшнего дня. Ваш муж был заговорщиком, — жестко добавил он, — а вы — жена заговорщика. Поэтому не в ваших интересах перечить мне.

— Лаура.

— Красивое имя. Мне представляться есть необходимость? — Он насмешливо следил за разгневанной женщиной.

— В этом нет необходимости. Я прекрасно знаю ваше имя, сир. Ваше имя — убийца!

— Разве я победил вашего мужа не в честном поединке? — Король приподнялся на локтях. —

Леди, вы забываетесь. Сейчас вы моя пленница и в моей власти покарать вас либо оставить жить. Как вам совершенно точно должно быть известно — я носитель всех пороков, пьяница и развратник, — иронично процитировал он слухи о себе и продолжил, — милосердие, честь, совесть — это не про меня. Так что не перечьте мне миледи.

— Я вас ненавижу всем сердцем! — прошептала Лаура, глотая слезы.

Она ухватила развалившегося на кровати короля за сапог и, едва сдерживая злые рыдания, начала стаскивать его с мускулистой ноги.

— Разве вы не делали этого для своего мужа? — веселясь, поинтересовался он.

В дверь постучали, и тут же она распахнулась от удара ногой. В комнату вошел молодой стройный мужчина с разноцветными глазами. На поясе у него висел меч, тонкая кольчуга в нескольких местах была пробита, на темных штанах виднелись пятна крови, да и рубашка не отличалась особой чистотой. В руках он нес большой поднос заставленный тарелками и кувшинами.

— О, Аль, ты вовремя! — воскликнул король. — Я жутко голоден.

— Я приказал нагреть для нас мыльню, сир. А кому потереть спинку я вижу, вы уже нашли! — Он

бросил на женщину заинтересованный взгляд. Она ответила ему свирепым блеском глаз.

— Тише, шут, леди Лаура виконтесса, а не какая-то там … баронесса, — хохотнул король хватая с подноса большой кусок мяса и впиваясь в него крепкими белыми зубами.

— Баронесса была великолепна, — мечтательно протянул шут. — Мы здорово тогда повеселились. Такая женщина… а какие у нее … — он прижал кулаки к груди оттопырив локти и облизнулся. — А когда мы с вами одновременно…

— Сир, пусть я ваша пленница, но я не обязана выслушивать эти мерзости! — гневно произнесла Лаура.

— Ой-ой, фу ты, ну ты! — Шут ухватил один из кувшинов с вином и начал пить прямо из горлышка, обливая и без того грязную рубаху. — Ладно, вы тут воркуйте голубки, а бедный шут пойдет искать более сговорчивую мойщицу.

— Вы очень привлекательны, Лаура. Выпьете со мной? — Налив в два кубка красного вина, предложил король.

— Вы решили меня отравить?

— Откуда такие мысли?

— Я никогда не стану вашей игрушкой! Лучше убейте меня сразу!

— Милая, вы ведь знаете, что по праву победителя мне достается все. Замок, челядь, кони и жена побежденного. Выпейте. Кровь смешается с вином, и вам станет легче принять свою судьбу.

— Я вас ненавижу! И никакое вино этого не исправит!

— Вы не боитесь говорить это в лицо своему захватчику? Ведь вы в моей власти и я могу сделать с вами все что захочу? Воспользоваться вашим прелестным телом, отдать своим воинам или посадить в темницу. Вижу, вы побледнели, госпожа. Так стоит ли злить меня?

— Вы можете все что угодно сделать с моим телом, но моя душа никогда не будет принадлежать убийце моего супруга.

— Вы его так любили? Лаура, скажите правду, вы любили своего мужа?

— Это не имеет никакого значения. Перед богом и людьми он был моим мужем.

— Вы не любили его. Отчего же вы так ненавидите меня? Право, не стоит плакать. Неужели я вам настолько противен?

— Вы разрушили мою жизнь, как я должна к вам относиться?

— Ну что же, вы можете взойти на костер следом за своим супругом. А теперь я хочу спать.

С этими словами мужчина рухнул на кровать.

— А где буду спать я? — растерялась женщина.

— Да где хотите!

Не обращая на пленницу никакого внимания, он закрыл глаза. Лаура постояла несколько минут, затем ее взгляд переместился к мечу стоящему в изголовье, в глазах мелькнула решимость. Она сделала осторожный шаг к кровати. Сердце бешено колотилось в груди. Один удар и муж будет отомщен.

— Даже не думайте, миледи. Пока вы достанете меч из ножен, я успею свернуть вашу восхитительную шейку несколько раз подряд, — не открывая глаз, произнес король.

Лаура сжала зубы, едва сдерживаясь, чтобы не запустить в этого деспота чем-нибудь тяжелым.

Утро она встретила сидя в кресле, ежесекундно ожидая насилия со стороны захватчика. Но король беззвучно проспал всю ночь, женщина даже пару раз порывалась встать и проверить, жив он там или нет. А утром, пожелав ей доброго дня, мужчина покинул помещение.

День второй

— Сир, отчего вы улыбаетесь?

— Эта девчонка ненавидит меня до слез.

— И это вас смешит?

— А разве это не весело?

— Прикажете положить ее в вашу кровать?

— Хм… нет, пожалуй, не стоит. Я хочу, чтобы она пришла сама, добровольно.

— Вы уверены, что она это сделает?

— Посмотрим, мой добрый шут. А пока принеси мне карты этих земель.

— Сударыня, вы скучали без меня?

— Не дождетесь!

— Ваши глаза сверкают жаждой мести, вам так хочется убить меня?

— Невообразимо!

— Но вы ведь совершенно не знаете меня. Поговорите с моими людьми, пообщайтесь с воинами, возможно, вы измените свое мнение.

— Интересно, как я могу это сделать, если я заперта в этой комнате?

— Ну что за глупости вы говорите! Вы вольны ходить где угодно и делать что угодно.

— Значит, я могу покинуть замок и вернуться к своим родителям?

— Мне жаль вас расстраивать, но ваши родители вряд ли обрадуются жене казненного заговорщика.

— Ваши речи, словно ядовитый цветок. Каждое

ваше слово губит во мне надежду и отравляет мое несчастное существование.

— Так ли оно несчастно? Разве я плохо с вами обращаюсь, что вам не мила жизнь?

— Вы… вы…

— Вы ненавидите меня с такой неистовой страстью, что я начинаю думать, что вы влюблены в меня.

— Клянусь, я бы убила себя, только бы не видеть вашего самодовольного лица! — воскликнула женщина в сердцах.

Король достал из ножен мизерикорд и положил его на стол.

— Прошу вас. Не стесняйтесь. Покончите с собой на глазах тирана.

Виконтесса схватила кинжал, приставила его острием к груди, ее голубые глаза влажно мерцали, король с интересом следил за ней, сидя в кресле и вытянув ноги. Она слегка нажала на рукоятку, прокалывая кожу, но затем вдруг отбросила кинжал в сторону и разрыдалась, осев на пол. Король разочарованно вздохнул.

— Я так и знал. Шут вновь оказался прав. Идите ко мне, Лаура. — Он протянул руку, не вставая с кресла. — Вы были так искренни в своей ненависти, что я поверил. Клятвы — всего лишь слова,

они звучали в ваших устах, словно горькое вино моего разочарования.

— Ваша победа — это мое бесчестье, — прошептала женщина, поднимая на короля залитое слезами лицо. — Я не смогла даже такой малости, как убить себя.

— Выпейте вина, Лаура, и идите ко мне. Вы, как и я, сейчас одиноки и нуждаетесь в утешении.

— Вы слишком близко сир, — тихо проговорила женщина, но покорно налила себе вина и залпом его выпила. — Что со мной теперь будет?

— Это я решу завтра, а сейчас идите ко мне, Лаура, — повторил уже более требовательно мужчина.

День третий

— Ты ошибся шут.

— Этого просто не может быть! Я никогда не ошибаюсь! А в чем, сир?

— Она пала на второй день. Но в остальном ты был прав, Аль.

— Как всегда, сир. Во всем, что касается вас и женщин — я великий стратег и знаток.

— Так ли? — усмехнулся король, одним легким движением взлетая в седло высокого черного жеребца.

— Сир, я сразу сказал, что она не устоит.

— Но ведь есть где-то женщина, которая предпочтет смерть бесчестию? — задумчиво произнес король — Конечно, есть! И когда-нибудь она обломает вам рога на вашем черном шлеме, — захихикал шут, так же легко вскакивая на пятнистую кобылу. — А если бы виконтесса предпочла смерть вашим объятиям?

— Я бы сделал ее королевой.

— К чему вы прислушиваетесь сир?

— Замковый колокол.

— В будни он звонит, только когда умирает кто-то из благородных.

— Именно, мой верный шут.

Но колокол молчал.

Лаура проснулась, когда солнце стояло уже высоко. Она потянулась, не открывая глаз и смущенно улыбнулась. Король оказался таким… таким… воспитанная в строгости монастыря, рано вышедшая замуж виконтесса даже не знала, что в постели удовольствие могут получать оба.

Короля в комнате уже не было. На душе было непривычно легко и светло, при воспоминаниях о прошедшей ночи сердце начинало биться учащенно, а к лицу приливал румянец. Его большие руки с мозолями от меча, его черные волосы,

рассыпавшиеся по подушке, его сильное тело, его нежность и напор, отданные только ей… Как она могла раньше жить без этого мужчины?

Женщина оделась и села к зеркалу расчесывать длинные светлые волосы, когда в комнату без стука вошел коренастый темноволосый воин со свежим шрамом на лице.

— Кто вы? И по какому праву врываетесь в спальню его величества? — строго спросила Лаура.

— Я барон Солки, сир пожаловал мне этот замок в подарок. Со всем движимым и недвижимым имуществом.

— А где король? Я требую объяснений! — Решительно и гордо встала перед бароном Лаура.

— Сир на рассвете покинул стены замка, направляясь в свою резиденцию.

— Как? — растерялась женщина.

— Он просил передать вам это.

Барон поставил на стол две коробочки и криво усмехнувшись, вышел, на секунду задержавшись в двери.

— Сир просил сказать вам, леди, что если вы не захотите воспользоваться его подарком, то вам стоит найти со мной общий язык. Не думаю, что для вас это будет проблемой.

Лаура дождалась, когда новый хозяин замка выйдет, и дрожащими руками открыла коробки. В одной из них на черном бархате зло мерцал тонкий длинный стилет, а во второй — матово блестела черным пузатым боком маленькая бутылочка с круглой крышкой-пробкой.

Выбор за вами, виконтесса.

Кровь или слезы,

Яд или нож,

Жизнь или смерть,

Честь или бесчестие…

Колокол так и не зазвонил.

Ольга Мигель
ФЕЯ ПОД ЧЕРНЫМ ЗОНТОМ

Я люблю тень. Когда ты в тени, на тебя почти не обращают внимания. А это дает больше свободы — освобождает от условностей, обязанностей. Коих в жизни второй принцессы и так слишком много. Пускай у нашего народа и свободные нравы, но если кто-нибудь узнает, что я привязалась к человеку, и расскажет об этом матери, мне несдобровать. Феи должны одурманивать, пленять, а овладев разумом — похищать и вредить. Я же не хочу причинить ему вреда, не желаю даже забирать в свой мир, где сотни лет на Земле пролетят для него, как одна ночь. Все, чего я желаю, это быть с ним, даже больше — остаться. И всеми силами стараюсь поверить, что это действительно возможно.

В день, когда мы познакомились с ним, шел дождь. Он как раз проводил домой свою девушку, и поцеловал ее, прежде чем она выпорхнула из-под его черного зонта в дверь подъезда. Не в силах отвернуться и пойти себе дальше своей дорогой, я незаметно проследила за ним. А

несколько минут спустя схитрила и появилась в считанных метрах впереди, так натурально дрожа под каплями весеннего дождя!

Мое предчувствие не обмануло меня. Охнув, мужчина подошел и спрятал меня под своим зонтом. Хоть тот был действительно большим, а я — совсем миниатюрной, замерзшее тело прижалось к незнакомцу, и он ощутил, как я дрожу мелкой дрожью.

— Вы же совсем замерзли! — охнул мужчина, быстро снимая темно-серую джинсовую куртку, которая миг спустя оказалась на моих хрупких плечах.

— Да уж, не повезло. Вот всегда так — забудешь зонтик, и обязательно дождь польет! — улыбнулась я, бросив на него беглый смущенный взгляд.

— Вы далеко живете?

— Далековато, — призналась я, не уточняя, НАСКОЛЬКО далеко.

— Плохо, — пробормотал мужчина: я знала, время уже позднее, и шансов сесть на общественный транспорт не было. — А почему такси не вызовете?

— Кошелек потеряла, — не краснея, соврала я. — Все из-за этого дождя!

— Совсем скверно. Я бы вам помог, но сам свой дома оставил — выскочил вот человека проводить, только зонтик с собой и взял.

— Ничего, что-нибудь придумаю, — попыталась улыбнуться я: так улыбнуться, чтобы мужчина увидел горечь в моих ярко-зеленых глазах.

— Слушайте, мне вот что подумалось, — замявшись, проговорил прохожий. — Я живу совсем рядом. Могли бы зайти ко мне, и я вызову вам такси, а пока машина подъедет — чаем напою. А то честно, не могу вот так вас оставить. Если не боитесь, конечно!

— Хорошо, — робко улыбнулась я. — Тогда запишите мне номер своей карточки, я как доберусь домой, деньги вам за такси переброшу.

— Не стоит, мне не в тягость…

— Что вы, я настаиваю! Не могу же я вот так незнакомого человека грабить! — звонко рассмеялась я. И довольно отметила, что мужчина не возражал, когда я взяла его под руку.

Несколько минут спустя мы уже сидели на кухне в его квартире. За окном, обрамленным шторами цвета коричневой охры, звонко барабанил дождь. А у нас горела теплая электрическая лампочка, и Даниил налил мне в чашку кипятка из только что закипевшего чайника. Аромат

мятного чая сразу же заполнил всю комнату, и вдохнув его, я довольно прищурилась. На мне был мягкий желтый свитер и джинсы, которые мужчина достал из своего шкафа (очевидно принадлежавшие его девушке). Я с радостью переоделась в них, приняв теплый душ.

— Похоже, такси придется подождать, — вздохнул он, ставя передо мной чашку, которую я поспешила обхватить замерзшими пальцами. — Оператор говорит, из-за ливня все машины загружены, а некоторые и вовсе не на ходу.

— Ясно, — вздохнула я, потупив взгляд. А после, натягивая на кисти длинные рукава, проговорила: — Простите, что так стесняю.

— Ничего страшного! Не мог же я оставить девушку под дождем посреди ночи.

— Вы очень добрый.

— Все так говорят, а иногда даже ругают за это. Но меня все устраивает — в том числе и бока, которые я получаю со своей добротой!

Засмеявшись, я отпила нежного чая из большой кружки и мечтательно прикрыла глаза. Даже не помню, о чем мы говорили с ним следующие полчаса. Просто все из моей памяти вытеснил единственный момент: когда его рука случайно коснулась моей и замерла. А я, не задумываясь,

переплела с ним пальцы. После этого прошло лишь несколько секунд, прежде чем с цепи сорвался ураган!

Потянув меня на себя, Даниил украл мой рассудок одним единственным поцелуем. Глубоким, страстным, долгим. Поцелуем, на который я без тени сомнений отвечала, пропуская сквозь пальцы в его темно-русые волосы. Для его сильных рук не составило труда легко подхватить мое хрупкое тело и, запуская ладони под свитер, понести в комнату, посреди которой стояла аккуратно застеленная кровать.

Сорвав покрывало, мужчина отшвырнул его и положил меня на простыни. Все еще немного влажные медные волосы рассыпались по подушке, сильнее запутываясь с каждым страстным поцелуем, будившим во мне настоящего дикого зверя!

Выпустив мои губы, Даниил стащил свитер, под которым не было ничего — так же, как и под джинсами: мое нижнее белье намокло под дождем, и сейчас просыхало на сушилке для полотенец.

Склонившись надо мной, мужчина нежно захватил губами сосок и принялся играть с ним кончиком языка, в то время как уверенные паль-

цы расстегивали джинсы: пуговица, молния… и томный стон, когда эти самые пальцы скользнули меж моих ног. Ненадолго — лишь на несколько секунд, прежде чем Даниил стянул джинсы с моих стройных бедер.

Не колеблясь, он развел мои колени и принялся ласкать меня языком. А мне оставалось лишь ухватиться за его волосы и стонать, срываясь на крики! Этот мужчина… его глаза, его улыбка, волосы, кожа, запах… Это привязывало, вызывало зависимость, одурманивало. И заставляло раз за разом желать еще!

Тот момент, когда Даниил проник в меня, разорвал мою душу мириадами оттенков красного. Выгибаясь ему навстречу, я судорожно хваталась пальцами за его спину, бездумно оставляя на коже красные царапины. Мне хотелось принять его, полностью растворить в себе, забрать в свою вечность, день за днем упиваться этим дурманом! И разрывая губы поцелуями, мы замерли лишь на один миг, когда зазвонил телефон — скорее всего, от службы такси: сообщить, что машина уже ждет.

А может — от той девушки, которую он провожал домой чуть больше часа назад.

Когда мы встретились во второй раз, яркое

солнце играло на сочных зеленых листьях. И эта встреча уже не была случайной, мы заранее договорились о ней через неделю после первой. Тот день мы провели, гуляя по парку и наслаждаясь мороженым в уютном кафе. А ночью наслаждались уже телами друг друга, громкими стонами мешая соседям спать.

Наша третья встреча состоялась на берегу реки в горсаду, где мы устроили пикник. Четвертая — в кинотеатре, когда весь сеанс совершенно не обращали внимания на фильм. А в пятую пришли в дендропарк и отдыхали на траве.

И вот теперь я сижу рядом с ним в тени деревьев, у пышных кустов самшита, вдыхая аромат свежей зелени. На нас не обращают внимания, поэтому мы можем спокойно обниматься, время от времени даря друг другу мимолетные поцелуи — никому нет до нас дела.

Данил разрывает поцелуй, чтобы выпустить из губ тихий стон. А я смотрю на его губы и провожу по своим кончиком языка. Но когда заглядываю в любимые глаза, то вместе с нежностью встречаю в них сомнение и обеспокоенность.

Он не скрывает, что на момент нашей встречи уже встречался с другой девушкой. Как и того, что все еще не порвал с ней… что не может ре-

шить, как правильно поступить. У нас не было откровенного разговора на эту тему, но мы оба все знаем и без него.

Солнце заливает ярким светом клумбы и аллеи, по которым гуляют люди. Но никто в этом парке не замечает ни меня, ни его. И я рада, невероятно рада этому. Наверное, у меня сейчас недостаточно мужества, чтобы посмотреть в глаза еще хоть кому-нибудь, кроме Даниила. Я слишком привязалась к нему, непозволительно привязалась. И лучше всех (даже лучше моей матери, узнай она о моих чувствах) понимаю, что должна причинить нам обоим необходимую боль. Просто потому, что однажды позволила себе пожелать намокнуть под дождем, а потом — укрыться от него под большим черным зонтом.

По дорожке проходит молодая пара. Руки женщины с легкостью держатся за коляску. А мужчина, накрыв их ладонями, с любовью смотрит на счастливую мать. И время от времени наклоняется, чтобы потрепать за румяные щечки маленького ребенка с золотистыми кудряшками.

— Что случилось? — спрашивает Даниил, заметив, как я помрачнела.

— Оставайся с ней, — шепчу я одними губами.

— Что? — не понимает он.

— Оставайся с ней, — повторяю, и ловлю его взгляд. — Так будет лучше.

— Но… разве ты не любишь меня?

— Люблю. Больше жизни. Но и она также любит. А ты не уверен, не можешь выбрать.

— И поэтому ты решила сделать выбор за меня.

— Да.

— Эгоистично с твоей стороны.

— Пускай. Но иначе я не могу. Мы должны это прекратить. Поэтому оставайся с ней.

— Хорошо, — соглашается Даниил, но все еще не решаешься убрать руку, которой обнимает меня. — Но… почему? Почему ты решила, что с ней я буду счастливее?

— Потому что я никогда не смогу дать тебе то, что может дать она, — горько выдыхаю я, положив руку на живот.

Несколько секунд он молчит, глядя на меня расширенными зрачками. А потом молча наблюдает за мной взглядом, пока я не исчезаю за поворотом в покрытой тенью аллее. Этому человеческому мужчине незачем знать, что в чреве я унесла в свой мир частичку его.

Бронислава Вонсович
ЛУЧШИЕ БЛОНДИНКИ КОРОЛЕВСТВА И Я

Оригинальная идея Анны К.

Король Марко с удовольствием рассматривал обложку своей книги. На ней жгучий черноглазый красавец держал в объятьях прекрасную золотоволосую деву. На первый монарший взгляд изображение было много красивее оригинала, на что он мягко попенял художнику. Инор Манчини встал в позу и гордо сказал: «Вовсе нет, ваше величество. Вы же видите себя только в зеркале, а оно, как известно, врет. А я же вижу вас таким, какой вы есть. И от правды отступать не намерен». Честность и правдивость художника нашла понимание в сердце Марко, что выразилось в дополнительном вознаграждении. Но главное — это не обложка, главное — то, что он, Марко, первый среди венценосных особ стал Писателем, чьим талантом восхищаются тысячи подданных. Какие великолепные рецензии были во всех столичных газетах, а ведь ни один редактор не знал, что Маркус Сапес — это литературный

псевдоним короля Лории. Все, как один, писали, про интереснейшие сюжетные ходы, прекрасно подобранные эпитеты, грамотно выстроенную интригу, заставляющую читателя постоянно находиться в напряжении.

Марко с удовольствием понюхал увесистый томик. Книга пахла свежей типографской краской и славой. А еще она щедро делилась позолотой со всем, к чему прикасалась, так что на кончике монаршего носа осталось золотое пятнышко. Но короля это зримое доказательство собственного таланта совершенно не расстроило. Он развернул книгу и погрузился в сладкие воспоминания. Долго ему заниматься столь упоительным делом не дали. Раздался стук в дверь и звонкий голос доложил:

— Ее величество королева Елизавета.

Марко с удовольствием посмотрел на вошедшую жену. Беременность, пусть и совсем на ранних сроках, явно пошла ей на пользу — она округлилась в нужных местах, взгляд стал нежнее и загадочней. Правда сейчас в ее взоре не было привычной томности, что не могло не обеспокоить монарха.

— Дорогая, что привело тебя ко мне в столь неурочный час? — вопросил он тревожно.

— «Лучшие блондинки королевства и Я», — холод в лизином голосе был просто арктическим. — Как тебе в голову пришло так себя опозорить?

— Почему опозорить? — удивленно сказал Марко. — Я писал под псевдонимом, да и победы на любовном фронте у мужчин вызывают только законную гордость.

— Не будем говорить о законной мужской гордости, — не смягчилась королева. — Речь сейчас идет исключительно о литературных достоинствах данной писюльки.

— Не понимаю, почему тебе так хочется меня оскорбить, — встал в позу Марко. — Все, повторяю, все газеты написали исключительно восторженные отзывы.

— С их стороны было бы огромной глупостью написать что-нибудь другое — они же лорийские газеты. Не думаю, что в других государствах к твоему увлечению отнесутся с таким же снисхождением. Более убогой вещи я в жизни своей не читала.

— Почему же? — оскорбленно сказал король. — Чем это тебе так не понравилось мое творчество?

— Видишь ли, дорогой, ты не имеешь ни малейшего представления о том, как нужно писать

художественное произведение, — уже мягче пояснила Лиза. — Вот скажи мне, что ты можешь сказать о сюжете? Ты серьезно считаешь, что перечисление встретившихся тебе красоток — это сюжет?

— Я показываю, как мужчина идет от победы к победе, — снисходительно пояснил Марко. — Женщинам это попросту не понять.

— Где здесь от победы к победе? — Лиза открыла томик и начала зачитывать. — «Я встретил баронессу Н. сразу после расставания с виконтессой М. Ее родинка у верхней губы была так привлекательна, что я сразу понял, что она любит искусство. Баронесса с радостью согласилась осмотреть картины в моей спальне. И мы погрузились в пучину страсти». Это победа? Да она же свалилась к твоим ногам, как переспелая груша.

— Дорогая, ты преувеличиваешь.

— Ничуть, — отрезала королева. — Видела я эту твою баронессу, единственное достоинство которой — это цвет волос. Да у нее, кроме той бородавки, которую ты почему-то назвал родинкой, еще и передние зубы торчат, как у зайца. Как можно было быть таким неразборчивым, Марко? Да над тобой все королевство смеяться будет. Ты в эти пучины страсти погружаешься несколько

раз на одной странице. Можно и другие эвфемизмы использовать. И описания своих любовниц не такими убогими делать, а то они у тебя как из-под штампа выходят — заменил баронессу на виконтессу, добавил-убрал родинку и все. Такое впечатление, что у тебя просто список был.

— Ну да, — смущенно подтвердил Марко, — мне туранский кронпринц передал. Вот я и подумал, не пропадать же. Ведь в каждой женщине можно найти что-то привлекательное.

— В некоторых слишком долго искать нужно, — ехидно сказала Лиза. — Особенно по твоим описаниям.

— И чем тебе так мои описания не нравятся? Вот сама бы ты что написала?

— Смотри, — наставительно сказала королева. — Вместо того, что ты там написал, вполне можно было использовать что-то типа следующего. «Печаль моя после расставания с виконтессой была так велика, что пережить ее мне помогла только встреча с баронессой. Она была хороша, как весенний цветок с каплями росы поутру. И даже родинка около верхней губы ее не портила, а лишь придавала пикантности» Ну и так далее. Потом описываешь, как она сопротивлялась твоим ухаживаниям, а ты это мужественно пре-

одолевал.

— О, так действительно лучше, — согласился Марко. — При написании следующего тома я непременно с тобой проконсультируюсь.

— Какого еще следующего тома? — возмущенно сказала королева.

— Ну как же дорогая, ты ждешь ребенка, а у меня, как у мужчины, определенные потребности есть, — заявил Марко. — Заодно и материал наберу для второй книги.

— Дорогой, — нежно сказала Лиза, — ты правильно заметил, что я жду твоего ребенка. А это значит, что?

— Что? — спросил король.

— Что меня волновать ни в коем случае нельзя. А любой твой поход на сторону меня будет волновать очень сильно. Так сильно, что твоя любовница и облысеть может.

— Но, дорогая, это же традиции моей семьи, — возмутился Марко, понявший, что покушаются на святое.

— Когда я за тебя выходила, ты мне об этом не говорил. А то бы я предупредила тебя о традициях своей семьи.

— Это и сейчас еще не поздно сделать, — король решил прийти к некоему компромиссу, удовле-

творяющему обоих.

— Когда моя мама узнала об измене отца, — нежно улыбнулась Лиза мужу, — она пошла на кухню, взяла большую чугунную сковородку и выбила из него эту дурь. Мне кажется, я видела здесь что-то подходящее. Запомни, дорогой, все, что было до меня, я согласна забыть — ведь меня здесь еще не было. Но не дай бог я узнаю о чем-то подобном теперь — одной сковородкой не отделаешься.

Марко изумленно молчал. Это была совсем не та нежная девочка, на которой он женился. Это была женщина, уверенная в своем праве и готовая его отстаивать с оружием в руках, пусть даже в роли оружия выступает кухонная утварь.

— Не думаю, что стоит переносить сюда чужую культурную традицию, — наконец сказал — Разумеется, — победно улыбнулась Лиза, — я согласна от нее отказаться, но только если ты откажешься от своей. Да, и книжечки эти уничтожить надо. Все. Хотя, можешь оставить себе один том. Для воспоминаний.

— Дорогая, а ты не забыла, что я король? — возмутился Марко.

— Нет, — ласково улыбнулась его жена. — Но советую и тебе не забывать, что я — королева.

С этими словами она выплыла из кабинета, оставив мужа в одиночестве. Марко проводил ее взглядом, посмотрел на позолоченный том, лежащий посреди стола, и пришел к закономерному выводу: самая лучшая блондинка королевства — ее величество королева Елизавета, а если все остальные заведомо хуже, то стоит ли тратить на них свое монаршее время?

Кира Стрельникова
ИСПАНСКИЕ КАНИКУЛЫ

Внимание! Любые совпадения имён и названий, равно как и событий, случайны! Это просто очередной взбрык моих рукояторов, навеянный отпуском, не более.

Я лениво поправила шляпу с широкими полями, блаженно улыбнувшись, и, не открывая глаз, потянулась, смакуя сладкую мысль. Я в Испании, наконец-то! Господи, два года мечтала, ещё полгода ждала, считая дни, и вот — ласковое Средиземное море, бирюзовая тёплая вода, ясное небо и жаркое солнышко. Красота!

Отдых, какое сладкое слово. Экскурсии расписаны, ближайшая через день, а завтра иду любоваться на местное шоу фламенко, в казино маленького прибрежного городка Ллорет де Мар. Злачное местечко, сюда стекается молодёжь со всей Европы: тусить, пьянствовать и тратить честно отнятые у родителей еврики. Ну, я свои заработала, и не самым лёгким путём, так что тут я собираюсь тоже отдыхать на широкую ногу. Пока же нежусь на пляже, наслаждаясь жарой

— первый день встретил меня отлично.

Однако, припекает — надо бы кремом намазаться, не дай бог, сгорю в первый же день и буду щеголять, как все русские, кожей нежного розового оттенка. Конечно, я не белая, как сметана, и загар на меня ложится быстро, и даже краснота проходит в считанные часы, но шелушиться потом не хочется. Я нащупала сумку, запустила руку в поисках бутылочки, не открывая глаз — выныривать из блаженной истомы не хотелось. Я два года не была на море, два года мокла в моём болоте в Питере, чёрт! Лепота, одним словом. Но всё же пришлось разлепить глазоньки, ибо наощупь намазываться как-то не очень удобно. Да и поглазеть по сторонам надо бы, вдруг среди европейской молодёжи попадётся какой истинный испанский мачо, подходящий мне по возрасту. Ну и просто на красивых мужчин полюбоваться тоже хочется. А то совсем одичала, безвылазно сидя за ноутом дома. Всякие кошмары под названием «правка» ждут меня только по возвращении, что безмерно радует. Только я выдавила крем на ладонь…

— Сеньорита, вам помочь? — раздался совсем рядом певучий, низкий голос с отчётливым акцентом.

Мужчина говорил на английском. Проблем с языком у меня не было, владела им свободно. Хм-м-м, мужчина?! Сам подошёл?.. Чудны дела твои, господи. Признаться, сердце подскочило к горлу, и я слегка струхнула, давно со мной вот так запросто за границей не знакомились. Будем откровенны, ни разу. Я наслышана, что за рубежом особи противоположного пола на улице запросто так не подходят, и тем более моё удивление зашкалило. Я замерла, вернула кусок мяса на место в грудную клетку, сделала глубокий вдох-выдох. Спокойно, Кира, не дёргаться. Вспоминаем, что мы женщина, и вообще-то просто так тоже не знакомимся. Я скосила глаза на ноги, покрытые тёмным волосом — ну, до колен ничего так, ноги. Взгляд поднялся выше, до мускулистых бёдер, а дальше мне мешала шляпа. Я выпрямилась на шезлонге, одним пальцем приподняла поля и, прищурившись, уставилась на столь решительного мужчину. О-о-о. Эх-х, шорты — прискорбно, но факт, поголовно все местные и не местные на пляже не носили обычных плавок, какие там стати, не разглядеть толком. Стесняются, что ли?! Так, смотрим выше. М-м-м-м, уже интересно: тёмная дорожка, убегающая от пупка под резинку, отчего пульс резко повысился. От самых

настоящих кубиков пресса началось обильное слюноотделение, пришлось тихо-осторожно сглотнуть, постаравшись не сильно спалиться перед неизвестным. Мускулистая грудь — блин, я такие тела в последнее время видела только на картинках от добрых читательниц на форуме, дружно провожавших меня на отдых с конкретным напутствием пуститься во все тяжкие и заловить на просторах Коста Бравы какого-нибудь местного бравого мачо! Отмазки, что я не охотница и не умею знакомиться, девчонкам не прокатили… Чтобы разглядеть лицо неизвестного с бархатным голосом, пришлось бы снять шляпу. А я мужиков никогда в открытую не рассматривала! Трезвой так уж точно. «Какие твои годы, Кирочка, — ехидно отозвалось подсознание. — Никогда не поздно начать!»

В самом деле, чего теряться. Я сняла шляпу и запрокинула голову — мой собеседник, набивавшийся в помощники, оказался высоким. Темноволосым. С лёгкой небритостью. Орлиным профилем. Тёмными, живыми глазами-вишнями, в которых таился огонёк. Полными, чувственными губами, глядя на которые невозможно не думать о поцелуях. Кира, солнышко, вы на пляже! Какие поцелуи, нафиг! Живо взяла себя в

руки! М-м-м, если вот в эти самые, с рельефными бицепсами, я согласная…

— Сеньорита? — повторил мужик тем же чарующим, сексуальным голосом.

Либидо, лежа-а-а-ать, я сказала! Русские так просто не сдаются! Особенно такие, как я, шуганные и осторожные. Терять голову не хотелось, потом проблем не оберёшься. Посему я спокойно улыбнулась и ответила:

— Нет.

И выдавила крем на ладонь, с невозмутимым — надеюсь — видом начав намазывать ноги. Успела заметить, как на красивом, породистом лице мелькнуло удивление, и чёрные брови поднялись домиком. Едва сдержала довольную улыбку: а вот так, красавчик. Люблю рвать чьи-то шаблоны и слегка постервозничать. Если хотите, проверка на вшивость. Я безумно дорожила своей свободой, и абы кого впускать в мою жизнь ужасно не хотелось. Откровенно говоря, подруги называли меня закоренелой холостячкой, ибо за всю свою жизнь я ухитрилась заводить только лёгкие романы, старательно избегая серьёзных отношений. Сначала осторожничала, опасаясь влюбиться не в того, потом — что моя жизнь превратится в серую рутину, ну а сейчас, когда я

достигла почти всего, о чём мечтала, лишаться возможности жить так, как мне хотелось, только потому, что рядом появится кто-то посторонний, тем более не горела желанием. Так и получилось, что когда мои подруги уже вели своих чад в школу, я порхала по жизни, путешествуя, занимаясь своими увлечениями, творчеством, и наслаждалась тем, что есть, особо не задумываясь о личной жизни. И знаете, не тяготило осознание того, что в свои тридцать с небольшим я до сих пор одна. Мне и с собой не скучно. И я всего первый день в Испании, ещё толком отдых не начался, зачем мне прямо вот сейчас мачо?! Ну и, интересно было, что предпримет дальше?

Удивил, честно. Молча отошёл — я успела слегка разочароваться и одновременно успокоиться, — потом вернулся, с полотенцем и вещами. Расстелил рядом, благо людей ещё не очень много было в десять утра, сел, скрестив ноги и обняв колени руками, и молча уставился на меня. Ой. Чего это он? Признаться, под его пристальным взглядом крайне тяжело было сохранять невозмутимость и продолжать намазываться так же молча. И не коситься на него тоже. Ладно, где наша не пропадала, ёж — птица гордая. Я закончила с плечами, дотянулась, куда могла, на спине и

спрятала флакончик. Потом легла на шезлонг и накрыла лицо шляпой. Чтобы не было соблазна, так сказать. Но ощущение чужого пристального взгляда, скользившего по мне, вызывало щекотные мурашки от шеи до пяток, и минут через пять я не выдержала. Едва удержавшись от фырканья, встала и направилась к воде, пусть она с утра и бодрящая ещё, прохладненькая. Смущал меня этот мачо, чёрт, я не ожидала, что он тоже вот так вот с ходу начнёт ломать мои шаблоны! Окунувшись в прозрачную лазурную водичку Средиземного, я поплавала, упорно не глядя в сторону вещей и знойного испанца, заодно охладила некстати поднявшуюся температуру тела. Надо выходить. Вышла. Под тем же пристальным взглядом устроилась на лежаке, достала книжку и демонстративно уткнулась в неё.

Смысл слов ускользал, краем глаза я продолжала следить за молчаливым нестандартным мачо, подметив, что полные губы подрагивают в намёке на улыбку. Странный он. Сеньорита его демонстративно игнорирует, а он и ухом не ведёт.

— Отдыхаете? — последовал вопрос.

Промолчать не позволила проклятая питерская вежливость. Кивнула, не отрываясь от книги,

хотя уже третий раз читала одно и то же предложение, не понимая, о чём оно.

— Да, — односложно ответила, надеясь, что намёк будет понят.

Ох, трудная наука флирта давалась мне только в лёгком подпитии. В последнее время я при таких вот спонтанных знакомствах сперва выставляла щиты, дабы мужчина не подумал себе чего-нибудь лишнего. Надоели товарищи, почему-то считающие, что за пару дешёвых комплиментов и проникновенный взгляд я послушно спорхну им в руки и стану домохозяйкой из рекламы, в пеньюаре, при полном параде, готовящей у плиты и встречающей хлебом-солью с работы. Да ещё и заброшу свою насыщенную жизнь и посвящу оную им, единственным и неповторимым. Вот уж фигушки. Хм. Кирочка, милая, отключи стереотипы, вряд ли этот мачо настроен так же. Что тебе советовали? Пуститься во все тяжкие, так? Так. Ты отдыхаешь? Отдыхаешь. Хотела страстного секса с темпераментным испанцем? Так вот он, руку протяни! Даже делать ничего не надо, он сам подошёл, так чего мы тормозим? Либидо радостно захлопало в ладоши и отряхнуло вековой сон, и я отложила ненужную уже книгу, взглянув на незнакомца уже благожелательнее. Что ж, на

одну-две страстные ночи я согласна.

— Сантьяго, — понятливо улыбнулся мачо, и я чуть не икнула от неожиданности.

Приготовилась к банальному Диего или Сергио, на худой конец, Педро или Хуану.

— Кира, — отозвалась я, хлопнув ресницами.

Далее действия Сантьяго приятно удивили и взволновали: он приподнялся, завладел моей ладонью, поднёс к губам, не сводя взгляда, и прикоснулся губами. Ма-а-а-ать!.. Признаться, когда писала в своих книжках о всяких там иголочках и молниях, появляющихся от простого прикосновения, про себя хихикала — ну не бывает такого в жизни. А тут, от этого бережного поцелуя и от лёгкого поглаживания меня пробрала дрожь до самых внутренностей, позорно затрепетавших, как у шестнадцатилетней девственницы на первом свидании. Я сплю…

— Необычное имя. — Сантьяго улыбнулся, не торопясь выпускать мою ладонь из своих чутких пальцев. — Из России?

— Д-да, — запнулась при ответе, рассердилась на себя и строго приказала собрать расплывшееся сознание в кучу. — Питер, — уже твёрже ответила и мягко, но настойчиво отобрала руку.

— Надолго здесь? — К чести Сантьяго, ладонь

он отпустил, не став удерживать.

А кожу так и покалывало, ощущение прикосновения сохранялось. Чёрт, какой мужик! Неужели и вправду судьба решила сделать мне такой подарок? С таким просто не может быть банального секса, после которого лежишь и думаешь: «Ой, а шо это было?.. И было ли вообще?» Мда, на качественный секс мне в последнее время не очень везло, будем откровенны, ещё одна причина, по которой я избегала знакомств. Не хотелось разочарований.

— Две недели, — на удивление спокойным голосом ответила я, сцепив руки в замок и стараясь дышать равномерно.

— Одна путешествуете? — продолжил разговор Сантьяго, взгляд чёрных глаз неторопливо скользил по мне, рождая давно забытое смущение.

Наши мужики облизывали меня сальными взглядами, откровенно раздевающими, и в их глазах легко читалось, в каких позах и сколько раз они уже мысленно поимели меня. Честно говоря, противно, когда меня почти с ходу начинали настойчиво склонять к позднему ужину, а потом и к раннему совместному завтраку. Некоторые вообще не мудрствуя лукаво, на первом же свидании, днём (!) предлагали поехать в гости.

Будто я какая легкодоступная девочка, которой улыбнись пару раз, напои кофе и она уже твоя. Фи. Сантьяго же смотрел, откровенно любовался, восхищение прямо читалось в его взгляде, но… в том-то и дело, что никто не торопился хватать меня за руку, приобнимать и всячески нарушать моё личное пространство. Он смотрел. Но не прикасался. Только разве что мысленно, и именно в тех местах, в которых мне стопроцентно бы понравилось. Ой, Киронька, ещё только утро, а у тебя уже мысли совсем не в том направлении! Точнее, в том, но как бы я после пары-тройки общих предложений для завязывания знакомства не прыгаю радостно в распростёртые объятия!

— Одна, — я склонила голову, продолжая упражнения в размеренном дыхании.

До вечера далеко. А к себе в отель, да ещё днём, я почти незнакомых горячих испанских мачо не вожу! Мне там две недели жить, между прочим! Ой, надеюсь, он не пригласит на обед к себе, я же и согласиться могу…

— И не скучно? — с искренним интересом спросил между тем Сантьяго.

— О, нет, что вы, — я улыбнулась, радуясь, что пока разговор ведётся на нейтральные темы. — Наоборот, никто не зудит над ухом, делаешь,

что хочешь, ходишь, куда хочешь, — я пожала плечами. — Я давно одна путешествую.

— А чем занимаетесь в жизни? — не дал мне углубиться в размышления Сантьяго.

— Книжки пишу, — осторожно ответила я.

Признаться, разговаривать о своём творчестве с мужчинами не любила. Я же для женщин пишу, сказки о красивой любви. Те самые сопли, по мнению сильной половины человечества, которые им кажутся скучными и надуманными. Глупые. Почитали бы, глядишь, счастливых женщин стало бы больше в этой жизни. Почерпнули бы хоть что-то ценное, что хотят женщины от мужчин. Я старалась писать всё же не совсем прямо вот про идеальную любовь.

— Писательница? — оживился мой собеседник. — Как интересно. И о чём пишете?

— Для женщин, фэнтези, — уклончиво ответила я.

Хорошо, он русского не знает, хоть просить почитать не станет. А то пару раз было, некоторые индивиды просили, где можно глянуть, я сдуру давала. Ну и нарывалась на размышления о том, что так не бывает в жизни. Конечно, не бывает, но элементарная забота, взаимопонимание и взаимоуважение в нашей жизни существуют и

достижимы, при желании. Беда в том, что наши мужики не имеют такого желания пытаться понять женщин. Только о себе думают. Сантьяго вздохнул, и мне даже показалось, с искренним сожалением.

— На русском, да?

Я кивнула и поспешно добавила:

— Я не даю свои книги мужчинам. Они им неинтересны.

— Вот как? — он склонил голову. — А мне было бы интересно узнать, о чём пишет такая женщина, как вы.

Чёрт дёрнул спросить:

— Какая?

— Завораживающая, — улыбка Сантьяго стала шире, а я в полной мере ощутила, что значит, когда по спине марширует эскадрон пьяных мурашек.

Со мной откровенно заигрывают, только не так грубо и прямолинейно, как наши мужики. Отвыкла я, да, от таких изысканных комплиментов в мою сторону. Обычно обходились стандартными «красивая, интересная». Но — завораживающая?

— А вы тут живёте? — я решила соскочить со скользкой темы, не готовая пока к столь решительному развитию событий.

— В Барселоне, В Ллоретте у меня небольшой дом, — Сантьяго принял правила игры.

Ого, свой дом? Значит, не просто ищущий лёгких развлечений с иностранками местный? Хотя, кто его знает. Может, как раз и такой.

— И чем же вы занимаетесь по жизни? — Наверняка бизнесмен какой-нибудь крутой.

— Тоже творчеством в некотором роде, — Сантьяго усмехнулся, блеснув чёрными глазами. — Позволите нескромный вопрос, Кира?

И я, кажется, догадываюсь, какой.

— Попробуйте, — я тоже усмехнулась, неожиданно настороженность отступила, эта осторожная игра начала увлекать.

— Почему рядом с такой женщиной никого нет?

Внутри тут же всё ощетинилось на эту деликатную вариацию «а почему такая красивая девушка одна?», но я стиснула зубы и подавила порыв огрызнуться. Это закономерный вопрос, Кира, пора к нему привыкнуть и реагировать спокойно. Я пожала плечами, перевела взгляд на спокойное бирюзовое море.

— А надо? — лениво отозвалась, заложив руки за голову. — Мне и так хорошо.

Раздалось тихое хмыканье, и разговор стих, но

тишина не оставляла ощущения напряжённой, как обычно у меня часто бывало с незнакомыми мужчинами. Я прикрыла глаза, поудобнее устроилась на лежаке и погрузилась в ленивую негу. Хорошо, однако…

— А у тебя тоже никого нет? — через пару минут спросила, порадовавшись, что в английском различий между вежливым «вы» и свойским «ты» нет.

Дело исключительно в собственном восприятии, как к тебе обращаются.

— Увы, я часто в разъездах, не всех это устраивает, — последовал невозмутимый ответ.

Похоже, Сантьяго не особо огорчает такое положение дел. Ну да, мужчины меньше стремятся к созданию гнёзд, чем женщины, неудивительно. Да и с такой внешностью, наверное, избалован женским обществом.

— Искупаемся? — предложил мой новый знакомый, и я не стала возражать.

Дальше наш ленивый разговор вертелся вокруг общих тем: где я уже была в своих путешествиях, куда Сантьяго ездил — он обскакал меня, признаться, объездил не только Европу, но и в Америке побывал. В Южной. Хотя, знаете ли, видала я ту Америку… На Амазонку разве что мечтаю

поехать, после Испании вторая голубая с золотой каёмочкой. Но это в отдалённом будущем, пока не накопила своим творчеством. А вот про себя Сантьяго не слишком охотно распространялся почему-то, — я была свято уверена, что мужикам только дай повод поговорить о себе, любимом. Собственно, с нашими так оно и есть — задай им простенький вопрос из разряда «а чем по жизни занимаешься», и всё, можно сидеть спокойно. Он сам за тебя и ответит, и спросит, и расскажет. Я же, не избалованная вниманием иностранных мужчин, не переставала удивляться Сантьяго. Пошлыми комплиментами не сыпал, только улыбался да одаривал мягкими, ласковыми взглядами, за руки не хватал почём зря, только деликатно поддержал за локоть, когда меня чуть прибоем обратно в море не уволокло — дно здесь хоть и галечное, но понижается резко, буквально за пять шагов, и, конечно, перепад высот рождает небольшой такой прибойчик. Признаться, я тихо млела и рычала на себя, строго приказывая не таять карамелькой и не сдавать бастионы без боя. Где мой хвалёный зарок не западать на жарких мачо с полувзгляда?! Где мои давние страхи перед серьёзными чувствами?! Хотя, какие нафиг чувства? Мой скептицизм, шмыгнув носом,

авторитетно заявил, что тут чистая страсть, возникшая от долгого невнимания к себе, любимой, и подогретая солнцем, морем, отпускной негой и жаждой романтики.

Мне купили прохладный коктейль и мороженое, и как я его ела под взглядом Сантьяго, вообще отдельная история… Вот жук, знал же, что жарко, что оно немедленно начнёт таять, я перемажу все пальцы и начну их облизывать! Слава богу, что хватило ума есть не над собой, ещё и закапав живот, а над землёй… Я успела облизать полтора пальца, пока не засекла взгляд ушлого испанца. Тут же покраснела, осознав, как это всё выглядит со стороны, смешалась и остатки мороженого уже вытерла полотенцем. Нет, чтобы сразу это сделать, так вспомнила детство и забыла, что нахожусь вообще-то в обществе мужчины, которому я нравлюсь! И, судя по заблестевшим чёрным глазам, после моей выходки интерес возрос в геометрической прогрессии… Ой. Я собрала жалкие остатки самообладания в кучку, храбро улыбнулась и как можно непринуждённее заявила:

— Жарко уже, предлагаю последний раз окунуться и пойти уже.

Угу, сказала и внутри всё замерло от осознания

простой истины: до отеля меня проводят точно. А, может, даже и на обед пригласят. Вопрос — куда? В ближайший ресторанчик или?.. Нет, ну последнее слишком смело, я таки надеюсь, Сантьяго и в этом не следует дежурному поведению наших, русских мужчин. Сегодня точно ни в какие гости не поеду. А как же томление в предвкушении новой встречи и неприличные мысли, от которых учащается дыхание и тяжелеет внизу живота? Надо же помечтать, накрутить себя, довести до состояния, когда уже никакие комплексы и страхи не мешают отдаться на волю обстоятельств и умелых — не сомневаюсь, очень, — рук знойного испанского мачо!

— Да и народу много, — согласился Сантьяго, переведя взгляд на море, в котором уже плескались дети вперемешку с молодёжью, проспавшейся после бурной ночи и дополз шей до пляжа.

Уф. Тема продолжения знакомства повисла в воздухе, но я не я, если первой начну форсировать события! Нет уж, моё железное правило: ты мужчина, ты и действуй. А я уж посмотрю на твои действия и решу, нравятся они мне или нет. Мы окунулись, сплавали, я разогнала наетое за вчерашний ужин и сегодняшний завтрак, чувствуя приятную усталость в мышцах, и вернулись к

вещам. Я вытерлась, старательно избегая коситься на Сантьяго, натянула пляжное платьице, аккуратно, не торопясь, сложила полотенце. Ну?.. Сердце скакало по грудной клетке трепетной ланью, дыхание угрожало перейти в аритмическое и лишить меня способности потреблять нормально кислород. Руки заняла сигаретой, чтобы не дрожали, заразы такие. Сантьяго между тем с той же невозмутимой наглой мордой собрался, закинул полотенце на плечо и вопросительно глянул на меня.

— Идём?

Ну… Идём. Только куда? Я удержалась от привычного пожимания плечами и направилась к дороге и переходу. Ладно, собственно, с чего я взяла, что со мной решили продолжить знакомство? Вела себя скромно, даже сдержанно, открыто не флиртовала, не рассматривала, слюни не пускала. В общем, делала вид, что мне фиолетово, что рядом такой в прямом смысле сногсшибательный мужчина. Может, они тут тоже не понимают косвенных намёков и им всё прямым текстом надо? Тогда облом-с, я уж точно не буду приставать с откровенным заявлением «А пойдёмте-ка в нумера?!» Сантьяго догнал, молча отобрал сумку и пошёл рядом. Я моргнула, но сделала вид, что

так и должно быть. Да, всё же иностранцы не в пример воспитаннее наших, боящихся перетрудить свои усохшие за офисными столами тельца мужчин!

— Далеко живёшь? — обронил Сантьяго, когда мы остановились на переходе.

Ох, вот и главный вопрос дня. Меня проводят или?..

— Нет, минут пять пешком, — невозмутимо ответила, включив блондинку и сделав вид, что не понимаю, об чём речь.

— Ну, пройдёмся, у меня машина всё равно не здесь стоит, — так же невозмутимо отозвался мой спутник, чем поверг в волнующие переживания.

У него есть машина. Обалдеть. И ведь не колется, зараза такая, чем же занимается! Такая позорная деятельность, или опасается, что клюну на его бабки? Да больно надо, я и сама неплохо зарабатываю. И вообще, мне не деньги от него нужны…

— Есть на вечер планы? — Следующий вопрос усилил нервное волнение, я чуть не споткнулась от неожиданности.

С места в карьер? Эм-м-м. Не, ладно, расслаблюсь и получу удовольствие. Кажется, именно это я и собиралась тут делать, да ещё такая удача

— в самом начале отпуска многообещающее знакомство! Две недели обещают быть оч-ч-чень интересными и приятными… Если перестану зажиматься и дёргаться от любых проявлений внимания к себе, любимой.

— Нет пока, — получилось сказать непринуждённо, без дурацкого заикания и дрожи в голосе.

— Может, поужинаем? Я знаю здесь отличное местечко, тихое, спокойное и вдали от шумной молодёжи. — Сантьяго улыбнулся, а моё сердце в который раз за это утро затрепыхалось пойманной птичкой.

Улыбался он всё же безумно обаятельно, так бы и смотрела… Если бы это не выглядело слишком уж навязчиво. Лучше уж рискну заработать косоглазие и буду исподтишка поглядывать.

— Можно, — я наклонила голову, лихорадочно перебирая в голове не слишком густое содержимое моего шкафа.

— Тогда часов в восемь зайду, нормально будет?

До вечера день будет тянуться слишком долго…

— Хорошо, — кратко отозвалась я, опасаясь, что голос изменит и весь английский вылетит из головы начисто.

Всё же, давно так долго не общалась, обычно обходилась общими фразами за жизнь, если вдруг какой говорливый официант в кафе попадался — бывало и такое. Ладно, лишняя практика тоже полезной будет.

Конечно, Сантьяго дошёл со мной до самого отеля, и, конечно, мой спутник удостоился заинтересованных взглядов той самой молодёжи, плескавшейся в бассейне. Ну а когда знойный мачо снова приложился к моей ручке, вызвав у меня горячий румянец, я вообще почувствовала себя звездой… Наверное, эти молоденькие французы и немцы и не знают, что это такое, галантность, и как надо на самом деле ухаживать за женщиной. Что ж, пусть учатся, им ещё не поздно.

— До вечера? — Сантьяго выпрямился, глянув на меня, и так уж получилось, что наши взгляды встретились.

Всё утро я старалась смотреть на него вскользь, избегая прямых взглядов, именно потому, что почти незнакомому человеку мне сложно смотреть в глаза. Сейчас же… От искристой чёрной глубины меня окатило жаром, потом по спине прошлась прохладная волна, и я чуть не забыла, что у Сантьяго моя сумка вообще-то, пока он не сунул мне её в дрогнувшие руки.

— Ага, — ответила я по-русски, от волнения все английские слова вылетели из головы, как опасалась.

Нет, ну какой взгляд, какие глаза! Кажется, именно такие называют проникновенными. Да уж, проникли так проникли, до самой глубины души, что называется. Я поспешно развернулась, и очень удачно подошёл лифт. Как ухитрилась не споткнуться, заходя в него, не знаю, честно. До номера шла по приборам, долго копалась в сумке, пытаясь найти там электронный ключ, потом несколько раз опустила его в щель не тем концом… Кира-а-а-а, очнись, радость моя, что ж тебя так торкнуло-то! Докатилась, мать, на зрелости лет, почти втюриться с первого взгляда. Надо срочно под прохладный душ, потом сходить пообедать, и потом дневной сон — в сиесту так крепко и хорошо спится, надо пользоваться. И до вечера никаких волнительных мыслей о неких черноглазых завлекательных мачо, поняла? А то знаю, накрутишь себя, а вы всего лишь поужинаете, и он проводит тебя обратно до отеля, так же поцеловав ручку и даже не попытавшись обнять где-нибудь на узкой улочке, воспользовавшись моментом. И будешь снова сидеть в номере и думать, то ли в тебе что-то не так, то ли ты слишком

хороша даже для местных знойных красавцев.

Сказала — сделала. Сполоснулась, посидела за ноутом — да-да, я даже в отпуск потащила его, потому как именно в отпуске меня обычно посещают классные идеи, которые обязательно надо записать, — сходила пообедала. Почитала книжку, пообщалась на форуме, даже умудрилась что-то написать в новый проект, но мысли всё равно вертелись вокруг утреннего знакомства и предстоящего вечера. Мысли неудержимо неслись куда-то в сторону дремучей романтики, представлялся тот самый тихий ресторанчик с музыкой, приятная обстановка, лёгкий бриз с моря, обещанная тишина и отсутствие шумной молодёжи вокруг. Сантьяго напротив, обязательно почему-то в белой рубашке, хоть и с коротким рукавом, и с красивой бордовой розой, которая обязана простоять все две недели и не завять в первые три дня, несмотря на жару. Мы пьём из бокалов сангрию, я кушаю что-то лёгкое, но вкусное — что, фантазия пока не придумала, я ещё мало знакома с кухней Испании, — ведётся непринуждённый приятный разговор… А потом мы идём гулять по набережной, в сторону замка, подальше от людного пляжа и всё той же надоедливой шумной полупьяной молодёжи… Дальше

фантазия ускакивала в далёкие дали, из которых никак не желала возвращаться назад — я уже минут пять пялилась в монитор на открытый файл и понимала, что ни строчки сейчас не напишу. Мысли витали совсем в другой стороне, и рукояторы разомлели от жары, в кои-то веки решив оставить меня в покое. Так, дорогая моя, ложимся-ка спать, тем более, организм от сытой еды и активного утра слегка подустал.

Проспала я на удивление долго, хотя вроде дневным сном особо не балуюсь и вообще не люблю днём спать: состояние размазанности потом весь остаток до вечера не покидает. Тут же наоборот: три с половиной часа здорового сна подарили бодрость, жажду деятельности, и я даже успевала ещё часика на полтора смотаться на море, поймать последнее на сегодня солнышко. Загар на меня ложился легко и быстро, и уже даже сегодняшний проступил, что меня радовало. Не удержалась, переодеваясь на пляж, таки переворошила вешалки, придирчиво выбирая, что же надеть потом, когда приду. Точнее, конечно, уже и так знала, но надо же помучиться, подоставать себя вопросом, а вдруг я не очень буду выглядеть в этом платье?! Вдруг надо обычную кружевную юбочку покороче и маечку?! А то оденусь, как на

парад, а Сантьяго придёт в шортах и футболке… И пойдём мы в какую-нибудь кафешку. Фыркнула собственным мыслям, усмехнулась. Да нет, не похож он на мужчину, который поведёт понравившуюся женщину в обычную забегаловку. А вообще, до восьми вечера ещё три с половиной часа, так что нечего бежать впереди паровоза. И я отправилась на пляж. С тайной мыслью, вдруг снова встречу там моего знойного мачо… Сама не заметила, в какой момент стала называть его моим, вдруг осознала, и честно говоря, стало немного боязно. Ладно, не будем бежать впереди паровоза. Доживём до вечера, там посмотрим.

Конечно, на пляже его не оказалось, к моему некоторому разочарованию, но я напомнила себе, что у человека тоже могут быть свои дела, это я тут отдыхаю, а он здесь живёт. Ну, не здесь, в Барселоне, но всё же. Так что с некоторым усилием отогнала мысли о моём новом знакомом и постаралась расслабиться и наслаждаться морем и солнцем. Время пролетело незаметно, я ещё и ухитрилась задремать — к моему счастью, солнце после обеда уже не такое едучее, да и защитный крем я купила хороший. Честно вылежала до шести вечера, потом из-за гор набежали облачка, и я решила с чистой совестью возвращаться в номер,

чистить пёрышки потихоньку. Ну и, как всегда, урвать немножко времени для творчества. Даже на отдыхе не могу без моих текстов, такой уж я трудоголик. Как всегда, перед важным событием, теперь минуты текли ужасно медленно, я ничего не могла поделать, то и дело бросая на часы косые взгляды. Помылась для себя рекордно быстро, хотя обычно наслаждаюсь горячей водой подолгу. Конечно, всякие крема и прочие маленькие женские хитрости, чтобы выглядеть красивой. Дольше всего возилась с волосами: недавно сделанная первый раз в жизни химия требовала определённых навыков, пока сделала тот самый эффект мокрых волос с помощью геля, чуть не соорудила вместо этого воронье гнездо — пальцы путались, липкий гель приходилось постоянно смывать с рук. Но красота требует жертв, и спустя минут двадцать страданий нужный результат был достигнут. Ура, симпатичные кудряшки! В общем, готова я была даже чуть заранее, и даже успела посидеть за ноутом, наслушавшись напутствий добрых читательниц. Глянув на часы, подорвалась, понимая, что слишком отвлеклась и рискую опоздать, схватила сумку и выскочила из номера. Ну, с богом, вперёд и с песней.

Те несколько минут, что ехала в лифте на пер-

вый этаж, показались мне самыми длинными в жизни. Как истинная женщина, я вдруг нервно покосилась на животик — показалось, он слишком выпирает, хотя совсем недавно на пляже ни мысли на эту тему не промелькнуло. Пожалела, что нет зеркала — вдруг срочно понадобилось посмотреть на себя, всё ли в порядке на лице и с причёской. Дальше накрутить себя не успела — лифт остановился. Вот, что значит давно на свидания не ходить, веду себя, как девчонка. Двери раскрылись…

Сантьяго ждал в вестибюле, и я, увидев его, чуть не захихикала самым неприличным образом от неожиданности: он был в белой рубашке с коротким рукавом, из-за чего его и так смуглая кожа казалась ещё темнее… Волосы он собрал в аккуратный хвостик, мой взгляд задержался на маленькой золотой серьге — ещё днём заметила эту деталь, и она мне жутко нравилась. Кстати, тут многие мужчины носят. Сантьяго улыбнулся, окинув меня восхищённым взглядом, и пришлось срочно уговаривать смущение спрятаться обратно и не отсвечивать, будто моя собственная внешность для меня сюрпризом являлась. Знаю, что симпатичная. Ну, может даже красивая. Кира, ну-ка живо, хвост пистолетом и грудь колесом!

— Привет, — негромко произнёс он. — Отлично выглядишь, тебе идут кудряшки.

Я улыбнулась в ответ, по телу прокатилась тёплая волна от его слов.

— Привет, спасибо. — Когда он взял мою ладонь, кожу закололи сотни невидимых иголочек, и я от неожиданности чуть не отдёрнула руку.

— Пойдём? — Когда Сантьяго положил мою руку себе на локоть, это выглядело так естественно, что я и не подумала отстраниться.

Идти с ним рядом вот так, словно нас связывает что-то больше, чем случайное знакомство на пляже, оказалось чертовски приятно, и я отпустила себя, позволив наслаждаться тем, что есть. Без всяких далеко идущих планов и оглядок на прошлое. Настоящее — оно вот, здесь, и какая разница, чем закончится. Со мной слишком давно не случалось чудес, чтобы спугнуть вот это вот, нежданно-негаданно свалившееся мне в руки в первый же день отдыха. Пока шли, постепенно удаляясь от центральных шумных улиц, Сантьяго расспрашивал, куда я собираюсь ехать на экскурсии, и я без всякой задней мысли начала вдохновенно вещать. Конечно, в первую очередь — музей Дали в Фигейросе. Я по этому художнику с ума схожу давно, готова часами медитировать

над его картинами, и, в общем, в Испанию хотела по большей части именно из-за этого музея. Ну, назвала ещё пару мест.

— По Барселоне могу я тебя поводить, там действительно много интересного, — тут же предложил Сантьяго, тоже так естественно, будто между нами уже всё решено. — У тебя когда свободные дни?

Ух. Признаться, такой напор с места в карьер сначала испугал, потом обрадовал. Не подумайте чего: я возрадовалась, что наконец-то меня будет, кому нормально фотографировать! Единственный минус путешествий в одиночку — мало фоток со мной, всё больше виды, потому что или приходится отлавливать местных, или просить кого-то из группы, а в последнем случае часто всё происходит в спешке и на ходу, и фотки выходят кривые. Прикинула своё расписание на ближайшие дни и ответила:

— Через два дня, в среду.

— Отлично, — Сантьяго кивнул. — Я до конца недели свободен, только завтра после обеда занят, до вечера, — показалось или нет, в его голосе послышалось искреннее сожаление?.. — Утром пойдём на море?

Шустрый, блин! Я не привыкла к таким ре-

шительным действиям!.. До завтра дожить ещё нужно между прочим!

— Я в Ллоретте точно до конца следующей недели, тоже в некотором роде отпуск, — добавил Сантьяго, и моё глупое сердечко радостно затрепетало.

У меня ведь тоже здесь две недели!.. Ох, Кира, Кира, остановись, пока не поздно… Всё слишком хорошо складывается, а я привыкла не доверять подаркам судьбы. Все подарки я делаю себе сама, а всё, что кроме, вызывает закономерную настороженность. Поскольку я старая циничная стерва, то чётко помню главный принцип жизни: за всё надо платить. Даже за те самые подарки, которые якобы сваливаются вдруг и ниоткуда. Ответить про вопрос насчёт моря не успела — по ходу, Сантьяго решил, что это само собой разумеющееся.

— А почему у тебя такое необычное для русских имя? — огорошил он следующим вопросом. — Есть какая-нибудь история?

Хорошо, что перешли на нейтральную тему, а то я напрягаться начала столь быстрому развитию событий.

— Да никакой, — я пожала плечами. — Маме просто не хотелось, чтобы я пополнила бесчис-

ленные ряды Тань, Наташ, Оль, Марин и прочих обычных имён. И в то же время награждать меня именем, об которое потом все язык будут ломать, тоже не стала. Так и вышла Кира. Твоё кстати тоже не похоже на испанское, — я покосилась на собеседника.

— Бабушка из Южной Америки, — охотно ответил Сантьяго. — А поскольку я единственный и любимый внук, и бабулино слово у нас в семье долгое время считалось весомым, она заявила, что меня будут звать именно так, — он усмехнулся. — Так и получилось. Кстати, мы пришли.

Ресторанчик находился почти в самом конце набережной, действительно в тихом местечке, ближе к крепости Ллоретты. С деревянной террасой, украшенной цветами, с тихой приятной музыкой, и малым количеством народа, что несказанно порадовало. Сантьяго галантно отодвинул мне стул, дождался, пока сяду и придвинул — чёрт, я такое наблюдала только в кино, признаться, когда героиня приходила в какие-нибудь жутко пафосные и дорогие рестораны… Ещё одно очко в пользу моего нечаянного пляжного знакомого. Уже ради одних этих вот маленьких приятностей стоило продолжить знакомство.

— Заказывай пока, я сейчас, — произнёс вдруг

Сантьяго с загадочной улыбкой и оставив меня удивляться, исчез.

Чего это он?.. Передумал об ужине? Озадаченно пошевелив бровями, я уделила внимание меню, усмирив любопытство и решив дождаться дальнейших действий. Что-то подсказывало, у этого знойного мачо в рукаве ещё порядочно сюрпризов… Я не ошиблась. Когда мне принесли кувшин холодной сангрии, и я уже пригубила вкусный напиток, с наслаждением закурив, появился Сантьяго с широкой улыбкой. И длинной бордовой розой в руке. Моя челюсть чуть не встретилась со столом, пальцы дрогнули, едва не выронив сигарету. Надо сказать, что хотя сам Сантьяго не курил, мне ничего не говорил по поводу моей дурной привычки. Собственно, я всё равно собиралась бросать, как вернусь из отпуска, по многим причинам, а сейчас так сказать позволила себе отрываться.

— Угадал? — мой знакомый вопросительно глянул, протянув цветок.

Я молча кивнула, слова потерялись, пока осознавала простой факт: мне подарили розу. На первом же свидании — думаю, сегодняшний вечер можно так обозвать. Причём, без всяких авансов с моей стороны. Не избалована я таким,

признаться, да, наши мужики крайне редко расстараются на первую встречу разориться на цветок — ещё же неясно, удастся затащить в постель или нет? Зачем зря тратиться… Так, отвлеклась.

— Спасибо, — пробормотала, слегка выбитая из колеи количеством сбывающихся маленьких желаний за сегодняшний день.

Официант тут же принёс вазу, аккуратно укоротил длинный стебель и поставил цветок в воду. Сантьяго сделал заказ, а мне уже принесли лёгкую закуску — три штуки вкусных бутербродов с томатной пастой и соусом из четырёх сыров. И не кружочки диаметром с мою ладонь, на один зуб, а хорошие такие куски белого хлеба. Да, в Европе на порции не мелочатся, поэтому я осторожно заказала кроме брускетт — они так тут назывались — картофельные шарики в белом соусе. Мяса не хотелось, жарко, во-первых, а во-вторых, я с обеда ещё не очень проголодалась. Сантьяго налил себе сангрии и поднял бокал.

— За знакомство? — своим безумно сексуальным, бархатистым голосом произнёс он, улыбнувшись уголком губ.

Я подняла свой, коснулась краем его, и в тёплом воздухе разнёсся тихий звон. Отчего-то сердце

забилось быстрее, едва я поймала взгляд чёрных глаз, внутри поселилось чёткое ощущение, что вечер закончится совсем не так, как я себе представляю — простым провожанием до отеля, ну может, поцелуем где-нибудь на безлюдной улочке. Всякие глупые вопросы из разряда «Ой, а готова ли я?!» отмела сразу. Мы пока ужинаем, Кира, сосредоточимся на этом. Остальное… Пусть будет, как будет.

Разговор плавно потёк на нейтральные темы — мы опять заговорили про путешествия, я поделилась планами посетить этой осенью Туманный Альбион, так как ещё со школы мечтала съездить в Лондон. Зимой я намеревалась умотать в Индию с подружкой — мама, узнав о моей сумасшедшей идее, вопреки моим опасениям только подняла брови и задумчиво сказала, что спросит у знакомой, они туда ездили уже. Сантьяго рассказал, как ездил в Японию — туда я тоже когда-нибудь собиралась. Мы поели, ещё выпили, потом ещё… Плюс сытной еды в том, что после неё можешь пить сангрию почти в неограниченных количествах, голова остаётся ясной, что в моём положении только плюс. Ну а потом Сантьяго, усыпив мою бдительность нейтральным разговором, вдруг стал серьёзным, чёрные глаза прищурились, и он

негромко спросил:

— Так всё-таки, Кира, почему ты до сих пор свободна?

Как же хорошо, что я не владею английским в той мере, чтобы пускаться в пространные и путаные размышления, в поисках ответа на этот вопрос. Да и вряд ли они нужны Сантьяго. И вообще, почему его так интересует этот вопрос? Я пожала плечами, отпила ещё глоток сангрии — нам принесли уже второй кувшин.

— Не знаю, не складывалось как-то, — ответила общей фразой.

Помнила непреложную истину: мужиков не интересуют проблемы женщин, их вообще кроме них любимых больше ничего не интересует.

— У меня в жизни не было никаких трагедий, связанных с личной жизнью, если ты об этом, — добавила с легкомысленной улыбкой, чтобы он не надумал себе чего.

Ну там, мало ли, что я глубоко в душе страдаю от какой-нибудь травмы, нанесённой неверным возлюбленным в младые лета… Или не очень младые. Слава богу, уберегла от подобных ошибок, и всегда первой уходила, мои чувства заканчивались быстрее.

— Просто… — запнулась, подбирая слова, — не

хотелось впускать в свою жизнь не того человека, наверное. Почему тебя так интересует этот вопрос? — в свою очередь спросила, во мне плескалось уже достаточно алкоголя, чтобы набраться храбрости и посмотреть в эти глубокие чёрные глаза.

Сантьяго откинулся на спинку стула, не отводя от меня взгляда, склонил голову, прищурился.

— Я сталкивался с женщинами, которые отдыхали без своих мужей, — сказал он всего одну фразу, и я поняла, к чему клонит. — Но узнавал я об этом к концу их отдыха, — добавил мой собеседник с усмешкой, немного грустной.

Я подняла брови, тоже усмехнувшись.

— А как же тогда ко мне рискнул подойти? — Странный выходил у нас разговор, но… раз пошла такая пьянка…

Сангрия здорово развязывает языки, да.

— Ты не похожа на замужнюю женщину, и не стреляла по сторонам зазывными взглядами, — последовало объяснение, и я почувствовала, как потеплели щёки.

— А ты всегда заводишь романы с отдыхающими? — Немного резко получилось, но спишем это на некоторую нервозность.

Следовало выяснить всё сразу, чтобы потом не

было мучительно стыдно за бездарно потраченное время.

— Нет, — коротко отозвался Сантьяго без тени насмешки. — Это они со мной их заводят. Точнее, заводили, — поправился мой собеседник. — С некоторых пор я избегаю знакомств с подобными женщинами.

— Понятно, — я всё же отвела взгляд, чувствуя, что ещё чуть-чуть, и утону в его глазах с головой.

Бархатная глубина затягивала, завораживала, хотелось смотреть и смотреть… Чёрт. Голова что-то уже слегка кружится, надо завязывать с сангрией, тем более, я уже доела ужин. Сантьяго, кстати, тоже. Молчание, повисшее за столиком, напрягало совсем немного, так, даже не напрягало, а скорее, волновало, заставляло ожидать чего-то, и в груди сладко сжималось от неясного предчувствия. Давно забытые ощущения, признаться, в последние годы я привыкла в отношениях и знакомствах руководствоваться разумом, и сердце так не трепыхалось при встречах и знакомствах. Подошёл официант, Сантьяго что-то ему сказал на испанском, а потом обратился ко мне.

— Пойдём, пройдёмся?

— Пойдём, — обрадовалась я возможности сме-

нить обстановку.

Очень уж взгляд у него был… не знаю, задумчивый слишком. Конечно, я в лучших традициях начала судорожно соображать, может, не то ляпнула в разговоре?! Может, не следовало вообще затрагивать щекотливую тему отношений? Что ж, поздно, что сделано, то сделано. Официант принёс счёт — вот, что Сантьяго просил. Мы покинули уютное местечко, я не забыла розу, и моя рука снова покоилась на локте знойного мачо, свалившегося на мою голову. Я едва удерживалась от странного желания погладить тёплую кожу, ноздри щекотал вкусный запах туалетной воды — что-то древесно-бодрящее, не знаю, я не особо разбираюсь в описаниях ароматов, но этот мне определённо нравился. Не сладкий, не нейтральный, где-то может даже резкий, но — Сантьяго запах необычайно подходил.

Мы пошли вдоль берега моря, постепенно удаляясь от набережной и приближаясь к замку и скалам, — здесь пляж заканчивался. Наверху, на утёсе, светились огнями гостиницы, впереди высился красиво подсвеченный замок, и хотя гуляющих оставалось прилично, их уже были не такие толпы, как в центре города, конечно. И в основном, парочки, вроде нас — место тут

романтичное, да. Мы поднялись по лестнице, и я пожалела, что не взяла фотик, но тут же подумала, что не последний раз тут. Остановилась около парапета, облокотилась, любуясь панорамой вечерней Ллоретты и отпустив все ненужные мысли и переживания. Вид красивый, всё переливается огнями, бары, рестораны, отели, курсируют толпы отдыхающих, море сливается с небом и ощущение нереальное, когда переводишь взгляд от берега… Посетила шальная мысль как-нибудь искупаться ночью, только местечко выбрать побезлюднее. Кстати, тут есть и второй пляж, слышала, с другой стороны от противоположного мыса, там городок Феналс, практически впритык к Ллоретте, и скорее, это даже уже район самой Ллоретты. И вроде там официальный нудистский пляж в городе… Но это точно не для меня. Уж что-что, а прилюдно оголяться точно не буду, даже если там все такие. Не настолько я раскрепощённая ещё.

Сантьяго остановился рядом, почти вплотную ко мне, и следующая игривая мысль была о том, что хорошо бы, обнял… Тело облило жаркой негой, недавно выпитая сангрия бродила в крови весёлым коктейлем, и подумалось, что надо было по пути с собой ещё бутылочку винца прику-

пить… Отдыхать, так отдыхать.

— Ты как насчёт продолжить вечер? — вдруг спросил Сантьяго, и его пальцы словно невзначай погладили мою лежавшую на тёплом камне ладонь.

Сердце дёрнулось, потом сладко замерло. Я? Я всеми лапами за…

— В смысле? — тем не менее, прикинулась непонимающей и осторожно покосилась на собеседника.

Он блеснул улыбкой, в глазах засверкали звёздочки.

— Подожди, я сейчас, — выдал мой мачо загадочную фразу и быстро спустился, оставив меня одну, недоумевающую и сгорающую от любопытства.

Неужели?.. Угадал мои мысли?.. Я хмыкнула и решила пока покурить — как-то так само получалось, что в присутствии Сантьяго старалась меньше это делать. И вообще, если у нас продолжение банкета и в туманной перспективе даже что-то большее, чем держание за ручку… Я мечтательно улыбнулась, фантазия распоясалась, подсовывая соблазнительные картинки неприличного содержания. Алкоголь в нужной степени отпустил тормоза, и я готова была на

любые сумасшедшие подвиги. Даже на секс в не очень подходящем месте, да! В конце концов, Испания, романтика, отдых — почему нет? Я успела увлечься собственными мыслями и докурить, когда вернулся Сантьяго, с пакетом, в котором угадывалась — да, бутылка. Офигеть.

— Пойдём, — с загадочной улыбкой предложил он и потянул меня за руку.

Куда подевалась сдержанность, которую я наблюдала утром и за ужином! Тоже сангрия подействовала, что ли? В крови огненной волной пронёсся азарт, сердце забилось сильнее, и я без лишних вопросов последовала за Сантьяго. Мы обошли замок, спустились с другой стороны и словно оказались в другом мире: тишина, мягкая, бархатная темнота, шелест моря… Никакой набережной и пляжа, дикие камни и скалы, как я люблю. Недолго думая, остановилась, скинула босоножки и с удовольствием ощутила босыми ногами нагретый гранит, слегка влажный от морского воздуха. Сантьяго поставил рядом пакет, протянул мне руки, помогая спрыгнуть, и я с готовностью скользнула в его крепкие объятия. Как-то так само получилось, что он не отпустил, а я не отстранилась… Не, не буду оправдываться, конечно, я предполагала такое развитие событий.

И когда мой нечаянный знакомый наклонился ко мне, не отвернулась. Его тёплые, нежные губы накрыли мои, руки сжали крепче, и мои ладони самым естественным образом оказались на плечах знойного испанца. Поцелуй вышел осторожным, мы пробовали друг друга на вкус, не торопясь уступать желаниям, растягивали сладкий момент. Его язык ласково скользил по моим губам, легонько щекотал, дразнил, не спеша проникнуть глубже, и моя бедная голова от нахлынувших впечатлений стала пустой и звонкой. Перед глазами закружились звёзды, я прижалась к Сантьяго крепче, окончательно отпустив тормоза. Да к чёрту, не нужны они мне сегодня, и здравый смысл тоже.

Мой мачо резко выдохнул мне в губы, его ладони скользнули гораздо ниже талии и крепко сжали мою пятую точку, а поцелуй потерял медлительность и нежность. Страсть пронеслась по телу огненным шквалом, коленки ослабли, я вцепилась в его плечи, прогнувшись, прильнув совсем близко. Поцелуй длился и длился, жаркий, обжигающий, и воздух слишком быстро закончился в лёгких. Пришлось со всхлипом откинуть голову, уставившись ошалелым взглядом в чёрные, как небо, глаза с серебристыми звёздоч-

ками. Сантьяго улыбнулся, его ладонь медленно погладила мою щёку. Мы молчали, слова сейчас были бы лишними. Остались только чувства, ощущения, волшебство этого вечера. Моих губ ещё раз коснулись горячие губы, потом Сантьяго отстранился — я подавила мимолётное разочарование, — снова взял за руку и подхватил пакет. Дальше были несколько захватывающих минут, пока мы перебирались через нагромождение камней, и моё сердце скакало мячиком по всей грудной клетке. Мелькнула мысль, что очень кстати я закинула в сумку НЗ на всякий случай, и не сдержала довольной улыбки. Эх, пускаемся во все тяжкие, Кирочка… Давно пора.

Дальше… Дальше всё, как в волшебном сне. Гладкий, нагретый за день камень, очередной страстный, жаркий поцелуй, от которого натурально кружится голова, наше тяжёлое дыхание. О бутылке никто из нас и не вспомнил, и так хватало жара в теле, без дополнительных вливаний. Роза тоже осталась лежать рядом, я ухитрилась не потерять её в наших скаканиях. Ладони Сантьяго скользили по моему телу, медленно, неторопливо изучая изгибы, губы не отрывались от моих, и я уплывала в жаркую глубину страсти, не думая больше ни о чём. В какой момент я оказалась

сидящей верхом на моём мачо, не помню. Он шептал что-то по-испански, и эти певучие слова заводили почище иных непристойных картинок, я потерялась в ворохе ощущений… Бельё стало тесным, внизу живота жарко пульсировало, и рубашка на Сантьяго ужасно мешала. Мне не хватило выдержки расстёгивать пуговички, я рывком выдернула её из-за пояса, запустив ладони под одежду, утолив наконец жажду прикосновений к этому подтянутому, мускулистому телу. Не сдержалась, легонько царапнула грудь, в ответ получила негромкое шипение, и ладони моего мачо резко сжались на моей попке.

Я откинулась, мягко рассмеявшись, скользнула ладонями выше, снимая с него рубашку. Ну лишняя она!.. Руки Сантьяго провели по моим бёдрам, его глаза не отрывались от моих, и в них отражалась целая вселенная, в которой я потерялась окончательно. Между ног всё болезненно ныло, трусики давно промокли, и когда ловкие пальцы уверенно скользнули между складочек, легко отодвинув бельё, я не сдержала тихого, восторженного стона. Да-а-а-а!.. Тело само подалось вперёд, подставляясь под изысканную ласку, в крови огненными искрами вспыхнуло наслаждение. Я зажмурилась, вцепившись в мускулистые

плечи, и крепко прикусила губу, где-то на самой границе сознания мелькнула мысль, что мы не так уж далеко отошли от людных мест… Пальцы Сантьяго погладили, слегка нажали на пульсирующую жаром точку, вырвав у меня ещё один длинный стон, и мой испанец заглушил его очередным поцелуем, смявшим губы, перехватившим дыхание. Мои руки скользнули ниже, по животу, нащупали ремень. В голове красным мигала единственная надпись: «ХОЧУ!», и я не сопротивлялась полыхавшему газовым факелом желанию. Около уха раздался тихий смех, пока я сражалась с застёжкой, а пальцы Сантьяго продолжали поглаживать, скользить, проникать внутрь, рождая сладкую дрожь по всему телу. Хотелось большего, чем его пальцы…

Я наконец справилась с застёжкой, и уже мои шаловливые пальцы проникли под штаны, и дальше, нащупывая то самое, чего так хотелось телу. М-м-м-м, хор-р-р-рош размерчик, однако… Моя ладонь мягко обхватила напряжённый ствол, опустилась вверх-вниз, я наслаждалась ощущениями и прерывистым дыханием Сантьяго… Приподнялась, подавшись вперёд, и смело опустилась, с восторгом принимая, мышцы приглашающе сжались. Наградой мне стал низкий,

чуть хриплый стон моего испанца. О-о-о-о, восхитительные ощущения! Мужские ладони тут же сжались на моей попке, придвигая ближе, заставляя полнее почувствовать его внутри, и кровь вспыхнула напалмом, страсть закружила, отключив сознание. Он мучительно медленно толкнулся, я выпустила воздух сквозь стиснутые зубы, впившись ногтями в плечи, и подалась навстречу, вбирая глубже. Выгнулась сильнее, откинув голову и зажмурившись до звёздочек в глазах, и совсем не ожидала, что ладони Сантьяго скользнут выше под платье, пальцы ловко нащупают застёжку бюстика, и легко освободят меня от этой детали нижнего белья…

Ещё одно движение, и горячие губы приникают прямо сквозь тонкую ткань платья к собравшемуся в твёрдую горошину соску, мягко обхватывают, и ощущения обрушиваются шквалом. Жаркие змейки разбегаются по телу, а когда Сантьяго аккуратно прикусил, чуть втянув, я не удержала негромкого возгласа, наплевав, слышит нас кто-то или нет. Пусть завидуют… Дальше всё слилось в волшебный калейдоскоп переживаний, фейерверка чувств и ощущений. Ритм сменялся с размеренного на рваный, быстрый, я намеренно замирала, оттягивая сладкий момент, и Сантьяго

позволял мне вести, задавать темп, только его пальцы крепче сжимались на моей попке, прижимая то ближе, то останавливая, удерживая на самой грани. Поцелуи, страстные, жаркие, нетерпеливые, обжигали губы, выпивали дыхание, и я отвечала с восторгом дорвавшегося до свежей воды путника, отдаваясь и отдавая, починяясь древнему ритму, взлетая на качелях ввысь, стремительно приближаясь к сверкающей грани… И мир взорвался в яркой вспышке, поглотив с головой, наслаждение накрыло с головой, растворив в себе, и на несколько восхитительных мгновения я перестала существовать…

Реальность медленно возвращалась на место, сознание начало фиксировать отдельные моменты. Я лежу на Сантьяго, прижимаясь щекой к обнажённой груди, и слушаю учащённый стук сердца. Моё тоже ещё не совсем успокоилось, да и дыхание прерывистое, а по телу бродят отголоски только что бушевавшего в нём огненного шторма. Одна ладонь Сантьяго лежит чуть пониже спины, вторая зарылась в кудри на затылке и легонько поглаживает, отчего по спине прокатываются волны тёплой дрожи. На моих губах улыбка, голова пустая, и совсем не хочется думать о том, что я в первый же день

знакомства переспала с мужчиной. Ну и что, я на отдыхе, да и грех жаловаться, вообще-то, пусть всё и случилось быстро, я осталась довольна. Думаю, если дойдёт дело до нормального секса — а не сомневаюсь, дойдёт, — он будет не менее чудесным, чем сейчас первый порыв страсти… Говорить не хотелось, казалось, любые слова будут лишними. И я просто лежала, жмурилась, слушала дыхание Сантьяго и наслаждалась этим моментом, тихо радуясь, что нет той неловкости и натянутости, иногда возникавшей у меня после таких вот случайных страстных порывов. Ибо когда страсть утолена, вдруг осознаёшь, что рядом совсем незнакомый человек, с которым тебя ничего не связывает, и дальше продолжать знакомство желания нет. А вот у него могут иметься другие взгляды на этот счёт…

— Тебе удобно? — почему-то тихим, мягким шёпотом спросил вдруг Сантьяго, пальцы на мгновение замерли на моём затылке.

Чуть не захихикала странности вопроса. Признаться, где-то в глубине души ожидала чего-то банального, но — знойный испанец снова удивил. Я приподнялась, положила подбородок на скрещенные ладони и уставилась в тёмные глаза. Улыбнулась уголком губ, смакуя ощущение

полной свободы внутри.

— Вполне, — кротко отозвалась, и мои пальцы тихонько погладили его грудь.

Сантьяго заложил руки за голову, улыбнулся в ответ.

— Вина? — предложил он, тёмная бровь поднялась.

Ничего не имею против, горло промочить хотелось, и я кивнула. Мне помогли подняться, устранить некоторый беспорядок в одежде — и снова, никакой неловкости или смущения, только улыбка продолжала блуждать на губах, — и мы снова сели. Я между ног Сантьяго, прислонившись к его груди спиной — рубашку он надевать не стал, к моей молчаливой радости. И продуманный такой, штопор оказался у него в ноже-брелоке, который Сантьяго извлёк из кармана жестом фокусника.

— Только стаканчики пластиковые, — с виноватыми нотками шепнул он мне на ухо, вызвав змейку щекочущих мурашек вдоль позвоночника.

— А давай без них? — предложила я, поддавшись хулиганскому настроению. — Прямо из бутылки?

Мой знойный испанец тихо рассмеялся, легонь-

ко чмокнул меня в изгиб шеи и с лёгким хлопком вынул пробку. Я прислонилась затылком к его плечу, уставившись на звёздное небо. Так хочется забыть, что это всего лишь отпуск… Стоп, Кира. Не думай о времени. Не сейчас, не надо. Наслаждайся, впитывай, запоминай, чтобы потом было, что вспомнить. И мы пили вино, молчали, разделяя уютную тишину на двоих, слушая шорох моря и далёкий шум неугомонной Лоретты. А здесь — никого, здесь только мы, и можно не опасаться, что кто-то забредёт. Спиной я чувствовала ровный стук сердца Сантьяго, его рука обнимала за талию, тёплое дыхание грело шею. Время от времени мягкие губы касались моей кожи, и горло перехватывало от этих маленьких нежностей, а в груди что-то сжималось. Я словно ненадолго погрузилась в другую реальность, в волшебную сказку, о который раньше только писала…

Время имеет свойство всё-таки двигаться вперёд, и некоторые вещи, к сожалению, заканчиваются. Как вино, например. Стало прохладно, с моря подул свежий ветерок, да и меня в сон начало клонить — сказывалась разница во времени. И, конечно, в голову стали закрадываться всякие мысли, которым я не хотела пока давать ходу. Подумаю в номере… Потому как даже если

со стороны Сантьяго последует предложение поехать к нему, не соглашусь. Слишком… быстро всё. Непривычно. Мы собрались, и вот тут, когда уже выбирались к людным местам, меня накрыла та самая неловкость и нервозность, я прятала взгляд и старалась лишний раз не смотреть на моего спутника. Как вести себя дальше, не получится ли, что он получил, что хотел, да и… пойдёт искать следующую не обременённую лишними комплексами отдыхающую? С чего я взяла, что Сантьяго вообще можно верить? Эх, да, мы, русские женщины, такие, недоверчивые…

До отеля шли молча, и я порадовалась, что не последовало вполне ожидаемого приглашения. То ли я оказалась права в своих предположениях, то ли Сантьяго оказался слишком умным и проницательным. Тем не менее, его пальцы сжимали мою ладонь и время от времени поглаживали, и сердце моё скакало вверх-вниз, и вопреки всем сомнениям, на губы просилась улыбка.

— До завтра? — Сантьяго остановился, немного не доходя до отеля, на тихой улочке, повернулся ко мне. — На море пойдём, да? — зачем-то уточнил он.

— Пойдём, — я кивнула, надеясь, что голос звучал нормально, не выдал моих переживаний.

Ещё один внимательный взгляд, мой знакомый зачем-то огляделся, а в следующий момент мягко толкнул к стене и прижал, переплетя наши пальцы. Его лицо оказалось очень близко, и горячее дыхание обожгло губы. Я замерла, хлопнув ресницами, внутри всё напряглось, а в груди что-то радостно затрепетало.

— Кира-а-а-а, что-то не так? — тягуче произнёс он, и я невольно сглотнула — в горле стало сухо от того, каким тоном были сказаны эти слова. — Ты же не уйдёшь без меня?

Признаваться, что мелькала такая подленькая мыслишка, не стала, неимоверным усилием воли подавив приступ смущения, что меня на горячем поймали.

— Н-нет, — послушно ответила и покачала головой.

Голос вышел чуть хриплый, волнение плеснуло в голову пряной волной, и я облизала губы, заворожённо глядя в чёрные глаза Сантьяго.

— Вот и хорошо, — он довольно улыбнулся, а потом поцеловал.

Томительно нежно, мягко, долго. Коленки ослабли, и я не заметила, как оказалась в крепких объятиях, а поцелуй стал глубже, настойчивее. Ох, что же ты со мной делаешь, а, не пожалеем ли

потом, оба?! И как понять, страсть это, влечение к чему-то необычному, с обеих сторон, или не дай бог что-то большее… Сантьяго отстранился первым, когда я уже начала задыхаться, а перед глазами закружились уже целые созвездия.

— Тогда до завтра, — шепнул он и ещё раз легко коснулся моих губ. — Спокойной ночи, Кира.

В лифте я прислонилась спиной к стене, прикрыв глаза и дыша неровно, с перебоями. Сердце колотилось в горле, мысли смешались в клубок, и честно — среди всех выделялась та самая, предательская, с утра всё же не дожидаться Сантьяго. Но… Что-то подсказывало, он не поленится обойти весь пляж, не такой уж он большой, и всё-таки найти меня. Оно мне надо, вести себя, как несмышлёная девчонка? И да, дорогая, мы отдыхать приехали. Так что, нафиг старые стереотипы мышления, Кирочка. Сейчас душ, покурить перед сном и — баиньки. На сегодня слишком много впечатлений, хватит с тебя.

Совершая привычные действия, поймала себя на том, что улыбаюсь, чёрт — ну сколько можно за сегодняшний вечер! О, надо ещё на форуме девчонок порадовать, что их дружные пожелания, видимо, услышали где-то там наверху, и в самом начале отпуска у меня появился тот самый зной-

ный мачо, о котором столько разговоров было до моего отъезда. Предвкушая, какой будет радостный переполох, когда все проснутся и прочитают, я выбросила окурок и вернулась в комнату. Уже засыпая, не сдержала довольной и мечтательной улыбки: всё-таки любовник Сантьяго классный, не зря мне рассказывали, что испанцы в этом плане очень даже ничего!..

Как ни странно, утром ни следа вчерашних малодушных мыслей — только лишь радостное предвкушение встречи с моим новым знакомым. Эх, жалко, нельзя с собой пригласить, я бы с ним с удовольствием сходила сегодня вечером на фламенко, которое у меня по плану первым в экскурсиях! Ладно, ещё много вечеров будет, и уверена, Сантьяго знает тут места, свободные от буйной французско-немецкой молодёжи, дорвавшейся до свободы. Мурлыча под нос песенку, я быстренько собралась, спустилась к завтраку, невольно косясь на двор отеля — ну, вдруг?.. Ела с рекордной скоростью, хотя обычно неторопливо смакую под книжечку, причём собственную — взяла в отпуск, почитать, она мне на удивление очень самой нравится. Ну и, как только вышла из столовой, конечно, увидела моего горячего испанца. Чё-о-орт, хорош же, а. В груди стукну-

лось радостно-недоверчивое ощущение, что так не бывает, я по жизни в чудеса не верила, оставаясь цинично-практичной, такое отношение существенно упрощает эту самую жизнь. А тут… Реально что ли, коллективное желание девчонок сработало?.. Я улыбнулась, пройдя через двери, подошла к Сантьяго. На нём были одни шорты, футболку он держал на плече, и радовал меня зрелищем красивого рельефного тела. В котором, я теперь знала, всё очень даже в порядке во ВСЕХ местах.

— Привет, — он сверкнул улыбкой, окинул меня взглядом, от которого моментально стало жарко, и обнял, мягко притянув к себе.

Я вообще не сторонник публичного проявления чувств, особенно сейчас, когда постарше стала. Это в буйные студенческие запросто могла и обжиматься на людях, и даже целоваться… А вот сейчас не упиралась, когда при всём честном народе и под завистливые взгляды отельных барышень Сантьяго осторожно, нежно прикоснулся к моим губам. Ох. От этого лёгкого поцелуя в кровь как перца сыпанули, я едва удержалась, чтобы не продолжить поцелуй и сделать его настоящим. Успеется ещё, когда вокруг не будет столько свидетелей.

— Привет, — я улыбнулась в ответ, краем сознания понимая, что, кажется, пропала…

Чёрт, Кир, нам ни в коем случае нельзя влюбляться, ты же сама понимаешь! Уж из родного Питера я точно никуда ни ногой, в тридцать с хвостом начинать жизнь с нуля, в другой стране, не имея ни друзей, ни возможности заниматься любимыми хобби… Не-е-е-е, слишком страшно. Да и где гарантия, что мне сразу что-то серьёзное предложат? Мы же не подростки, в самом деле, чтобы по первой вспыхнувшей страсти бежать в загс, как многие делают… Так, стоп. О чём думаю, мысли, стоп. У нас отпуск, Кирочка, не забыли, нет?

— Ну что, пойдём? — Ладонь Сантьяго легла на мою талию, и мы направились к морю.

…Время, казалось, растворилось, перестало существовать. По крайней мере, я его вообще не заметила. Сантьяго настоял, чтобы я кроме лежака ещё и зонтик взяла, и поскольку в тени загоралось вообще отлично, а море уже нагрелось, то на часы я вообще не смотрела. И хотя обычно я вела себя сдержанно, даже будучи с кем-то в отношениях в прошлом, здесь, на солнечном берегу Коста Бравы, рядом с таким потрясающим мужиком, мне не хотелось вести себя, как полагается

дамам слегка за тридцать. Вообще, положа руку на сердце, полагаю, дело в том, что мои чувства оставались поверхностными к моим кавалерам, и какие-то нежности к ним проявлять особо не хотелось. Отсюда и сдержанность. С Сантьяго же… Вдвоём на одном лежаке неудобно, и потому мы хоть и под зонтиком, но устроились на песке. Ласковые поглаживания, лёгкие поцелуи, иногда он что-то шептал по-испански, и не признавался что, но я чувствовала — что-то безумно нежное, приятное. Я млела, таяла, и не хотела думать о том, чем всё это закончится. Мы плескались в море, я получила свою фотосессию во всех ракурсах на фоне моря и песка, и казалось, попала в сказку… Учитывая, как долго мечтала поехать в Испанию, как ожидала чего-то необычного от этой поездки, может, оно действительно закономерно. Обедали мы тоже вместе, и пока сидели за столиком, мне перецеловали каждый пальчик, проникновенно глядя в глаза и молча улыбаясь, и я снова потерялась в ощущениях, позабыв, что мы не одни и вокруг тоже сидят… Да к чёрту, я с восторгом отдалась этим чувствам, махнув рукой на всё. Такой роскошный шанс осуществить мечты о всяких романтических прогулках! И конечно же, поцелуях в укромных уголках, и не

только поцелуях.

Кроме всего прочего, мы с Сантьяго говорили. Много, о всяком. Ему было интересно про жизнь в России, и я основательно подняла свои скилы по английскому, сама не заметив, как разговорилась, и проблем уже почти не возникало, чтобы выразить свою мысль. Он рассказывал и про себя, как в детстве часто жил в Южной Америке, с бабушкой, в Рио-де-Жанейро — точнее, в пригороде. Я вспомнила о своей мечте поехать на Амазонку… И по-тихому затолкала её в самый дальний угол. Поеду, когда-нибудь, заработаю и на эту мечту. Получилось же с Испанией. Мы разговаривали о фильмах, о книгах, о музыке, о моих и его увлечениях… Оказывается, Сантьяго умел ездить верхом, и когда возвращался из своих поездок, часто наведывался в конюшни и катался. А я только-только собиралась. Я рассказала о своём Дозоре, и по тому, как заблестели его глаза, поняла, что мой испанец проникся, да и по его вопросам поняла, что ему стало интересно. Мелькнула шальная мысль, как бы наши удивились, приведи я его — чисто в теории, конечно, — в нашу команду как-нибудь, сыграть… Почему-то не сомневалась, Сантьяго понравился.

— Знаешь, я вообще люблю всякие необычные

увлечения, — признался он, пока мы неторопливо шли к моему отелю. — Никогда бы не подумал, что ты можешь увлекаться экстремальными ночными играми.

— О-о-о, что ты, это моя заветная мечта несколько лет была, — с тихим смехом ответила я, вспоминая, как первый раз пришла на командную встречу. — Зато теперь меня за уши не оттащишь, мама давно смирилась, что её дочь вместо того, чтобы по ночам спать, бегает по всяким странным местам с командой таких же психов.

— Могу себе представить, — весело отозвался Сантьяго.

А ещё, я рассказала про танцы. Что ходила на бальные довольно долго, но потом ушёл партнёр, нового не нашла, и пока посещала соло латину, чтобы навыки не растерять хотя бы в этом. Больная тема, так хотелось вернуться, но с мальчиками в бальных всегда напряжёнка была. Сантьяго как-то странно покосился на меня, но ничего не сказал. В общем, как-то само получилось, что за неполный день мы довольно много узнали друг о друге, но при этом — ни я, ни он почти не затрагивали тему отношений. Не только наших — об этом вообще рано ещё говорить, — но и в целом. Мне лично боязно было, а почему он

не заговаривал, да наверное, не особо интересно. Ну и ладно.

— Ты во сколько вечером освобождаешься? — спросил Сантьяго, когда мы остановились около моего отеля.

— Ой, наверное поздно, — я вздохнула, не скрывая недовольства этим фактом. — Не знаю точно, не могу сказать, когда всё закончится.

— Хочешь, встречу? — он вдруг хитро прищурился и усмехнулся. — Не возражаешь против ещё одной ночной прогулки? Покажу другие красивые места Ллоретты, — добавил весело мой невозможный мачо.

Эм, это такой толстый намёк? Ну… В принципе я не против, но почему бы просто не поехать к нему? И вообще, как встретит, если я не знаю, во сколько всё закончится?

— Ну… — я неуверенно пожала плечами. — Ты что, будешь весь вечер ждать?

Улыбка Сантьяго стала загадочной, его палец коснулся кончика моего носа.

— Встречу, Кира, — мягко и вместе с тем непреклонно ответил он. — До вечера?

Наверное, впервые я немного жалела, что долгожданные и любимые мной экскурсии мешают отдыху… Я же обычно ради новых впечатлений и

путешествовала, и старалась как можно больше увидеть и узнать о стране, в которой отдыхаю. Сейчас же казалось, каждое мгновение драгоценно.

— До вечера, — я кивнула, не в силах отвести взгляд от его завораживающих глаз.

Мне казалось, время тянется бесконечно, но — после сытного обеда и душа меня разморило, и я очень удачно уснула на несколько часов. Всего второй день в Испании, а перенимаю местные привычки и дрыхну в сиесту! Хотя, оно и к лучшему. Меньше думать о всяком ненужном буду. Конечно, когда проснулась, полезла первым делом на любимый форум — что там девчонки нафлудили? Пока общалась, пока отвечала на письма, успела ещё немножко написать, а там уже и время собираться подошло. Наведя красоту, отправилась до казино, где и должно было состояться представление с ужином. Признаться, первый раз была в казино, но, конечно, вечер проходил не в зале игровых автоматов. На втором этаже грандиозного, внушительного зала располагался концертный, где стояли накрытые столы, и куда меня и посадили. Ужин, конечно, выше всяких похвал, и салат, и горячее — нежнейшая говядина в соусе с гарниром, — и десерт, шоко-

ладное пирожное в каком-то вкусном тоже соусе. Ну и выпивка, конечно. Моя любимая сангрия, здесь, в Испании, отличный прохладительный напиток, несмотря на то, что алкогольная. Народу было достаточно, и что не очень приятно удивило — основной контингент дамы в возрасте с мужьями или вообще компании престарелых леди. Ну понятно, пришли на халяву попить-поесть… Как же не люблю таких вот турЫстов. Сейчас вот наклюкаются и начнут чудить, а потом байки про отдыхающих ходят всякие, анекдотического характера. Самое грустное, не на пустом же месте они рождаются.

Ладно, не стала портить себе вечер, повернулась к сцене, тем более, свет уже погас и занавес раздвинулся — представление началось… Сначала нас порадовали прекрасным пением, и я тут же вспомнила о своём давнем желании посетить оперу — знала, что мне понравится. Надо галочку поставить и по возвращении обязательно в Мариинку сходить. Потом собственно началось действо. На сцену вышли танцоры, женщины в красивых костюмах и мужчины. И я никак не ожидала увидеть среди последних одну очень хорошо известную мне личность… Мой взгляд не отрывался от Сантьяго, с серьёзным и

вдохновенным лицом стоявшего в первом ряду, среди остальных выступающих. Чёрт, так это его основная деятельность, что ли?! Он… танцор?.. Пока я хлопала ресницами и пыталась сообразить, увидел ли меня, заиграла музыка, причём вживую, испанская гитара — ладно, подумаю обо всём позже. Я же на шоу пришла смотреть, да? Ну и, признаться, фламенко и Сантьяго сочетались идеально. Рваный ритм, то затихающий, то нарастающий, кастаньеты, стук каблуков, вихрь разноцветных юбок, суровые и одновременно вдохновенные лица мужчин… Передать очень сложно, это надо видеть и чувствовать. В этом вся Испания, в струнах гитары, в перестуке кастаньет и бешеной энергии, которой веет от огненного фламенко. В нём сплелись отголоски танго и корриды, и я, прикрыв глаза и поставив локоть на стол, с мечтательной улыбкой уплыла в образы и ощущения, навевавшие на меня происходившим на сцене.

Я любовалась моим знойным мачо, заворожённая движениями, и в крови зажигались огоньки, ноги нетерпеливо постукивали под столом, хотелось самой туда, на сцену, двигаться под ритмы испанской гитары. Время промчалось незаметно, три с половиной часа промелькнули,

как несколько минут, и очнулась я только тогда, когда в зале зажглись огни, и танцоры стали спускаться в зал и вызывать зрителей на сцену… Ну да, по прошлым посещениям фольклорных вечеринок я помню, в завершение обычно следует так называемое «танцуют все», тем более, что народ основательно подогрелся халявной сангрией, вином и местным шампусиком, кавой. Я с одной стороны слегка напряглась — не люблю прилюдных выступлений, да ещё на сцене, с другой… Взгляд Сантьяго перестал быть отсутствующим, он целенаправленно скользил по зрителям, и я знаю, кого он искал. На щёки плеснуло жаром, в голове заметались суматошные мысли, и тут наши глаза встретились, и бояться стало поздно. Я с какой-то весёлой обречённостью поняла, что на сцене мне быть. Мой горячий испанец чуть улыбнулся, довольно так, и уверенно направился к ступенькам, не отводя от меня взгляда. Ой. Кажется…

— Сеньорита, — Сантьяго остановился рядом со мной, улыбнулся шире и протянул руку, блеснув глазами-вишнями.

Я немного испуганно уставилась на него, не торопясь принимать приглашение, а на меня между тем косились соседи по столу и стало ещё

более неловко. Вот если бы мы были в каком-нибудь клубе, на худой конец… Однако минуты тикали, Сантьяго смотрел, вздёрнув чёрную бровь, и в чёрных же глаза плясали смешинки. Провокатор, чтоб его! Пришлось встать, взять за руку и пойти за ним на подрагивавших ногах.

— Ты зачем это сделал? — пробормотала, пока мы поднимались.

— Ты же говорила, тебе нравится танцевать, — так же вполголоса ответил невозмутимо Сантьяго, и совсем тихо, пропустив меня вперёд на сцену, добавил. — Доверься мне, Кира.

Ох, самое, пожалуй, сложное. Я притормозила, с ужасом косясь на зрителей — со сцены казалось, их раза в два больше, и что все смотрят именно на меня.

— Ну не вот так же!.. — в панике выпалила, шагая на ватных ногах за Сантьяго.

— А ты не смотри в зал, — просто предложил он и развернул меня к себе.

— Я фламенко не умею танцевать! — выложила последний аргумент, не сводя с него взгляда.

— Кто сказал, что будет фламенко? — мой горячий испанец вдруг подмигнул, повернулся к маленькому оркестру и щёлкнул пальцами, кивнув.

Остальные, и танцоры, и другие вызванные, образовали полукруг. В середине которого остались мы вдвоём…

— Смотри на меня, — тихо, проникновенно произнёс Сантьяго, взяв меня за руку и мягко притянув к себе. — Не смотри в зал, — повторил он.

Зазвучала музыка, не совсем фламенко, да, скорее, смесь испанских и латинских ритмов, такая, что под неё сразу захотелось танцевать. Ладонь моего партнёра легла на талию, другая сжала ладонь, и танец начался. Да, от меня требовалось только умение двигаться и слушаться, Сантьяго вёл отлично, и послушно следовать прихотливому рисунку не составило для меня никакого труда. И действительно, очень скоро зрители перестали иметь значение, я чувствовала только нас двоих, его и меня, наш танец, наши вдруг нечаянно вспыхнувшие чувства. Они выражались в каждом повороте, в каждом шаге, в каждом взгляде, который я ловила от Сантьяго. И моё сердце замирало испуганной птичкой, когда наши лица оказывались слишком близко, и губы ощущали горячее дыхание, а горло перехватывало от волнения. Казалось, танец длится вечно, хотя наверняка всего несколько минут прошло — всё-таки, мы не в клубе, а на представлении. Ко-

гда вдруг Сантьяго отпустил меня, поклонившись и поцеловав ладонь, я едва удержалась на ногах, хлопая ресницами и немного растерянно улыбаясь. Раздавшиеся аплодисменты доносились, как сквозь вату, я поспешно отступила, освобождая место для следующей жертвы устроителей шоу, и к тайному облегчению, Сантьяго тоже отошёл в сторону.

Когда нас уже отпустили и народ потянулся со сцены, меня чуть придержали за локоть, и недавний партнёр шепнул:

— Подождёшь? Я минут через десять подойду.

Конечно, подожду, спрашивает ещё. У меня вопросы, на которые хочу услышать ответ! Великий конспиратор, тоже мне. Понятно, почему у него много разъездов по жизни, наверное, выступает. Интересно, только этим по жизни занимается, или фламенко — что-то вроде хобби? Размышляя обо всём этом, я вышла на террасу, остановилась у перил и закурила. Невольно улыбнулась, покачав головой: всё-таки, какое необычное знакомство получилось, даже не до конца верится. И схожих увлечений у нас достаточно… Стоп, Киронька, в эту сторону не думаем. У нас отпуск, и мы отдыхаем, никаких серьёзных размышлений.

— Ну что, поехали? — На талию легла тёплая

ладонь, и я вздрогнула от неожиданности, услышав голос Сантьяго.

Шустро он, однако. Торопился ко мне?.. Чёрные волосы, слегка влажные, гладко зачёсаны назад, благоухает тем же приятным парфюмом, и улыбка, довольная и немного загадочная, что ли. Я подняла брови, всё настроение что-то там выяснять у него разом отпало.

— Поехали? — уточнила, позволив взять себя за руку и спускаясь за ним по широким ступенькам.

Сантьяго оглянулся, подмигнул.

— Я знаю здесь места поспокойнее, ты же не хочешь гулять среди толп пьяной молодёжи? — невозмутимо ответил он.

В крови бодрящим вихрем промчалось волнение, я сразу вспомнила нашу последнюю — она же первая — прогулку, не далее, чем вчера. Оу. Да и намёк на спокойные места тоже… наводил на определённые размышления. Отозвавшиеся приятной, горячей тяжестью в низу живота. Согласная я, на всё согласная!

— Не хочу, — послушно согласилась я.

Мы спустились к стоянке перед казино, и когда Сантьяго подвёл меня к своей машине, я, признаться, чуть самым неприличным образом не

открыла рот. Снова завозилось желание узнать, неужели он только танцами зарабатывает, потому что машинка у моего нового знакомца оказалась маленькая, двухместная, да ещё и с открытой крышей. Кабриолет вроде. В марках не разбираюсь, ну и темно уже было, чтобы логотип разглядывать. Боже, неужели я таки получила шанс на чудо?.. Хотя, никогда не искала общества богатых и в чужие кошельки не заглядывала, уж тем более сейчас, когда сама себя вполне обеспечиваю. Ай, ладно. Надо принимать, что дают, а то вдруг там наверху подумают, что я недовольна, и отнимут. Пусть хотя бы на эти две недели побуду немножко в сказке. Где есть понимающий, чуткий мужчина, лето, море, романтика, вечерне-ночные прогулки на машине и пешком… Испания, страна моей мечты…

— Прошу, — Сантьяго открыл дверь, снова блеснув улыбкой.

— Благодарю, — как можно невозмутимее ответила я и села.

…Ночь, звёзды над головой, свежий ветерок — мой горячий мачо не лихачил, вёл аккуратно, да и на не слишком широких улочках Ллоретты это в принципе невозможно. Мы объехали город со стороны садов Клотильды, и меня повезли в

более спокойную часть, граничившую с Феналс, поближе к Бланесу. Сюда шум центральных улиц не доносился, людей почти не было, чему я несказанно радовалась.

— И давно ты танцуешь? — полюбопытствовала, пока мы ехали, потихоньку подбираясь к морю.

— Лет пятнадцать, — огорошил Сантьяго. — Начиналось, как хобби, со временем стало основным занятием. Оставил работу в офисе, теперь вот езжу по Испании, Европе, выступаем, — охотно продолжил рассказывать он.

— В Барселоне тоже часто концерты. В общем, я доволен, — мой собеседник оставил на руле одну руку, вторую положил на спинку моего сиденья. Я не возражала. — Не всем нравится мой образ жизни, но я менять его не собираюсь, — Сантьяго усмехнулся. — Зато свобода, сам себе хозяин и делаешь, что хочешь.

Чуть не ляпнула вслух, что это почти мой девиз. Собственно, я примерно так же живу… Только вместо танцев — книги. Ещё одна общая точка в интересах, раздался радостный шёпот в подсознании, и я мысленно шикнула на неугомонное второе «я». Ну и что, мы в разных странах живём. И вообще, это всего лишь курортный роман.

Пусть и такой сладкий, желанный, которого так не хватало в обычной жизни… Мы ещё немного покружили по улочкам, проехали вдоль набережной, практически пустой, и остановились почти в самом конце.

— Мой дом недалеко, чуть выше по этому холму, — Сантьяго махнул в сторону. — Если не устала, можем немного прогуляться, потом приглашаю на поздний ужин, — с улыбкой добавил он, повернувшись ко мне.

Его палец медленно провёл по моей щеке, замер на подбородке, он чуть наклонился вперёд, но не торопился сокращать расстояние между нами. А я наслаждалась этим ощущением ожидания, чуточку нетерпеливого, томительного, волнение щекотало грудь и сбивало дыхание. Там, в далёком Питере, подобное предложение в первые же дни знакомства отбивало у меня напрочь охоту оное продолжать, я сама решала, когда и к кому ехать в гости, но сейчас… Сейчас всё по-другому. Да и я прекрасно знаю, чем закончится этот самый ужин, и что мне понравится. Поэтому смысла изображать гордость не было никакого. Я улыбнулась в ответ, мои пальцы рассеянно прошлись по руке Сантьяго.

— Согласна, — кротко отозвалась, глядя ему

в глаза.

Его ладонь скользнула мне на затылок, сняла заколку, и пальцы зарылись в волосы. Мой горячий мачо притянул меня к себе, накрыл рот горячими губами, и на некоторое время я позабыла и о прогулке, и о позднем ужине, окунувшись с головой в сладкую негу поцелуя. Кажется, мы увлеклись немного, потому что я каким-то образом оказалась на коленях Сантьяго, голова кружилась, а кровь будоражили проснувшиеся желания. Причём, несмотря на короткое платье, села я верхом… Да и всё равно, машина стояла на тихой безлюдной улочке, не освещённой ни одним фонарём, и нас никто не видел. Ладони Сантьяго скользнули по плечам, спине, опустились на попку, а я обхватила его лицо ладонями, не желая отрываться от его умелых губ. Тело охватила удивительная лёгкость, я чувствовала себя не взрослой, умудрённой жизнью женщиной, а девчонкой лет двадцати, сбежавшей с парнем из-под надзора родителей. И от этого волшебного чувства изнутри щекочущими пузырьками поднималась тихая радость, и я больше не сдерживалась. Дыхание закончилось, да и ладно, у нас один на двоих вдох-выдох с Сантьяго.

Не знаю, сколько длилось это сумасшествие, я

отчётливо чувствовала, что мой горячий мачо полностью разделяет мои желания — сидела-то более чем откровенно, да и прижимал он меня к себе крепко.

— Пойдём купаться? — Сантьяго отстранился первый, с явной неохотой, и чувственная хрипотца в его голосе вызвала по спине лавину горячих мурашек.

Озвучивать, что у меня нет купальника, учитывая обстоятельства, было бы с моей стороны глупостью. А то он не в курсе, что я пошла на вечер, не предполагая такого продолжения… Я негромко рассмеялась, сцепив руки у него на шее и чуть откинувшись, хулигански-шаловливое настроение наполняло кровь бодрящими искорками.

— Опять секс на пляже? — изогнув бровь, ехидно осведомилась я.

— Ну почему, я могу и до дома потерпеть, — Сантьяго блеснул в темноте улыбкой, его руки соединились на моей талии. — Пойдём?

— А пойдём, — я тряхнула головой, мысленно махнув на всё рукой.

Гулять, так гулять. Мы вышли из машины — к моему удивлению, этот товарищ достал из багажника пляжную сумку, из которой красноречиво

торчал бамбуковый коврик, и я на мгновение испытала что-то, похожее на возмущение. Блин, предполагал, что так будет?! Знал, что снова соглашусь?! А потом возмущение быстренько растаяло, и его место заняла волна благодарности. Продуманный, да, зато заботливый — мои коленки и спина, если что, будут в целости, а не содранные об камни. Хотя, тут на пляже такой песок, достаточно крупный, что в принципе можно и на нём… На коврике, конечно. Мысленно усмехнулась своим фривольным мыслям, и пошла за Сантьяго, вдоль пляжа, в самый конец.

Нет, конечно, сначала мы действительно плавали, как ни странно. Я без всякого стеснения сняла с себя всё, прекрасно чувствуя, как смотрит на меня Сантьяго, и радуясь, что уже темно, и особо много не разглядишь. Ну… чуть-чуть всё же смущалась, да. Входить в абсолютно чёрную, как дёготь, воду, было страшновато, но когда мою ладонь сжали тёплые пальцы, страх прошёл, и я уверенно пошла за моим проводником. Хорошо, тут камней нет, только песок, и можно не бояться ушибить ногу в темноте. Тёплая вода ласково обнимала тело, скользя по нему мягким шёлком, и я зажмурилась от удовольствия, перевернувшись на спину и расслабившись. Потрясающие

ощущения! Рядом неслышной тенью двигался Сантьяго, и опять слова нам не нужны были, хватало чувств и эмоций, близости друг друга. Я перевернулась обратно и направилась к берегу — в темноте не стоит слишком далеко заплывать, есть риск заблудиться в море. Там же… Едва мои ноги коснулись дна, сзади обняли сильные руки, развернули к себе и прижали. Губы Сантьяго начали собирать солёные капли с моих, язык нежно гладил, а ладони скользили по телу, мягко лаская, и всё вместе погружало в калейдоскоп волшебных ощущений.

Он не торопился, как в нашу первую встречу, и мне даже не пришлось упоминать, что секс в воде я не очень люблю, потому что всё же чувствительность немного пониженная. Приятно, да, мне нравилось, как Сантьяго прикасался ко мне, но продолжать — не хотелось бы. Не отрываясь от моих губ, мой жаркий мачо бережно подхватил меня на руки и понёс на берег, я же крепко ухватилась за его шею, прижимаясь к сильному телу. Боже, хорошо-то как… Меня аккуратно уложили, ловким жестом Сантьяго извлёк из сумки большое полотенце и закутал меня в него, обняв и прижав к себе. Ох… Сердце заколотилось пойманным зверьком, я уткнулась ему

в плечо, прерывисто дыша и чувствуя, как тело охватила мелкая дрожь. Не от холода, нет, и даже не от страсти — от чувств, от безумно нежного ощущения бережной заботы, которой меня вдруг окружили. Просто так, даже без всяких условий, потому что секс у нас уже был. Я расчувствовалась, правда, и чуть позорно не шмыгнула носом. Оказывается, так соскучилась по подобному отношению, слишком глубоко уйдя в лёгкие, ничего не значащие романы, глубоко не затрагивавшие мою душу. И ведь как долго и упорно бегала от серьёзных чувств, осторожничала, не желая уподобляться героиням слезливых мелодрам и страдать, почём зря. Чувствовала себя счастливой в своей спокойной и размеренной жизни, думая, что так всё хорошо решила и мне нафиг не нужны все эти нежности. Нужны, ещё как нужны, оказывается…

— Не мёрзнешь? — тихо спросил Сантьяго, медленно перебирая мои влажные волосы, и его губы легко коснулись моей щеки.

— Нет… — выдохнула я, умирая от переполнявших меня чувств.

Таких мужчин не бывает, нет. Должен же у него иметься хоть один недостаток!

— Пойдём ко мне? — его ладонь погладила по

голове, и я зажмурилась, как кошка, от такой простой ласки.

— Пойдём, — согласилась, поймав себя на том, что улыбаюсь совершенно счастливой улыбкой.

Мы неторопливо оделись, и меня повели обратно — дом Сантьяго действительно оказался недалеко. Небольшой, стоящий отдельно, двухэтажный, с балкончиком на втором этаже. Внутри — просторный холл с диваном, винтовая лестница наверх в углу, арка в кухню-столовую, и ещё одна комната. Я поднялась выше, пока Сантьяго скрылся на кухне, и удивительное дело, чувствовала себя здесь свободно, никакой скованности, хотя обычно в чужих домах в первый раз она у меня присутствует. Наверху — две спальни, и какая хозяйская, я сразу поняла. Та, которая в шоколадно-серебристых тонах, очень уютная и… вкусная, что ли. Стёганое шёлковое покрывало на широкой кровати, как большая плитка шоколада, обои чуть-чуть светлее, с тонким, едва заметным серебристым рисунком — как патина, — на окнах плотные шторы в тон покрывалу. Замечательная комната… Вторая, подозреваю, гостевая. Ещё я обнаружила лестницу, поднялась и по ней, и к собственному изумлению обнаружила террасу, с двумя плетёными креслами, диванчиком под

навесом и в углу — самый настоящий бассейн, небольшой, правда. Не для плавания, а чтобы сидеть и наслаждаться гидромассажем. Да, да, он тут имелся. Господи, как бы хотела здесь пожить, хоть немного!.. И тишина вокруг, непривычная после шума вечерне-ночных улиц центра Ллоретты. Я подошла, облокотилась, любуясь панорамой ночного моря и огнями не очень многочисленных с этой стороны гостиниц — красиво.

— Кира? — послышался за спиной голос, я несильно вздрогнула и оглянулась.

На террасу поднялся Сантьяго, с подносом, на котором стоял кувшин с сангрией, тарелка с хамоном и бутебродиками с какой-то начинкой, вазочка с какими-то сластями и бокалы. Очень удачно, после ужина на вечере, признаться, чего-то плотного не особо хотелось, а вот такие закуски как раз самое оно. Мы устроились на диване, я с удовольствием забралась с ногами и прижалась к Сантьяго, испытывая удовольствие от того, что могу не сдерживаться — у нас есть только сейчас, где мы вдвоём, и надо пользоваться каждым мгновением, впитать его до капли, запастись воспоминаниями надолго. Боюсь, в обычной жизни вряд ли мне ещё встретится такой мужчина. Так, Кира, не думаем о грустном. Мы пили

сангрию, разговаривали о каких-то пустяках, почему-то шёпотом, прерывая нашу беседу время от времени нежными, долгими поцелуями. Тяжёлая артиллерия романтики, недополученной в своё время, крушила под собой мои жизненные установки не привязываться сильнее, чем к временному увлечению. Я ничего не могла поделать, меня затягивало, и выбираться совершенно не хотелось.

В какой момент поцелуи перешли в неторопливые, бережные ласки, признаться, даже не заметила. Сангрия давно была допита, закуски доедены, а спать не хотелось вообще. Какое спать, когда рядом такой потрясающий мужчина, и гори всё синим пламенем! Его чуткие пальцы, медленно снимавшие с меня одежду, горячие губы, изучавшие на вкус каждый сантиметр открываемого тела, и уже с моих губ срывались судорожные вздохи, грозившие перейти в негромкие стоны, и всё равно, что кто-то может услышать! Увидеть нас точно не могли, в темноте, остальные дома стояли достаточно далеко, да и террасу нашу тоже вряд ли видели, дом Сантьяго стоял значительно выше основной массы остальных домов, да ещё и вокруг других строений не наблюдалось. А вообще, очень ско-

ро в моей голове лишних мыслей не осталось совсем, их место занял калейдоскоп восхитительных переживаний, жарких и сладких, как растопленная карамель. Мои пальцы зарылись в тёмные волосы, притягивая Сантьяго ближе, я задыхалась в его руках, распадалась на сотни сверкающих искорок под его руками. Низ живота болезненно пульсировал, жаждая продолжения, а нежные пальцы не торопились, мучительно неторопливо поглаживая пульсирующую огнём точку между моих широко раздвинутых ног.

Я что-то бессвязно шептала, зажмурившись до серебристых мушек перед глазами, умоляя продолжить, дать наконец почувствовать Сантьяго внутри. Мышцы сжались в болезненный, тугой клубок, желание металось по телу голодным зверем, и, когда наконец мой нежный мучитель смилостивился, прижал к дивану сильным телом, подхватив под коленки и высоко подняв ноги, я не сдержала тихого, длинного стона ликования, вцепившись в его плечи и изогнувшись навстречу, вбирая до конца, желая ощутить как можно глубже в себе. Сантьяго замер на мгновение, я разочарованно мяукнула, нетерпеливо заёрзав, и в ответ услышала тихий, хрипловатый смех, а потом губы обжёг страстный, ничуть не нежный

поцелуй. И он начал двигаться… То ускоряясь, то почти останавливаясь, дразня, заставляя шипеть сквозь зубы и довольно чувствительно проходиться ноготками по мускулистой спине. Да-а-а-а, именно так мне хотелось, и я плавилась в руках моего знойного мачо, бесконечно падая в такую притягательную бездну наслаждения… Вместе с ним, крепко и бережно удерживаемая этими сильными руками…

После мы лежали вместе в том самом бассейне, умиротворённые и довольные, ну а потом меня, уже почти засыпающую, перенесли в спальню и уложили под то самое шоколадное покрывало, заботливо подоткнув. Я тут же прильнула к тёплому мужскому телу, устроилась на плече — таком удобном, будто для меня созданном, и моментально провалилась в сон. День выдался во всех смыслах насыщенным, особенно его окончание.

Следующие дни понеслись, закружились в карусели впечатлений, путешествий, экскурсий… Сантьяго, как и обещал, свозил меня в Барселону, и не один раз, показал все интересные места — и Испанскую деревню на Монжуике, и парк Гюэль с творениями Гауди, мы побывали внутри Собора Святого Семейства, и меня заворожило это чудо

природы, которое храмом-то сложно назвать. Это что-то невероятное, по своей энергетике и восприятию, Сантьяго меня оттуда за уши, можно сказать, вытаскивал. Конечно, обожаемый Дали и его музей в Фигейросе. И много ещё чего интересного. Дни летели незаметно, я почти не появлялась в отеле, практически всё время проводя с моим жарким испанцем. Ночные прогулки по побережью на машине, укромные уголки, где тихо, безлюдно и никто не выскочит неожиданно из-за угла. Конечно, море романтики, в которую я ухнула с замирающим от восторга и, чего уж, страха сердцем. Но риск — благородное дело, и я твёрдо решила для себя, что этот отпуск должна запомнить надолго, если не на всю жизнь. Уж не знаю, почему, может, потому, что Испания — первая из стран, мечта о которых сбылась.

Я не думала о будущем, о том, что отпуск неумолимо подходит к концу. Все разговоры, так или иначе хотя бы намёком касавшиеся того, что между нами происходило, я плавно сворачивала на нейтральные темы. Боялась, что Сантьяго будет настаивать, но — он принимал моё решение, уж не знаю, почему. Хотя, стала замечать его задумчивый взгляд, прищуренные чёрные глаза, когда он думал, что не вижу, и сердце нехорошо ёкало.

Я изо всех сил старалась делать вид, что всё хорошо, не желая портить окончание отпуска, и не находя в себе силы всё же завести необходимый важный разговор. Страшно… Впервые в жизни страшно. Потому что не я выбрала, с кем знакомиться, не я выбрала, на какой срок нам быть вместе, и чего уж греха таить, кажется, совершила ту самую роковую ошибку, по уши втюрившись в моего сказочного испанского мачо. Я ничего не сказала Сантьяго, но одну экскурсию всё же не отменила, за два дня до моего отъезда. Поездка в Монтсеррат, самое святое место Каталонии, к статуе Девы Марии Монтсеррат. Говорят, она исполняет самые заветные желания… И ещё, мне надо было крепко подумать. Ибо чую пятой точкой, разговор неизбежно назреет вот-вот, и хочу быть к нему готовой.

Накануне поездки я весь день напряжённо размышляла, как бы так остаться в отеле — потихому слинять из дома Сантьяго не получится, это я понимала. В принципе, можно, конечно, под предлогом сбора немногочисленных оставшихся в номере вещей, всё же чемодан и куча сувенирки лежала там. Ну и кое-какая одежда, хотя я и практически переехала к Сантьяго. Но всё это можно собрать за несколько часов и уверена,

последует предложение вообще перенести вещи к нему… Тогда уж точно не избежать разговора. Ладно, попытка не пытка, попробую обойтись полуправдой и надеяться, что всё обойдётся. Мы лежали на пляже в Ллоретте, время потихоньку близилось к шести вечера. По идее, вечером собирались ужинать в уютном ресторанчике недалеко от дома Сантьяго, но… похоже, сегодня романтики не будет. Я собралась с духом и, рассеянно водя пальцем по его груди, произнесла как можно непринуждённее:

— Слушай, мне сегодня в гостинице остаться надо. Скоро уезжать, и надо вещи все посмотреть, проверить, собрать, и про трансфер узнать, — выпалила на одном дыхании, с замиранием сердца ожидая ответа.

Он приподнялся на локте, подпёр голову и смерил меня задумчивым взглядом.

— Ну собери, потом ко мне поедем, — спокойно отозвался Сантьяго. — Насчёт трансфера — я отвезу, можно позвонить и предупредить.

Ну вот. То, что я думала. Чёрт. Неужели не понимает, что… Что отпуск заканчивается, и пора потихоньку сворачивать эти чудесные каникулы? Иначе потом будет очень тяжело… Мне, наверное. Ему-то что, он через пару недель и за-

будет обо мне, встретив ещё какую-нибудь такую же одинокую и не обременённую отношениями отдыхающую. Всё было отлично, но… Сердце предательски кольнуло, и глаза подозрительно защипало, пришлось срочно брать себя в руки. Кира, Кира, ну ты же знала, что это всего лишь курортный роман. Чего теперь-то уж.

— Яго, ну мне надо, — я отвела взгляд, не в силах смотреть ему в глаза.

— Завтра встретимся снова, — чуть не ляпнула, что на море, но вовремя остановилась.

Вернусь-то только вечером, часам к шести. Сильные пальцы крепко ухватили меня за подбородок, подняли и пришлось встретиться с ним взглядом. Внимательным таким, серьёзным. Ой.

— Кира-а-а-а, — негромко протянул Сантьяго. — Темнишь. Зачем тебе в отеле оставаться?

Собрала всю волю в кулак и как можно твёрже ответила всего одно слово:

— Надо.

Несколько неуютных минут меня пристально сверлили чёрными глазами, в которых серебрилась непонятная решимость, потом мой мачо кивнул, лёг обратно и притянул меня к себе.

— Хорошо, завтра поговорим.

Внутри всё перевернулось от этих нескольких

слов, я встревожилась, разволновалась, в голову всякие мысли полезли… Делать вид, что всё в порядке, стало очень сложно. Сантьяго же вёл себя, как ни в чём не бывало, отчего мне было ещё тяжелее. Мда, вот и отдохнула, называется. Ладно, мы взрослые люди, думаю, разберёмся. И я на время отодвинула мрачные размышления, с некоторым усилием, но вернув себе подобие хорошего настроения. После моря мы перекусили в баре недалеко от моего отеля, Сантьяго проводил.

— Я зайду за тобой завтра, — он не спрашивал, он утверждал. — После завтрака, да?

— Хорошо, — я храбро улыбнулась, понадеявшись, что получилось естественно.

Врать никогда не умела, если честно. Надеюсь, он всё же не обидится и поймёт, потому что если я сейчас скажу, что уезжаю завтра на весь день, наверняка напросится, а мне жизненно необходимо побыть одной. Осознать, понять, что со мной происходит, и надо ли с этим бороться или само пройдёт, когда домой вернусь. В компании Сантьяго у меня это вряд ли получится, осознать в смысле. Мозги отказывают, и остаются одни эмоции и чувства, а это не очень хорошо.

— До завтра, — своим мягким, обволакиваю-

щим голосом произнёс мой горячий испанец и прижался к губам в уже привычном, но всё равно таком безумно приятном поцелуе.

Поднимаясь к себе в номер, я решила завтра утром оставить для него записку на ресепшене и попросить передать, ведь наверняка будет спрашивать про меня, когда придёт. Постараюсь, как могу, объяснить, почему я так сделала. Хочется верить, что поймёт, и мои последние дни отпуска не будут омрачены ссорой. Чтобы отвлечься, занялась сборами тех вещей, что оставались в комнате, потом посидела за ноутом, пообщалась с девчонками. Они, заразы такие, пустили фантазию во все тяжкие, и по-ихнему выходило, что так просто меня не оставят, не дадут уехать в Питер и всё забыть. Угу, забудешь, как же. Им я пока не признавалась в том, что вляпалась, сама боялась думать об этом, и держала пока в себе. Вот завтра, в тишине монастыря и гор, и обдумаю всё ещё раз и как следует. Очень подходящее место. У меня даже получилось немного пописать, что удивительно, учитывая моё слегка меланхоличное настроение — оказывается, я успела привыкнуть за эти дни, что Сантьяго рядом, и сейчас откровенно скучала. Мне его не хватало. Чёрт, а как же в Питере будет-то?!

Не хочу переживать из-за того, что изначально не имело шансов на сколько-нибудь серьёзное продолжение! И я прекрасно знала об этом, когда начиналось всё. Так что, поздно пить боржоми, дорогая моя. Заканчивать надо, сказать «спасибо» за прекрасно проведённое время и возвращаться в Питер, к обычной повседневной жизни, творчеству, увлечениям. Ну и потихоньку собираться в следующую поездку.

После ужина голова что-то совсем не тем была забита, и я плюнула на всё и включила фильм, самый верный способ отвлечься. А потом вообще открыла любимый сайт с анимэ, и пошла с тяжёлой артиллерии, запустив очередной сериал из моих хотелок. Конечно, мне нравились мультики не совсем для детей — я не имею в виду хентай, я над ним только ухохатываюсь, — в смысле, не всякий там сейлор-мун и наруто. Когда на душе совсем муторно становилось и хотелось чего-то, чего сама не понимала, включала японскую романтику, уж они-то в этом толк знают, чёрт возьми. Вот и сейчас, устроилась, открыла коробку с любимыми марципанами «Моцарт», купленными ещё в аэропорту при вылете. Поставила рядом бутылку бейлиса, да и устроила себе вечер расслабона, запретив думать о завтра,

о Сантьяго, о наших отношениях и о том, как буду без него, вернувшись в Питер. Так же, как раньше, Кирочка, каникулы заканчиваются. Насмотревшись мультиков, ещё чуть-чуть погрустив, я завалилась спать, с некоторым трудом, но уснув всё же.

Утром я ещё на завтрак успевала, как раз на самое начало. Быстро собравшись и написав записку — постаралась быть краткой, — спустилась вниз, нервно покосившись на двор отеля — кроме постояльцев никого не было, к моему облегчению. Подавила мимолётное разочарование, немного торопливо поела и отправилась на остановку, то и дело бросая по сторонам взгляды. Всё мерещилось, где-нибудь на соседней улице увижу машину Сантьяго… Параноик ты, дорогая моя. Не настолько он сумасшедший, чтобы караулить тебя с самого утра у отеля, уймись и включи голову. Я сделала несколько глубоких вдохов и закурила, до автобуса оставалось минут десять — как раз, ещё зайти в магазин и прикупить персиков в дорогу, перекусить. Автобус пришёл вовремя, я села и прикрыла глаза, разом успокоившись. Всё, пути назад нет. Впереди — монастырь и горы, спокойный день в одиночестве и море времени для столь любимых мной размышлений. Ну и…

Надо подумать, что же попросить одну из самых известных и почитаемых святынь Каталонии, да и всей Испании. Хорошо подумать, потому что желание должно быть самым-самым. То, чего у меня самой исполнить сил и возможностей не хватит. Слушая гида и рассказ про монастырь, про то, как нашли статую Девы Марии в одной из пещер гор Монтсеррат, я, прикрыв глаза, думала…

Ехали мы около полутора часов, и даже удалось вздремнуть под умиротворяющее бормотание гида. Когда моему взору предстали горы, я прилипла к окну, разом растеряв сонливость и апатию: вид открывался потрясающий. Чем-то похожие на Крымские, только округлые, как оплывшие, покрытые зелёным ковром, они завораживали. Мы остановились, и наверх, на семьсот метров вверх, нас должен был отвезти поезд на механической зубчатой передаче — то ещё экстремальное развлечение, скажу я вам, куда там фуникулёру. Особенно, когда этот поезд едет под хороший уклон такой, градусов шестьдесят-семьдесят, и внизу — обрыв, долина, резко уходящая вдаль. Несмотря на мою боязнь высоты и отчаянно колотящееся сердце, я не могла оторваться от окна, погрузившись в созерцание и разом позабыв обо всех тяжких думах, одолевавших не далее, чем

вчера. Природа, конечно, слов нет, я всегда любила такие вот места, где можно побыть наедине с собой и окружающим миром. Сам монастырь, хоть и пострадавший от бесчисленных войн и восстановленный в девятнадцатом веке, выглядел… просто, но вместе с тем, глаз то и дело цеплялся за мелочи, которые вместе складывались в красивую, величественную картину. Каменная галерея с арками, разделёнными витыми резными колоннами. Отполированный фасад с барельефами, из местного же камня — когда-то на месте этих гор плескалось море, и они сложены из осадочных пород какого-то там древнего периода. Вымощенная плитками площадь со смотровой площадкой и статуями святых…

Несмотря на обилие туристов и разноязыкую речь, ощущения музея не складывалось — монастырь действующий, где-то там монахи вели обычную жизнь, не показываясь на глаза мирским. К статуе Девы Марии Монтсеррат стояла внушительная очередь, но двигалась быстро, и пока стояли, я успела ещё заглянуть в сам храм, посвящённый этой святыне. Как и все готические храмы, внутри — строгая красота, застывшая в прямых линиях, запах ладана, полумрак, витражи. В готику я влюбилась ещё со времени первого

посещения Собора Святого Витта в Праге, да уж. А тут мало того, что действующий храм, так ещё, пока стояли, послушали хоровое пение мальчиков, и я вам скажу, это пробирающее до костей ощущение. Акустика будь здоров, и пока я слушала, казалось, мир отодвинулся, звуки стихли, и в душе наступило умиротворение. Здесь, в этом месте, казалось кощунственным думать о чём-то плохом или грустном, только о хорошем. О том, что счастье тоже где-то есть, и меня оно очень может быть, найдёт. Если попрошу… Тем временем, очередь двигалась, и вскоре я уже стояла на ступеньках к нише, где находилась статуя. Странно, но никакого волнения или душевного трепета я не чувствовала. Как и в Иерусалиме, в Храме Гроба Господня. Пусть отношения с религией у меня свои, не канонические, но я знаю, что если попрошу, от самой глубины души, меня услышат без всяких молитв, соблюдений постов и регулярных походов в церковь. Просто потому, что там, наверху, до всех внешних атрибутов дела никому нет. Они видят и чувствуют глубже. Или он. Или она. Я не знаю. Когда мои пальцы коснулись гладкого отполированного множеством ладоней до меня шарика державы в руке Девы Марии, моё желание, просьба, шли от самого сердца, из самой

глубины души. Минуя страхи и привычку думать так, как удобно, чтобы не дай бог не потревожить своё внутреннее равновесие.

Вышла я из храма с твёрдым намерением найти какой-нибудь уголок поукромнее, мне сейчас очень не хотелось видеть никого из людей, и тем более толкаться среди них. Только перекушу, что тут есть, а то с раннего завтрака прошло много времени. Отдав должное местным поварам, я отправилась бродить в поисках уединённого места, где не ходят туристы, и довольно быстро нашла такое место — длинная-длинная тенистая аллея вдоль обрыва, отличительной особенностью которой были выложенные керамической плиткой изображения разных Дев Марий. Надписи только на испанском, даже на английском нет, и я просто шла, разглядывая, пытаясь читать названия, а мысли плавно текли, не цепляясь за сознание.

С мыслями пришли воспоминания, об этих чудных, волшебных двух неделях. Ну и о моём горячем мачо, конечно же. Сантьяго. Нежданное знакомство, незаметно для меня переросшее… во что? Ну, допустим — только лишь допустим! — ему захочется продолжить знакомство, не ограничиться этими днями. Он здесь, а я в Питер уезжаю, и пока не горю желанием покидать роди-

ну, где у меня налаженная, устоявшаяся жизнь. Что ждёт меня в чужом городе, чужой стране, насколько серьёзны намерения Сантьяго, тоже непонятно пока. Мы разные, пусть у нас и много общего, у нас прежде всего разный менталитет, хотя в плане бытовых привычек, учитывая, что эти две недели я практически жила с ним, на удивление ничего раздражающего я не увидела. Да и от него не получала замечаний, хотя может, Сантьяго просто слишком хорошо воспитан, чтобы высказывать мне претензии. Или понимает, что я уеду, и не стоит портить совместное препровождение брюзжанием на бытовушные темы. Ну а так, чисто теоретически, Кир, если бы?.. Ты бы согласилась? Я остановилась, подумала, углядела на небольшой площадке чуть в стороне от аллеи скамеечку, обращённую к потрясающему виду долины внизу, и присела. Впервые в жизни, пожалуй, чувствовала растерянность и тревогу, не зная, что меня ожидает дальше, и надо ли совершать какие-то телодвижения, беря судьбу в свои руки, или пустить на самотёк, как раньше… Беда в том, что Сантьяго вёл себя, совсем не как мужчина, который завёл курортный роман, заканчивающийся всегда отъездом. Он вёл себя… как будто мы всерьёз встречаемся. И вот это сби-

вало с толку, честно.

Откинулась, прикрыла глаза, вдыхая чистый, горный воздух, слушая тишину. Сюда не долетал гомон туристов, только изредка с дороги внизу доносилось шуршание шин проезжающих машин, да чирикали птицы и шумел ветер в верхушках деревьев. Лирическое настроение не хотело отступать, хотя почему-то поймала себя на том, что улыбаюсь. Угораздило же влюбиться в иностранца, о таком только в книгах раньше читала, да фильмы смотрела. Ладно, в конце концов, как бы то ни было, у меня есть эти две недели в закромах памяти, у меня есть воспоминания, что такое настоящая романтика и чувства, и это уже отлично. Гораздо лучше, чем если бы вообще ничего не было кроме экскурсий и отдыха на море. Додумать дальше мысль не успела: рядом раздался спокойный, ужасно знакомый голос, от которого я чуть не подскочила в панике.

— Красивое тут место, правда?

На плечо мне легла ладонь, чуть сжала. Я сглотнула моментально ставшим сухим горлом, сердце забилось в горле, и страх смешался со стыдом и радостью. Меня будто застукали за чем-то жутко неприличным… Первая мысль, стукнувшая в пустую голову — как нашёл?! Я смотрела

на невозмутимое лицо Сантьяго, стоявшего за спинкой скамейки и смотревшего вдаль, и дар речи временно изменил, слов не находилось, кроме единственного.

— Да, — выдавила я, кое-как справившись с эмоциями.

Он наконец повернул голову и посмотрел на меня. В глаза, пристально, без тени улыбки. Наверное, вопрос был написан на моём лице большими буквами, потому что Сантьяго продолжил.

— Ты звонила с моего телефона, когда отменяла экскурсии, — пояснил он. — Номер остался, я позвонил и спросил, какие у них на сегодня экскурсии, и на какой из них записана ты, Кира.

Вот так просто. Взял и сделал. Не стал звонить и устраивать истерик и разборов, а поехал и заловил тут, чтобы не удрала и не отвертелась. Мужик, чёрт возьми… Он обошёл скамейку, сел рядом, молча притянул к себе и обнял.

— Мне одной надо было побыть, — пробормотала самую дурацкую отговорку, уткнувшись ему в плечо.

Надеюсь, не будет спрашивать, зачем.

— Могла так и сказать, а не сбегать, — последовал ответ, всё тем же спокойным голосом. — Чего

ты испугалась?

— Что не отпустишь, — ещё тише ответила, зажмурившись и неосознанно крепче прижавшись к нему.

Засада. Соскучилась, да, и была ужасно рада видеть, несмотря ни на что. Вляпалась, Кирочка, поздравляю… Глаза защипало, я с усилием прогнала ненужные сейчас слезоразливы. Не хватало уподобиться героиням бразильских сериалов, вот ещё. А вот ответа, который последовал, я не ожидала ещё меньше, чем появления Сантьяго в Монтсеррате.

— А и так не отпущу, — тоже понизив голос, ответил он и обнял сильнее, коснувшись губами макушки.

О-о-о-о-о. Это вот сейчас что такое я услышала?! Осторожно пошевелилась, попытавшись поднять голову и посмотреть ему в глаза, но Сантьяго не дал, прижав меня к плечу.

— Сказал, завтра поговорим, — непререкаемым тоном повторил мой непредсказуемый мачо. — Пойдём, погуляем, я давно здесь не был, хотя место очень нравится. Стараюсь хотя бы раз в месяц приехать. Гида предупредим, что ты со мной поедешь, — предупредил он мой следующий вопрос.

Ох. Ну вот как с ним? Я же теперь изведусь до завтра, гадая, о чём же разговор будет… Но очень скоро отвлеклась, увлечённая прогулкой по монастырю в компании Сантьяго. Я знала, что, как и большинство испанцев, его семья католики, и сам он тоже, хотя и не такой рьяный, по его же словам, как мама, например. В церковь ходит от случая к случаю, но в таких местах, как здесь, в Монтсеррате, старается бывать почаще. И я с ним согласна, даже как человек не сильно верующий, атмосферу этого монастыря чувствовала, и почему-то верила — Дева Мария моё желание услышала. Мы поднялись наверх, на фуникулёре, куда бы я не успела, оставшись с экскурсией, потому что в очереди простояла бы долго, и оттуда открылся просто потрясающий вид, с края скалы, на который я отважилась забраться. Понимаю теперь, зачем люди лезут в горы. Тут… хорошо. И только тут понимаешь, что такое настоящая жизнь.

Уезжали мы позже группы, конечно, и в Ллоретту вернулись уже к часам к семи вечера, лично я уставшая, надышавшаяся свежего горного воздуха, снова проголодавшаяся и умиротворённая. Решила всё-таки довериться судьбе, и пустить всё на самотёк, не думать раньше времени и

не пытаться предугадать события. А пока, пока наслаждаться. Морем, прекрасным вечером, прогулкой с моим испанцем, нежными поцелуями — будто и не было моей выходки сегодня. И чем ближе к вечеру, тем сильнее росло ощущение, что завтра что-то будет. То, что изменит мою жизнь, серьёзно и надолго. От этого неясного предчувствия сердце в груди замирало, а потом принималось отбивать рёбра, и в животе словно перекатывались кубики льда. На Ллоретту опустилась бархатная ночь, мы снова ходили купаться, и снова занимались любовью — долго, неторопливо, растягивая удовольствие, и, как ни старалась, не могла поймать ощущение, что всё это вот-вот закончится, уже через три дня. Не было его, вот не было и хоть тресни. Уж не знаю, почему… Мелькнула суматошная мысль о загаданном сегодня в монастыре желании, но я не стала торопить события, решив дождаться завтра, точнее, уже практически сегодня — когда бросила мимолётный взгляд на часы, поудобнее устраиваясь в объятиях Сантьяго, отметила, что стрелки показывают третий час ночи. Хорошо повеселились, однако. Припухшие после поцелуев губы тронула улыбка, довольная и счастливая. Что ж, будет утро, будет пища. А пока, спокойной

мне ночи.

Разбудил меня нежный, мягкий поцелуй, как, впрочем, почти всегда в эти сумасшедшие, чудесные дни, что я проводила у Сантьяго. Не открывая глаз, я потянулась, сонно промычав, обняла его за шею и притянула ближе, не желая так просто отпускать. М-м-м-м, когда сильное тело моего страстного мачо прижало к кровати, я отчётливо почувствовала, что поцелуем мы точно не обойдёмся, но ничего не имела против.

— С добрым утром, — шепнул Сантьяго, ненадолго оторвавшись от моих губ, и улыбнулся, несильно прижав руки к подушке. — Отдохнула?

— Прекрасно, — с воодушевлением подтвердила я, утопая в бархатной, чёрной глубине глаз напротив.

Ещё один поцелуй, и ладони медленно скользят вдоль моего тела, а мои пальцы зарылись в мягкие волосы на его затылке, несильно сжав. Желание облило горячей патокой, затаилось внизу живота, и к продолжению я уже вполне была готова. Только не к тому, которое последовало…

— Когда ты снова сможешь приехать? — спросил Сантьяго, требовательно заглянув мне в глаза, и я слегка растерялась от этого вопроса.

Особенно учитывая, что я вообще об этом даже

не задумывалась, да и мысли в другом направлении сейчас двигались.

— А… что?.. — переспросила я, замерев, сердце бухнулось в рёбра, вызвав сбой в дыхании.

— Когда приедешь? Я в ближайшие два месяца в Испании, потом едем на неделю во Францию, — пояснил Сантьяго, гипнотизируя меня взглядом, а ладони, между тем, продолжали поглаживать, пальцы скользили по коже, рождая шлейф огненных искорок за собой…

Признаться, соображалка отчаянно тормозила, я никак не могла понять, меня что… в гости зовут?! Мой непредсказуемый мачо усмехнулся, его губы легко скользнули по моим, и он тихим, чуть хрипловатым голосом произнёс:

— Кира-а-а-а, ну не делай такого удивлённого лица. — Ещё один нежный, невесомый поцелуй в уголок рта, пока я со скрипом пыталась осознать, что слышу. — Я не хочу, чтобы наше знакомство ограничилось этими двумя неделями. Ты же говорила, свободна в своих перемещениях?.. Не привязана к работе?.. — Цепочка поцелуев пролегла по подбородку, спустилась на шею, а мысли путались, никак не желая складываться в связные предложения.

— Д-да-а-а… — выдохнула, плавясь от его ласк,

мои ладони легли на плечи, скользнули по спине.

— Приедешь? — снова повторил вопрос Сантьяго, и, наверное, чтобы у меня не возникло дурацкой идеи переспросить или ответить как-то по-другому, чем согласием, его горячие губы накрыли ставшую болезненно чувствительной вершинку.

Нежно втянули, язык пощекотал, и я тихо ахнула, выгнувшись навстречу, мои ноготки впились в плечи Сантьяго. Что творит, чёрт!.. И не возразишь же, хочу приехать снова, к нему…

— Д-да, — последовал мой ответ, хриплым таким голосом, я аж не узнала его.

И, словно в награду за правильный ответ, ещё одно нежное касание к твёрдому шарику, а потом Сантьяго чуть отстранился и легонько подул. Тело прострелил разряд наслаждения, дрожь прокатилась до самых пяток, я резко выдохнула сквозь стиснутые зубы. Только вот следующего вопроса никак не ожидала.

— А замуж хочешь? — с коварной улыбкой змея-искусителя спросил вдруг Сантьяго, снова прижав меня к кровати и впившись взглядом.

На меня как ведро ледяной воды вылили, а потом обдали горячим паром. Воздух в лёгких

закончился, я хлопнула ресницами и выпалила:

— Да… Нет… Не знаю!..

Господи, так не бывает, чёрт возьми, не после двух недель знакомства!.. Мы же друг друга… нет, знаем, кому я вру. В голове со скоростью курьерского поезда пронеслись суматошные мысли на тему, что мы живём в разных странах, одно дело отпуск, и другое — совместная жизнь, и в тридцать её начинать сначала страшно до трясущихся поджилок! Дальше думать стало сложно, губы обжёг очередной страстный, настойчивый поцелуй, от которого сомнения разлетелись стайкой мыльных пузырей. Сантьяго тихо засмеялся мне в губы, чуть отстранился, его пальцы погладили моё лицо, а в чёрных глазах засеребрилась… нежность?

— Кир, я хочу, чтобы ты со мной осталась, — посерьёзнел он. — Очень хочу. Мне давно так хорошо с женщиной не было, не хочу, чтобы ты исчезла из моей жизни. Не хочу, чтобы это осталось только недолгим романом.

Ничего не могла поделать, от этих тихих, проникновенных слов я млела, разум отказывался искать причины, по которым это невозможно. Надо лишь попробовать, а отговорки придумывать я всегда умела отлично, только за этими

отговорками крылся банальный страх. Да, мне тоже с ним хорошо, очень. Да, я не хочу, чтобы всё вот так закончилось. Почему бы и не попробовать, чёрт возьми? Я же всегда могу вернуться домой, мне есть, куда возвращаться, и в любом случае, лучше вспоминать, что было, чем жалеть о том, чего не сделала. Не знаю, во что это выльется, как долго продлится, и действительно ли Сантьяго сейчас говорил то, что думал. Но… Похоже, поездка в монастырь была верным шагом с моей стороны. Я несмело улыбнулась, облизнула губы, отчаянно желая поверить ему.

— Я… — запнулась, откашлялась, сердце билось неровными толчками, то замирая от восторга, то ухая в живот, и в груди сладко сжималось от предчувствия чего-то необычного, что наконец случилось в моей жизни. — Всё так неожиданно… — растерянно выдала, чувствуя, как чуткие пальцы поглаживают бедро. — Яго…

— Я не тороплю, — шепнул он, обжигая дыханием мои дрожащие губы. — Я всё понимаю. Но ведь попробовать можно, да? Ки-и-и-ир, — ладонь Сантьяго скользнула к коленке, мягко отвела мою ногу в сторону. Дыхание перехватило, и разговаривать уже совсем не хотелось, не сейчас, по крайней мере. — Ты ведь не собираешься ис-

чезать из моей жизни, м-м-м?

Ответить опять не успела, его пальцы добрались до самого сокровенного, уже горячо пульсировавшего в нетерпеливом ожидании ласки. С моих губ сорвался прерывистый вздох, когда Сантьяго нежно раздвинул влажные складочки, легонько погладил чувствительный бугорок. Не исчезну… Не хочу… А неизбежные сложности — всё решаемо, если рядом нужный человек. В конце концов, кто не рискует, не пьёт шампанского.

— Не-е-е-ет… — получился почти стон — мой страстный мачо не прекращал изысканной ласки, заставляя подаваться навстречу, прижиматься к умелым пальчикам.

— Хорошо-о-о-о, — тем же шёпотом протянул он, чуть отстранившись, но руку не убрал.

На этом наш разговор прервался, потому что у нас имелось гораздо более важное занятие. Ну, а обсудить детали того невероятного предложения, что мне только что сделали, успеем, если оно, конечно, серьёзное… Дальше мысль закончилась, потому что пальцы Сантьяго скользнули глубже, вырвав у меня тихий вскрик, а через мгновение на их месте оказалась совсем другая часть тела. И меня подхватил, закружил вихрь знакомых,

волшебных ощущений, калейдоскоп эмоций, в котором я потерялась вместе со своим испанцем, нежданно-негаданно свалившимся на меня в этот отпуск. Что-то подсказывало, Дева Мария услышала и ответила, пусть даже раньше, чем я к ней обратилась. И спасибо ей за этот чудесный подарок, за то, что приняла мою сумбурную просьбу. Любить и быть любимой — об этом мечтает каждая из нас, пусть даже не признаётся, и неважно, сколько стран и километров разделяют. Всё преодолимо, надо всего лишь решиться. Раз в жизни хотя бы. Когда эта самая жизнь предоставляет тебе шанс, каким бы невероятным и несбыточным он ни казался. И я попробую его использовать.

Несколько месяцев спустя

Я нетерпеливо вглядывалась в поток прилетевших, высматривая любимого, чуть не приплясывая на месте. Мама косилась с задумчивой улыбкой — она до последнего не верила в то, что мой невероятный курортный роман перерастёт во что-то серьёзное. Но за полгода я уже три раза летала к Сантьяго, познакомилась с его родителями, и он даже нашёл для меня, где можно заниматься бальными танцами! С

Дозором сложнее, но — у меня есть деньги и возможность хотя бы раз в месяц-два летать домой, вместе с Сантьяго, и хватать адреналинчика в ночной игре. Кстати, на этой неделе как раз очередная, и я планировала взять моего мачо с собой. Пока с окончательным переездом не торопилась, потихоньку привыкая к этой мысли, да и с документами тоже определённая морока. Но — главное, что всё-таки я нашла своего мужчину, точнее, он меня нашёл.

Отвлеклась от воспоминаний, потому что среди толпы прибывших наконец увидела любимое лицо — как же я соскучилась!.. Мы не виделись почти месяц, у Сантьяго выступления были, и он вот только сейчас смог приехать ко мне в гости, наконец. Я как раз успела доделать окончательно перестановку в комнате. Познакомлю его с моей кисой, думаю, она обрадуется — моя рыжая вообще испытывала нездоровую тягу к мужчинам, пушистик несносный. Яго, как выяснилось, кошки тоже нравились, только с его образом жизни их особо не заведёшь. Ничего, моя привычная к путешествиям, а в Европе, я знаю, в отелях можно с животными, если что. В общем, потихоньку я готовилась к окончательным переменам в моей жизни. Едва Сантьяго вышел, сорвалась с места

и почти бегом подбежала, не обращая внимания на окружающих, обняла, прижалась, вдыхая родной запах.

— Я скучала, — призналась, жмурясь от удовольствия в его сильных руках.

— Я тоже, — с готовностью отозвался любимый и чуть отстранив, коснулся губ лёгким поцелуем. — Ну, пошли? — с улыбкой добавил он, взяв меня за руку.

Придётся поработать переводчиком, родители английский знали на уровне трёх дежурных фраз для туристов, а Сантьяго русский — примерно так же. Хотя при каждом удобном случае выпытывал у меня знания о моём родном языке. Я же ходила на курсы испанского, и уже немножко даже могла говорить. Сантьяго умилял мой акцент, но по его словам, получалось у меня очень даже неплохо. С предвкушением думала, как за эти две недели, что он будет в Питере, покажу ему город, и радовалась, что сейчас не сезон — начало декабря, туристов практически нет. И погода на удивление, не совсем привычная для Питера, снег встал с конца ноября, никакой слякоти или дождя. А потом — снова к Сантьяго, в Испанию. На сей раз — в Мадрид, у него там два концерта, и останусь на три недели. На Новый год — снова к

нам… Ну а дальше, дальше попробую остаться на месяц. Хорошо, частые перелёты меня не утомляют, и что я не привязана постоянно к работе, и имею возможность приезжать к любимому так часто, как хочу. Но, конечно, постоянно так жить не вариант, и несколько раз Сантьяго уже настойчиво заговаривал о моём более длительном нахождении рядом с ним. И от своих слов о женитьбе тоже не отказывался — на моём пальце красовалось скромное золотое колечко с тремя бриллиантами. Это я пока трепыхалась и не могла решиться на последний шаг, трусиха, да. Вот перееду окончательно, тогда и… в общем, всё будет.

А в монастырь тот я ещё раз съезжу, оставить благодарность за исполнение желания — там есть отдельная комната, куда приносят кто что. Детские вещи, свадебные платья — конечно, основное, о чём просят женщины — или просто пишут открытки с тёплыми словами. Ведь чудо, оно такое, приходит в твою жизнь, когда его совсем не ждёшь. Но ровно тогда, когда нужно, главное, дождаться всё-таки.

Стелла Вайнштейн
ЖАЖДА ЧУДЕС

После дежурства я старалась пройтись до дома пешком. Стряхнуть усталость и навязчивый больничный запах. Немного проветриться, подышать городским воздухом, никуда наконец не спешить. Я любила город, любила работу. Даже возвращаясь поздней ночью ничего не боялась, и со мной никогда ничего не случалось. До одного раза.

Той ночью я устала так, что дорога расплывалась. Медбрат предложил подвезти, но как раз прошел дождь, не хотелось пропускать насыщенный озоном ночной воздух. Я брела по лужам, мечтая о теплой, мягкой постели, совсем не смотрела по сторонам. Даже не знаю, как заметила черную фигуру на тротуаре — спящего бомжа. Я могла пройти мимо, но что-то в беззащитной позе, полной неподвижности забило тревогу. Нутром поняла — он нуждается в помощи.

Ноги предательски заторопились домой. Я не оправилась после вчерашнего дежурства, сегодня была на трех операциях, последняя затянулась допоздна. Усталость давала о себе знать раздра-

жением и нытьем в висках. В конце концов, что я смогу сделать для него? Тихо выругалась сквозь зубы, сжала кулаки, отгоняя сонливость и поспешила к бездомному.

«Все равно не смогу пить чай, оставив его тут умирать. Легче убедиться, что он здоров и уйти с чистой совестью».

Я наклонилась над бездомным. Окликнула его пару раз, но не получила ответа. Тревожные колокольчики зазвенели все громче.

«Пусть он будет пьян, но не мертв, не мертв».

Бомж был обернут в черную тряпку, лежал на животе прямо в луже. Я перевернула его на спину. Он оказался довольно молод и бледен, на губах запеклась кровь. Предчувствие не обмануло, дело плохо. Я запрокинула его голову, прислушалась в поисках дыхания. Дышит, уже хорошо. Протянула руку пощупать пульс, но через мгновение забыла обо всем, потому что держала в своих объятиях не человека, вовсе не человека!

— Помоги, — еле слышно прошептал он. Его голос эхом зазвучал в голове, внутренние преграды рухнули. Я осела в лужу и разрыдалась как девчонка.

В детстве, я верила в сказки. В подростковом возрасте зачитывалась фэнтези. А когда стала

врачом постепенно перестала глотать книги. Да что там книги, забросила все прошлые увлечения, отдалилась от друзей. Больница стала занимать все больше и больше места, остальное казалось мелким по сравнению с работой. Только там я жила, среди бесконечной беготни от операции до операции. Ответственность, чувство, заполняющее сердце при последних стежках на зашитой брюшины стали наркотиком. Мать хотела, чтобы я с кем-то познакомилась, завела семью, но мне все было не до того. Свидания забирали бы слишком много времени и сил, а я хотела посвятить их одному — хирургии.

Но сейчас я вспомнила детство и истории Толкиена, потому что смотрела — и не верила — на одну из них. Настоящую: пахнущую дождевой лужей и невероятно волшебную. Мне так часто говорили, сказок не бывает, что я поверила. Поверила и продала ради других интересов. Но сейчас я держала за руку эльфа, и он просил меня о помощи. Нет, определенно он не мог быть чудаком, сделавшим операцию на уши. Я достаточно изучала анатомию, чтобы сразу увидеть разницу — строение костей лица не оставляло сомнений. Незнакомец на улице мог быть только инопланетянином или героем из сказки. Ясно

одно — сейчас он нуждается в моей помощи.

Во мне ни на миг не проснулось сомнение, куда забрать его — домой или в больницу. Я хотела, чтобы хотя бы на денек эта сказка принадлежала только мне. Мое личное волшебство. Никто другой не сможет помочь ему. Дома лежал на всякий случай полный набор первой помощи, мази и антибиотики. А что не найдется сейчас, заберу завтра из больницы. Я сделаю для него все, что угодно.

Вытирая слезы уголком рукава, я помола ему подняться. Эльф был очень бледен, под плащом — а черная ткань была именно плащом — я нащупала липкое, мокрое место в районе плеча. Я подозревала, что это кровь и скорей хотела оказаться в своей квартире. Мы медленно шли по улице, он пытался передвигаться самостоятельно, но то и дело терял силы и оседал всем весом на меня. Я молилась, чтобы мы никого не встретили. Считала здания до крайнего дома — родного. По странной случайности, все прошло гладко. Подъезд был пуст, лифт работал, ключи не потерялись.

Я уложила гостя на кровать. Сняла зеленые сапоги из мягкой, невероятно приятной ткани — рассмотреть потом. Он часто дышал, наверное,

от потери крови. В любом случае, неизвестно как он отреагирует на человеческую, переливание делать нельзя.

— Ты можешь пить? — спросила я.

Он кивнул.

Следующие дни превратились в кошмар. Я взяла отпуск на работе, первый за многие годы. Не единожды просыпалась мысль плюнуть на все и вызвать скорую. Но каждый раз он накрывал ладонью мою руку и просил:

— Не бросай меня, поборись еще чуток.

Я не могла ему отказать.

Совсем как в войне миров, он подхватил веселую кампанию земных вирусов и микробов, температурил не переставая. Вначале я боялась давать ему антибиотики, но потом махнула рукой — сам он не справлялся, а я не могла дать ему умереть.

Каждый раз, бросая взгляд на стройную фигуру на диване укрытую клетчатым пледом, меня бросало в дрожь, захватывало дыхание. Невозможно поверить — я выхаживала эльфа!

Мы мало разговаривали в первые дни, он редко приходил в сознание и тогда важнее было влить в него пару ложек бульона, а не донимать разговорами. Но иногда взгляды красноречивей слов.

Я знала, что стресс, усталость, странные обстоятельства вызывают выброс гормонов в кровь. Адреналин и кортизол сводят людей с ума. Но, увы, не могла ничего с собой поделать. Я влюбилась в него с первого же дня, глубоко и бесповоротно, как глупая смертная девушка, а не тридцатилетний хирург.

Через неделю, постепенно, дела пошли на лад. Температура спала, его зеленые глаза загорелись осмысленным огнем. У меня банально подгибались коленки при виде его, но я старалась не подать виду, не напугать своей ненужной любовью.

Его звали Ариэль. Странное совпадение, ведь это имя существует и у нас. Ор рассказал мне о смертельной опасности при битве с исчадием тьмы. Он попросил очутиться в безопасности, и за миг до последнего удара раскрылся портал, который по ниточке зова привел его в Москву. Тут его знали и ждали, только он не знал кто.

Я не удержалась и подсунула ему томик «Властелина колец». Он читал его взапой целую ночь, а я украдкой наблюдала из кухни. Отложив книгу, Ариэль долго смотрел в потолок.

— Все мы, плод чьего-то воображения, — сказал он.

Я мысленно согласилась. Он был исполнением моих детских желаний. Может книга позвала его в наш мир? Или кто-нибудь из эльфийских магов нашептал ее, чтобы спасти соотечественника в роковой час? Эльфы вечны и не склонны воспринимать смерть как естественную часть жизни. Куда еще «Властелин колец» открыл им проход?

Сегодня опять я представляю темный гостиничный номер. Слышу шум проезжающих машин, городские огни перемигиваются друг с другом. Ночная влажность плывет по комнате, я вдыхаю ее ласковую свежесть, подхожу к окну.

Свет фонарей освещает стандартный номер ночлежки за моей спиной: широкая кровать, одинокий шкаф, большое окно. Ни стола ни стульев — убогое же у меня воображение!

Я опираюсь на подоконник, смотрю на бледные звезды, напряженно жду, когда придет он и боюсь, что не появится. Я никогда не вижу как он заходит в комнату, только слышу вдруг его тяжелое дыхание:

— Почему ты зовешь меня сюда и снова и снова?

— Хочется увидеть тебя так, что ноет в груди.

— Я обещал, что вернусь.

— Я тебя отпустила.

Я медленно поворачиваюсь, жадно вбираю его длинные черные волосы, опущенную голову, скрещенные руки на коленях. Такой дорогой и такой далекий. Грустно улыбаюсь ему.

— Ты прости меня.

— Ты причиняешь себе боль. Мне все равно.

Я подхожу, сажусь рядом с ним. Поднимаю руку, чтобы убрать прядь волос с лица и одергиваю себя. Он поднимает глаза, мгновение изучает меня:

— Ты мне не нужна.

— Я знаю, — быстро отвечаю. — Это не твоя вина. Не нужно меня предупреждать. Я только хотела посмотреть на тебя.

Сейчас он в моей власти. Я могу сделать с ним все, что захочу: зацеловать до бесчувствия, заставить сказать заветные слова. Но я робею перед ним, как было и наяву. Даже зная, что грежу не могу преодолеть себя. Так благоговеют перед ликом божественного. Я смотрю на него и знаю — нет никого прекрасней на свете. Я люблю его безнадежной любовью и поэтому раз за разом встречаюсь с ним в безликом гостиничном номере. Я хочу увидеть снова, его раскосые зеленые глаза, заостренные уши, черные волосы до плеч. Мой эльф, моя сказка, когда то ты был так близок

ко мне.

Отпуск закончился, пришлось вернуться к работе. Только теперь, я спешила пораньше вернуться домой. Эльф страдал в четырех стенах. Он никогда не жаловался, но мне не хотелось оставлять его одного.

На мои вопросы о его мире Ариэль старался не отвечать. Я злилась, хлопала дверью, обвиняла в неблагодарности, но эльф оставался спокоен.

— Не бросай меня, — говорил он. — Ты, моя единственная надежда.

И мое сердце таяло. Я была наивной влюбленной девушкой. Все, что я хотела — это быть рядом с ним.

А он хотел вернуться назад.

Ариэль интересовался окружающим миром. Я с охотой рассказывала ему о том, что знала. Надеялась на ответную откровенность с его стороны, но план не сработал. Разгадав его игру я попыталась отмалчиваться, но он умел слушать. Заставлял меня почувствовать, что ничего важнее моих слов на свете не существует. И я выбалтывала ему все: от раннего детства, до мединститута и одиночества.

Проклятый язык! Удивительно, как я смогла сдержаться и не броситься ему на шею.

На выходные, мы ехали за город в лес. Ариэль умел радоваться природе. Подолгу рассматривал каждый цветок, а птицы садились на его плечо. Сказка, настоящая сказка рядом со мною. Как бы не хотелось обладать ею, но я чувствовала, что наше время вместе подходит к концу. Я должна отпустить его. Выпало счастье увидеть чудо — нужно довольствоваться и этим.

На закате мы лежали в высокой траве и Ариэль сказал.

— Почему ты спасла меня?

— Чтобы побольше побыть с тобой. Мне нечем гордиться.

— Света, мне нужно сказать тебе — я скоро уйду.

— Я знаю, — пришлось опустить глаза, чтобы он не прочитал в них отчаяния.

Ариэль не позволял мне прикасаться к нему, когда в этом не было необходимости. Наверное он чувствовал мою влюбленность и не хотел давать ложных обещаний. Нам не суждено быть вместе. Я не понимала этого тогда и мучилась собственной неполноценностью. По сравнению с эльфийками, я наверное, могу вызывать только отвращение.

— Если захочешь, вернусь за тобой, — вдруг

добавил он.

— Почему?

— Нужна причина? Не бойся не заставлю. — Ариэль нервно поджав губы, отодвинулся от меня на несколько сантиметров.

Заметив это, я сжалась в комок.

«Успокойся, — приказала я себе, — и боль утихнет».

Мы строили портал вместе. Купили на базаре красивые саженцы. Ариэль выбирал их неспешно, вдумчиво. Тихо улыбался, указывая на зеленый росток, и бабушка-цветочница ни в чем не могла ему отказать. Сама я до сих пор не умела торговаться, а он — гость в этом мире, — разбирался в жизни лучше меня.

Общая работа сблизила нас. Я привыкла к его вдумчивым ответам, спокойному характеру. Все не верила в скорый конец. Мы построили из цветов живую дверь. Даже не знаю, как гладиолусы вытянулись до потолка за считанные дни, а лианы сами собой висели в воздухе изгибаясь аркой посереди комнаты. Это все Ариель, его волшебство — он превратил квартиру в сад.

А потом он ушел. Пропала моя волшебная сказка. Я даже не успела сказать ему, что он значит для меня. Может это и к лучшему, не стоило

тяготить его признанием в дорогу. Пусть будет счастлив в своей стране фей. Стоит отметить в мою пользу — я сдержалась и не поставила его в неприятное положение. Да, вышло все правильно, нечего жадничать, он и так подарил мне целый месяц счастья.

Я вернулась к работе, стараясь не вспоминать Ариэля. Воспоминания — вот все сокровища, что остались от него, придется растянуть на всю жизнь. Я берегла их, доставая только когда становилось совсем тяжко — не хотела, чтобы они истрепались от времени. Нет, я желала видеть его совсем как тогда — близко-близко. Чувствовать его присутствие всем телом — живого, настоящего. Я мысленно звала его, но в моих мечтах мы встречались не во дворце или лесу, а почему то в безликом гостиничном номере.

И даже в грезах, он ни разу не дотронулся до меня по своей воле. Я не хотела придумывать, как ощутила бы прикосновение его длинных, красивых пальцев. Не стоит заменять настоящие воспоминания мнимыми. Пусть в моих грезах он будет таким, как был наяву. Я только хотела посмотреть на него еще разок. Но наверное, воображение все таки искажало его черты, мучая меня — в грезах Ариэль всегда жесток:

— Ты не нужна мне.

И сердце заходится в сладкой боли. Я сажусь рядом с ним, провожу рукой по белым простыням. Широкая кровать смеется надо мной. Не понимаю, зачем она тут, если я боюсь дотронуться до него?

— Ариэль, скажи, где ты сейчас, ты счастлив?

— Мне хорошо без тебя.

— А я скучаю каждую секунду. Хожу по городу, ищу тебя среди незнакомых лиц.

— Ты зря теряешь время.

— Я люблю тебя. Жаль, что не сказала вовремя, а теперь слишком поздно. Ты иногда вспоминаешь меня?

— Никогда.

— Ах, Ариэль, ведь я придумала тебя, придумала эту любовь. Ты не раскрылся мне, я люблю всего лишь образ, правда?

— Света, перестань, я больше не могу тут находиться.

И он пропадает. Так каждый раз. Я встаю, вновь подхожу к окну, ночь обнимает меня как малое дитя. Город мерцает огнями окон, они говорят:

— Ты не одна страдаешь бессонницей. И тут есть одинокие люди.

Город старается утешить.

«Ну что ж, — говорю я себе, — больше времени для работы. А она очень требовательная дама. Все к лучшему».

— Если к лучшему, — говорит проезжающая внизу машина. — Почему ты до сих пор возвращаешься?

Моя квартира. Пустая, как воображаемый гостиничный номер. Тяжелое дежурство, после которого я как пьяная приплелась домой. Голова гудит и слипаются глаза от усталости, хотя мозг прокручивает вновь и вновь последнюю операцию, пытаясь вспомнить, закрыла ли я кровоточащий сосуд или пациент проснется утром с огромной гематомой или чего похуже.

Хватит. Пустой холодильник смотрит виновато неоновой лампой. На пельмени нет сил, ограничиваюсь ломтем хлеба с маслом и чашкой горячего чая. Сегодняшний день ничем не отличается от того, что был год назад до появления эльфа. Что в моей жизни осталось от мимолетного гостя?

Как всегда, внезапно и неотвратимо, как цунами, накрывает тоска по Ариэлю. Он принес так много, а забрал еще больше.

За моей спиной не раздается шагов. Эльфы ходят бесшумно, эльфы всегда возвращают долги.

— Я вернулся за тобой, Света.

Я поворачиваюсь, вбираю в себя яркий свет зеленых глаз, прохожусь взглядом по острым скулам, резко очерченному подбородку, белым одеждам до пола с серебряным шитьем. Он стал другим — в последний раз я видела его неимоверно худым с запавшими глазами, а теперь передо мной царственный муж с высоко поднятой головой. Ариэль протянул мне руку, я спрятала свою между колен.

Я опустила глаза, закусив губу. Он столько раз отталкивал меня в грезах, что глядеть на него стало невыносимо. Ариэль ни в чем не виноват, он заслуживает приветливой встречи, но что поделать, если я не могу совладать с эмоциями? И сколько бы я не боролась, предательский вопрос все равно срывается с губ:

— Почему?

— Света, увы, здесь у меня квота всего на один вопрос и один ответ. Сначала спрошу я, а потом ты. Ты пойдешь со мной?

Пойду ли я? Оставлю ли все, что я знаю: любимых, родных, незнакомых больных, которых мне предстоит спасти, чтобы последовать за ним? Я пробовала жить без него, человеческое сердце многое способно забыть, но, наверное, Ариэля

— нет.

— Да, — вот был мой ответ. И опять тот же вопрос: — Почему?

— Потому что я должен попытаться, — сказал он.

Что ж, справедливо, хоть и нелегко услышать и принять. Пусть он должен всего лишь отплатить за доброту, я протягиваю вперед руку, до селе зажатую между колен, затем оборачиваюсь попрощаться с домом.

— Закрой глаза, — прошептал он, и я затаила дыхание. Запахло свежестью, прелым мхом, уши заложило как при взлете самолета. На плечи и голову будто положили тяжелую кладь, и Ариэль крепко прижал меня к себе в поддержке. Под мягкой белой тканью рубашки чувствовался холод кольчуги.

— Открывай, — шепнул он, и я огляделась вокруг.

Мы были в пустом гостиничном номере. Стены кремового цвета, шкаф и двуспальная кровать. Только за окном вместо ночного города яркий дневной свет солнца.

Я с облегчением вздохнула. Выходит я слишком устала на работе. Переутомилась или надышалась по ошибке анестезирующих газов в

операционной комнате. Все это плод моего воображения да и Ариэль тоже.

Я отпустила его талию, боясь смотреть в лицо. Подошла к моему любимому месту возле окна. Оживленная улица с потоком автомобилей, многоэтажка напротив. Стандартная гостиница в стандартном городе без названия.

От окна шла волна жара, машины гудели внизу, спешили по своим делам прохожие. Пахло свежим кофе и булочками. Ариэль встал на расстоянии у окна, не облокачиваясь. Он смотрел вниз, а так же, искоса, на меня.

— Тебе знакомо это место?

Я кивнула, хотя внутренне умирала от стыда. Все, что происходит сейчас не галлюцинации от усталости. Ариэль наконец-то очутился наяву в моем вымышленном гостиничном номере. И тут меня охватили совсем другие эмоции. Я пошла за ним в неведомый край, а вместо этого оказалась в материальном исполнении не слишком веселых грез. Значит ли это, что и настоящий Ариэля будет отвергать назойливые признания в любви как в видениях, которые я придумывала, чтобы приказать себе забыть его? Неужели мне сейчас предстоит повторение кошмара, новый отказ?

Эльф подошел к шкафу, провел пальцем по

черным прожилкам на янтарном дереве, дернул за металлическую ажурную ручку. В ночном номере, шкаф стоял темной тенью в углу, теперь была видна тонкая резьба на дверцах с завитушками и листьями. Ариэль взял в руки подушку с золотым кружевом, поднес к носу вдохнуть запах и внимательно рассмотрел.

— Мне тоже знакома эта комната, наверное, ты звала меня сюда и это хорошо. Посмотри сколько деталей, ты представляла это место не раз…

Я густо покраснела, двуспальная кровать смотрела на меня как вещественное доказательство главной причины, почему именно в эту комнату я приводила воображаемого Ариэля.

— Неплохое место, — вынес он окончательный вердикт. — Стабильное, это главное.

— Ты говоришь загадками, Ариэль.

— Света, я позвал тебя за собою в место между мирами, откуда открываются многие пути, в том числе назад, но обычно эти места зыбки и текучи, полны дверей и возможностей. Вместо этого, мы оказались в твоем видении, где в стене лишь одна запертая дверь. Пусть эта комната создана в твоей голове, но на данный момент реальна, — он обвел взглядом номер на мгновение задержавшись на хрустальном плафоне на потолке в виде

кувшинки. — Она слишком обросла деталями и почему-то специально держит взаперти.

— Не стоит искать решения, — нервно сказала я, прекрасно помня, какой сценарий я воображала в этой комнате сотни раз и страшась почувствовать его наяву. Ариэль подтвердил мои догадки: раз гостиничный номер стал настоящим, а Ариэль вернулся, значит в скорости он скажет мне прощай.

Лучше уж мне первой начать:

— Я освобождаю тебя, Ариэль, ты мне ничего не обязан.

Я подошла к входной двери кремового цвета, почти сливающийся со стеной и дернула за ручку. Заперто. Мы застряли в гостиничном номере навсегда.

Затравленно посмотрев на эльфа, я увидела, что он не обеспокоен результатом. И я тоже мгновенно успокоилась, как бывает тиха природа в преддверии бури. Сейчас все решится раз и навсегда. Прочь намеки, недоговоренности, самобичевание — все станет прозрачным как кристальный плафон на потолке.

Ариэль улыбнулся уголком губ и отвернулся к окну. Иногда мне кажется, что мои мысли я не думаю, а кричу. По крайней мере для него они

раскрытая книга, а учитывая где мы находимся сейчас — страшное оружие. Уж лучше мне не страдать молча а высказать все вслух и избавиться от тяжести на сердце.

— Ариэль, послушай. Я не юная девственница и не прекрасная леди, мне не место на страницах волшебной сказки. Я привыкла к постоянной гонке вперед и подножкам по дороге. Наверное все это в тягость тебе, сын леса, совершенно ненужный долг к несуразной женщине. Но я люблю тебя и не могу с этим ничего поделать. Уж как ни старалась избавиться от постыдного чувства.

— Подойди сюда, Света. Давай присядем, не пристало о таких делах говорить стоя и в спешке, — он подошел ко мне, взял ладонь своей горячей рукой с длинными пальцами и усадил напротив на белоснежные простыни. Долго рассматривал мою ладонь, проглаживая линию судьбы и любви, дивясь чему-то своему. — Все у тебя через край, обжигающе и нетерпимо. Ты дочь своего мира. Эльфы живут слишком долго, чтобы, как вы, поддаваться эмоциям. Расхлебывать столетиями последствия ошибок, сделанных на горячую голову, охладит любого. Но не меня. Думаю, я всю жизнь мечтал о тебе, и не мог поверить, что нашел. И все же, я предал тебя, Света.

Я хотел жить, жить вечно. Слишком испугался смерти, ждущей впереди реши я остаться. Этот страх был сильнее любви к тебе. Я готовился уйти, поэтому не мог податься прихоти и обещать того, что дать не мог. Но мне больше не жить без тебя, Света.

Я отшатнулась, широко распахнув глаза.

— Не знаю, сожжешь ли меня или прорастем друг в друга, как полагается в моем краю. Но без тебя не уйду и больше не боюсь смерти. Решай сама куда поведет дверь, в твой мир или мой. Мне не важно, главное, чтобы ты была рядом.

Белые простыни зашуршали. Я, наконец, познала шелк его волос и мягкость губ. Кровать в первый раз с момента существования исполнила свое предназначение. Утонув в накрывшей с головой неге и пылающем огне, краем уха я услышала, как входная дверь щелкнув замком, открылась в иной мир.

Артемий Дымов
УДОБРИ МНОЙ

«Взрыхли, посади и полей»

Тихоня любил цветы.

Такие благоуханные и первозданно-чистые. Такие разные — по размеру, окрасу и форме. Им требовалась забота, внимание, а Тихоне нравилось, когда в нем нуждались. Образцовое сочетание, союз, заключенный в вечности.

Порой он оставлял побеги вне своих оранжерей. Накрывал уродства мира заплатами красоты; творил, как велела его изъеденная душа. Все же город казался слишком серым. Злым каменным чудищем со стальной щетиной.

За углом взвыли полицейские сирены, в доме напротив зашлись визгливой бранью. Хлопнуло окно, и проулок уступил тишине.

Тихоня втянул свежесть ночи. По-лягушачьи расставил колени, прислушался к свисту ветра — серебристой песне на шершавых кирпичах. К скрежету корней, что неторопливо вгрызались в землю. К пульсации звезд.

Почесал грубые, вросшие стежки на своем рту.

Погладил мертвую руку лежащей на земле женщины и принялся за дело.

Она тоже станет красивой. Очень красивой, уж он расстарается.

1

Волк вынырнул из ванной, плеснув на пол. Сжал скользкие борта пальцами, ошалело фыркнул, разметав волосы по лицу.

— Вот дерьмо, — выдохнул он и выбил нос в мыльную пену у груди. Стоило закруглять купальные раздумья, во время которых он частенько засыпал. На этот раз едва не утонул — на дне собственной ванны. Была бы самая глупая смерть месяца, сразу после неисправного фена и упавшего мешка с цементом.

На боку раковины заверещал телефон, отчего Волк чуть снова не ушел под воду.

— Волк, — сипло рыкнул он в трубку, придерживая ее двумя пальцами. Уставился на трещину на потолке. Длинную, с рыжими потеками, словно с верхнего этажа через перекрытия сочилась разбавленная кровь.

Выслушав напарника — голос на том конце прерывался шумом транспорта и визгом сирен, — он облизнул губы.

— Еду, — сказал. Глянул на будильник, чей зелёный экран мерцал в сумраке за открытой дверью. Час ночи.

У полицейских Большого Яблока не было личного времени даже на то, чтобы утонуть.

* * *

И без того серая, окраина Бруклина насупилась под дождем. Дома поблескивали окнами, редкие чахлые дубы трясли листвой на ветру. Подворотня, куда вызвали Волка, ритмично вспыхивала голубоватыми огнями полицейских авто. Проход уже затянули полосатой лентой, за которой, у перевернутого бака пышно раскинулся куст винограда.

Из-под лозы с тычинками цветов торчали ноги. Бледные, раздутые, едва присыпанные мусором и землей.

— Давно лежит, — заметил детектив Майкл Котовски по прозвищу Хвост. Он втянул голову в ворот пальто; короткие медные волосы полыхали в свете прожектора. Лоб блестел от налетевшей мороси.

Волк опустился на корточки рядом с телом и сдвинул лист концом авторучки. На него уставился мертвый глаз. Корни растения заполняли разинутый рот и ноздри. Казалось, они питались потемневшей кровью, застывшей в уголках разорванных губ.

— Нет. Вчера убита, — ответил он.

— И успела прорасти?

— Похоже на то.

Хвост недоверчиво ухмыльнулся, показав мелкие зубы. Он напоминал Волку соседского пекинеса, когда так делал, — то же маленькое злое лицо с широким, сплюснутым носом. Того и гляди укусит.

На первый взгляд, на плотном теле женщины не было ран, кровоподтеков или следов веревок. Только корни, что прогрызли себе дорогу через кожу и плоть.

Волк никогда не видел подобного.

Он дал дорогу подоспевшим медэкпертам. Не отрывая взгляда от порхавшего фотографа — точь-в-точь мотылек в свете прожекторов, — вытащил из кармана сигарету.

— Может, её где хранили? — откашлялся Хвост за его плечом. — Помнишь того мороженщика?

Волк помнил. Но тут было нечто другое.

Нечто не совсем обычное, заползшее с изнанки дня.

Волк чуял его след, тленную печать на онемелой коже.

* * *

— Никто её не замораживал, — сообщил напарник позже, заправляясь бутербродом и роняя крошки с губ на клавиатуру. Утренний офис сонно гудел, копы глотали кофе и терли воспаленные глаза. От кого-то все еще пахло алкоголем, от кого-то — женщиной. Один пах другим мужчиной, и Волк приподнял брови, провожая сутулую фигуру патрульного взглядом.

— Не бил и не травил. Остановка сердца, вот что говорят, — привлек его внимание Хвост. — Кровь чиста. Ран не обнаружено, только следы от корней, уже посмертные. Но кто-то же его посадил, верно? Этот гребаный виноград.

— Он покачал головой, скривил губы в омерзении. — Гребаный садовник…

Волк хмыкнул, подался ближе и заглянул через плечо напарника.

— Лора Абелло. Имеется бывший муж, — прочел он. — Вместе брали кредит на квартиру на Брайтон-Бич.

— Его зовут Усик. Мор Усик. Ну и имечко, господи…

Хвост вгляделся в мерцающий экран монитора. Махнул бутербродом, едва не мазнув горчицей

по рубашке Волка.

— Пиши адрес.

* * *

Жил Усик в неприятной близости к городской железной дороге и мосту. Припорошенные гарью окна его дома выходили на ржавые, вечно влажные опоры, по которым грохали поезда. Вдоль тротуаров катились листы старых газет, за углом торговали русским зефиром и подсолнечным маслом.

Дверь квартиры оказалась не запертой. Стучать и звать хозяина Волк не стал. Что-то подсказывало ему, что на крик все равно никто бы не отозвался. Он толкнул дверь мысом ботинка, положил ладонь на рукоять пистолета и переступил порог. В нос ударил сырой и жирный запах вскопанной земли и тлеющего тела; сумерки затопили квартиру от входа до забранного решеткой окна в конце коридора.

Он вытянул оружие из кобуры. Плавно двинулся вперед. Половицы скрипели под ногами. Между перекрытиями что-то сухо трещало — будто дерево лопалось, распираемое изнутри. Комнаты плыли мимо, все как одна пустые; в отдалении шумела вода. На ее звук Волк и на-

правился.

Как оказалось, хозяин дома принимал ванну.

Он лежал, запрокинув голову в наполненной до краев чугунной чаше. Из крана текло, вода переливалась через бортики и сбегала по безвольным рукам на кафельный пол. Лицо убитого накрыла виноградная лоза, побеги забирались в ноздри и рот. В утопленный живот впивались корни. Клочья зеленого линялого халата обрамляли их тошнотворной травкой.

Волк прижал рукав к носу, закрываясь от вони. Ступил в лужу и завернул кран, не отрывая взгляда от затылка мертвеца. Мор Усик точно не мог ответить на его вопросы. Он был чертовски мертв, причем довольно давно — виноград успел набросать листьев в воду, а тело местами почернело.

И снова этот след. Темный запах прелой листвы.

Кап — упала капля из крана.

Волк обернулся, слыша участившееся биение своего сердца. На миг ему показались шаги — за спиной. Из коридора.

Он положил руку на кобуру и придвинулся к дверному проему.

Выглянул наружу.

Никого. Только сумрак сгущался, кружил сизыми клубами. В конце коридора светлело окно над входной дверью. Шумели проезжающие машины.

Кап.

Волк вздрогнул, посмотрел через плечо. Ванная тонула в тенях. Мертвец лежал на том же месте, черная макушка виднелась над бортиком. Листья шелестели.

— Усик мертв, — выдохнул Волк в телефон, уже стоя на крыльце. На лоб упала капля, и он, содрогнувшись, торопливо стер ее пальцами. Но то был лишь дождь.

Начиналась серая морось.

* * *

— У Абелло или ее мужа были враги?

Женщина на другом конце стола переплела пальцы — импровизированный барьер между собой и детективами. Бросила взгляд в сторону выхода.

— Нет. Милая пара, все их любили.

Участок медленно пустел. Вскоре в офисе остались только Волк, Хвост и лейтенант в стеклянном кубике своего кабинета.

Пальцы Волка грела кружка кофе. С экрана

монитора укоризненно смотрели Абелло и её бывший муж.

— Нашли отпечатки, — сказал Хвост. — Совпадений в базе нет.

Он крутанул колесико мышки, пролистнув текст письма. Вскинул брови.

— И следы ног. *Босых* ног.

Волк отставил кружку.

— Он что, мылся вместе с жертвой?

Хвост пожал плечами. Рядом с его рукой затрещал телефон, но он не взял трубку.

Вызов умер своей смертью.

— На ступнях убийцы была земля. Такие же следы на лестнице и в холле.

— Почему же тогда развелись?

Она пожала плечом. Снова глянула на дверь.

— Лора не говорила об их внутрисемейных делах. Предпочитала решать все сама.

— Вы знали, что она собиралась уехать из города?

— Последнее время я редко с ней общалась. — Линия её губ дрогнула. — Я могу идти, детективы? Мне нужно забрать ребенка из школы.

— Конечно. — Волк развел руками. — Если что-либо вспомните…

Женщина поднялась. Ножки стула проскреже-

тали по полу.

— Я сразу же вам сообщу, — кивнула она и вышла.

Торопливый стук ее каблуков утих за дверью.

Хвост вновь запустил последнее сообщение на автоответчике Абелло. Голос ее бывшего мужа дрожал.

«Мы разбудили тьму», — одними губами повторил за записью Хвост и выпустил дым через оскаленные зубы. — Да он полный псих.

— Ясно, что с головой у него было не все в порядке. Но согласись, то, что происходит, странно.

— Странно то, что моя соседка никак не отравит своего мужа, который ее регулярно колотит. Ходит, знаешь, с такой рожей… — Рука Хвоста описала воображаемую припухлость у лица. — Я бы давно грохнул.

— Можно просто подать на развод. Мы же не звери, — заметил Волк и углубился в изучение фотографий.

В отчете патологоанатома говорилось, что корни пронизывали ткани на десятки сантиметров вглубь. Никаких следов разрезов. Высадить растения таким образом было невозможно. И вырастить их так быстро тоже.

— По крайней мере, не совсем звери, — отозвал-

ся Хвост где-то на периферии сознания.

На сей раз телефон зазвонил на столе Волка. Он снял трубку, зажал ее между плечом и ухом.

— Мартин Волк слушает.

2

Тихоня не помнил, что было в начале.

Казалось, он существовал всегда. Он, звезды и его растения. Поколения рождались и уходили, менялись времена года и континенты, города вырастали и разлетались пылью. Это слабо его трогало.

Но он всегда приходил, когда его звали. Он помнил стук барабанов — звонкий в ночи саванн. Помнил хохот менад и запах вина. Гулкие подвалы. Ритуалы, которые соблюдались всегда.

Вот только порой в своих ритуалах люди заходили слишком далеко.

Лоза ползла по белой ноге. Тихоня слышал, как текли соки под шкуркой стебля. Как под напором корней трещали кости.

Он накрыл ладонью усик лозы, и тот удлинился, выпустил листья.

По его спине скользнул взгляд. Кто-то наблюдал за его работой, и Тихоня оглянулся.

Всего лишь кошка. Её зеленые глаза светились из сумрака под мостом. Она подошла, блестя пятнистой шкурой. Обнюхала протянутые пальцы, теплая, пахнущая травой и дворовой грязью. С

урчанием потерлась о бок Тихони.

Он немо улыбнулся. Звери нравились ему куда больше людей.

Звери не истязали ради удовольствия.

* * *

— Отличное местечко, чтобы гнить заживо.

Под Дьявольским мостом парка Астория было негде упасть окурку.

Между опор, в кольце оцепления светили прожектора. В их свете сменяли друг друга униформы всевозможных расцветок; двигались без особой спешки, как личинки на мертвой туше. Шуршала рация, кто-то орал, отгоняя любопытных.

Из-под завитков винограда выглядывали две пары ступней. Голые пальцы испачканы землей. Из-под ногтей проклюнулись ростки.

Тела обнаружил патрульный. Заметил подозрительного — голого, как он уверял, — субъекта в парке, но тот успел скрыться. Там-то, под опорой моста и обнаружились жертвы: мужчина и женщина средних лет. В кармане мужчины нашли водительские права на имя Георгиоса Хадзиса. С фотографии смотрел крупный чернобородый грек.

Теперь лица Хадзиса было не различить, как и

лица женщины, погребенной с ним рядом.

Волк развернулся на пятках. Проследил взглядом цепочку огней — трехэтажных зданий, что выстроились вдоль границы парка. На скелеты деревьев за опорами моста. У подножия склона, на прилегавшем к проливу бульваре мешали движению репортеры.

За последние дни Садовник успел превратиться в культового монстра. Героя всех каналов. И кто только успел слить информацию?

— Детектив Волк! Детектив! Это правда, что в районе орудует серийный убийца?

Волк сощурился от вспышек, на миг потерял равновесие. В голове помутилось, зубы зачесались…

— Мартин, — Хвост потянул его за рукав. Его лицо казалось размытым пятном за бликами света.

Волк кивнул, обогнул назойливую репортершу и её микрофон. Зашагал по обочине за серым пальто напарника.

Рык, зародившийся в груди, истаял, так и не вырвавшись на свободу.

— Говорят, он пропадал по ночам. Этот ваш Хадзис, — сказала соседка убитого, молодящаяся гречанка с певучим акцентом. Она расправила юбку, покрутила кольцо на безымянном пальце

правой руки и глянула за стекло конференц-зала. В сторону престарелого сержанта, чей стол ютился в углу офиса.

Не подозревая, что за ним следят, сержант раскрыл рот и заглотил пончик. Усыпал рубашку осколками глазури.

— Кто говорит?

Она повернулась к детективам, развела руками. Мол, потрясающе, каких идиотов берут в полицию.

— Все. Я сама с ним не больно-то общалась. Но у нас улица тихая, все всё видят, всё слышат. Странный он был.

— Может, тогда вы и убийцу видали? — вставил Хвост с другого конца стола.

Соседка поджала накрашенные алым губы.

— Если вы мне не верите, тогда давайте закончим этот разговор.

Волк успокаивающе поднял ладони.

— Простите моего напарника. То есть, хотите сказать, у него была любовница? Её вы видели?

Квартира покойного Хадзиса находилась в том же районе Астория, на первом этаже кирпичной трехэтажной коробки. С видом на парк, серый в зарождавшемся осеннем дне. Две комнаты с линялыми обоями, кухня и подвал. Жил убитый

один, детей и бывших жен не имел. В записной книжке на кухонной стойке значились только номера муниципальных служб и пара родственников с кодом Афин.

Спальня тоже была аскетичной. На столе у кровати грудились книги по истории религии и садоводству. На голове настольной лампы висела деревянная пластина с намалеванным на ней знаком. Хвост тронул её пальцем в белом латексе перчатки.

— А это еще что? Видал такой?

Волк качнул головой. Дерево пахло старой кровью и потом. Скорее всего, Хадзис носил её часто, близко к телу.

Он провел пальцем по томам садоводства. Потрепанные, из местной библиотеки. Пара страниц была заложена стикерами. Ничего особенного. Волк хотел положить книгу обратно, как из неё выскользнул листок, сложенный вдвое. Он порхнул на пол, импровизированной обложкой вверх. На ней чернел тот же завиток, что и на амулете. Ниже вычурные буквы гласили: «Плясуны Диониса».

Из коридора донесся свист.

— Глянь-ка сюда.

Волк поднял брошюру и вышел из спальни. На-

парник стоял у раскрытой двери на углу коридора и кухни. За её порогом начиналась лестница, которая вела в подвал.

Хвост щелкнул выключателем.

Внизу, под одинокой лампой сохла растянутая на правилках шкура животного. Небольшого, размером со среднюю кошку.

Под верстаком, в банках темнело что-то плотное, облитое кровью.

— Что за хрень? — сморщился Хвост.

— Внутренности, — ответил Волк.

* * *

Женщина улыбнулась. Явно довольная значимостью, которую ей придавала чужая тайна.

— Не любовница, детективы. Усик был сектантом. И знаете что? Как-то раз я зашла к нему рано утром, по чистой случайности сразу после того, как он вернулся. Выглядел он неважно, скажу я вам.

Она перегнулась через стол. Понизила голос.

— У него была кровь на манжете, детективы. Чужая кровь.

* * *

— «Плясуны Диониса», — продекламировал Хвост, держа отпечатанную на дерьмовом принтере брошюру. — «Познай себя через удовольствие».

Он с хлюпаньем всосал кофе.

— Я уже хочу вступить в команду.

Сперва секта «Плясунов" собиралась в спортивном зале местной школы. Разучивали какие-то танцы под ритуальные песни и прихлопы. Затем, по неясным причинам их собрания на территории школы отменили. Здесь сектанты пропадали из поля общественного зрения.

— Наверное, потому что, — Хвост раскрыл брошюру, — «принесем тебе кровь и плоть, как ты принес нам радость», бла-бла.

За время работы Волк наслушался подобного бреда сполна. Люди придумывали тысячи оправданий — религиозных и не очень — своим низменным желаниям. Например, садизму и жажде крови.

В свете ультрафиолетовой лампы пол в подвале Хадзиса пестрел следами крови. Не человеческой.

— Жертвоприношения?

— Похоже на то. Кошечки. Собачки. Товарищи по секте.

— В школе назвали нескольких членов. Что с ними?

Хвост махнул в сторону распечаток на углу стола.

— Пятерых не смогли найти, двое переехали в другой штат. Один представлялся чужим именем. Остальные говорят, что не имеют к «Плясунам» никакого отношения. Их могло быть больше, ты знаешь?

И обыскать дома известных им сектантов они не могли — ордер им не выдали даже с кровавым подвальчиком одной из жертв.

Снова тупик.

* * *

В дом сектантка их так и не пригласила. Говорить пришлось через сетчатую дверь.

— Вам знаком этот символ?

Знак на амулете приковал её взгляд. Медленно, она покачала головой.

— Простите, детективы. Ничем не могу вам помочь.

* * *

— А твое чутье? — Хвост постучал по конопатому носу. — Что подсказывает оно?

Волк пожал плечом. Он и сам не знал. На местах убийств его захлестывал первобытный ужас, будто тьма поджидала рядом. Будто она могла протянуть лапу из подвала и ухватить его за лодыжку.

Денек выдался долгий и тяжелый.

Хвост зевнул. Закинул ноги на стол.

— Конечно, убить кота много ума не нужно, — сказал он. — Попробовал бы он пристрелить тигра. Как они охраняют свою территорию — это песня. Я по Энимэл Плэнэт видел.

Своя территория.

Волк вскинул голову. Поднялся с места и подошел к карте района, что висела на стене.

— Догоняют и — хрясь! Горло разодрано, кровищща…

Судя по отчаянному скрипу кресла за его спиной, Хвост изобразил жертву в корчах.

Волк неспешно воткнул кнопки с разноцветными шляпками в места, где были обнаружены тела. Затем в дома жертв.

— А обезьяны набрасываются стаей. Ненавижу

обезьян. Я рассказывал тебе, как у храма в Анурадхапуре на меня напала такая здоровая…

— Где может встречаться группа сектантов? — перебил его Волк, глядя на закрашенный серым прямоугольник промзоны. Сахарная фабрика, заброшенная лет двадцать тому назад. На берегу пролива, в дюйме от неровных кругов из кнопок.

Куда пойти задушить кошечку? Где искать тела?

Хвост допил кофе залпом, оценил карту краем глаза. Скинул ноги со стола и вцепился в клавиатуру. Защелкали потертые клавиши.

— Я подниму документы. И, — не оборачиваясь, он наставил палец на Волка, — один туда не суйся. Сегодня уже поздно. Завтра с утра посмотрим, что там да как.

Волк кивнул. Машинально прикинул расстояние от участка до зернохранилища. Глянул на круглый циферблат над доской.

— Да, поздновато, — протянул, запоминая адрес.

3

Волк находился в трех кварталах от пункта назначения, когда телефон зазвонил.

«Ты где?»

На заднем плане шуршали помехи, долетали слабые офисные голоса.

— Решил перекусить.

Отчасти это было правдой. Он смолил, глядя на мигающие пошлым красным куриные ноги кафе быстрого питания. За огнями вывески сгущалась ночь. Пахло горелым жиром, картошкой и затухающими отбросами в контейнере на заднем дворе.

«Слушай, компания, где работала Абелло, брала займ. Реконструкция фабрики, и угадай какой. Абелло была ответственной за проект».

Прелые запахи темных следов частенько вели на закрытые промзоны.

«Без меня не…»

— Я отзвонюсь, — оборвал его Волк и бросил трубку. Щелчком послал окурок в жерло мусорного бака и двинулся к машине.

Он не любил откладывать в долгий ящик то, что можно было сделать сразу.

Он чуял, что *должен был* торопиться.

* * *

Сахарная фабрика ютилось на окраине Бруклина в районе столь непримечательном, что его название забывалось через минуту после въезда на малоэтажные улицы. Угрюмо теснились коробки дешевого жилья — из красного кирпича, с квадратными пыльными окнами. Эти кварталы в свою очередь примыкали к промышленной зоне, то ли являясь ее порождением, то ли, наоборот, в начале века породив и пять этажей фабричной серости, и ржавые остовы кранов, и тонущие у берега вагонетки. Точь-в-точь как в известной загадке с курицей и яйцом.

Сам комплекс переходил из рук в руки, пока у последнего владельца не конфисковали триста фунтов героина. После него фабрика осталась заброшенной. Теперь она скалилась стеклянными клыками выбитых окон, район медленно задыхался и ворочался в предсмертных муках, а Волк нарушил парочку законов, вторгшись на частную территорию без ордера.

Отыскав калитку, он сбил рыжую, изломанную коррозией цепь. Прошел до конца дорожки с трещинами в бетоне и растущей из них травой.

Ступил под слепой, местами обвалившийся потолок.

Неприкаянное эхо шагов заметалось между стен. Пахло тленом, сыростью и, отчего-то, прелой землей.

Искать пришлось недолго. За оцепенелыми конвейерными лентами и исписанными граффити колоннами алел знакомый знак. Рядом с ним темнел спуск в хранилище.

Волк придвинулся к нему с опаской, направив на мрак пистолет. Поставил ногу на ступень, поймал равновесие, когда вместо второй ступени нога провалилась сразу на третью.

Пятно фонарика металось по щербатым стенам.

Что-то мягко погладило макушку. Волк присел, выставив оружие над собой. Лоза дикого винограда качнулась в свете фонарика, отбросила тень на разбитую трубку люминесцентной лампы.

Всего лишь растение.

Он облизнул пересохшие губы. Совладал с дрожью, спустился по округлым, стесанным временем ступеням до конца и замер в нелепом благоговении.

Внизу, во влажной духоте и вони цвел сад. Пестрели орхидеи, разрослись похожие на ка-

мышовые заросли лилейники. Потолок ковром укрыли розы, с балок перекрытий свисали хвосты лиан.

Волк ступил на рыхлую землю, утопив в ней ботинки. Откуда в фабричном хранилище появилась зелень, он не знал, но кто-то следил за «оранжереей» годами. Всё вокруг было так… продумано до мелочей. Ровные струны тросов, натянутых к сфере потолка для плюща и роз, любовно взрыхленная, увлажненная почва. И налитые красками тропические цветы, заключенные в кирпичную скорлупу.

Волк словно очутился в чьей-то больной голове.

Тропинка, по которой он брел, вливалась в истоптанную поляну. По краям стояли лавочки, центр был выкрашен цветным песком. По нему вились цепочки следов.

Волк присел, снял верхний слой ребром ладони. Ниже песок слипся. Пах животной кровью. Но запах мертвечины — сбивающий с ног еще при спуске в хранилище — исходил не от песка.

В листве справа прошелестело.

Волк наставил на нее пистолет. Осторожно шагнул ближе.

Сдвинул ветку.

За шипастыми стеблями лишь желтели хризантемы.

Принюхавшись, он опустился на корточки и ковырнул землю у корней. Отдернул пальцы, коснувшись студенистого тела. Уставился на синюю кожу на дне раскопанной ямки.

Сектанты нашлись, вот только ответить на его вопросы не могли.

* * *

Пока он исследовал подземный сад, успело стемнеть. Оказавшись на свежем воздухе, в беззвездном киселе дешевого квартала, Волк устало повел плечами. Еще дюжина тел.

Он глянул на экран телефона. Тот истратил последний заряд на режим фонарика и теперь мертво молчал. Волк порылся в бардачке в поисках зарядки. Ничего не обнаружив, вставил ключ зажигания в замок и тут же вытащил его. Стоило найти супермаркет и позвонить оттуда. Он не хотел покидать место захоронения надолго.

Район казался необычно тихим. Да, пьяная ругань из дворов, звон стекла и дальний рев моторов никуда не делись, но под фонарями Волк шел один, и это ему совершенно не нравилось. В конце улицы он завернул за угол магазинчика

с зарешеченными окнами. Тот оказался закрыт. Волк прошелся чуть дальше. Свернул ещё раз.

Дребезжали светляки фонарей. В расщелинах между строениями клубилась тьма.

Через пелену налипшего на одежду табачного дыма пробился знакомый запах. Тот самый, что реял над Лорой Абелло, смешанный с удушающим шлейфом цветов.

Волк остановился и обернулся.

Пару мгновений всматривался в туман.

Никого.

Влажные ладони облепили его лицо. В щеки вцепились ногти.

Волк лягнул противника, двинул локтем, вслепую. Локоть столкнулся с чем-то костлявым, жестким, но хватка не ослабла. Противник оказался на удивление сильным. Голова Волка неумолимо клонилась вбок, до победного щелчка шеи. Задыхаясь, он вытащил пистолет из кобуры.

Стрелял он тоже вслепую. Хлопок громом прокатился по улице, вдоль припаркованных машин. Ладони наконец отпустили его лицо.

Волк развернулся и выстрелил снова.

В упор.

В голову.

И лишь после присмотрелся к врагу.

Голый мужчина — а то был мужчина, судя по очевидным признакам на теле, — встрепенулся синюшным, лишенным волос телом. Глаза блестели угольными пуговицами. Под кривым носом белела линия — сросшийся, будто стянутый нитками рот.

Голый опустил голову, уставился на дырки в тощей груди. Сунул палец в отверстие между бровями, ковырнул и вновь глянул на Волка.

По асфальту, звеня, перекатилась смятая пуля.

Он принюхался и побежал длинными прыжками. Дважды шлепнули босые ступни, в свете фонаря блеснула лысина. Сухие мышцы перекатывались под кожей, впалый живот очерчивал контур ребер.

Волк отпрянул и припустил прочь.

Нужно было добраться до машины, которая осталась у фабричных ворот.

Он завернул за угол и еле успел остановиться. Едва не упал.

Голый уже стоял впереди. Когда только успел?

Волк бросился через перекресток, дальше по улице, между воротами и дверями старых складов. Обернулся. Дорога за его спиной уже пустовала.

Убийца поджидал его посреди проезжей части. Следил за Волком, который сам несся в его лапы.

Волк резко свернул, выбил с ноги дверь ближайшего склада. Помчался по трескучей лестнице на второй этаж, пробрался между ящиками. Взвыла сигнализация. В боку кололо, зрение обострилось, обзор сузился до пистолетного дула.

Он вскарабкался по еще более узкой и скрипучей лестнице на чердак и, высадив оконце, прыгнул. На примыкавшую крышу приземлился неудачно — боком, так, что железная труба ограждения ударила по ребрам. Протяжно заскрипело. Труба подалась, полетела вниз, щетинясь креплениями, и Волк полетел вместе с ней.

Перед глазами мелькнул замшелый парапет, бледные пальцы убийцы, кирпичи, водосток, вновь кирпичи и небо.

Он сдавленно крикнул, распластавшись по асфальту. Перекатился, поднялся на колени, чувствуя каждое из своих ребер.

Убийца спрыгнул в двух шагах. Коснулся ладонями асфальта и плавно выпрямился. Устремил на Волка лишенный эмоций взгляд. Взгляд мастера, оценивающего новый чурбак для резки.

И, как назло, зверь под кожей Волка заскребся наружу.

— Нет, — прошептал детектив.

Он попытался отползти. Кости трещали, лопаясь и срастаясь под новыми углами.

— Только не сейчас…

Уличная вонь оглушала, навалилась кислым одеялом. Боль сменилась жаркой яростью, и мир вокруг померк.

* * *

Человек отполз, дергаясь, словно лоза на ветру. Тихоню даже зачаровало подобное сходство. На его глазах из безволосой шкуры вылупилось совершенное создание.

Чёрный волк.

Он превосходил в размерах особи, которые Тихоне доводилось видеть; блестел густой шерстью, внимательными, умными глазами. Выпутался из вонючих людских тряпок, поднялся на лапы. Ну и правильно, в этом Тихоня его полностью поддерживал. Смысла в одежде не было — ни в одежде, ни в словах, умением произносить которые человечество гордилось слишком уж необоснованно. На темной стороне речь была бесполезна.

Тихоня задумчиво присел на корточки. С убийством людей никогда не возникало проблем — особенно когда те нарушали его покой. Но

животные были чисты и прекрасны. Невинны.

Он улыбнулся, растянув шрамы на сросшихся губах. Поманил волка рукой, попробовал потрепать его агатовую холку…

И с удивлением уставился на обрубок своей откушенной кисти.

4

Волк брел навстречу рассвету, загребая босыми ногами. Без одежды и малейшего представления, где находится.

Грязный и избитый.

Замечательная ночь.

Назови кто-нибудь превращения пустяком, Волк плюнул бы умнику в лицо. Его тошнило и крутило, лоб покрылся испариной, ноги дрожали, а в горло словно нацедили желчи. Его братьям, увлеченным своей животной жизнью, такое, может, и приходилось по вкусу, но не детективу Волку, который обрастал мехом лишь раз в месяц и то по зову природы.

«О нет, благодарю покорно».

В расплывчатом мареве улицы шевельнулся силуэт, и детектив скрылся в первой попавшейся щели между складами. Сделал пару шагов в раскиданном мусоре, оперся на стену и шумно сблевал. Не устояв на ногах, он завалился на пачки размокших коробок, ткнулся лбом в гору вонючего тряпья. Во рту растекся привкус сырого мяса, от которого Волк выгнулся снова, опорожняя желудок.

Эхо торопливых шагов скакнуло меж стен, и Волк вспотел. Сотрудникам полиции не стоило показываться на улице с ног до головы в чужой крови. И уж точно не подобало лежать в подворотне голым задом кверху.

Ботинки шаркнули ближе.

— Ты в порядке?

Волк вытер нитку слюны со рта. Из-за туманной дымки на него обеспокоенно смотрели три Хвоста.

— Тупой вопрос, — прохрипел он и вновь уткнулся носом в покрытую рвотой бумагу. Голова была слишком тяжела, чтобы ее держать. Волк попытался встать, но ладони лишь скользили, бессильно цепляя жухлый картон.

— Давай, подъем. — Его подхватили под руку и вздернули над землей, отчего вновь замутило.

— Я покажу… Там… тела, — Волк покачнулся, навалился на плечо Хвоста. Тот фыркнул от накатившего запаха.

— Себя видел? И на месте уже работает группа.

— Так где Садовник? — спросил он, когда машина выехала на трассу. Сощурился от свежих и колких лучей, что прорезались из-за горизонта, и опустил солнцезащитный козырек. По-кошачьи обильно лизнул ладонь, провел ею по светлым

волосам.

Волк харкнул, сплюнул кровь и рвоту с языка в окно.

— Помер, — бросил он и почувствовал на себе пристальный взгляд.

— Скажем, несчастный случай, — наконец решил Хвост. — Собаки пожрали, с помойки неподалеку.

Он выпустил коготь и почесал им нос.

— Они ж такие непредсказуемые, эти дикие звери. Всегда голодные.

Эльвира Плотникова
ДЕТИ НАДЕЖДЫ

Две дороги, два пути
Словно в косу, заплети.
Как по млечному пути Звёздною плыть рекой.
Две тропы нехоженых, Две судьбы похожие,
Только их соединить
Очень нелегко.

«Две дороги, два пути»
Музыка и слова: Леонид Агутин

Кольцо на пальце маняще поблескивало, дразнило, и девушке казалось, кто-то шепчет ей на ухо: «Это твой шанс, не упусти его…». Если бы в письме ясно говорилось о том, как кольцо спасет ее от нежелательного брака, она бы не колебалась. Но — увы! — объяснения были туманными. А разве можно просто так довериться чародею?

Девушка снова взяла в руки письмо, выученное почти наизусть, и поднесла листок к лампе.

Милая леди!

К счастью, я тоже не хочу брать Вас в жены. Возможно, нам удастся договориться и избежать этого безумного брака?

Посылаю Вам кольцо. Все будут думать, что это предсвадебный подарок, который я не могу вручить Вам лично. Предполагается, что мы увидимся только в день свадьбы.

Но знайте, это не простое кольцо. В нем спрятано волшебство, которое поможет Вам отменить свадьбу. Все, что Вам нужно сделать — это уронить на камень, вставленный в него, капельку Вашей крови.

Вы же не побоитесь уколоть пальчик ради нашего обоюдного желания?

Все еще Ваш (надеюсь, ненадолго) жених.

Вздохнув, девушка уронила листок на столешницу и поднесла кольцо ближе к свету. Однако, как она ни старалась, никаких тайных или непонятных знаков на камне разглядеть не смогла. Только узорная вязь покрывала ободок кольца, но в ней не было ничего необычного.

Затягивать с решением она не могла: матушка уехала из усадьбы всего на одну ночь. И если бежать, а она почти не сомневалась, что волшебный подарок поможет совершить побег из родного дома, то бежать сегодня. Сейчас.

Уколоть палец — это просто. Наконец-то ненавистные голубые розы, которыми матушка упорно украшала ее комнату, пригодились. Шипы у них были крепкими, длинными и острыми. Всего одно движение — и красная капля набухла на коже. И в тот миг, когда кровь смешалась с магией, девушка громко закричала от боли.

Кости как будто пришли в движение, выворачивались по иному, увеличивались в размерах, разрывали связки и мышцы. Да и сами мышцы набухали и пульсировали, вынуждая тело изгибаться и принимать нелепые позы. Не удержавшись на ногах, девушка упала на пол. Ее тело больше ей не принадлежало, оно менялось, причиняя невыносимую боль. А потом пропали зрение и слух. И она не слышала, как лопается ее одежда. Не видела, как расползается кожа и нарастает густая шерсть, как руки и ноги превращаются в лапы, а кольцо, причудливым образом соскользнувшее с пальца, ошейником обвивает шею.

Потом боль исчезла.

Визг, крики, топот ног… Запах страха и растерянности…

Чувства вернулись резко, оглушая и приводя в сознание. Девушка приподняла голову и открыла глаза. В комнате толпились люди: слуги и стражники. На их лицах застыла одинаковая смесь ужаса и паники.

— Помогите! — крикнула она, но из горла вырвалось только рычание зверя.

— Да чего же мы стоим? — очнулся один из стражников. — Ату его!

И она поняла — ее убьют быстрее, чем она сможет сообразить, как объяснить слугам, что произошло. Отчаянье придало ей сил, и она прыгнула к дверям, прямо на людей, преграждающих ей путь к свободе. К счастью, никого не покалечила: слуги дрогнули и в страхе бросились врассыпную.

Новое тело было сильным, ловким и послушным. Знакомыми коридорами зверь бежал прочь из дома, прочь от людей. Запертую дверь, ведущую в парк, пришлось выламывать. Всего лишь пара сильных ударов передними лапами — и свежий воздух ударил в нос, принося с собой новые запахи.

Слуги тем временем пришли в себя, сообразили вооружиться луками и арбалетами. Но когда зверь вырвался на свободу, преследование потеряло всякий смысл: зимой рано темнело, а сразу за парком начинался лес. Зверь бежал быстро, никто не мог за ним угнаться. Стреляли вслед, но никто из слуг не заметил, что одна из стрел попала в цель.

Где-то скулила собака. Мужчина остановился и внимательно прислушался: ветер приносил звуки из чащи леса. «Наверное, это какой-нибудь охотничий пес убежал далеко от хозяина, да и попал в капкан», — подумал он. Время поджимало — он собирался пересечь границу затемно, но все же свернул с тропы. К счастью, снега выпало мало — зима лишь только началась, — и идти было легко.

Он свистнул, надеясь, что собака залает, почувствовав присутствие человека, и подскажет верное направление. Но та замолчала, даже скулить перестала. И все же поиски продолжались недолго.

Собака пряталась в густом кустарнике. Слишком большая — почти вдвое крупнее человека, — темной масти, с густой длинной шерстью, она лежала на снегу, вытянув в сторону заднюю

лапу, и затравленно смотрела на него, не делая попыток напасть или убежать. Под брылями висели тонкие ледяные сосульки, морда покрылась инеем. Похоже, она долго бежала, а потом упала, обессилев.

— Ты ведь не зверь, верно?

Собака приподняла морду, как будто хотела ответить, но из горла вырвалось лишь глухое урчание.

— И ты меня понимаешь. Можешь закрывать глаза, когда твой ответ «да», и смотреть прямо, когда ответ — «нет»?

Она согласно опустила веки.

— Ты человек?

«Да».

— Чародей?

«Нет».

— Но это колдовство?

«Да».

— Ты мужчина?

«Нет».

— Женщина…

«Да».

— Как же ты здесь очутилась…

Собака снова глухо заворчала, потом заскулила и повернула морду в сторону задней лапы.

Мужчина подошел поближе и увидел стрелу, торчащую из ее бедра.

— Ты ранена! Позволишь помочь тебе?

«Да».

— Будет больно… Потерпишь?

«Да».

Человек обманул — боли почти не было. Девушка отвернулась и не видела, как проходит лечение. Она только чувствовала, что пульсирующий огненный комок исчезает, приятным теплом разливаясь по телу. Прошло несколько минут напряженного ожидания…

— Вот и все. Попробуй встать.

Стрела уже не торчала из лапы, да и раны не было. Мужчина зачерпнул горсть чистого снега и счищал с шерсти засохшую кровь.

— Чего же ты? Вставай, — он улыбнулся, приняв ее испуг за удивление. — Неплохое умение, верно? Особенно, когда живешь на границе.

Солнце уже взошло. Сегодня уже не успеть туда, куда он так спешил.

Нельзя было проявлять неблагодарность к тому, кто тебя вылечил, даже к чародею. Девушка не могла говорить, но поднявшись и потоптавшись вокруг мужчины, чтобы показать ему, что все в порядке, нашла нетронутый снег и попыталась

написать лапой слово «спасибо».

Он понял и добродушно кивнул:

— Не стоит. Что ты теперь будешь делать?

«Помоги».

Осмотрев металлический ошейник, чародей сказал, что все дело в нем. И если от него избавиться, то чары развеются. Но снять цельнокованое кольцо было невозможно.

— Здесь недалеко есть деревня, значит, есть и кузнец. Пойдем?

Она кивнула, хотя и боялась встречаться с людьми.

Зимой на деревенских улицах малолюдно. Никто из тех, кто встретился им по дороге, не убегал от страха и не пытался убить зверя. Настороженно косились, но не более того. Вежливо здоровались с чародеем. Значит, знали его. И не боялись того, кто рядом с ним.

Кузнеца нашли быстро, но тот отказался им помогать.

— Кольцо чародея чародею и снимать, — произнес он. — Навестите старую Вэль, она даст лучший совет, чем я.

— Вэль — колдунья, даже я ее побаиваюсь, — признался чародей, когда они вышли на заснеженную улицу. — Она не будет помогать

бескорыстно, обязательно что-нибудь попросит взамен.

Он стоял в нерешительности, но по всему выходило — быстрее и проще обратиться к колдунье.

— Пойдем, — наконец махнул он рукой и пробормотал что-то очень тихо.

Старуха жила за деревней, в лесу. Простой деревянный сруб, потемневшее от времени дерево, скрипучее крыльцо, сени с пахучими травами. А за дверью — светлая и уютная комната, ничем не напоминающая жилище колдуньи: ни зелий, ни пучков травы и летучих мышей, свисающих с потолка, ни пауков в банках, ни черного кота на печи.

— А зачем мне все это? — вместо приветствия спросила пожилая женщина, поднимаясь навстречу гостям. — Я и так знаю, зачем вы пришли. На оборотное колечко попалась, милая? Киваешь? Оборотное…

— Сильное колдовство, леди Вэль, иначе бы я…

— Молчи! Сама вижу. Снять его я не смогу. Оно зачаровано на какие-то слова. Снимет его только тот, кто чары на него наложил. Придется вам его поискать… или девушка знает — кто? — Вэль хитро прищурилась. — Снова киваешь…

— Леди…

— Молчи, я сказала! А тебе, девушка, я могу дать одно зелье. И ты расскажешь, где искать того человека. Не человека? Чародея? Чародеи — те же люди, глупая. — Колдунья как будто читала ее мысли, и от страха шерсть вставала дыбом. — Но я ничего не делаю бесплатно. Золото? Нет. Золото мне ни к чему. Что ты мне можешь дать? Что-то ценное… дорогое твоему сердцу. Ничего нет? Это сейчас нет, но будет. Отдашь мне своего первенца? О! Не рычи так, милая. Вижу, не отдашь…

— Я заплачу за нее.

«Нет!»

— Ты, мой мальчик? — Вэль с довольной усмешкой посмотрела на чародея. — Ты же знаешь, что я у тебя попрошу.

«Нет! Нет!»

— Знаю… догадываюсь. Все равно. Я заплачу эту цену.

«Не надо!»

— Иди-ка сюда, поближе… Я скажу тебе это на ушко, чтобы убедиться, что мы правильно поняли друг друга. А ты, милая, успокойся. Выбор уже сделан.

«Нет! Нет!» — мысленно кричала девушка, уверенная — колдунья ее слышит, но та больше не обращала на нее внимания, нашептывая что-то

чародею.

— Да, я согласен.

— Слово?

— Слово.

— Вот и славно, мой мальчик. А теперь обещанное зелье, милая. Высуни язычок. Проглоти. Вот так… Скажешь мне что-нибудь?

— Спа… спасибо…

Голос был как будто чужой или звучал как-то по-другому. Но теперь она могла говорить!

— Пожалуйста, милая. А теперь — идите прочь. Прочь, прочь! Больше не хочу ничего знать. И помни о слове, мой мальчик.

В лесу было холодно и неуютно, но для разговора это место подходило как нельзя лучше. От легкого мороза девушку спасала густая шерсть, а мужчина, казалось, и вовсе не мерз: то ли его одежда, на вид не соответствующая сезону, была на самом деле теплой, то ли его грело какое-то волшебство.

— Так кто ты такая, зачарованная незнакомка? — спросил чародей, присаживаясь на ствол поваленного дерева.

— Ашура… — девушка колебалась, стоит ли говорить всю правду, но потом отбросила сомнения. — Меня зовут Ашура Этейлисс, я — вторая

дочь правительницы нашей ветви. А… ты? — Ответ прозвучал не сразу, и она обеспокоенно поинтересовалась: — Что-то не так?

— Знатная особа из Лесной страны… — Ей показалось, что слова даются чародею с трудом. Он побледнел и нервно сжимал рукоять своего кинжала. — А я… я — Грей. Просто Грей, наемник. Расскажите, что с вами произошло… ваше сиятельство.

— Пожалуйста, не надо… титул. Ашура, если ты не против. Я так благодарна тебе за помощь! И там, у колдуньи… что она попросила? Это несправедливо, ведь…

— Все в порядке, Ашура. Она попросила то же самое, что и у тебя, первенца. Только я не собираюсь жениться, и детей у меня не будет. Я, как вольный ветер, люблю странствовать. И не хочу обременять себя семьей. Итак, что с тобой случилось?

Она вздохнула и легла рядом, положив голову на передние лапы.

— Ты наемник, и жил рядом с границей. Значит, ты слышал про Спорные земли, расположенные к западу от Альганского леса, — начала свой рассказ Ашура. Грей кивнул, и она продолжила: — Недавно было решено отдать эти земли

в совместное владение людям и чародеям. Но при условии, что это будет именно совместное владение, а не новый раздел с установлением дополнительных границ. Единственный вариант, устроивший обе стороны — это брак… между чародеем и человеком.

— Чародеи тоже люди, — тихо произнес Грей, повторяя слова колдуньи.

— Да, и матушка тоже так и сказала, — Ашура опустила голову. — Вернее, она сказала… мы одинаково устроены, поэтому ребенок будет здоровым. И наш ребенок будет рожденным наследником…

— Так ты?..

— Я — избранная невеста. И я не хочу выходить замуж за чародея! Я его ненавижу! Разве это правильно — ненавидеть мужа? Я написала письмо. Вернее, матушка велела написать. Этого требовала вежливость и… статус жениха. Он — Грегори, младший принц ветви Рошан, королей Долины Чародеев. Только мне удалось подменить письмо перед тем, как матушка его запечатала. Я сообщила принцу, что не хочу выходить за него, потому что не люблю. Ответ пришел быстро. Он прислал мне кольцо и пообещал, — оно избавит меня от этого брака. Я думала, кольцо сделает

меня невидимой и поможет сбежать из дома. А оно… я превратилась в зверя. И меня чуть не убили слуги! Я бежала всю ночь… Было больно, но я бежала, бежала… Было страшно! А потом упала, когда боль стала совсем невыносимой. И ты меня нашел… Я ненавижу этого принца!

— У тебя кто-то есть? Любимый? — поинтересовался Грей. Он сильно нервничал, но Ашура не замечала этого, поглощенная своими переживаниями.

— Ты собиралась замуж за кого-то другого?

— Нет.

— А принц Грегори… Неужели это такой плохой выбор?

— Он же чародей!

— Вообще-то, я — тоже. И ты воспользовалась волшебством, чтобы сбежать, — напомнил Грей, уязвленный ее словами. — Ты на земле чародеев, видимо, границу ты пересекла еще ночью. И только что приняла зелье из рук колдуньи.

— Я… не знаю… правда, не знаю! Это все произошло так быстро… я думала… я хотела… хотела полюбить. А не так… по приказу… Мне было страшно! Я вижу, ты хороший… — Ашура заплакала, отвернувшись. — Но про вас рассказывают страшные вещи! Чародеи могут читать мысли,

управлять людьми… Они используют для волшебства кровь детей…

— О, нет, Ашура… пожалуйста, остановись, — Грей осторожно погладил холку. — Не надо плакать, я… я могу тебя понять. Хотя все ваши страхи — это не более чем сказки. А ты — маленькая глупая девочка…

— Превратить меня в зверя — это разве хороший поступок? А если бы… если бы ты прошел мимо? И как ты вообще понял, что я — не зверь?

— В нашем мире не водятся такие звери, — улыбнулся Грей, но потом стал серьезным. — Ты права, это был очень плохой поступок. Но я тут, и с тобой все в порядке. И сейчас мы отправимся прямо в замок короля, и он вернет тебе твой истинный облик. А потом принц Грегори лично попросит твоей руки, и я обещаю тебе, если ты ответишь отказом, свадьбы не будет.

— Я не понимаю, как ты…

— Поймешь. И очень скоро, — он перебил Ашуру, решительно поднимаясь. — Приготовься, это не страшно, но… необычно. Переход, — объяснил он в ответ на ее недоуменный взгляд. — Тебе нужно просто довериться мне.

— Я… постараюсь.

Вокруг них вспыхнуло огненное кольцо, Ашура

дернулась, но Грей крепко обнял ее за шею, прижимая к себе. На мгновение ей показалось, что она парит в воздухе, а потом пламя исчезло. Пропал и зимний лес. Они находились в комнате без окон и без дверей, как будто высеченной внутри огромного камня.

— Портальный зал, — коротко пояснил Грей, направляясь к стене. — Не отставай.

Ашура поразилась, как он изменился. Резкие, решительные движения, голос с толикой едва сдерживаемой ярости. И все же она чувствовала, что эта злость направлена не на нее. А от внезапной догадки стало трудно дышать.

Грей провел рукой вдоль камня, и часть стены словно отъехала в сторону. За ней обнаружился длинный коридор, заканчивающийся лестницей. Пара пролетов, снова коридоры, повороты, залы. Оба шли молча и быстро: Ашура решила не задавать вопросов, а чародей не торопился с объяснениями. Попадающиеся на пути слуги отступали в сторону и склонялись в почтительном поклоне.

Наконец, Грей ворвался в комнату, где их ждали. Именно ждали, в этом не было никаких сомнений. В небольшой гостиной находились двое: мужчина и женщина, и они не выказали ни

малейшего удивления или недовольства, увидев Грея и зверя.

— Кажется, ты хотел меня видеть, отец?!

— Матушка?!

В отличие от Грея, который определенно знал, где искать своего отца, Ашура не ожидала встречи с матерью и невольно попятилась к выходу, полагая, что ничего хорошего ей это не сулит.

— Ты не очень-то спешил на эту встречу.

В словах короля чувствовалась ирония, но Грей ее не замечал.

— Я вообще не пришел бы, если бы ты не зачаровал эту девушку!

Теперь стало понятно, кому предназначалась ярость.

— Это сделала я, ваше высочество.

Ашура не поверила своим ушам.

— Мама?!

— Да, я. Конечно, зачаровывала кольцо не я, но получила ты его от меня.

Внешне женщина казалась спокойной, однако ее волнение выдавали пальцы, отбивающие неслышную дробь по мягкой обивке дивана.

— Но почему…

— Потому что ты этого хотела! Тебе нужен был собственный выбор, и я всего лишь преподала

тебе урок. — Она не выдержала и встала, продолжая отчитывать дочь. — Тебе не понравилось мое решение? Приятно грезить о прекрасном, сидя у себя в комнате? А реальная жизнь куда суровее, чем ты думаешь! Ты бы провела в этом теле достаточно времени, чтобы захотеть вернуться домой. И это было бы твое решение! Но тебе повезло! И суток не прошло, как ты уже встретила своего спасителя, и…

— Прошу прощения, что перебиваю вас, леди Этейлисс, но девушке пора вернуть ее истинный облик, а потом мы вместе обсудим, что нам делать дальше, — вмешался король. — Вы знаете, в соседней комнате приготовлена одежда…

Ашура послушно ушла вслед за матерью.

— Так это не было подстроено, отец? — спросил младший чародей, когда они остались одни. — Я встретил ее случайно?

— А тебя кто-то заставлял идти туда, куда ты шел? — горько спросил старший. — Ты же всегда сам принимаешь свои решения. Я просил тебя вернуться домой, а ты отправился на земли людей. А если бы тебя схватили? Твоя невеста понятия не имела, как ты выглядишь, а стражникам Инквизиции твой портрет, наверное, снится! После всех этих «подвигов» на границе.

— Поэтому я и шел лесной тропой. Я хотел увидеть ее, прежде чем…

— Прежде чем решить, каким способом избежать этой женитьбы.

Отец в упор посмотрел на сына, и в этом взгляде не было ни упрека, ни злости, но Грей не выдержал и потупился.

— Да, скорее всего, — признался он.

— Ты спрашиваешь, не подстроил ли я вашу встречу. Честно говоря, я не знаю. Это я дал ее матери кольцо, по ее просьбе. Тебя, возможно, удивляет, что мы вас тут ждали. Так ты сам привел девушку к своей тетке Вэлиане. Она и сообщила мне обо всем, как только вы от нее ушли. Ты же знаешь, это несложно.

— Она тоже как будто ждала нас.

— Поэтому я и сказал тебе, я не знаю, было ли вмешательство в вашу судьбу. Скорее всего, Вэлиана просто видела, что так оно и будет, но утверждать я не могу.

— И что теперь?

— Что теперь?! Хотел бы я знать… Я полагаю, нет смысла рассказывать тебе о тонкостях политики и напирать на твое чувство долга?

Грей отрицательно покачал головой.

— Я так и думал…

— Я сделаю ей предложение, отец. Но если она не захочет…

— Если она не захочет, тебе придется жениться на другой. Королем Спорных земель будешь ты, вопрос лишь в том, кто будет твоей женой.

— Да, отец.

— Вэлиана постаралась? — с сомнением спросил король, не ожидающий от сына такой покорности.

— Не имеет значения. Но тебе придется искать другую невесту… Ашура мне откажет.

— Почему ты так думаешь?

— Я ее обманул. И она нас боится… нас, чародеев. Ненавидит меня. Она откажет.

— Посмотрим…

Он замолчал, потому что в комнату вернулись женщины. Ашура держалась позади матери и прятала заплаканные глаза, но в остальном была безупречна. Никто не смог бы сказать, что всего лишь несколько минут назад она была зверем. Грей впервые видел свою невесту в человеческом облике и не мог не отметить, как она красива, хотя это было уже неважно. Он решил как можно скорее покончить с неизбежным и шагнул к девушке.

— Ашура… Я обещал тебе, что принц Грегори

лично сделает тебе предложение, — тихо произнес он, избегая смотреть ей в глаза. — Ты уже знаешь, это я. Ты выйдешь за меня замуж?

— Да.

Грей так удивился, что не смог этого скрыть. Ашура вспыхнула от стыда, когда поняла — она ошиблась, и Грей ждал отказа. Но слово уже было сказано.

В следующий раз они встретились уже на свадьбе. Несмотря на то, что Грей был всего лишь младшим принцем маленькой страны, а Ашура и вовсе обладала средним по значимости титулом, их бракосочетание стало громким событием для всей Империи. Уже мало кто помнил, что когда-то Спорные земли назывались Озерным краем, но теперь, после многолетней войны, туда возвращались король и королева.

Церемония была долгой и красивой, однако жених и невеста только притворялись счастливыми, и оба с облегчением вздохнули, когда остались одни.

— Надеюсь, наш брак будет чисто формальным! — Ашура поспешила первой начать разговор, чтобы поскорее решить вопрос, мучивший ее с того самого времени, как она узнала, кто такой Грей.

— Вот как? — Чародей устало опустился в кресло, стараясь не смотреть на молодую жену, отгородившуюся от него подушками в самом углу огромной супружеской кровати. — Ты могла бы не соглашаться на мое предложение, если я так тебе противен. Ведь я обещал, что никто не будет тебя принуждать.

— Я думала, мы сможем стать друзьями, — смущенно призналась Ашура, теребя угол подушки. — Ты сказал, что любишь свободу, а я могу оставить ее тебе. Мы могли бы притворяться, для других. И быть свободными друг от друга. Прости, я не поняла, что ты хочешь иного…

— Если уж мне суждено иметь жену, то я бы хотел, чтобы она меня, по крайней мере, не боялась, — вспылил Грей, поднимаясь. — От нас будут ждать детей, поэтому друзьями остаться не получится. Но, — добавил он мягче, заметив, как Ашура сжалась под его взглядом, — принуждать я тебя не буду. Утром можешь сказать, что я ушел после того, как исполнил супружеский долг. А потом… видно будет.

И он исчез в огненном кольце телепорта.

До самого утра девушка плакала, то немного успокаиваясь, то снова впадая в отчаяние. С того самого дня, проведенного в облике собаки,

ее мучило чувство вины. Грей постоянно присутствовал в ее мыслях. Сначала она со стыдом вспоминала о своих глупых словах, потом, с благодарностью — об искренней заботе принца, и с сожалением — о его обещании, данном колдунье, ведь теперь оно лишало ее возможности стать настоящей женой и зачать ребенка. Первой брачной ночи она боялась больше, чем — когда-то — чародейства. Боялась и, как оказалось, ждала. И теперь она знала, почему разочарование стало таким горьким.

Утром в спальне появилась леди Этейлисс и сразу же поинтересовалась, отчего это дочери такое опухшее от слез лицо. Она отмахнулась от невнятных оправданий Ашуры и, в свойственной ей жестокой манере, заявила:

— Вот к чему привели все твои грезы о любви! В первую же ночь муж тебя бросил! Ашура, ты глупа. Все, что от тебя требуется, это родить ребенка, которого я воспитаю как…

— Нет!

Впервые Ашура повысила голос в присутствии матери, и та изумленно замолчала.

— Нет! — решительно повторила девушка. — Если у меня будет ребенок, то я сама буду его воспитывать, в любви, а не в страхе.

— Что? Ты заявляешь мне, что я тебя не любила?! Я столько сделала для тебя… Ты теперь королева! Разве это не любовь?!

— У нас с тобой разные представления о любви, матушка. Но я навсегда запомню твои уроки. И благодарна тебе за них. Особенно за последний, когда твоей волей я стала зверем. Когда, раненая стрелой и обезумевшая от страха, бежала сквозь ночь в никуда. Когда меня нашел, пожалел и согрел лаской тот, кто теперь стал моим мужем. Потому что тогда я впервые узнала, что такое забота. А потом… — Ашура замолчала, не решаясь произнести слова, рвущиеся из самого сердца. — Нет, неважно.

— Чары кольца защищали тебя от смертельных ран…

— Неважно, матушка! Ты права, я теперь — королева. Это мой замок. И я желаю остаться одна!

— Ну что же, — мать оценивающе посмотрела на дочь, прежде чем выполнить ее приказ, — возможно, ты не такая уж и глупая, как я думала… ваше величество.

Остаток ночи Грей провел на конюшне, а едва рассвело, уехал из замка, оседлав своего коня. Он корил себя за глупую надежду, которой поддался в тот день, когда Ашура согласилась стать его

женой. Он так удивился и растерялся, когда она ответила «да», что не сразу смог объяснить, как он на самом деле рад взять в жены именно ее. Ведь от женитьбы было уже не отвертеться, а Ашура понравилась ему своей искренностью и кротостью. Проверни с ним кто-то из родных то, что мать устроила дочери, и он в замке камня на камне не оставил бы! Пусть даже в переносном смысле. Ожидая дня свадьбы, он представлял себе тот момент, когда они останутся одни, и он наконец-то сможет признаться ей в своих чувствах. А она отвергла его, не дав ни малейшего шанса.

Погруженный в невеселые мысли, Грей не заметил, как пересек границу своих владений. Он толком и не знал, куда едет, позволив коню идти, куда тому вздумается. За рассеянность он поплатился тем, что оказался в окружении незнакомых людей, угрожающих ему оружием. Он мог избежать плена, но не захотел.

Целый день Ашура ничего не слышала о муже. Новости о Грее пришли неожиданно, и были они, мягко говоря, плохими.

— Я ничего не могу сделать! Ничего! — отец Грея мерил шагами комнату, отшвыривая мебель, попадающуюся ему на пути. — Какого дьявола он снова полез на границу! Зачем он позволил этим

вашим фанатикам схватить себя!

— Он повернулся к Ашуре и указал на нее пальцем, как будто это она была во всем виновата. Впрочем, она-то знала, что так оно и есть. — И не смей мне возражать! Это фанатики, которые погрязли в своей дремучести!

— Да, я согласна с вами… — она с трудом заставила себя ответить, горький комок в горле мешал говорить. — Но что же нам делать?

— Понятия не имею… — король внезапно успокоился и даже сел рядом с невесткой. — Ашура, он достаточно силен, чтобы уйти от тех, кто его пленил. Только мне кажется, он не хочет. Что между вами произошло? Неужели, он тебе совсем безразличен?

— Я его люблю, — внезапно призналась девушка и заплакала.

— Тогда я вообще ничего не понимаю, — король обхватил голову руками. — Ты его любишь, он тебя любит. Зачем он это сделал?!

— Он? Нет, он — нет, — всхлипнула Ашура.

— О, не говори ерунды! Я прекрасно знаю своего сына. Вся эта мнимая покорность… Да он никогда бы не изменил своим принципам, если бы не полюбил тебя! Честно говоря, я не думал, что из этого брака получится что-то хорошее. Чистая

политика. Но раз уж вы поладили…

— Нет, не поладили.

— Погоди, — догадался король, — он не говорил тебе о своих чувствах?

— Нет.

— А ты — ему?

— Нет…

— Тогда понятно, почему он сдался в плен, — мрачно сказал король.

— А если я попробую… И теперь, когда Грей — король Озерного края, это же нарушение договора?

— Все так, но на дипломатические переговоры нет времени, они уже почти в самом сердце Альганского леса. Ты же знаешь обычаи своей страны!

— Да… казнь любого чародея, нарушившего границу. Там, в центре леса…

Ашура рванула воротник платья, задыхаясь от бессильного отчаяния. — Как мне их остановить?!

— Он бы вернулся, если бы ты его позвала.

— Как? Научите меня, пожалуйста!

— К сожалению, обучить чародейству так быстро я тебя не могу, — покачал головой король, — но есть кое-что, тебе знакомое. Вот… — на раскрытой

ладони он протянул ей кольцо. — Тот зверь … он очень быстро бегает. Он бы… успел.

— Он успеет, — пообещала Ашура, — только покажите ему, в какую сторону бежать. У меня еще не было времени изучить окрестности.

Когда огромная собака скрылась из виду, король тяжело вздохнул и переместился в лесную избушку.

— Надеюсь, теперь ты довольна, Вэль, — сказал он, опускаясь в кресло напротив сестры, которая что-то вязала.

— Это наша надежда, брат, — ответила колдунья, не отрываясь от рукоделья. — Ты же знаешь, это противостояние затянулось, оно всем во вред. Империя поглотит нас, людей и чародеев, если на наших землях будет продолжаться междоусобица. Эти дети — наша надежда на мир… Они полюбили друг друга, а любовь — это очень сильное волшебство.

— Дети надежды… — задумчиво произнес король. — Пусть они будут счастливы.

Сидя на берегу лесного озера, Грей размышлял о том, куда ему податься. Сдавшись в плен, он некоторое время провел, упиваясь своими страданиями, но потом ему это надоело. И вот теперь, совершенно свободный, он выбирал между воз-

вращением домой и путешествием по Лесной стране. Последнее, как он полагал, помогло бы ему лучше понять свою жену. Возможно, тогда она перестала бы его бояться.

Громкий визг, полный боли и страха, заставил его подскочить. Собака плакала совсем рядом, и он помчался на помощь.

На этот раз она действительно попала в капкан, и он радовался, как маленький ребенок, что может быстро помочь: освободить лапу, снять боль, залечить рану.

— Ашура, это снова ты, — сказал он, когда все было позади.

Она кивнула, не спуская с него глаз.

— Погоди… Как ты тут оказалась?

— Мне сказали, ты в плену. Твой отец дал мне то самое кольцо. Я думала… Он думал, ты не хочешь возвращаться. Но я вижу, у тебя все в порядке?

— Теперь — да. Я действительно… Ашура, ты… Ашура, я тебя люблю. О, нет… что это?!

На месте зверя теперь стояла обнаженная девушка.

— Это я. — Несмотря на абсурдность ситуации, хотелось смеяться. — Нет, ну ты же видишь, что это я, да?

Завернувшись в плащ мужа, Ашура потребова-

ла, чтобы они немедленно вернулись домой.

— Твой отец пообещал, истинный облик вернешь мне ты, сказав какие-то слова, но я не думала, что это будет так… — объяснила она позже, когда они уже были в замке. — Может быть, ты меня отпустишь? Мне надо одеться.

Они сидели в кресле, в собственной спальне. Грей держал ее на коленях и прижимал к себе, обнимая.

— Нет.

— Что — нет?

— Нет, не отпущу. Нет, тебе не надо одеваться.

Ашура все еще куталась в плащ, но готова была признать, — ей становится жарко.

— Но я не отдам своего ребенка той колдунье. Пусть она ему хоть трижды бабка! — решительно заявила она, отчего Грей застыл в непритворном изумлении.

— Что?

— Разве ты забыл? Ты дал слово той колдунье, в лесу. Вэль. Что отдашь ей своего первенца. Но это же будет и мой ребенок.

— О, нет! Ты запомнила эту глупость? Прости меня… — Грей с трудом сдерживал улыбку. — На самом деле я пообещал ей стать королем Озерного края. — И заметив, как жена меняется в

лице, быстро добавил: — Мы оба вели себя глупо, правда?

— Я тебя люблю, — сказала Ашура и поцеловала мужа.

Дана Арнаутова
СВЕТ ЛУНЫ В ТВОИХ ГЛАЗАХ

Плыл в теплом вечернем воздухе вкусный запах от жаровни, на которой вертел шампуры с крупными кусками ягнятины босоногий мальчишка, одетый только в потрепанные штаны. Рядом, на другой жаровне, шипели на плоских сковородах куски курицы, кипел в медной кастрюльке острый перцовый соус, доходя до готовности и заставляя морщиться от наворачивающихся слез тех, кто оказался слишком близко. Стучали о деревянные столы донышки кувшинов и глиняных стаканов, звенела медь, переходя из рук в руки и падая на стол, всплесками поднимался и опадал шум голосов, смеха, окликов. Харуза гуляла. В полнолуние харчевни всегда полнее обычного: лунный свет поможет добрести до дома даже тому, кто изрядно нагрузился дешевым фарсийским, дорогим суранским или крепчайшим, независимо от ценности лозы, арубийским. Желтое чинское, алое рушское, светло-зеленое ханумайское — в харчевнях Харузы подают вино со всех концов шахства, а шахство раскинулось

на весь континент, от моря до моря, и встретить здесь, в столице, тоже можно кого угодно.

Этого, в темно-зеленом плаще, Фархад заметил сразу. Среди завсегдатаев недорогой харчевни юноша выделялся, как дорогой перстень, случайно попавший среди дешевых побрякушек рыночного разносчика: статью, легкой походкой, жестом ухоженной руки, откинувшей капюшон длинного просторного плаща. Правда, почти сразу парнишка накинул его снова, но Фархад успел заметить и блестящую прядь, выбившуюся из искусно заплетенных волос, и тонкий изящный профиль, и то, как неловко пришелец прячет кошелек, положив перед хозяином харчевни вызывающе блеснувшую желтым монету. Кто же показывает золото в таких местах? Да, на поясе кинжал, но издалека видно, что красавчик не из тех, кто переплавляет звон стали в звон золота, как изволил выразиться ир-Джайши в поэме «О мечах и розах». Проще говоря, он отнюдь не из тех, кто может защитить себя сам. И если на улице не ждет охрана…

Хозяин харчевни покачал головой, неуловимо быстро сгребая золото, сказал что-то — и юноша вскинул голову, дернул плечом, стиснул ладонями ворот плаща, кутаясь в него, словно повеяло

холодом, а потом опустил голову и шагнул от стойки, даже не взглянув на харчевника. Побрел к выходу, глядя под ноги. Лучше бы смотрел по сторонам — туда, где из угла его провожали взгляды тройки оборванцев, уже час сидящих за одним-единственным кувшином.

Фархад вздохнул. Что ему за дело до богатого дурачка, которому не судьба добраться до дома, не расставшись с золотом? Явно не последнее отберут. Но хорошо, если просто сорвут кошелек и серьги, блеснувшие из-под капюшона. Вздумает закричать, сопротивляться — и лезвие войдет под сердце: мертвого обобрать проще.

Хлопнула дверь, за которой скрылся темно-зеленый плащ, а несколько мгновений спустя из шумной харчевни выскользнули те трое… Фархад еще раз вздохнул, смиряясь с тем, что вечер выдался неспокойный. Бросил на стол монетку за так и не съеденный плов, поправил перевязь ножей под легкой курткой. Да, обычно он в такие дела не вмешивался, но тут отчего-то стало жаль паренька.

На улице было тихо. Только огромная луна заливала мостовую и притихшие дома мягким светом, и от него ложились под ноги длинные тени, словно узоры в огромной чародейской книге.

На перекрестке Фархад огляделся, ругая себя, что вышел слишком поздно — и тут же слева, в узком проулке, послышался крик.

Они, конечно, были там. И нужен им был не кошелек, потому что обычные грабители не ходят на охоту с прочной шелковой сетью: тонкой, незаметной под плащом или под курткой, мгновенно разворачивающейся в броске. Одного красавчик успел полоснуть: худой плешивый сангарец зажимал ладонью набухший кровью рукав. Молодец мальчишка! Но теперь он, опутанный сетью, бился на земле, а еще двое деловито стягивали веревки, пеленая парня по рукам и ногам.

Тот, кто баюкал раненую руку, успел поднять голову и удивленно глянуть, когда Фархад вышел из тени стены. А больше он ничего не успел — осел на мостовую с ножом в горле. И второй — тоже, ведь ножа у Фархада было два. А вот для третьего пришлось достать ятаган. Третий оказался хорош! Едва обернувшись, отпрыгнул в сторону, выдернул из ножен кривой клинок, хищно блеснувший в свете луны. Кто бы ни платил этому ловцу людей, деньги он отдавал не зря. Удар! Выпад! Обвод… И снова удар! Он был левшой, этот третий, умелым и опытным бойцом, а Фархад вовремя подумал, что надо бы

взять живым, чтобы спросить… Но луна сегодня не благоволила третьему. Выпад — и сандалия на мягкой бесшумной подошве скользнула в луже крови. Фархад не успел отдернуть клинок — острие вошло в плоть с тихим хрустом — и сразу стало понятно, что на вопросы третий не ответит.

Хмыкнув, Фархад пожал плечами, подобрал ножи, вытер их и ятаган о плащ того, кто первым поймал горлом его нож. Подошел к притихшему пленнику и, примерившись, полоснул ятаганом от верха до низа кокона. Убрал оружие в ножны, чтоб не напугать, и сдернул обрезки веревок, услышав тихое ругательство. Освобожденный дернулся, сидя на мостовой, посмотрел ему в глаза снизу вверх, зло и недоуменно — и Фархад понял, что не зря испачкал клинки.

У неё и в самом деле было тонкое лицо с чеканными чертами урожденной харузки. Чистая, золотисто-смуглая кожа. Длинные ресницы — погибель сердец, брови, словно выписанные кистью, чуть припухшие губы. Глаза то ли синие, то ли зеленые — в темноте не разобрать. Пряди растрепавшихся волос вились смоляным шелком… Фархад усмехнулся, глядя прямо в настороженные глаза.

— Разве можно ходить без сопровождения мужчины в этой части города, да еще и золото показывать? Благодарите богов, что я успел вовремя.

— Благодарю богов и вас, достойный господин…

Не закончив, девушка закашлялась, вздохнула судорожно. Сплюнула на землю что-то темное. Фархад пригляделся: слюна окрашена то ли кровью, то ли чем-то темным. Неужели…

— Вы ранены?

Он шагнул вперед, опускаясь рядом на колено, но так, чтобы видеть обе стороны переулка. Девушка помотала головой.

— Нет… Они… что-то кинули мне в лицо — я вдохнула и…

— Пыльца синего лотоса, — отозвался Фархад, получше разглядев слизистый комочек. — Ничего страшного. Хотели затуманить вам рассудок, чтоб меньше сопротивлялись. Ее действие быстро проходит.

Про себя подумалось, что троица была не простыми грабителями. Синий лотос недешев. Но и такая красавица на рынке рабов будет стоить целое состояние. Или рассчитывали на выкуп от родных?

Осмотрев мостовую, Фархад подобрал отличной выделки кинжал, оброненный спасенной, подал девушке рукоятью вперед.

— Голова не кружится?

— Н-нет, — неуверенно сказала спасенная, на удивление привычным движением сунув кинжал в ножны и пытаясь подняться на ноги.

Получалось у нее это с трудом, но Фархад, разумеется, помог, с удовольствием вдохнув незнакомые дорогие благовония. Плащ остался на земле, и теперь было видно, что отбитая у разбойников добыча одета в рубашку и штаны из тонкого хлопка, новые, отлично сшитые. Забавно… Явно ребятки знали, за кем шли.

— Не знаю, как и благодарить вас, доблестный воин, — пробормотала девушка, делая шаг.

И, конечно, наступила в лужу крови, в которой уже виднелся один след. Отдернула ногу, вцепилась в плечо Фархада — замерла, странно всхлипнув. Почти сразу же качнулась в сторону, старательно отводя взгляд от тел на мостовой.

— Прости-ите, — шепнула, опустив голову.

Фархад, все еще не понимая, глянул вниз. Тела… Трое… Знает она их, что ли? Или только сейчас поняла, в какую переделку угодила? Бывает и такое…

— Простите, — чуть громче повторила спасенная. — Я… не могу… кровь…

Фархад, наконец-то сообразив, хмыкнул, протянул ладонь, за которую девчонка с явным облегчением уцепилась, и вывел из кровавых разводов на мостовой. Вот ведь… ножом владеет, но нежная. Такой ли гулять по трущобам с полными карманами — вон, как тянет вниз кошелек на поясе — и без охраны.

— Да благословит вас небо, — выдохнула она, оказавшись на чистом булыжнике.

Фархад остановился там, где лунные лучи падали свободно и ярко, бесцеремонно заглянул в лицо спасенной, оценил стремительно бледнеющую кожу и губы. То ли вдохнула лотоса больше, чем показалось, то ли ударилась, пока билась в сетях, но на ногах держится еле-еле. Кликнуть паланкин? Где его взять в таком месте?

— И что же мне с тобой делать? — подумал вслух Фархад, уже зная ответ.

— Мне так жаль… — пробормотала девушка. — Я живу на восточной стороне. Если вы мне поможете…

Точно, из высокородных: кто еще может позволить себе жилье в Восточной Харузе? Но добираться туда сейчас…

— Вряд ли я найду паланкин, — мягко сказал Фархад. — Только не здесь, да еще ночью. И пешком вы не дойдете.

Помолчал немного, чтобы высокородная глупышка все осознала, и продолжил спокойно и насколько мог равнодушно:

— В харчевне есть комнаты. Если вы мне доверяете, давайте вернемся туда. Переночуете, а утром я найду паланкин, если вам не станет лучше.

— Кажется, мне послали вас светлые боги, уважаемый, — попыталась улыбнуться девушка. — Доверяю ли я? Вы уже спасли мне жизнь…

В другое время Фархад непременно сказал бы, что это еще ничего не значит. Можно спасти жизнь, а через несколько минут сделать так, что спасенный проклянет спасителя… Но сейчас вести лишние разговоры не было времени. Так что он просто приобнял опирающуюся на него девушку за плечи и повел в харчевню, стараясь попадать в такт неровным шагам.

Хозяин, тот еще пройдоха, завидев их вместе, сделал удивленные глаза, но ключ от комнаты выдал сразу, почуяв, что можно поживиться если не от Фархада, то уж точно от высокородной госпожи. Лично проводил их до двери и осведо-

мился, подать ли достойный ужин, а еще ему привезли совершенно особенное ханумайское, прекрасное, как первый поцелуй юности…

— Таз подай, чистую ветошь и кувшин теплой воды, — бесцеремонно прервал его Фархад. — А ужин и вино через пол-стражи.

Захлопнув перед толстым носом хозяина дверь, он помог девушке сесть на постель, осторожно стянул плащ. Тронул пальцем рукав тонкой рубашки, на глазах пропитывающийся кровью. Второе красное пятно расплывалось на боку. Значит, там, в переулке, Фархаду не показалось.

— Давайте-ка посмотрим, что тут у вас, — мягко сказал Фархад, гадая, не хлопнется ли высокородное чудо в беспамятство от вида крови. Но девчонка только покосилась на испачканную рубашку и решительно закатала рукав. Когда Фархад, забрав у слуги таз и кувшин, вернулся от двери обратно в комнату, оказалось, что все не так уж страшно. Тонкую смуглую кожу на предплечье пересекала пара глубоких царапин, и Фархад, намочив чистый мягкий лоскут, осторожно стер кровь. Глянул на упрямо сжатые губы и бледноватое все же лицо, ободряюще улыбнулся.

— Ничего страшного, — сказал негромко, смочив еще один лоскут и садясь рядом. — Вот,

вытрите лицо. Как ваше имя, госпожа?

— Наргис, — отозвалась спасенная, без всякого жеманства вытирая мокрой тканью сначала лицо, а потом, приподняв край рубашки, и бок. — Наргис ир… — и запнулась.

Одернув рубашку, глянула смущенно, и Фархад усмехнулся:

— Не хотите — и не надо. Имени вполне достаточно. А я Фархад. Просто Фархад.

Склонив голову набок, Наргис рассматривала его удивительно яркими зелеными глазами, на смуглом лице сиявшими, куда там изумрудам. Улыбнулась, показав дивные ямочки на щеках, глаза еще ярче просияли изнутри, так что сердце Фархада стукнуло с перебоем, и он с удивлением понял, что затаил дыхание.

Нет, это все луна виновата. Подумаешь — красивая холеная девочка. Да, девочка, хотя на вид лет восемнадцать-двадцать. Потому что явно жизнь её только баловала и нежила: те, к кому она неласкова, не улыбаются незнакомцам так искренно, словно ничего плохого случиться просто не может.

— Представляю, что вы обо мне думаете, господин Фархад, — сказала вдруг Наргис с неожиданной серьезной простотой. — Богатая дурочка

сунулась в опасное место, не понимая, чем все может обернуться. А теперь вот…

Она вздохнула, комкая в красивых длинных пальцах мокрый лоскут, и Фархад мельком заметил след от перстня на указательном пальце. Значит, наследница. И явно род из знатных, если побоялась, что родовую тамгу узнают даже в обычной харчевне. И даже не совсем дурочка, если хватило соображения снять перстень.

— Ничего я не думаю, — пожал плечами Фархад, забирая лоскут и тоже вытирая кровавый след на пальцах. — Мало ли что вам нужно было. Не везде можно послать слуг.

— Я искала… одного человека, — выдохнула Наргис, запрокидывая голову и очень внимательно глядя на трещины плохо мазаного потолка. — И вы правы, господин Фархад, слуг за ним посылать было нельзя. Да и самой пойти…

Она беспомощно пожала плечами, показавшись моложе и совершенно беззащитной. Фархад вздохнул. Что за мерзавец заставил девчонку гоняться за ним по таким местам? Интересно, родичи высокородного чуда знают, где её носит? Что ж ты такая глупышка, девочка?

— Вовсе не обязательно звать меня господином, — сказал он вместо этого вслух. — Я обычный

наемник и бродяга, кормлюсь клинком. А этот человек хотя бы знает, что вы его ищете?

— Хороший вопрос, — сказала Наргис с усталой отстраненностью. — Знает, наверное. Он про меня все знает, только… Ладно, неважно. Его очень долго не было в городе, а расстались мы не слишком хорошо. И вот мне говорят, что он вернулся… Понимаете?

— Понимаю, — кивнул Фархад, вставая и открывая дверь хозяину, мнущемуся на пороге с подносом. — И вы, значит, кинулись его искать? Он живет неподалеку?

Наргис неопределенно пожала плечами, мельком глянув на поднос и снова принявшись изучать потолок. Потом будто нехотя разомкнула губы:

— Живет он в Старом городе, в гостинице. А здесь иногда бывает, именно в этой харчевне. Уж и не знаю, зачем. Вообще-то, он целитель. И маг.

Фархад невольно скривился, ставя поднос на стол у окна. Маги — подлейшие из людей. Точнее, беда в том, что обычных людей они считают за говорящий скот, а настоящими людьми — только себя. Похоже, красавица Наргис, несмотря на высокий род и звенящее в карманах золото, влипла куда сильнее, чем может представить.

Интересно, кто ей этот маг? Неужели любовник?

Большинство магов, которых он встречал, были стариками, уродами или тем и другим вместе. Зачем красавцу идти в маги, у него и более приятные дела найдутся. Представить Наргис рядом со старым горбуном никак не выходило, хотя если колдун приворожил девчонку… Но зачем Фархаду чужие хлопоты?

Он тоже пожал плечами, спокойно сообщив:

— Не люблю магов, уж простите. Подлый они народ, все как один.

Повернулся, испытующе глянув на Наргис, ответившей вдруг лукавой усмешкой:

— Вот и он так говорит. Что магам верить нельзя, а ему — меньше всех.

И улыбнулась с такой щемящей нежностью, что даже до Фархада докатился всплеск тихой, уже привычной тоски пополам с не желающей сдаваться надеждой.

— Наргис, — сказал Фархад дрогнувшим от внезапной жалости голосом, — стоит ли он того? Если оставил тебя одну, если не желает показываться на глаза и заставляет бегать за собой, как…

— Собачонку, — спокойно закончила она, двигаясь от края кровати так, чтоб опереться спиной на стену. — Все я понимаю, господин Фархад.

Только это неважно. Правда — неважно. Простите, что слишком много болтаю, устала что-то…

Странный у них разговор получался. Высокородная девушка звала его, якобы простого наемника, господином, а у Фархада вежливое обращение уже никак не хотело слетать с языка. Наргис… На местном языке — светлячок. И вправду светлячок: вон как глаза лучатся. И кожа золотистая, как драгоценное стекло лампы, наполненной изнутри сиянием чистейшего пламени. Ох, Наргис, свет очей моих, откуда же ты взялась такая, что и отпускать не хочется. А хочется поймать это пламя в ласковые ладони, да проверить — обожжет ли?

Словно догадавшись о его мыслях, девушка посмурнела, накинула на плечи тонкое покрывало с постели, кутаясь, будто озябла. Посмотрела в глаза Фархаду потухшим взглядом, потом и вовсе опустила глаза.

— Ты бы поела, — негромко сказал Фархад. — И глоток вина не помешает. Хозяин для такого случая нашел что-то получше обычной отравы.

Наргис старательно улыбнулась шутке, растягивая бледные губы, неуверенно кивнула. Пояснила тихо, по-прежнему не поднимая взгляд:

— Благодарю, я не голодна. Вот разве что вина…

Немного.

— А много и не стоит, — согласился Фархад, придирчиво осматривая бутылку. Вроде сургуч на горлышке родной, печать не смазана. Хотя местные умельцы заправляют вино сонным зельем или еще какой дрянью с таким искусством, что нипочем не распознаешь, пока не отравишься. Ладно, придется проверить по-своему.

Он ножом вскрыл бутылку, плеснул вина в пару глиняных, на удивление чистых стаканов, пригубил, покатав на языке и прислушавшись к тому, что говорило чутье. Никакой опасностью вино не пахло и на вкус не отдавало. И неплохое, кстати.

Шагнув от стола и сев на кровать от Наргис на вполне приличном расстоянии, подал стакан, и девушка без тени сомнения поднесла его к губам. Вот ведь и вправду дитя наивное. А будь Фархад в сговоре с хозяином таверны? Внутри снова плеснуло злостью на неизвестного мага, из-за которого этот светлячок зеленоглазый того и гляди вляпается в какое-нибудь дерьмо по-настоящему.

— Вкусно, — отстраненно проговорила Наргис, делая еще глоток с трудом, будто у неё ком в горле стоит. — Благодарю, господин Фархад. Мне очень

неловко пользоваться вашим великодушием и причинять хлопоты.

Допив, она так и осталась сидеть со стаканом в руках, глядя в пустоту, и Фархад подумал, что девчонка в самом деле вымоталась. Только сейчас, похоже, поняла, что в переулке избежала не лучшей судьбы. Вот, кстати, переулок и ловцы людей…

— Наргис, — окликнул он зябко кутающуюся в одеяло девушку. — В переулке ведь были не простые грабители, а кто-то иной. Они тебя похитить хотели, а не просто ограбить, понимаешь?

— Понимаю, — спокойно отозвалась она, глядя мимо. — Не совсем же я дура, господин Фархад. Грабители… они другие. Не беспокойтесь, мне бы только до дому завтра добраться, а там уж найдется, кому Харузу перевернуть. И если вы позволите мне выразить благодарность более весомо, чем обычные слова…

Она все-таки подняла глаза, глядя вопросительно, и Фархад покачал головой.

— Не позволю, — отозвался с ленивой усмешкой. — Я это делал не за золото. И от такого пустяка точно не разорюсь.

— Как скажете, — кивнула Наргис. — Тогда пусть хранят вас все благодатные боги, велико-

душные к странникам.

Голос прервался, и Фархад понял, что девчонка изо всех сил сдерживает слезы. Ох, чтоб тебя… Он неловко протянул руку, сам удивляясь, что прямо сейчас не хочет ничего, кроме как просто утешить. Прикоснулся к плечу под грубой шерстью одеяла, уронил ладонь на спину.

Наргис качнулась к нему, как тонкое деревце от яростного порыва ветра, задержала дыхание, а потом резко и сильно выдохнула. В глаза Фархаду она так и не смотрела, и оттого было странно стыдно и неловко сделать хоть что-то из того, мысли о чем роились теперь вовсю.

Поэтому Фархад просто обнял оказавшиеся так томительно близко плечи, прижал к себе, чувствуя легкий запах вина в горячем дыхании девушки. Запустил пальцы в смоляной гладкий шелк, млея от возбужденного предчувствия. И тут же одернул себя: стоит ли? Оказаться заменой на одну ночь, а потом девочка сама будет стыдиться того, что случилось, и, чего доброго, возненавидит того, кто воспользовался её слабостью.

— Что со мной не так? — прошептала Наргис ему в плечо с горьким недоумением. — Он говорит, что я прекрасна. Он защищал меня, рискуя собой, от смерти спас… Почему тогда? Я же ничего

не требую, совсем ничего. Придет — хорошо, не придет…

Голос её оборвался, и Фархад вздохнул, гладя растрепавшийся, все еще душистый шелк волос с невольной нежностью. Прошептал, не зная, как объяснить бедняге, что не всегда складывается так, как хочется:

— Ты и вправду прекрасна. Золотая, теплая, желанная… Может, просто время не пришло. Или он не тот, кто тебе предназначен. Или он просто недостоин тебя.

— Или я — его, — тоскливо отозвалась Наргис. — Ох, Фархад…

И еще один едва заметный всхлип:

— Прости…

— За что? — улыбнулся Фархад, чувствуя, как к нему прижимаются все сильнее, как одеяло сползает с плеч и распахивается рубашка, обнажая горячее тело.

— За то, что все не по-настоящему, — спокойно сказала Наргис, поднимая голову и глядя ему прямо в глаза. — Ты чудесный, знаешь?

— Знаю, — усмехнулся Фархад, помогая одеялу окончательно упасть. — Ничего, девочка, это все луна виновата. Не думай ни о чем. Просто забудь. На одну ночь…

Он склонился навстречу поднятому к губам тонкому запястью, поцеловал алую царапину, скользнув языком рядом с ней по чувствительному местечку на сгибе. Услышал прерывистый вздох, улыбнулся про себя. Глянул мельком в окно: абрикосово-желтая луна уже добралась до ската соседней крыши и теперь нагло заглядывала в окно, выдавая себя потоками яркого, совсем не серебристого, как обычно, света. Встав, сел позади Наргис и так же языком провел вдоль длинной царапины от плеча до поясницы, то ли зализывая, то ли лаская. И еще — по другой: от шеи и вокруг трогательно торчащей лопатки к нежному боку.

— Фархад… — прошептала его случайная добыча тающим голосом. — Прошу…

Скользнула мысль, что это ведь и вправду всего на одну ночь. Завтра Наргис вернется в богатый безопасный дом, где она наследница и наверняка любимое балованное дитя. Завтра начнут искать тех, кто её похищал. Завтра Фархад уедет из города, где и так задержался в поисках неуловимого существа, по следу которого идет так давно. Все это будет завтра…

Он мягко, но настойчиво повернул к себе податливое тело, скользнул ладонями по обнаженной

коже, показавшейся раскаленной, и Наргис глухо простонала что-то невразумительное. Девочка моя золотая. Склонившись и целуя гладкие горячие плечи, Фархад дышал запахом юного тела, легкими благовониями и, почему-то, ароматом абрикосов. Но сливалось все это в одно невыносимое ощущение горячего, млеющего и зовущего. Подавшись навстречу и окончательно покоряясь, Наргис обняла его, вплетя пальцы одной руки в волосы, второй обхватила за пояс.

— Хорошая моя, — шепнул Фархад, — желанная… Не пожалеешь потом?

Девчонка с отчаянным видом замотала головой, ничего не говоря. Да и что тут можно было сказать? Только постараться, чтоб и вправду не пожалела.

Как они оказались лежащими рядом, Фархад и сам не заметил. Все вокруг и внутри него слилось в единый поток расплавленного лунного золота: вкус вина на мягких упругих губах, разметавшиеся по подушке черные пряди, яростное изумрудное сияние полуприкрытых ресницами глаз.

Наргис плавилась и текла, обжигая и нежа этим жаром. Склонившись, Фархад целовал томно выгибающееся тело, ласкал кончиком языка,

дразня напрягшиеся ягоды сосков, нежную кожу на ключицах и ямочку у основания шеи. Потом спустился ниже, ласково, но чувствительно помечая зубами по животу дорожку вниз. Тут же зализал розоватые следы, выгладил пальцами и губами нежное местечко под ребрами, бедра снаружи и изнутри. Приподнялся, глянув на мечущееся в его руках и под жадным ртом тело. Проговорил, сдерживая рвущийся изнутри рык:

— Моя. Сегодня — только моя. Слышишь? Нарр-р-ргис…

Все-таки не удержался, проурчал горлом, перекатывая горячее сладкое имя на языке, как ломтик абрикоса. Лег сверху, накрывая собой, пряча от всего мира, прижался ртом, целуя требовательно и беспощадно. Из-под ресниц, бросающих тень на смуглые щеки, Наргис глянула томно и жадно, прильнула к нему, бесстыдно раскрывая навстречу бедра, приглашая.

Запах абрикоса окончательно потерялся в солоновато-резком аромате возбужденных тел, и это тоже было правильно. Фархад оторвался от распухших под его поцелуями губ, скользнул горячим влажным ртом по шее, приласкал мочку уха, медленно и сильно толкнулся внутрь. Остановился, переждав короткий всхлип, но тут

же Наргис сама подалась к нему, обхватывая за бедра.

— Ещё-ё-ё… — простонала, запрокидывая голову. — Ну же!

Луна окончательно сошла с ума, и, сплетаясь горячими мокрыми телами, всхлипывая и выстанывая что-то непонятное даже им самим, двое тонули в расплавленном лунном золоте, захлебываясь им и друг другом. Потом Фархад смутно вспоминал, что был и второй раз — когда Наргис, повернувшись, встала на колени, раздвинув бедра и прогнувшись гибкой, покрытой каплями пота спиной. И третий — когда, окончательно ошалев, они с упоением мылись из кувшина над тазом, поливая друг другу и превратив омовение в игру, от которой покраснела бы иная блудница. А потом, немыслимо изогнувшись на постели, мучительно долго ласкали друг друга же ртом, достигнув вершины блаженства одновременно… И была сладкая боль истомленного тела, и сытая счастливая усталость, и губы — неизвестно чьи — шепчущие благодарные глупости, потому что нельзя же принимать всерьез все эти клятвы никогда не забыть, никогда, никогда…

Утром Фархад проснулся первым. Долго смотрел на бесстыдно разметавшуюся по постели

девушку, любуясь и давя щемящее сожаление. Прекрасная. Желанная. Чужая. И, словно почуяв этот взгляд и примешавшиеся к нему чувства, Наргис медленно подняла ресницы, посмотрела сначала сонно, потом на глазах пробуждаясь и осознавая.

— Пусть день твой будет прекрасным, радость моя, — мягко сказал Фархад, ожидая чего угодно: брошенных в лицо слов, обвинений, злости…

— И твой, — шепотом отозвалась девушка, не отрывая от Фархада удивленных глаз, будто впервые увидев его. — И твой тоже…

Молча она следила, как Фархад одевается и проводит гребнем по растрепавшимся волосам, связывает их в длинный хвост. Потом, словно спохватившись, потянула свою одежду. Не пряча взгляда, но и не встречаясь им с Фархадом, быстро натянула штаны и обулась, растерянно взглянула на окровавленную рубашку и, встав, накинула плащ, благо тот был с глубоким запахом. Шагнула к окну, отвернувшись от Фархада, и замерла там, глубоко и часто дыша.

Фархад подошел сзади, обнял, прижавшись сильно, до боли. Замер тоже. Так они стояли, пока боль — непонятно чья, разделенная на двоих — не начала отпускать, утекая из напряженных тел.

— Прости, — шепнул Фархад. — Ты чудо. А он дурак.

— Спасибо, — откликнулась она. — Мы еще увидимся? Когда-нибудь.

— Кто знает…

Фархад пожал плечами, не желая лгать. Возвращаться в этот странный город он не собирался, но кто может сказать, куда заведет странника петляющая дорога. Да и зачем обижать?

— Если вернешься, знай, что в Харузе у тебя есть друг, — со спокойным достоинством сказала девушка. — На восточной стороне города любой покажет тебе усадьбу ир-Даудов. Приходи днем или ночью. Если меня не будет, скажи, что ты гость госпожи Наргис, и все, что у меня есть — твое.

— Я запомню, — пообещал Фархад, легко и ласково приникая губами к горячей и почему-то соленой щеке. — Я обязательно запомню, моя золотая лунная девочка. А если я встречу его… которого ты ждешь… как его узнать, чтобы дать пинка?

— Арвейд, — сказала Наргис, и по голосу Фархад понял, что она улыбается насмешливо и грустно. — Он зовет себя Арвейд Раэн. Целитель, маг, хранитель равновесия. Его ни с кем не перепу-

тать — просто не получится. Если встретишь… Скажи, что Наргис ждет. Он все поймет, конечно, про нас. Но это неважно. Скажи, что… А впрочем, не говори ничего. Он вернется сам, когда захочет. Я просто буду ждать.

Ирина Смирнова
ИГОРЬ

«Здравствуйте. Скажите, вы могли бы меня выпороть?»

«Я не имею привычки зацикливаться на какой-то одной практике. Мне интересно другое».

«Да, конечно. Я заплачу».

«Ты не понял. Мне интересен человек в первую очередь».

«Как человек я вам обязательно понравлюсь, вот увидите!»

«Хорошо. Тогда завтра в девять, на выходе из метро».

«Спасибо. Если что, то мой телефон…»

Я уже давно не верю в удачные поиски реала. Или мальчик не тот, или я ему не подхожу, или практики не совпадают.

Но чаще просто не доезжает никто до места встречи. Сначала я наивно спрашивала, как они выглядят, высылала свои фото, обменивалась с ними телефонами. И даже приезжала в назначенное время в указанное мною место.

Со временем мне все это надоело. Да, я по преж-

нему легко высылала им свои фото и давала свой телефон, а потом… Потом они исчезали или кокетливо перезванивали, чтобы сообщить, что у них прорвало трубу в ванной, случилась авария, срочный вызов на работу, приступ дикой головной боли…

Я назначала встречи в кафе рядом с домом, чтобы, если повезет, можно было быстро подъехать самой, в течение десяти-пятнадцати минут. Но не везло.

Нет, кое-кто доезжал, мы мило болтали и расставались. Не мое… Не их… Бывает.

Мне просто надо было на эту станцию метро, вернее, за две остановки до нее — в магазин. Я выбирала себе новый планшет, а там как раз был в наличии один из кандидатов в мою собственность. Почему бы не посмотреть заодно и другого кандидата, если он все же доедет? Надо давать людям шанс.

В девять я стояла у выхода из метро. Джинсы, ветровка, взлохмаченные ветром волосы, ни грамма косметики, на ногах кроссовки, в руках — старый планшет с интересной книгой. Планы — почитать пятнадцать минут, для облегчения совести, и потом пройтись пешком до магазина.

— Здравствуйте. Вы не меня ждете?

Откуда я знаю, кого я жду, если даже возраст не спросила, не то что описание внешности? Но да, я кого-то жду.

— Если мы с тобой вчера вечером общались в агенте, то да.

— Со мной.

Симпатичный. Не красивый, не смазливый, а именно вот симпатичность, как она есть. Не то чтобы незаметный, но не для всех. Мне — нравится. Русоволосый, сероглазый, нос чуть великоват, но это его не портит. Четко вырисовывается линия скул, губы хорошо очерченные, красивые. Стрижка обросшая, челка на левый бок, привычным движением сдул волосы… Главное — это губы и глаза. Фигура обычная, спорт в жизни есть, но не на первом месте. Выше меня на голову. Одежда… Джинсы, ветровка, кроссовки. Отличаемся только выбором цветовой гаммы. У меня красное с черным, у него серое с голубым. Возраст не понять. От двадцати до двадцати пяти, но с таким же успехом может быть и восемнадцать или двадцать семь. Есть такие лица, которых не касается время.

— И как ты узнал, что именно я — та, с кем ты разговаривал?

Взгляд совершенно не сабмиссивный, но неуве-

ренный. Однако в ответ на мой вопрос парень улыбается и просто расцветает весь от этой улыбки. Улыбайся, мальчик, ты прекрасен.

— Вы очень подходите под свое описание на сайте.

— Сорок лет, полная и не похожа на домину? — я тоже улыбаюсь ему в ответ.

Невозможно смотреть на него серьезно. Он очарователен в эти мгновения.

— Да. Так как, вы выполните мою просьбу? — улыбка исчезает, взгляд сосредоточенный.

Он приехал. Он мне нравится. Я ему вроде бы тоже, иначе он не задал бы этот вопрос. Глупо бегать от самой себя, когда все карты — козыри. Но все равно предупреждаю:

— В реале давно не порола. Детей не педагогично, а взрослые как-то не попадались.

— Ну, вот я попался, — парень снова улыбается.

— Хорошо, — мне тоже хочется улыбаться, хотя на самом деле не смешно, а… Нет, не страшно, но волнительно.

Да, я убралась в квартире (на всякий случай и потому что там надо убираться раза три в неделю), да, я перебрала ремни (тоже на всякий случай)… Короче, я подготовилась, зачем-то.

Мы идем ко мне домой пешком, потому что с ним хорошо улыбаться.

— Я точно совершеннолетний, у меня паспорт с собой!

— Давайте, пока меня будут звать Олег. Нет, на самом деле не так, конечно…

— Работаю. С техникой, в основном. Она меня любит, я отвечаю ей взаимностью.

Расспрашиваем друг друга, знакомимся… Не знаю почему, но про тему говорить не тянет. Балансирую по поребрику, вдруг теряю равновесие, почти специально, и он тут же подставляет свою ладонь под мою. Улыбаемся. Вдруг он смущенно краснеет и отводит взгляд. Лапочка.

Наконец небольшая экскурсия по району с изучением местных достопримечательностей закончена:

— Вон, видишь высокое здание впереди? Это мой дом.

Лапочка сразу становится серьезным и начинает посматривать на меня как-то подозрительно. Переживает, что сейчас я у входа превращусь в даму в латексе? Или, наоборот, рассчитывает на это?

В лифте вообще встал у другой стены, смотрит в пол, уши розовеют. Смешной. Но я уже настрои-

лась его выпороть, хотя могу в последний момент передумать, конечно. Но вряд ли. Такое поведение меня заводит.

Пропускаю в дом первым. Оглядывает прихожую, помогает мне снять куртку. Вешает на крючок обе, свою и мою. Скидываю кроссовки, прохожу в коридор, жду его.

Сначала хотела предложить попить чаю, но передумала. Сядем на кухне — порки не получится. Настрой сейчас — самое то. Парень смущен, я возбуждена его смущением, внутри кураж.

— Проходи, — приглашающий жест в спальню.

Пороть хочу там. Не в детских же, среди кукольных домиков или машинок? Кровать застелена. Зеркальный шкаф опять же — будет видеть сбоку и себя, и меня.

Перед тем как зайти в комнату, кладет паспорт на полку под электросчетчиком. Смотрит на меня, я на него. Затем проходит в спальню и замирает, глядя то на кровать, то на зеркальный шкаф.

— Раздевайся.

Поворачивается ко мне, в глазах… настороженность.

— Связывать не буду, сильно пороть тоже, просто попробуем друг друга…

Улыбается, немного робко, но уже нет напря-

жения в мышцах. Снимает футболку. Белая с картинкой волка-оборотня спереди. У меня валяется где-то такая же, но серого цвета…

Любуюсь на дорожку светлых волос от пупка вниз. От моего откровенного взгляда парень расцветает ярко-розовым. Расстегивает джинсы, спускает их до колен, смотрит на себя в зеркало… и щеки с кончиками ушей загораются нежно-красным.

Энергично сдергивает джинсы совсем. Остались носки и трусы-стринги. Оба смотрим на носки, потом отрываемся от них одновременно и пересекаемся взглядами. Все. Уши пылают, щеки тоже. У меня на лице улыбка хищницы. Кошка и мышка.

Взмах рукой в сторону кровати:

— На колени, животом на покрывало, руки под голову.

Приказ выполняется почти мгновенно. Передо мной голая попка, красивая, гладкая, чисто выбритая, хотя, скорее, кремом обработанная. Не удержавшись, провожу по ней ладонью, разгоняя (или нагоняя?) мурашки. Да, девяносто девять процентов за крем — кожа слишком гладкая, почти девичья. Ноги, кстати, тоже без волос, загорелые, длинные…

— Всегда такой красивый или для меня? — вопрос немного ехидно звучит, но уж очень возбуждает мальчик. Хочется ослабить накал, иначе просто растекусь от нежности.

— А вам не нравится? — отвечает он вопросом на вопрос.

— Нравится. Но ответ не правильный, — мурлычу я, отрывая ладонь от гладкой шелковистой кожи и шлепая с размаха. Ладони — тепло, ягодице парня — горячо, но он не уворачивается, а, наоборот, как будто выгибается, напрашиваясь на новый хлопок.

— Вчера… для вас, — шепчет он едва слышно. — Как договорились, так и… Я всегда так делаю.

Почему-то слово «всегда» будит во мне какое-то неприятное чувство, очень похожее на ревность. Всегда… Поэтому хлопок по второй ягодице получается несколько сильнее, звонче, ярче. Мышцы сжимаются от удара, отпечаток ладони расцветает на коже, контур слишком четкий. Надо успокоиться. Какая ревность? Он мне даже заплатить был готов!

Я выдыхаю, следующий шлепок — более похож на разогрев. Он тоже звонкий, но соприкосновение дарит тепло, а не пожар, отпечатков пальцев надолго не остается — только приятная краснота,

сразу затухающая, переходящая в розовую. Еще… еще… еще… Ладони горят, зудят, руки уже тянутся к ремню. Парнишка крутит передо мной попкой, так, как будто я страпонесса, как минимум.

Маза… Может, ему нужны кнут и плеть, а я тут по нему ладошкой хлопаю? Вообще, вчера явно луна была не в той фазе… Обычно все уточняю, все о себе рассказываю: что люблю, что не люблю. Про них все выспрашиваю, чтобы заранее отсечь лишнее. А тут…

— Здравствуйте, давайте встретимся?

— А давай!

Как это на меня не похоже!

Размышления не мешают мне превращать белый налив в ред делишес. Медленно, садистски медленно, получая наслаждение от каждого шлепка, звонкого, горячего… и от увеличивающихся при сжимании мышц впадинок на ягодицах, и от того, как потом эта попка выгибается мне навстречу, ловя очередной шлепок.

Мы оба наслаждаемся, но мальчик начинает тихо постанывать, и явно не от боли. Пора…

Я беру в руки ремень, закусываю губу… закрываю глаза… сглатываю…

Главное — спокойствие и расчет. Ремень — не плетка, но тоже бьет ощутимо. Так, сначала почти

без замаха, пару-тройку ударов. Посмотреть, так же будет стонать и извиваться от наслаждения, или резко засобирается домой.

«Да, похоже, я не его госпожа, мальчику нужны более сильные ощущения», — кураж и сомнения, никогда не думала, что они могут находиться рядом. Но вот ведь… Меня уже крутит от возбуждения, я вижу, как парнишка трется о покрывало, пока еще не слишком заметно, как будто случайно. И, вместо того чтобы расправить крылья и взлететь, я вешаю себе на ноги гири.

Да пофиг, что там ему надо!.. Моя задача — не навредить, получить удовольствие и постараться доставить его партнеру. Это фемдом! Твое удовлетворение должно стоять на первом месте, твое… не его! Но кураж требует… И я увеличиваю силу замаха. Теперь рука с ремнем сначала полностью выпрямляется и потом опускается… от плеча… потом выше… выше… уже не просто хлопки, уже слышен свист ремня перед соприкосновением.

Сердце стучит все сильнее и сильнее. Перекладываю ремень в другую руку — удобно, когда можешь пользоваться и левой, и правой почти одинаково. Почти… С левой надо быть осторожнее, аккуратнее. Она — сильнее, но зато координация — хуже.

Парнишка что-то тихо стонет в покрывало, и я начинаю потихоньку снижать силу ударов. Не настолько медленно, как наращивала, но все же не бросаю пороть сразу. Еще ударов пять-шесть… Шесть. Все.

Откладываю ремень и усаживаюсь рядом с парнем.

— Ты как?

Провожу руками по горящей… пылающей коже…

— Простите, я уберу… — жаркий шепот, по-прежнему в покрывало.

Запускаю пальцы в волосы и приподнимаю голову, пытаюсь поймать взгляд. Бесполезно. Парень смотрит куда угодно, только не на меня. Правда вариантов у него не так уж много — слева я, справа — зеркальный шкаф. Так что только вперед, в окно. Вернее — в батарею под окном.

— Что именно ты уберешь? — тихо улыбаюсь, потому что догадываюсь, о чем он говорит.

Шепот, такой тихий, что слов не разобрать.

Хмыкаю и легонько шлепаю по наименее красному участку:

— Давай под душ, потом кремом намажу.

Парнишка сползает вниз, на пол, пытаясь стереть животом следы того, что ему тоже сегодня

все понравилось. И тут же, пулей вылетает в коридор.

— Ванна справа, — говорю я вслед и сразу слышу хлопок двери.

Потом я втираю в его влажную после душа и все еще красноватую кожу бальзам, а тело под мной снова выгибается… чуткий мальчик. Темпераментный. Как для меня… Он весь — как для меня.

Но вот смогу ли я его сделать своим или снова зароюсь с головой, как страус, придумав кучу причин, почему нам больше не надо встречаться. Нет, конечно, если он попросит… Но сама?! А он не попросит, я уверена… Уверена, что не…

— До свиданья?

Он стоит в дверях, такой взволнованно-напряженный, такой потерянно-ищущий… Смущенный и, почему-то, немного виноватый. Ах, да, покрывало! Далось оно ему… Стиральные машины и не такое отстирывают.

— Я свободна с утра, по средам и пятницам, — непонятно зачем произношу, и страус внутри меня вытаскивает голову из песка и смотрит как на сумасшедшую.

«Ну, вообще-то мы же ищем постоянного партнера, — говорю я сама с собой, то есть со

страусом. — И этот мальчик нам подходит. Очень подходит!»

Я смотрю, как на лице парня появляется робкая, несмелая улыбка, потом он расцветает, глаза сияют, и меня так и тянет улыбнуться в ответ, просто нельзя удержаться.

— Хорошо, я тогда приеду… в среду, можно?

— А ты уверен, что у тебя к среде все заживет? — интересуюсь я немного ехидно.

— Нет… Но вы тогда сможете поиграть со мной иначе. Я читал вашу анкету… Мне там много что понравилось.

Я понимаю, что после вопроса: «А что именно тебе понравилось?» проще будет пригласить его обратно и попить все же с ним чаю, а мне уже пора ехать забирать старшего ребенка из школы. Как-то все очень впритык сегодня, непродуманно, неожиданно.

И я лишь согласно киваю и уточняю:

— Обсудим вечером в агенте.

— Хорошо, — тоже кивает он мне в ответ. — Меня Игорь зовут. На самом деле — Игорь.

Я провожу ладонью по его руке, от плеча до запястья. Первый слой — ткань куртки, но я как будто чувствую сквозь нее… И он тоже. Потому что замирает и снова смущается. Лапочка…

— До вечера? — теперь его голос звучит гораздо бодрее.

— До вечера, — уверенно отвечаю я, мысленно пиная ногой паникующего страуса. Неожиданно маленький вихрь куража проносится внутри, и я вдруг спрашиваю: — Ты сладкое любишь?

— Не то чтобы… Лучше мясо, — Игорь смеется, вспоминая цитату из моей анкеты: — А вы какие конфеты любите?

— Шоколадные, — я вновь провожу пальчиками по рукаву его куртки. Ловлю его смущенно-шальной взгляд. Он явно не хочет уходить… Но мне пора. Мне уже правда пора. — С меня чай, а все остальное обсудим вечером.

— Да… — И Игорь, вздохнув, разворачивается, чтобы открыть дверь в лифтовую. — До вечера?..

— До вечера.

Странное ощущение, что я помолодела лет на двадцать. Внутри все поет… Побитый ногами страус валяется на песке. Мир прекрасен… Крылья… Крылья расправлены. Взлетаем… Парим… Ждем.

Мария Дубинина, Сора Наумова
ЕСЛИ БЫ МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ РАНЬШЕ

Райончик был так себе, и слава за ним закрепилась соответствующая, но Генри Макалистера это никогда не останавливало. Банда О'Нила сегодня должна получить по заслугам и раз и навсегда уяснить, что нельзя шутить с настоящими шотландцами. Генри не смущало численное превосходство противника, он был уверен как в своих силах, так и в поддержке товарищей — шотландцы своих не бросают, не здесь, в ненавистной Англии, где кругом эти наглые англосаксонские выродки. Генри ненавидел англичан за то, что вынужден жить рядом с ними, и это иррациональное чувство делало его сильнее и не давало потонуть в своем одиночестве.

Патруль бобби прошел стороной, место «встречи» было тускло освещено парой фонарей и луной, почти цепляющейся круглым желтым брюхом за острый шпиль невидимого отсюда, из Ньюхема, Биг-Бена. Ирландцы явились в полном составе, на добрых пять пар кулаков больше, но

Макалистер только усмехнулся и сплюнул под ноги О'Нилу. Они были внешне довольно похожи. Рослые, физически сильные, с рыжей шевелюрой и конопатым лицом. Только глаза у ирландца были бледно-зелеными и холодными, как у змеи. Драки было не избежать, и Генри с радостью дал отмашку своим парням.

К приходу полицейского наряда, на мостовой грязной подворотни остались следы крови, пара выбитых зубов и осколки одного из уличных фонарей.

Макалистер был доволен одержанной победой, но, как и в прошлые разы, это не приносило ожидаемого удовольствия. Как будто это было само собой очевидно и не требовало подтверждения. Он шел по пустой темной улице в сторону колледжа, где учился в свои неполные восемнадцать. Родственники по маминой линии позволили ему снимать комнатушку под самым чердаком поближе к месту учебы. Вечерами Генри пропадал на заработках, днем учился, впрочем, не слишком прилежно, а ночами приходил в шотландский паб, где были все его друзья-единомышленники. С ними он устраивал беспорядки, восстанавливал справедливость, травил особо наглых английских отморозков, которые днем чувствовали себя

достаточно безнаказанными, чтобы издеваться над «шотлашками». На прошлой неделе пару ночей пришлось провести в кутузке, но дело того стоило.

Генри свернул на Ричмонд-роуд и остановился.

— Кто здесь? — спросил он, с прищуром оглядывая полутьму по обеим сторонам слабо освещенной дороги. Призрачный шепот дал ему подсказку. Макалистер решительно свернул в сторону и, нырнув в темную нишу, схватил за химок притаившегося там шпиона.

— Ты кто такой, засранец? Из банды этого идиота О'Нила? — Генри встряхнул добычу за воротник и только после этого как следует рассмотрел. Девчонка спрятала лицо за растрепавшимися длинными волосами, от энергичной тряски выскользнувшими из-под резинки. Девушек Генри не обижал, а те в свою очередь не обижали его отказом в случае чего. Вот и черноволосую девицу Генри осторожно поставил на землю. Та еще ниже опустила голову, но любопытство Генри было задето, он взял ее за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза.

Непримиримый взгляд пронзительно темных раскосых глаз пронзил его как автоматная очередь.

— Парень? — недоверчиво спросил Макалистер и отдернул руку. — Вот блин, чертов ты китаец.

— Японец.

— Что ты там сказал?

— Я не китаец, — так же тихо повторил парнишка. — Японец.

Говорил он по-английски, но немного неправильно расставлял ударения. Оказалось, что Сората, так его звали, недавно прибыл в Лондон и его незамедлительно обворовали. Пойти ему было некуда, помощи просить тоже не у кого. Генри бы ушел, просто продолжил свой путь, чтобы поскорее очутиться в своей тесной клетушке и зализать раны, но что-то его останавливало.

— И куда ты пойдешь, китаец?

— Не китаец, — Сората гордо вскинул длинноволосую голову. — Японец.

— Да начхать, — отмахнулся Генри. — Ладно, сам разбирайся, а мне пора.

Он обогнул препятствие и, сунув израненные руки в карманы, продолжил путь. На душе скребли кошки, но Генри не хотел вешать на себя груз заботы о другом человеке. Мать не доверила ему даже собственную младшую сестренку, значит, Генри не годился для такого. Он одинокий волк.

Ровно через квартал Макалистер остановил-

ся. Духи, что всегда окружали его, выражали недовольство. Они гудели в его голове потревоженным ульем, их холодные прикосновения отзывались мурашками по всему телу.

— Чтоб вас всех! — Генри выругался, ожесточенно потер торчащие во все стороны жесткие волосы и развернулся. — Просто надо убедиться, что он пошел своей дорогой. И все.

Он вернулся обратно, но на дороге валялся рюкзак японца, а самого его не было. Зато в той самой нише слышалась какая-то возня. Генри этот звук вовсе не понравился. Он ворвался туда, схватил первое, что подвернулось под руку, дернул на себя и от души съездил по лицу. Брызнула кровь из разбитого носа, мужик взвыл и бросился наутек, и Генри не стал его преследовать. Стоило подумать, что в такой близости от окраин Ньюхема иностранцу опасно ошиваться одному по темноте.

— Эй, как там тебя? Сората? — Генри протянул руку сползшему по стенке пареньку. — Сората, давай помогу.

Сората ухватился за протянутую ладонь и поднялся на ноги. Его пожатие оказалось неожиданно крепким, а кожа — ледяной. Впрочем, это как раз и не было удивительно. Генри сам

успел немного продрогнуть, сырой английский туман уже лизал ботинки, а ветерок заползал под куртку.

— Бери свой рюкзак и дуй за мной, — вдруг велел Генри. Слова сами вылетели из него. — Переночуешь у меня, бедолага китайская.

— Японская, — тихо поправил Сората и, подхватив с земли рюкзак, поспешил за своим невольным спасителем.

Дом, где Генри квартировался, стоял в конце улицы, на первом этаже хозяйка держала магазинчик, а чердак сдавала. Генри не был особо придирчив и уж точно не склонен к чистоте и порядку, поэтому одежда валялась на разобранном диване, на стуле и на полу, стола не увидишь за горой немытой посуды, еду в которой за отдельную плату иногда приносила хозяйка.

— Садись, я вскипячу чаю, — Генри щедро кивнул на диван и отвернулся к старенькой электрической плитке. Когда чайник вскипел, а чайные пакетики заварились в чашках, он повернулся к новому знакомому. Сората в это время занимался тем, что аккуратно складывал мятые вещи в ровную стопочку на стуле и уже добрался до постельного белья, перестилая его заново.

— Ты… ты что делаешь? — выдохнул Генри

пораженно. Ни одна его бывшая подружка даже не попыталась навести порядок в его жилище. Как правило после одной ночи и пары свиданий они не возвращались.

— Убираю, — спокойно ответил японец. — Грязно.

Он расправил простынь, взбил подушку и накинул сверху одеяло. И только после этого сел. Генри отыскал в завалах поднос и поставил прямо на постель. Ему вдруг стало стыдно смотреть на Сорату, и он опустил взгляд на его руки. И заметил синяки.

— Что это? — он, забывшись, схватил его за руки. — Это тот тип? Что он от тебя хотел? Черт, так и знал, что надо было начистит ему рыло, чертов извращенец!

— Не надо, — Сората весь сжался и вывернулся из захвата. — Пожалуйста, прошу вас. Я могу за себя постоять, просто растерялся.

— А? Ну ладно, — Генри понял, что стоит перед ним на коленях, и густо покраснел. — Меня Генри зовут, если что. Генри Макалистер.

Он улыбнулся, и Сората робко улыбнулся в ответ. Улыбка разгладила скорбную морщинку между бровей, и его лицо стало еще красивее, чем казалось прежде. «Почти девичье», — подумалось

Макалистеру. Да и тело у японца даже в одежде выглядело субтильным и стройным, поджарым и гибким. Сообразив, что бесстыдно его разглядывает, Генри отвернулся и встал с колен:

— Так, мне завтра на учебу, так что давай спать. Утром покажу тебе, где ванная комната. Тебе в туалет часом не надо?

Сората покачал головой, а потом смущенно переплел пальцы:

— Генри, — от непонятного Макалистеру волнения его голос стал еще ниже и бархатистее. — Позвольте мне смыть вашу кровь в знак признательности?

— Ну… Если хочешь, — растерялся Генри, и Сората быстро нашел тазик, налил воды из чайника и разбавил водой из графина. Смочил свой платок и, опустившись на диван рядом с Генри, осторожно взял за руку и промокнул ссадины на костяшках. Его движения были ловкими и деликатными, в глаза он не смотрел, сосредоточившись на деле.

— Спасибо, — Генри остановил его, накрыв его пальцы ладонью. — Хватит, дальше я сам.

— Я лягу на полу.

— Нет! — Генри была невыносима мысль, что этот странный человек будет ютиться на его

пыльном полу. — Диван широкий, только подушка одна. И одеяло. Пожалуйста, я так хочу.

И они легли вдвоем. Сначала Генри никак не мог лечь так, чтобы не соприкасаться с Соратой, но одно одеяло не давало им разойтись. В итоге Генри забрал себе подушку, а Сорате отдал одеяло. Это помогло уснуть, и впервые со дня, как он оказался в Англии, ему ничего не снилось. Наконец-то.

На следующий день Генри специально вернулся из колледжа пораньше, прогуляв одно занятие, и застал Сорату за уборкой. На столе уже стоял горячий ужин, источающий божественные ароматы.

— Но у меня нет на это денег, — огорчился Генри, хотя желудок отчаянно возмутился против доводов рассудка. Сората широко улыбнулся:

— Я готовил на двоих, и мы с вашей хозяйкой поделили стряпню между собой. Она осталась довольна, кажется, и предложила мне завтра готовить вместо нее.

Он был одет в рубашку Генри, висящую на нем мешком, мокрые чистые волосы собраны в косу. Заходящее солнце светило в окно, и глаза Сораты сияли растопленным шоколадом.

— Я учусь на повара, — поделился Сората за

ужином. — В Японии.

— Почему ты сбежал? — Генри наворачивал еду с неприличной скоростью, что не мешало ему наблюдать за собеседником. — Я же вижу, что ты бежишь. От кого-то прячешься?

Сората вздрогнул и скрестил руки на коленях.

— Не хочешь, не говори, — пожал Генри плечами. — Мне знать не обязательно, все равно мы скоро разойдемся как в море корабли.

Сората сжал пальцы и еще ниже наклонил голову, занавешиваясь длинной челкой:

— Были причины… уехать ненадолго. Чтобы забыть кое-что неприятное.

— И как? — спросил Генри заинтересованно. — Удалось?

— Уехать, да. Забыть? — Сората как-то неловко потер запястья. — Не уверен, что это возможно.

Совместный быт незаметно затянул обоих. Сората божественно готовил, квартирная хозяйка не могла на него нарадоваться, Генри начал посещать все занятия без исключения и к концу недели заслужил похвалу от самого строгого из преподавателей. Казалось, Сорату послали ему небеса.

На выходных Генри повел его в паб и познакомил со своими друзьями. Ребята, конечно,

посмеялись над ним, обозвали «девчонкой» и «дохляком», но после демонстрации пары приемов рукопашного боя взяли свои слова обратно. Генри чувствовал себя совершенно и абсолютно счастливым. Сората ел как птичка, а уж пил и вовсе мало. Зато Генри хотелось веселиться, и он немного перебрал. Прежде это бы его не расстроило, но Сората сидел в углу совершенно один, и Генри не мог оставить этого так.

— Нам пора, — он помахал рукой друзьям, но пришлось выпить штрафную пинту, чтобы их с Соратой так просто отпустили.

Генри штормило, ноги едва держали. Хорошо, что Сората быстро разобрался в переплетении улочек и уверенно тащил на себе перебравшего шотландца.

— Ты теперь мой друг, Сората, — громко делился чувствами Макалистер. — Я это сразу понял, мои духи мне подсказали. Знаешь, это ведь они велели мне спасти тебя. Мертвые, они никогда не посоветуют дурного, не то, что люди. Я не говорил? Я типа мертвых вижу. Представляешь? С самого детства, — он сбился с мысли и продолжил совсем о другом. — Знаешь, этот кретин О'Нил что-то там рассказывает по подворотням. Мол, мы еще о нем услышим. Ха! — Генри повело, и он

крепче ухватился за Сорату. — Тупой ирландский лепрекон.

Они добрались до дома, Сората помог Генри взобраться по крутой лестнице и буквально забросил на постель.

— Ты тяжелый, — пожаловался он и размял шею. Генри пьяно рассмеялся и поманил Сорату пальцем. Тот подчинился со вздохом.

— Что такое?

— Хочу кое-что узнать, — Генри поманил его еще ближе. Хмель кружил голову, все представлялось таким простым и понятным, как никогда прежде. Когда Сората наклонился к его лицу, Генри обхватил парня за шею и, притянув к себе, поцеловал в губы. Ему просто стало любопытно, каково это, целоваться с парнем, и правда ли это так противно, как говорят. Но целоваться с Соратой оказалось вовсе не противно, а даже приятно. Так приятно, что защекотало в низу живота и тело бросило в жар.

— Пусти! — вскрикнул Сората и вырвался. Отпрянул в сторону, нервно сжимая собственные запястья, как будто ему вдруг сделали больно. Генри недовольно потянулся к нему, но японец уже вылетел вон. Только звук хлопнувшей двери привел Макалистера в чувство. Проведя пальцем

по влажным губам, он ужаснулся содеянному. Сората его не простит и больше ни за что не вернется. Генри бы не простил, сделай с ним кто-нибудь нечто подобное. В голове очень поздно возникла догадка.

А не от чего-то ли подобного Сората бежал через половину мира?

Алкоголь мигом выветрился, и Генри поспешил на поиски друга. Даже безлунной ночью весь квартал был знаком ему как пять пальцев, а уж голоса он, в отличие от тупых бобби, услышал издалека.

Это был О'Нил. Он и его дружки. В этот раз их было меньше, но и Генри был совершенно один. Сората стоял на коленях, сильно выгнувшись назад, и ирландец держал его за длинный хвост волос, сильно натянув. Сората стиснул зубы, чтобы не закричать, но боль была настолько сильной, что на глазах выступили слезы.

— Шотландская подстилка, — О'Нил дернул рукой, и Сората жалобно всхлипнул. — Ну, зови своего защитника. Громче зови!

Свои слова он сопроводил новым болезненным рывком.

— Я здесь. — Генри вышел на свет. Впервые ему очень хотелось столкнуться сейчас с доблестной

английской полицией. — Отпусти его, и поговорим по-мужски.

— По-мужски? — издевательски переспросил О'Нил. — Так это твоя баба, Макалистер? А я-то подумал, что это парень. Ребята, посмотрите-ка на эту мордашку. Перед такими глазками я бы тоже не устоял, наверное, и поимел бы китайскую шлюшку в зад.

— Он японец, — прорычал Генри и стиснул кулаки. — А твои грязные слова я тебе в твой же зад сейчас и вгоню.

О'Нил заржал и пинком оттолкнул Сорату в сторону. Японец покатился по земле, пачкаясь в пыли. А потом началась бойня.

Генри был отличным бойцом, но с пятью здоровыми ирландскими хулиганами не справиться даже ему. Стремясь добраться до О'Нила, он дрался точно берсерк, но упал на землю, он просто не смог уже подняться, ему не дали. Тяжелые ботинки попадали по самым чувствительным местам, Генри сжался, защищая голову, но избиение закончилось неожиданно быстро. Полицейский свисток разорвал ночную тишину.

— Идем скорее.

Кто-то попытался поднять Генри на ноги.

— Идем, пожалуйста!

Генри подчинился, и с помощью Сораты смог подняться. На языке ощущался противный вкус крови, но в остальном он легко отделался.

— Сората? — он навалился на него. — Ты как?

— Лучше, чем ты, — ядовито отозвался тот, но Генри почудилось, что он плачет. — Шевелись, пока на нас не повесили все грехи.

В этом он был несомненно прав. Вдвоем они долго добирались до квартиры, но все-таки добрались. Генри устало рухнул на постель, пачкая белье. Сората дал ему какое-то лекарство и снова наполнил таз водой, чтобы смыть с Генри кровь и грязь, хотя сам выглядел не намного лучше.

— Стой, — Макалистер схватил его за запястье, игнорируя робкую попытку вырваться. — Ты… В общем, я был не прав, прости. Мне не стоило этого делать, и пиво меня не оправдывает.

Он закрыл глаза, ожидая отповеди, но услышал плеск воды в отставленном тазике, а после рядом промялся матрас.

— Ты дурак, Генри, притом неисправимый, — Сората пригладил ему вечно торчащую челку. — Я не жалею, что забрался так далеко от дома. Если бы только мы встретились раньше… Я ведь почти забыл… Забыл то, от чего бежал.

Генри почувствовал его горячее дыхание на

щеке, на губах, и последовавший за этим поцелуй едва не лишил его рассудка. Сората оседлал его колени и крепко обхватил за шею, углубляя поцелуй. Генри с готовностью приоткрыл рот, впуская его язык, и с жадностью запустил руки под кофту. Тело Сораты было горячим и желанным, как растопленный шоколад. Генри и сам чувствовал, как тает, прикасаясь к нему.

— Сората…

— Заткнись ненадолго, Генри, — он толкнул его в грудь и вместе с ним упал на постель. Генри перекатился, подминая парня под себя и принялся ласкать его шею губами, как умел, немного неловко, но становясь все смелее и смелее. Сората под ним извивался и негромко стонал.

— Если бы мы встретились раньше, Генри, — повторял он, как в бреду, — если бы мы встретились раньше…

Генри не хотелось думать об этом, вообще о чем-то думать. Его тело уже все решило, оно хотело Сорату, и Генри сжимал гибкое горячее тело в объятиях. Сората обхватил его ногами за пояс, снова оказываясь сверху. Матрас скрипел, дыхание слетало с губ, загнанное, частое. Генри гладил узкие бедра, Сората целовал его губы, лицо, будто спешил насладиться этими прекрас-

ными мгновениями.

— Мне кажется, я тебя люблю, — прошептал Генри, и Сората прервал его поцелуем. Их тела горели, желая слиться воедино, но Генри еще боялся, а Сората не настаивал. Его ласки были наполнены сдержанной чувственностью и нежностью, от которой Генри терял голову. Его затягивало в этот страстный водоворот, звуки стихали, отдаляясь, и даже лицо Сораты вдруг смазалось. Генри протянул к нему руку, но она безвольно упала на диван.

Генри потерял сознание.

Рано утром он нашел на столе записку с парой слов.

> "Спасибо за все. Мне пора возвращаться, потому что кошмары не бывают вечными. Ты ведь, наверное, уже понял, от чего я спасался. Смешно, да? Ведь к этому я и пришел в итоге. Сам. Мое тело уже оправилось, а мою душу вылечил ты. Жаль, что мы не повстречались раньше, тогда все могло бы сложиться иначе. Но я многое для себя понял. Прощай, мой Генри».

Варя Медная
МОНСТР, ИЗВЕСТНЫЙ ВЛЮБЛЕННЫМ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

— Что это? — потрясённо спросил я у своего провожатого, указывая на самую диковинную скульптуру, которую мне только доводилось видеть.

— Как сударь, вы ничего об этом не слышали?

Я помотал головой, глядя на поразительный образ, установленный в самом центре розария. Я недавно в этих краях, но успел обойти уже немало дворцов и замков долины. Не обошёл стороной и этот — его трудно не заметить: стоит солнцу подплыть к горизонту, и он начинает полыхать подобно огромному пурпурными сердцу. Всему виной цветные стеклышки в чудом сохранившихся окнах.

— Это печальная история, сударь, — со вздохом заметил старик.

Я тотчас убрал блокнот для эскизов и достал путевую книжку с плотными желтыми страницами, обернутую в тисненую кожу.

— Но вы ведь мне её поведаете?

— А какой нынче день, сударь?

— Пятница.

Старик тяжело вздохнул и кинул взгляд на алеющее небо.

— Ещё целые сутки…

— Простите?

— У вас есть время?

— Мой поезд отходит завтра примерно в этот же час.

— Вы правда хотите её услышать?

— Всенепременно!

Старик опустился на мраморный бортик, которым была обнесена скульптура, и сделал приглашающий жест. Я открыл записную книжку на нужной странице и с готовностью присоединился к нему.

* * *

Некогда жила была в этих краях прекрасная принцесса, и звали её Мелюзель. Её лицо не было правильным овалом, глаза не занимали поллица, а кожа не была белоснежным шелком — всё это удел сказочных принцесс. Мелюзель же была вполне живой, а потому у неё было чудесное чуть скуластое личико, живые глаза (кстати, правый

у неё был карий, а левый болотно-зелёный, что придавало ей особое очарование), а кожа — всего лишь нежная, ухоженная и благоухающая, благодаря лавандовым ваннам и розовому маслу.

И когда принцессе исполнилось семнадцать, король с королевой решили, что их дочь уже достаточно взрослая, чтобы составить счастье любому принцу. Но, конечно, для Мелюзель полагался не любой, а самый лучший. Такой вскорости сыскался, и без долгих отлагательств сыграли свадьбу. Мелюзель была счастлива настолько, насколько нужно быть счастливой особе королевской крови, удачно выходящей замуж. Любила ли она своего первого мужа? Об этом история умалчивает. Как и обо всех последующих.

Счастье молодых продлилось недолго. В один из дней, когда последние лучи умирающего каждую ночь солнца скользили по земле, жителей королевства потряс страшный звон — будто великан раздавил каблуком хрустальный бокал. Те же, кто был в тот момент на улице, видели, что это лопнуло огромное невообразимо-прекрасное витражное окно во дворце. Цветные осколки взметнулись в небо, подобно смертоносной буре леденцов, на мгновение зависли в воздухе, а потом градом обрушились на мостовую. В тот

же миг из окна показалась уродливая морда, а следом чешуйчатый монстр, мгновением ранее разбивший витраж своим шипованным хвостом. Он расправил крылья, похожие на заветревшуюся ветчину, и взмыл в небо, закрыв ими солнце.

Жители королевства были настолько потрясены, что даже не успели заметить, куда он улетел. Никогда прежде они не видели и даже не слышали о подобных ему: уродливый плод смешения дракона, змеи и подводного чудища. Принцессу нашли на следующее утро в купальне, откуда вылетел зверь. Её обнаженное тело было покрыто тонкими порезами от осыпавшихся стекол. Её молодой супруг в пышном облачении лежал тут же, неподалеку. Широко раскрытые голубые глаза казались настолько живыми, будто в них залетели осколки витража. Но принц был мертв — на шее зияла огромная рана от зубов чудовища, почти надвое перекусившего ему шею.

Когда принцессу привели в чувство и рассказали о случившемся, она впала в великую скорбь, ведь только так принцессам д***о***лжно оплакивать своих принцев. Всё королевство укуталось в цвет горя, флаги и знамена поникли.

Но время лечит, и настал тот день, когда принцесса оправилась. Витраж в купальне заменили

новым, для чего пригласили молодого искусного стеклодува. Черные полотна с вышитым золотыми нитками ликом принца, сняли, а жителям снова разрешили пребывать в веселье.

Прошло совсем немного времени, и король с королевой решили, что их дочери пора подыскать нового супруга. Следующий принц оказался даже ещё более прекрасным и подходящим их дочери, чем предыдущий. Такой уж точно сможет служить надёжной защитой и опорой.

На сей раз не прошло и одной луны, как жителей королевства потревожил тот же страшный звук. Тысячи сердец вмиг сжались, заслышав треньканье стеклянного дождя о мостовую. Булыжник вновь оказался усеян цветными осколками, похожими на мертвых бабочек. И вновь принцессу нашли в том же месте и в том же положении, что и прежде, а её парадно одетого супруга — лежащим рядом. Только на сей раз прибежавшие слуги едва не споткнулись о его голову, откатившуюся от тела — будто монстр был разгневан тем, что принцесса вновь осмелилась выйти замуж.

Шрамов на теле Мелюзель прибавилось, и всё же она оставалось по-прежнему прелестна. Понадобилось ещё несколько прекрасных принцев,

витражей и трауров, чтобы до жителей королевства, наконец, дошло: дело в принцессе. Монстр отчего-то не желает, чтобы она выходила замуж. И вскоре королей, готовых отправить своих сыновей на смерть, не осталось. Нашлось ещё пару-тройку заморских смельчаков — ведь каждый из нас в глубине души верит, что сумеет избежать общей участи. Однако этого не произошло. Юная принцесса исправно примеряла чёрный. Король с королевой слегли от такого несчастья и вскоре умерли. Королевство, совсем недавно процветавшее, пришло в запустение: ветер гонял сухую листву по унылым улицам, васильки, некогда пробивавшиеся в расщелинах булыжной мостовой, засохли, жители же старались не глядеть на неприютный дворец и даже говорили шепотом, а путники обходили этот край стороной.

* * *

— Что-то нынче твоя работа затянулась.

Молодой стеклодув, в очередной раз заканчивавший работу над витражом, вздрогнул и, обернувшись, обнаружил позади себя принцессу. Она внимательно смотрела на него своими необычными глазами.

— В королевстве перевелось стекло, принцесса.

Мне приходится заказывать его в соседнем, и оттого вам приходится ждать. Вы не сердитесь за это?

— Нет, — вздохнула принцесса, — пускай на этот раз витраж получится самым красивым.

— Жаль, что он будет радовать вас недолго.

— Отчего же?

— Оттого, что в скорости он рассыплется мириадом осколков, принцесса.

— Этого не случится. Я больше никогда не выйду замуж, — заверила его принцесса. — Ты здесь в последний раз. Закончишь работу, и мы распрощаемся.

Когда она вышла, стекольщик незаметно вытащил несколько ярких стекляшек — все эти дни он разбирал к вечеру всю ту работу, что проделал за день, стараясь оттянуть тот момент, когда придётся расстаться с принцессой. Теперь же он был в отчаянии, зная, что видит её в последний раз. А юноша успел всем сердцем полюбить прекрасную Мелюзель во время своих частых посещений.

Но, как ни оттягивал он работу, настал тот день, когда последнее стеклышко было вправлено, и просторное окно, похожее на гигантскую розу, было закончено. Особенно красивым оно был

на рассвете и закате, когда золотые солнечные нити преломлялись сквозь рисунок, оживляя его и заставляя сверкать так, что было видно в соседнем королевстве.

Принцесса с восхищением разглядывала рисунок, в который мастер вложил всю свою душу и любовь к ней. Видя её озарённое цветными бликами и неподдельным восторгом лицо, несчастный влюблённый бросился на колени.

— Принцесса, я полюбил вас с самой первой минуты, что увидел! Если вы меня прогоните, я уйду и умру несчастнейшим из смертных. Но, если вы примете предложение и станете моей женой, клянусь, что я найду способ остановить монстра!

Принцесса перевела на юношу взволнованный взгляд. Она и сама не раз возвращалась мыслями к ладному мастеру, и её сердце переставало биться при мысли о том, что она больше его не увидит, и окончит дни в печальном одиночестве.

— Ещё никому не удавалось победить монстра… — печально ответила она.

— Значит, никто прежде ещё не любил вас так, как люблю я, — пылко ответил юноша. — Настоящая любовь преодолеет все преграды. Скажите, что мне надо сделать, чтобы вы ответили согла-

сием?

— Пообещать мне одну вещь.

— Всего то? — с облегчением воскликнул влюблённый.

— Это очень важно, — серьёзно ответила Мелюзель.

— Так, скажите же скорее, о чём речь! Секунда промедления для меня невыносима!

— Но не нарушишь ли ты обещания, которое я с тебя возьму?

— Никогда, моя принцесса! — запальчиво воскликнул юноша.

— Клянёшься?

— Клянусь моей любовью к вам!

— А как велика твоя любовь?

— Я простой стекольщик, принцесса, а потом не умею объяснить её так, как это сделали бы трубадуры и менестрели, поэтому выразил всю её доступным мне способом — в этом витраже.

В этот момент закатное солнце коснулось своими последними, самыми горячими лучами стеклянной поверхности. И Мелюзель, глядя на золотисто-оранжевые, малиновые и багровые отблески, пляшущие на решительном лице юноши, поняла, что он любит её сверх меры. И тут же дала согласие.

* * *

Свадьбу отпраздновали, не мешкая, что пошло на пользу приунывшему королевству. Но, веселясь на пиру и глядя на цветные ленты и лилии, которыми были украшены улицы королевства, жители таили на самом дне своих душ опасение и горечь. Они знали, что недолгий период ликования вскорости сменится горестным трауром, ещё более глубоким из-за предшествовавшего ему веселья.

Но вот время шло, а монстр не возвращался, и в душах подданных закралась надежда на то, что он улетел, сгинул где-то в дальних краях, и больше их не потревожит. Королевство постепенно вышло из запустения: купцы снова начали съезжаться сюда, чтобы предложить свои самые роскошные ткани, заморские деликатесы и дорогущие пряности: когда их взвешивали, то на другую чашу весов насыпали золотой песок — так высоко они ценились — а по улицам плыл невообразимый аромат корицы, горького миндаля и кардамона.

Стекольщик не солгал, когда говорил принцессе о своей любви. Его не интересовали богатство, слава и положение. Его сердце не алкало власти

и новых завоеваний. А балы он устраивал лишь затем, чтобы доставить удовольствие принцессе. Мелюзель же снова расцвела, как в прежние дни. Шрамы почти изгладились с её тела, глаза вновь заблестели, а её смех всё чаще оглашал коридоры замка.

Единственным обещанием, которое она взяла с супруга, была клятва никогда не заходить в её купальню, которую она посещала по субботам. Даже одним глазком туда не заглядывать. Поначалу стекольщику не составляло никакого труда соблюдать этот запрет. Он был настолько упоён своим счастьем, что даже не задумывался об этом. Он мог в любое время смотреть на принцессу, брать её за руку и заглядывать в радующие душу глаза. И, казалось, день ото дня любил её только сильнее. Но постепенно ему стало не хватать того вечера субботы, который отнимало у него странное обещание, данное принцессе.

На следующее утро Мелюзель всегда была чуточку бледна, чуточку худа и чуточку печальна. Но к обеду всё проходило. И в сердце стекольщика поселилось сомнение. Его яд впитался в кровь, растекся по жилам, достигнув сердца. Эта неуверенность отравляла его, не давая покоя.

«Не иначе, как в вечер субботы принцесса

принимает любовника — того, кому истинно принадлежит её сердце. И оттого всегда после этого она печальна, ведь ей на целую неделю приходится расставаться с ним и возвращаться к нелюбимому супругу», — думал стекольщик. И день ото дня подозрение крепло, пока однажды не превратилось в уверенность.

Решив, что клятва не нарушена, если об этом никто не узнает, глупец решил тайком проследить за супругой. И вот настал час, когда Мелюзель, как обычно, обняв своего супруга и коснувшись губами его виска, прошептала:

— До встречи утром, любовь моя. И спасибо за верность клятве.

Эти слова кольнули сердце стекольщика, будто в него попал один из осколков, которые неизбежны при его профессии. Он промолчал, а когда принцесса покинула залу, тихонько последовал за ней. Он был у дверей купальни каких-то пару минут спустя после неё и припал к замочной скважине. Едва он это сделал, как чуть не закричал от ужаса. Вместо прекрасной и нежной Мелюзель, он увидел давешнего монстра, который, как считалось, давно оставил их королевство в покое. Но вот теперь юноша своими глазами видел свёрнутое упругими кольцами и покрытое мерзкой

чешуёй тело, раздвоённый и подрагивающий, подобно жалу, язык.

Он хотел немедля ворваться внутрь. Но в последний миг остановился, подумав, что тогда чудовище может причинить вред принцессе. Её же самой нигде не было видно. И, наверное, только мысль о любимой спасла его от участи прежних принцев, движимых лишь любопытством. В этот момент чудище развернуло змеиную головку и зыркнуло на дверь. Юноша отшатнулся и тут же потерял сознание. Очнувшись наутро и вспомнив произошедшее, он ворвался в купальню, и обнаружил там Мелюзель. Принцесса была, как всегда после субботы, печальная и бледна, но жива, цела, здорова, и ни словом не обмолвилась о произошедшем.

* * *

С того вечера стекольщик окончательно потерял покой, измышляя средства спасения возлюбленной. Он днями пропадал в библиотеке, обложившись пыльными томами, в надежде выяснить, с кем столкнулся, но всё напрасно.

Принцесса видела, что супруг сам не свой, но никак не могла дознаться о причине. И вот както раз юноша решил навестить своего старого

мастера, у которого некогда перенял опыт. Видя бывшего ученика столь печальным, он принялся его расспрашивать, и тот, не удержавшись, поведал ему о своём горе. Юноша сделал это лишь затем, чтобы излить душу, а не в надежде на помощь. И потому ответ старого мастера его безгранично удивил:

— Этот монстр известен всем влюблённым с древних времён, мой мальчик, — ответил он.

— Неужели? — вскричал стекольщик. — Так, значит, его можно победить!

— Ещё никому и никогда это не удавалось, — вздохнул старик.

— Так ещё никто и никогда не любил так сильно, как я люблю Мелюзель!

— В этом-то всё и дело: чем сильнее любовь, тем сильнее и монстр.

— Я не боюсь. Только скажи мне, как его одолеть! — воскликнул юноша.

— Лучше тебе и вовсе и нём забыть, — ответил старик, — и впредь слушаться принцессу. Ведь ты дал ей клятву.

— Но как же я теперь могу её выполнить, зная о таком?

— Зачем же ты её давал? — удивился старый мастер.

— Затем, что готов был пообещать в тот миг, что угодно, и всем сердцем верил в то, что говорю.

— Прежде, чем я открою тебе средство, как одолеть чудище, подумай: ты можешь и дальше счастливо жить с принцессой до конца ваших дней. И один вечер — малая плата за целую жизнь душа в душу, ты так не считаешь?

— Нет, — решительно ответил юноша. — Я изгоню монстра. Мне нужна принцесса целиком, мне нужен вечер субботы!

— Я тебя предупредил. Последствия всегда печальны.

Но юноша его уже не слышал, горя единственным желанием — узнать средство. И старик, качая головой, научил его, что нужно сделать. Стекольщик покинул его с двумя тяжелыми мешками за плечами. В них был волшебный песок. И весь следующий день и всю следующую ночь он провёл за работой, раскаляя мехами печь и выдувая волшебные стеклышки — точь-в-точь как те, что составляли витраж, некогда изготовленный им для купальни Мелюзель.

К рассвету субботы работы была закончена, и, пока принцесса ещё спала, юноша прокрался в купальню и заменил все стеклышки витража на волшебные. Подумав, он рассыпал ещё мно-

жество оставшихся по комнате, прикрепил их к стенам и потолку.

В назначенный час, когда принцесса направилась к заветной комнате, стекольщик спрятался в нише за огромной напольной вазой и, стоило ей открыть дверь, тут же последовал за ней. Ворвавшись внутрь, он остолбенел от представшей ему чудовищной картины. Мелюзель успела скинуть свои одежды, но сейчас его нежная супруга внушила бы любому лишь страх и отвращение. Любому — только не горячо любившему её стекольщику.

Гладкая кожа принцессы быстро трескалась, как раскаленная жаром пустыня, и под ней проступала чешуя. Шея начала вытягиваться, позвонки один за одним с болезненным хрустом проступали вдоль спины, протыкая кожу, а шипованый хвост нервно бился о каменный пол. Мелюзель превращалась в то самое чудище, которое он так жаждал одолеть. Окрашенный заходящим солнцем витраж за её спиной нестерпимо сверкал лиловыми, бордовыми и кровавыми тонами, отчего в глазах плясали всполохи.

Увидев супруга, принцесса в ужасе закричала, закрывая лицо. В этот миг магия начала действовать: волшебные стеклышки, которыми он

заменил прежние, превратились в крохотные зеркала. Это и было то средство, о котором поведал ему старик: чудовище должно узреть в нём своё отражение, и тогда оно обратится в камень. И теперь принцесса кричала от боли и страха — вокруг, сколько хватало глаз, её окружали сотни и тысячи отражений отвратительного монстра.

— Зачем, зачем ты это сделал? Почему ослушался меня? — вскричала она. — Почему нарушил клятву? Ведь я взяла с тебя всего одну!

— И эта одна отравила всё моё счастье, Мелюзель! — воскликнул несчастный стекольщик. — Прости меня, — рыдал он, — что мне теперь сделать, чтобы всё вернуть?

— Ты уже ничего не можешь исправить, как не можешь починить разлетевшееся вдребезги зеркало, — горестно ответила ему принцесса. — Нам больше не быть вместе!

Ей было всё труднее говорить: волшебство действовало, и она обращалась в камень — он уже пополз от кончиков её ног вверх.

— О, не покидай меня! Останься со мной, Мелюзель!

— Это не в моих силах! Наше счастье длилось недолго, но было настоящим. Тобой правило не любопытство, а любовь ко мне.

В то время как её левая рука уже обратилась в крыло, правая безвольно повисла под холодной каменной тяжестью.

— Беги, любимый, беги! Как только последний закатный луч коснётся витража, превращение закончится, и в тот же миг монстр убьёт тебя!

Половина её волос застыла каменной волной, в то время как на месте второй уже вырос роговой гребень. Её голос изменился до неузнаваемости, и теперь походил на рык.

— Я не оставлю тебя, Мелюзель, — сказал юноша сквозь душившие его слёзы.

Несмотря на то, что она уже наполовину обратилась в зверя, он всё ещё видел перед собой лишь свою прекрасную принцессу, и готов был провести с ней свои последние мгновения, даже если это будет стоить ему жизни.

Камень уже подбирался к её лицу, но и обращение заканчивалось — ещё минута, и последний луч погладит стекло за её спиной.

Не в силах пережить мысли о том, что убьёт любимого, Мелюзель бросилась в окно, в последний раз разбив витраж на тысячи сверкающих осколков. Они взметнулись в воздух подобно погребальному салюту. Но не успела она сделать и двух взмахов крылом, как волшебство довер-

шило своё дело, подобравшись к сердцу. И она камнем рухнула на площадку перед замком, так и оставшись наполовину девушкой — наполовину монстром, известным влюблённым с древнейших времён.

* * *

Рассказчик умолк, и только тогда я сообразил, что уже давно отложил свой блокнот, взволнованно внимая истории.

— И правда, печальная легенда, — вздохнул я и тронул старика за плечо, потому что он, кажется, и вовсе забыл обо мне, задумавшись о чём-то и глядя на горизонт.

— Это не легенда, — возразил он, — доказательство перед вами.

Я ещё раз взглянул на скульптуру в центре розария. В ней безымянный ваятель запечатлел диковинное чудо, плод своего воображения: наполовину прекрасная дева, наполовину чудовище. Вечернее солнце ласкало его розовыми лучами, делая камень похожим на теплую кожу. В скульптуре было столько жизни и движения, а на лице — муки и восторга человека, принимающего жертву, что в этот миг я почти готов был поверить в рассказ старика. Дева протягивала

руку, будто в мольбе, к стенам замка у нас над головами — туда, где на месте прежнего витража зияла огромная дыра, с осколками по краям.

— А что же стекольщик? Он, верно, умер от горя? Ведь это он был виноват в случившемся.

— Вы так думаете? Но он же любил принцессу всей душой.

— Если бы он любил, то не ослушался бы её, — возразил я.

— Только истинно любящие совершают безумства, о которых потом непременно жалеют, — с горькой улыбкой покачал головой старик. — Но желание юноши сбылось.

— Каким же образом?

— Он получил возможность видеть принцессу по субботам. Едва первые закатные лучи касаются камня, — он кивнул на скульптуру у нас за спиной, — как она оживает, и снова превращается в обычную девушку, его прекрасную Мелюзель. И весь вечер, и всю ночь до следующего утра, они могут быть вместе.

— Но ведь это лишь краткие мгновения, украденные у судьбы.

— Разве не об этом мечтают все влюблённые? — возразил старик, — быть вместе навечно и знать, что даже смерть не разлучит вас?

Я пожал плечами.

— Как по мне, лучше прожить всю жизнь с простой доброй девушкой, зная, что у неё нет от меня никаких тайн, и каждую субботу делить с ней скромный ужин на увитой плющом террасе, запивая отваренный ею окорок стаканчиком доброго грушевого сидра.

Старик мечтательно улыбнулся.

— Как уютно и покойно это звучит.

Я поднялся со своего места.

— Простите, но мне пора — я должен вернуться в гостиницу и собраться к отъезду. Вас подбросить до города? Скажите, куда вам.

Старик обернулся на развалины некогда прекрасного замка, в котором чудом уцелели остальные окна, и покачал головой.

— Я ещё немного побуду здесь. А вам удачи с вашей книгой.

— Спасибо. Жаль, не могу остаться до завтра и увидеть принцессу.

Он пожал мою протянутую руку. Я спрятал записную книжку в дорожную сумку, коснулся пальцами кончика шляпы и откланялся.

Следующим вечером, в это же время, я уже сидел в мягком купе поезда, мчащегося по мосту в клубах пара. Под нами как на ладони расстели-

лась вся долина, и вскоре показались знакомые стены. Я даже смог различить площадку перед замком, где старик вчера поведал мне эту историю. Внезапно среди розовых кустов мелькнуло белое пятно — то была совершенно седая голова моего провожатого. Он сидел на том же бортике, на том же самом месте, будто и не двинулся со вчерашнего дня. Голова обращена к скульптуре, но выражения лица не видать. Тут мост изогнулся, и крыло сказочного изваяния закрыло его от меня.

Солнечный диск покатился к горизонту, и всё вокруг окрасилось в тёплые золотистые тона. Я кинул прощальный взгляд на розарий и едва различимую теперь статую. Тёплые лучи уже доползли до её подножия, лизнули кончики каменных пальцев. И в этот момент что-то вспыхнуло, и статуя дёрнула крылом. Я не успел убедиться в обмане зрения, потому что в ту же секунду всё заволокло дымом от паровоза. А когда он, наконец, рассеялся, мы были уже далеко от того места.

И только две маленькие точки — белая и тёмная — шли совсем рядом по долине, навстречу сумеркам и вечности. Вместе, до самого утра.

Марина Андреева
199 НОЧЕЙ

Год назад я переехала из деревни в большой город. Не было у меня желания его покорить или найти богатого жениха, просто хотела выучиться, чтобы не крутить коровам хвосты на ферме. И так уж вышло, что с некоторых пор меня преследуют эротические сны. Сначала я понятия не имела — с чем они связаны, а потом… Потом вспомнился мне один момент… Вернее, два.

Первое воспоминание заставило окунуться в далёкое прошлое.

Дело в том, что моя бабка была, как в народе говорят, ведьмой. Вот только это за глаза, а в лицо… лебезили и, случись какая беда, занедужит ли кто в семье или скотина захворает, так тут же на поклон к бабке моей и бежали. И всё бы ничего, но в те времена, когда я совсем крохой была, привила она меня к яблоньке молодой. Так, оказывается, наличие в человеке силы колдовской проверяют. Срывают яблочко, заговаривают, да и передают проверяемому, так, чтоб никто иной оного не коснулся. А после того, как тот съест заговорённый

плод, смотрят как яблонька себя поведёт.

В общем, моё деревце на глазах зачахло, что свидетельствовало о силе немалой. И к тому моменту, как бабке пришло время мир покидать, та меня к себе призвала, ну в общем-то и отдала свою силу в довесок к той, что у меня от роду имелась. Как и что она при этом делала не столь важно, главное, взяла с меня обещание, что покамест дочь не рожу, к силе чтобы своей не тянулась, иначе наказание последует. А какое? Этого я так и не узнала — отдала бабка богу душу, так и не договорив. Только между делом успела она мне строго настрого наказать, чтобы я честь девичью блюла до самого вступления в брак.

Но то дела стародавние, и с моей нынешней бедой весьма косвенно связанные. Жила я себе, как и все дети, о колдовстве не помышляла, да и вообще ту историю с передачей силы больше как игру вспоминала, думая, что бабуля так меня отвлечь от печальных мыслей хотела. И ведь трудно оспорить такой вариант, годков мне тогда всего ничего было, и слова бабули настолько меня удивили и озадачили, что вместо того, чтобы в истерике возле её постели биться, я едва ли не ждала — когда ж помрёт, чтоб силу ту сказочную обрести. Обрела на свою голову.

Нет, ясно дело, в моих нынешних проблемах бабушка не виновата, я сама дура. Иного слова и не подобрать. Ну сказано же было — никакой магии до рождения дочери, так я ж ослушалась! И было бы из-за чего. Ладно бы жизненная необходимость в её использовании была, так нет же, только глупость моя да глаза завидущие.

А дело было так: ещё лет с тринадцати я всё засматривалась на серёжки у одной дачницы. Из красного золота, в верхней части, на мочке уха, капелька розового турмалина, затем красиво плетёная трёхсантиметровая цепочка, на конце которой капелька из морганита. Кто бы знал, как я мечтала об этих серёжках! Это была любовь с первого взгляда. Я даже во снах их видела на протяжении нескольких лет.

И вот сидим мы как-то осенью с девчонками в общаге, чай пьём, болтаем, и кто-то речь завёл о том, что шарлатанов много развелось, мол, экстрасенсы всякие да ведьмы, это выдумка всё, чтобы с доверчивых обывателей денег побольше срубить. Зацепили меня эти речи, за бабулю любимую обидно стало. Ну и ляпнула, мол, у меня тоже дар есть, вот только обещалась я его не использовать до поры до времени. Слово за слово, взяли на слабо. Типа один раз поворожи

— ничего тебе не станется. Я отказываться стала, а они как насели, якобы вру я всё и никакого дара у меня нет.

Памятуя о данном бабушке обещании, я ни в какую не соглашалась, и тут одна из девиц достаёт точно такие же серёжки, как у той дачницы, и говорит:

— Приворожишь ко мне того, о ком я думаю, и эти серьги твоими будут.

Тут-то я и не устояла. Да и как удержаться от соблазна, если твоя мечта так близко? Я же без малого уже лет пять эти серьги по ночам вижу. В общем, капитулировала. Сделала приворот. Всё произошло именно так, как бабка мне и говорила: «Когда понадобится что-то сделать, просто пожелай от всего сердца, и ни на миг не допускай ни единой мысли о том, что желаемое нереально, помни — всё осуществимо. Почувствуй то, что будешь чувствовать, когда это свершится, и всё у тебя получится. Сила наша, она же мудрая, сама во всём разберётся, как да что, главное направить её туда, куда надобно…»

Что ж там чувствовать-то? Не на себя ж ворожу. Вот и представила свою радость и счастье непомерное от обладания этими вот серёжками и ликование от того, что они честно заработаны,

потому что приворот мой сработал так, как надо.

Стоит ли говорить, что девица та осталась довольна приворотом и даже замуж недавно выскочила? Ну, а я… я стала счастливой обладательницей заветных серёжек. И всё бы ничего, вот только с того дня начали мне сниться странные сны. Они смущали, сводили с ума. Я постоянно просыпалась то в холодному поту, то горя от неутолимого плотского желания. Но последний бабкин завет соблюдала строго — честь блюла.

Хотя… это как в том анекдоте про девушку дождавшуюся парня из армии, мол, просто никто не позарился. Так и со мной. Наверное, будь у меня на тот момент фигурка, как у большинства сверстниц, пустилась бы во все тяжкие, но при своих ста семидесяти я и весила почти восемьдесят. Кто на такое огромное счастье позарится, если рядом барби дефилируют? А если и нашёлся бы смельчак, так мои же комплексы не дали бы дело до логического конца довести. Так и маялась. Ночей не спала, извелась вся, есть почти перестала. И не потому, что красивой стать мечтала или неожиданно расшалившееся либидо жаждала успокоить в чьих-то объятиях, а простонапросто сил ни на что не было, так меня эти сны выматывали.

Вот только с чем именно их появление связано? Непонятно. То ли из-за того, что бабку ослушалась, то ли серьги те какие-то неправильные, а, может, просто время пришло, и организм давал понять, что я в девках засиделась? В любом случае, серьги выкинуть или отдать кому-то рука не поднималась, а остальное лишь предположения, и вокруг никого толкового нет, чтобы совета спросить.

Вон, девчонкам пожаловалась, те лишь поусмехались, говоря, что личной жизни у меня полный штиль, вот организм во снах и ищет способ удовлетворения вполне естественных физиологических потребностей. Им бы такое удовлетворение! Каждую ночь, уже на протяжении ста семидесяти восьми дней, я вижу эти трижды проклятые сны! Да-да, я точно знаю, сколько дней минуло, и причина не в том, что я считаю их по календарю, дело в том, что моя память оказалась весьма избирательна — материалы лекций, планы на завтра, разговоры с подругами могут с лёгкостью забыться, а вот эти события… Ну… то есть, пережитое во время моих ночных грёз сохраняется от и до. И к каждому сну будто ярлычок приклеен с номером ночи, когда я его увидела.

С того нелепого спора о шарлатанстве так на-

зываемых ведьм, дающих объявления в газетах и интернете, и последовавшим за этим приворотом, минуло уже полгода.

Ведь именно в ночь после спора последовал первый визит «ночного гостя».

Вспомнилось моё первоначальное смущение, довольно быстро сменившееся неведомыми ранее ощущениями. И да, тогда мне это понравилось, хоть и хотелось чего-то большего, но я впервые испытала оргазм, получив разрядку. В то утро я порхала, будто окрылённая. Впервые осознала, что несмотря на лишние килограммы, могу быть желанной. Ну и факт того, что способна ощутить «такое» радовал, ведь прежде считала себя неполноценной: у сверстниц уже были парни, секс или как минимум поцелуи, а у меня — ничего, даже физического желания. К вечеру я ждала момента, когда же засну, надеясь, что незнакомец вновь придёт. Пусть контакта с ним и не было, но под его руководством хотя бы удалось побороть смущение.

Он пришёл. И в ту ночь, и в последующие. Сны постепенно начали становится всё длиннее и насыщеннее в эмоциональном плане. Вместо того, чтобы отдохнуть, я просыпалась измотанная, утомлённая, но в первые недели меня это

не слишком напрягало. Днём я смаковала воспоминания из своих ночных «похождений», и постепенно пришло «желание». Грудь ощутимо увеличивалась, норовя вырваться из сковывающего её свободу тонкого лифчика, соски обретали повышенную чувствительность и топорщились, привлекая внимание и смешки окружающих, в животе разгорался жар, половые губки набухали и сочились, вынуждая даже в обычные дни использовать прокладки во избежание появления влажных пятен на юбках и брюках.

Сначала эти ощущения привносили некую пикантность в мою серую размеренную жизнь. Возбуждение дурманило, опьяняло, я нет-нет да ловила на себе заинтересованные взгляды парней, на животном уровне ощущавших, что самочка созрела. И главное — под прессом всех этих впечатлений мой вес довольно бодро начал снижаться! Вначале я даже испугалась, ведь кожа обвисла, как у шарпея, грудь опустилась, ан нет, всё быстро подтянулось, став упругим. Всё чаще удавалось услышать завистливые шепотки среди девчонок, а кто-то и впрямую восхищался происходящими с моим телом метаморфозами.

Со временем оказалось, что у меня хорошее сложение: длинные красивые ноги, тонкая талия,

красивые и на редкость гармонично сложенные плечи и шея, высокая полная грудь. Ещё и лицо, бывшее некогда обычным, изменилось: контур овала стал чётче, носик и скулы слегка заострились, глаза и слегка пухловатые губы теперь казались гораздо крупнее. Это было настоящим чудом, ведь чего я только не перепробовала — и диеты, и зарядки. Максимум теряла пару килограммов, которые вскоре возвращались обратно, а зачастую ещё и с довеском в виде лишних граммов.

В общем, одни плюсы, а моё ставшее хроническим возбуждение поначалу было вполне терпимо, дождавшись ночи, тело получало разрядку и успокаивалось. Но изо дня в день мои дурные мысли возвращались к будоражащим либидо видениям, и к вечеру я начинала сгорать от потребности в ласках, но всё ещё не изжившее себя смущение не позволяло удовлетворять себя в реальной жизни. И во снах, как назло, я всё больше ощущала возрастающую неудовлетворённость. Обычных ласк уже было мало, хотелось большего, а мой ночной визитёр по-прежнему только смотрел и направлял, но не прикасался, и тут появились они — новые действующие лица. Увы, с их появлением стало лишь хуже.

Поначалу не решалась даже смотреть в их сторону, но возбуждение и любопытство изгнали стеснительность. Будучи не в силах что-либо изменить, я смотрела, как они ласкают друг друга, и неистово терзала своё собственное тело. А наутро проснулась, сгорая от так и оставшегося неудовлетворённым желания, неотступно преследовавшего меня до тех пор, пока не научилась уединяться и снимать напряжение.

А потом… потом встретилась мне истинная ведьма и поведала рецепт избавления от проклятия. Да только не прост он был: требовалось научиться управлять собой во снах и совратить моего вечно хладнокровно наблюдающего за происходящим и только приказывающего, что именно делать, «ночного гостя». А для этого требовалось ни много ни мало вспомнить все предыдущие видения, проанализировать их, вычислить те моменты, когда мне — реальной — удавалось хоть на сколько-то повлиять на происходящее во сне, а ещё вычислить, что именно вызывает у синеглазого наблюдателя пробуждение эмоций и чувств. Пока вспоминала, картинки прошлого проносились перед моим мысленным взором, воспроизводя события ночных видений. Вот только было не понять: удавалось ли мне

реальной как-то повлиять на происходящее там, во снах? Да и реакцию мужчины сложно было оценить до одного, ставшего переломным, момента… Всё-таки это уже былое, но я подмечала, складывая свои наблюдения в копилочку, надеясь, что когда-то мне удастся осуществить задуманное. Но это в необозримом будущем, а пока… пока анализирую сны.

И вот однажды в моих видениях появились новые действующие лица. Начиналось всё как обычно — он и я, тихий хрипловатый приказ ласкать свой тело, моё безропотное подчинение. В какой-то момент, умудрившись оказаться поперёк кровати, я одной рукой неистово терзала половые губки, клитор, и так и оставшийся неосквернённым вход в святая святых, вторая ладонь мяла грудь, перед глазами всё плыло, дыхание сбилось, а тело готовилось вот-вот забиться в экстазе, и вдруг… Синеглазый оторвал от меня взгляд и приглашающе махнул рукой в сторону двери. Тут же в комнату вошли двое: высокий сексапильный брюнет и смуглая блондинка с роскошной гривой волос.

Я, вмиг остыв, напряглась и, натянув на себя одеяло по самый нос, взирала на незваных посетителей, явно успевших стать свидетелями моего

позора. Не знаю, кто это, и почему их пригласили, ещё и вид у меня такой… да и поза фривольная: ноги согнуты в коленях, голова свесилась в проход, пот проступил на полыхающем от смущения лице, а про прикушенную губу и бегающие глаза вообще лучше молчать. Одно дело привыкнуть к тому, что на соседних кроватях спят соседки по комнате, и знать, что впоследствии они остаются в неведении о происходившем здесь по ночам, считать само собой разумеющимся присутствие синеглазого, но эти люди…

— Начинайте, — произнёс мой ночной визитёр. А я напряглась: что-то сейчас будет?

Бросив на меня мимолётный взгляд, «гости», повинуясь приказу, начали…

Их губы слились в нежном поцелуе, руки, едва касаясь одежд, заскользили по телам друг друга. Я пыталась отвести взгляд, ан нет, не вышло — пришлось наблюдать за происходящим.

Постепенно объятия стали жарче, первым упала на пол блуза, открыв взору красивое нежно-розовое кружевное бельё, ненадолго задержавшееся на теле своей хозяйки, затем последовала рубашка парня… Вскоре, передо мной предстали во всей своей природной наготе два великолепных тела, сплетённых в жарких

объятиях. Особенно впечатляли равномерный золотистый загар у девушки и полное отсутствие волос на смуглом теле мужчины. Рассматривая их, с удивлением осознала, что плотоядно облизываю внезапно пересохшие губы.

Тут-то и началось самое интересное: девушка, медленно покрывая поцелуями тело партнёра начала медленно оседать вниз, и… вот что она там делает, а? Её руки и лицо оказались на уровне мужского паха. Парень осторожно ухватил блондинку за волосы, направляя движения, а сам, зажмурив глаза, с тихим стоном запрокинул голову назад.

Нет, так не честно! Не честно! Не честно!!! Попыталась сменить позу и ракурс. Ага, размечталась, наивная. В этот миг хотелось биться головой об стены из-за своей беспомощности. Я, конечно же, догадывалась, что именно она делает, но если уж по воле синеглазого я тоже стала наблюдателем, то хочу видеть всё!

А тут ещё и звуковые эффекты добавились: смачное чмоканье и мычание вошедшей в раж девицы, учащённое дыхание и постанывание парня. Под одеялом стало невыносимо жарко, внизу живота полыхает требующий удовлетворения огонь, а ещё… ещё моё былое смущение

сошло на нет. Чего стесняться тех, кто не стесняется тебя?

Я не заметила, как собственные руки стянули покров, оголив торчащие вверх холмики грудей. Прохладный воздух вопреки ожиданиям не остудил мой пыл, а опалил полыхающую жаром, взмокшую кожу. И да, в тот миг на лице синеглазого появилось удивление: он приподнял одну бровь, в глазах мелькнула заинтересованность, голова как-то странно склонилась набок, но тут же всё это исчезло, сменившись обычной маской холодного безразличия.

А в следующую секунду мне стало не до него: блондинка всё так же руками и губами лаская тело мужчины, грациозно поднялась, умудрившись как-то по-кошачьи выгнуть спину. Но парень тут же надавил ей на плечи, возвращая к исходной позиции. И всё бы ничего, но на этот раз, вместо того чтобы присесть, она отступила на шаг назад, оказавшись возле самой кровати и… наклонилась! М-м-м… Моя голова очутилась как раз между её слегка расставленных ног. Теперь я видела её подбородок, слегка покачивающиеся груди с тёмными ареолами возбуждённо торчащих сосков, и… да, начисто выбритые и, как ни странно, тоже загорелые половые губки. Возник-

ло желание коснуться её, но моё тело, как всегда, спасовало.

Ну что ж, я хотела видеть? Пожалуйста. Получила желаемое. Это не совсем то, чего можно было ожидать, но и этот ракурс оказался довольно интересным. В какой-то момент мужчина вошёл в азарт и, схватив подругу за голову, начал усиленно насаживать её на своё достоинство. Груди колыхались в такт движениям, его выбритая мошонка шлёпала по подбородку почмокивающей и порою мычащей и постанывающей девушки, а нависающие надо мной набухшие от возбуждения влажно поблёскивающие половые губки начали сжиматься-разжиматься, выдавливая всё новые и новые капли женского сока, а потом… задрожали, и на мой подбородок упала сорвавшаяся с её нижних губок тягучая капля!

Во рту пересохло. Ещё недавно, случись подобное, и меня, наверное, вывернуло бы от отвращения и брезгливости, но сейчас я всем своим существом жаждала слизнуть эту каплю. Ощутить её вкус, а лучше… лучше припасть губами к источнику. Почувствовать, как эта головокружительная красотка стонет от моих прикосновений, заставить её кричать в голос, раз за разом сотрясаясь в экстазе! Увы. Рождённый

смотреть, потрогать не сможет. Не выдержав напряжения, коснулась своей промежности. О, боги! Никогда ещё там не было настолько мокро! И так сладко… Я смотрела на то, как трепещут её половые губки, и ощущала, что мои непроизвольно вторят этим движениям…

Сейчас же я — реальная — разлеглась под тентом на лугу возле озера и вспоминала о том, что последовало дальше.

В прошлую припомненную мною ночь сон как-то резко оборвался, а в следующую появилось новое действующее лицо, и лишь ещё одну ночь спустя я наконец-то дождалась продолжения. Но не буду забегать вперёд, пусть всё идёт по очереди…

Начиналось всё как обычно, и та — я, которая из сна, — успела подумать, что мы с синеглазым этой ночью, как и прежде, останемся наедине, то есть вдвоём. События развивались вполне планомерно: приказ ласкать своё тело, моё привычное подчинение. Эти действия уже не производили на меня былого впечатления, утомлённое хронической усталостью тело слабо реагировало на ласки, но постепенно физиология брала своё и да — я возбуждалась. Пусть и не до искр в глазах, как бывало прежде. И опять в тот момент, когда я уже

готова была к довольно вялому, но всё же оргазму, синеглазый кому-то приглашающе махнул.

Я замерла в предвкушении, не забыв предварительно прикрыться. Каково же было моё удивление, когда вместо давешней пары в комнату вошёл незнакомый мне рыжеволосый молодой мужчина. Мягко говоря, не красавец, да и вообще ничем внешне непримечательный, а если учесть мою патологическую антипатию к рыжим… Проблема в том, что кому-то такой типаж наоборот кажется привлекательным, но я с самого детства никогда не дружила даже с рыжими девочками, мне был неприятен цвет их волос, светлая мягкая кожа с веснушками, и уж тем более обладатель всех этих достоинств никак не мог вызвать во мне физического влечения. Так и хотелось спросить: зачем он тут? Вот только голос, как и тело, мне по-прежнему не подчинялся.

Лежу, напрочь забыв о былом возбуждении, и с недоумением взираю на новое действующее лицо. А парень тем временем, повинуясь жесту синеглазого, достаёт из перекинутой через плечо сумки небольшой проигрыватель, устанавливает его на подоконник, и из встроенных динамиков негромко полилась приятная медленная мелодия.

Рыжий начинает странный танец: его тело становится будто текучим, неестественно плавно и пластично меняя позы, положения, вот он тут, а потом перетекает в другое место…

Странный танец. Никогда прежде ничего подобного не видела. Никакой эротики, никаких откровенных или провоцирующих движений или раздевания, но я уже очарована гибкостью танцора. Странно, но былая нелюбовь к рыжим уже позабыта, я та — из сна, — и реальная, которая смотрела этот сон, и даже нынешняя, окунувшая в воспоминания… Все мы были неимоверно возбуждены.

В какой-то момент я поймала манящий взгляд его странных, по-тигриному жёлтых глаз, и парень тут же, не выбиваясь из стройного ритма танца, поманил меня к себе. Я почти сумела встать, чем вновь удивила синеглазого. Но в какой-то момент тело отказалось мне повиноваться, в итоге я так и осталась сидеть на краю кровати, свесив ноги на пол и жадно сглатывая набегающую слюну, не мигая следила за чарующими движениями танцора, а фантазия начинала постепенно его раздевать. Хотелось видеть, как двигается его тело без одежды, как переливаются под этой мраморной кожей мышцы…

И да, безумно захотелось, чтобы он возбудился, и увидеть это собственными глазами.

Стоит ли говорить, что вставая с кровати, я лишилась прикрывающего меня одеяла и сейчас была обнажена? А потом началось что-то совсем уж нереальное: рыжик, словно угадав мои мысли, продолжая танец, вопросительно приподнял одну бровь, плавным движением проведя по своему телу рукой, будто говоря: хочешь сниму? И да, я закивала, чем опять вызвала удивлённое выражение на лице синеглазого.

А этот рыжий шельмец задорно улыбнулся и опять же не выбивающимися из танца жестами показал на мою грудь, ясно дав понять, что её надо ласкать. Я что? Разве ж я против? Очень даже — за! Подстраиваясь под его плавные движения, начала поглаживать полушария, легонько касаясь возбуждённо топорщащихся сосков. От этих движений внизу живота стало нестерпимо жарко, и я непроизвольно поёрзала на кровати, сжимая бёдра. Краем глаза отметив, как взгляд синеглазого потемнел, но мужчина тут же сглотнул и отвернулся, явно стараясь взять себя в руки.

Оголённый по пояс сверху танцор, продолжал свой текучий танец, и теперь его жесты намекали на возможность снять остальное, но в обмен… О,

да! В обмен он ждал от меня более откровенных ласк. И я не заставила его ждать. Мои пальцы скользнули между собственных бёдер. Парень, не прекращая танца, начал расстёгивать ширинку. Я застонала… Никогда прежде собственные прикосновения не были настолько волнующими и головокружительными. А когда рыжий оказался передо мной нагим, не выдержала и взорвалась во всесокрушающем оргазме. Казалось, мир потрясла какая-то глобальная катастрофа, настолько ослепительны были охватившие меня ощущения.

Наконец-то придя в себя, я осознала, что моё безвольное расслабленное тело самым бесстыдным образом развалилось на кровати, расставив ноги и демонстрируя присутствующим всё самое сокровенное. Вот только рыжий так и не прекращал своего танца, а у меня не было ни на что сил, ни на то, чтобы сменить позу, ни на то, чтобы оторвать взгляд от его гибкого тела. Вскоре мои руки вновь ласкали себя. Кто бы знал, как возбуждает понимание того, что ОНИ это видят.

Если у рыжего подрагивающий от вожделения член с поблёскивающей на его кончике капелькой был на виду, то у синеглазого… я посмотрела на ширинку и плотоядно улыбнулась. Вот и па-

ла его цитадель. Он возбуждён так, что брюки вот-вот лопнут по швам. Так и хочется сказать: «Идите же ко мне…» И да, я хочу их обоих, и да, знаю, что не получу желаемого, но кто мешает пофантазировать?

Я ласкала свои сочащиеся соком губки, то нежно и плавно, в ритме, задаваемом танцором, и представляла, что это не я, а он касается моих губок, клитора. То начинала неистово терзать их, сходя с ума от сладостной боли, смотря в упор на синеглазого и навязывая эту роль ему. То мне чудилось, что это делали их руки, а не мои, то на их месте были губы, а потом, потом этот мраморный член, не прекращая танца, слегка коснулся входа в святая святых, отстранился, и за ним потянулась вязкая ниточка выступившей от возбуждения смазки и… Я вновь взорвалась в бурном оргазме. Помню, как сжимала бедра, вновь и вновь, раз за разом кончая, пока не ощутила тянущую боль внизу живота и не упала без сил на постель.

И да, на самом деле был лишь танец, а всё прочее — мои фантазии, но как же это было сладко! И главное… Главное, подтвердилась моя теория о том, что в тот момент, когда я реальная возбуждена, мне пусть и ненадолго, но удаётся взять

управление над телом. И наконец-то обнаружилась первая реакция синеглазого: в тот миг, когда я, исходя от желания, ёрзала на кровати, он возбудился. А позднее, когда, выставив всё самое сокровенное, билась в экстазе, кончая раз за разом, мне показалось он застонал, что лишь добавило красок.

Выход из воспоминаний шокировал: в этот момент моё тело расслаблено раскинулось на покрывале, и, судя по ощущениям, я каким-то образом умудрилась получить разрядку. Дыхание ещё не восстановилось, половые губки конвульсивно сжимались, и я понимала, что прежде чем начать анализ следующих снов, стоит прогуляться до озера и привести себя в чувство.

А я реальная, продолжила вспоминать, молясь о том, чтобы не пришлось восстанавливать в памяти все сто девяносто девять ночей, в которые являлся ко мне синеглазый. Всё-таки это вам не сказки Шахерезады из «Тысяча и одной ночи», это почти реально пережитые события, весьма ощутимо будоражащие сознание.

Итак, ночь следующая. Начало промелькнуло без каких бы то ни было подробностей, ибо ничем не отличалось от предшествующих ночей. А дальше… Опять приглашающий жест синеглазого, и в

комнате вновь появились те двое: сексапильный смуглый брюнет и блондиночка с равномерным загаром по всему телу.

Увидев их, я даже улыбнулась, как старым знакомым, и вновь это привлекло интерес «кукловода». Видимо, подобное проявление эмоций не было предусмотрено. Вот только что подвигло меня ни то, что на улыбку, а на способность сделать что-то внеплановое, сколько не крутила в голове фрагмент этого воспоминания, так и не поняла. Ладно, бог с этим, надо будет испытать для начала первый подмеченный момент. Сейчас главное понять, что именно заводит синеглазого, кроме совсем уж откровенных ласк.

Так уж вышло, что к моменту их появления я полусидела на кровати, опираясь спиной о стену. Ну и да, как всегда после его отмашки была прикрыта одеялом, а то мало ли кого на этот раз принесёт? Итак, после тех двух ночей я дни напролёт ходила, стыдливо понурив голову и распустив волосы, чтобы лица видно не было, при этом с опаской вглядываясь в прохожих, боясь увидеть ночных знакомцев и гадая: если встретимся — узнают? А сейчас в душе поселился страх. По какому принципу он выбирает «гостей»? Вдруг очередным визитёром окажется кто-то их реаль-

ных знакомых? Или вообще, не дай бог, кто-то из немалочисленных родственников?

В общем, увидев эту парочку, я вздохнула с облегчением. И опять он позволил им начать свои брачные танцы, а я смотрела, надеясь, что в этот раз удастся увидеть куда больше, нежели в позапрошлую ночь. Конечно же, сам факт их взаимных ласк, вид изумительно красивых, плавящихся от страсти тел уже вызывал физическое влечение и вожделение, да ещё и перед глазами нет-нет да всплывала картинка с трепещущими от желания половыми губками блондинки.

К тому моменту, как они оголились, я уже завелась и с нетерпением ждала продолжения. И… о, да! Оно последовало!

Правда в первый момент я пожалела, что ничего интересного из такого ракурса опять не увижу, так как парень, стоя ко мне лицом, просто-напросто развернул блондинку к себе задом, ко мне передом, и, как избушку в той сказке… «чуть-чуть» нагнул. Девушка упёрлась руками о кровать, с грацией кошки прогнув спинку и выворачиваясь всем самым сокровенным к нему навстречу. Брюнет же словно играл с ней: провёл рукой по входу в святая святых, отчего у блондинки аж зрачки расширились на мгновение.

И тут он наклонился, припав к ней всем телом. Мелькнула мысль — вот оно!

Ан нет. Парень, поцеловал её шею и заскользил губами по спине, покрывая лёгкими поцелуями лопатки, вновь вернулся к шее, а потом начал спускаться, лаская покрывшуюся мурашками кожу вдоль позвоночника. Задержался на ямочках ниже поясницы и вдруг схватил её за бёдра, заставив блондинку предвкушающе поёрзать. А я аж немного вперёд подалась, чтобы рассмотреть, что ж там такое происходит-то?!

Как же жаль, что не видно подробностей! Я лишь наблюдала за тем, как девица, схватив ртом воздух, будто задыхаясь, подкатила глаза, в тот миг, когда брюнет продолжая тискать ягодицы партнёрши, присел и… впился губами в святая святых! Мне казалось, что я буквально ощущаю, как трепещут сейчас её половые губки, и у самой, там же, всё аж задрожало от мысли, что когда-нибудь… кто-нибудь также… или даже я кому-нибудь… Блондинка же тем временем вся изъерзалась, стараясь поплотнее прижаться тем самым местом к ласкающему её мужчине. Упругие груди покачивались, голова то откидывалась назад, то, наоборот, склонялась. Её руки то сжимали ткань прикрывавшего меня одеяла,

то разжимались. Это нехитрое действо привело к тому, что мой покров сполз, открыв ей вид на… В общем, мы были квиты. Позавчера я наблюдала, как она трепещет и истекает соком, теперь пришёл её черёд.

Словно только сейчас заметив моё присутствие, девица скользнула по мне взором: начала с глаз, задержалась на губах, груди, спустилась ниже и… вот там она его задержала и, облизнув губы, каким-то голодным взглядом уставилась мне в глаза, будто чего-то ждала.

Та я, из сна, и наблюдательница из прошлого — опешили. Не без труда удалось робко взглянуть на явно напрягшегося синеглазого, на едва виднеющуюся макушку увлечённого ласками брюнета, в светло-голубые глаза блондинки…

Я гулко сглотнула и… повинуясь инстинктам, немного съехала спиной по стене, поближе придвигаясь к девице. Та поняла это правильно. Её губы тут же потянулись к внутренней стороне моего бедра. Прикосновение взорвалось тысячами мурашек по всему телу. Перед глазами, ослепляя, вспыхнули фейерверки. Моя спина непроизвольно выгнулась дугой, а из сжатой в спазме глотки вырвался громкий вдох. Оставляемые поцелуями влажные дорожки на коже одновременно будто

обжигали и замораживали, дыхание девушки опаляло огнём.

Моё тело здесь, на лугу, тоже плавилось от вожделения. Не вынеся пытки, одна рука задрала подол сарафана и, оттянув в сторону эластичную ткань трусиков, ласкала истекающее соком сосредоточение желания. Вторая, сквозь ткань оглаживала полушария грудей, сдавливая пальцами то один, то второй сосок. И да, я параллельно продолжала переживать ранее испытанные ощущения: там, во сне, мои ноги напряглись и задрожали в предчувствии чего-то неизведанного, а руки начали ласкать сладко занывшую грудь… Брюнет же в это время приподнялся, оценил ситуацию и агрессивно вошёл в блондинку, отчего та даже вскрикнула, но тут же завиляла задом и замычала. Лоснящийся от пота парень то резко нанизывал её на себя, замирая в конечной точке, то, наоборот, начинал двигаться очень медленно, словно дразня партнёршу, а потом даже запыхтел, с усердием нашпиговывая её собой.

Кто бы знал, какого труда мне — нынешней — стоило вынырнуть из пучины былого возбуждения, отвлечься от нынешних ощущений и боковым зрением оценить состояние синеглазого! Но это усилие того стоило! Будучи уверенным,

что все увлечены и никто на него не обращает внимание, мужчина сбросил маску хладнокровия и, пожирая прищуренными глазами происходящее у меня между ног, подался вперёд, одной рукой довольно грубо массируя ощутимо топорщащуюся ткань джинсов в области ширинки.

Нет, ну надо же?! А с виду лёд льдом, даже и не подумать было, что ничто человеческое ему не чуждо. Я аж в себя пришла от подобного открытия. Это же сколько силы воли надо иметь, чтобы смотря на всё это — сдерживаться? Ведь даже я сейчас специально наблюдаю за его и своими реакциями, и то, вся сочусь и схожу с ума от желания, то каково было ему находиться рядом и сохранять видимость равнодушия? Ни то чтобы не накинуться, но даже ни единым жестом себя не выдать? Последний подмеченный мною момент не в счёт, тогда он был абсолютно прав — присутствующим действительно не до него было.

Продолжая вспоминать, я вновь завелась. Как не старалась сосредоточиться, а всё равно погружалась в пучину охвативших меня некогда чувств. Ведь в ту ночь блондинка только и успела лизнуть меня в губки, отчего я непроизвольно зажала её голову ногами, и тут же забилась в

долгих конвульсиях экстаза. Собственно, «гости» кончили практически одновременно со мной. Да и реальная я синхронно с ними содрогнулась и застонала, испытав оргазм.

«Так, Лера, дышим спокойно, не время для плотских утех, сначала дело надо сделать, и в качестве приза получишь этого синеглазого самца… Ведь он тебя возбуждает… Ты его хочешь, а не эту…» — попытался наставить меня на путь истинный, мой внутренний голос.

Вот только, вопреки всему, взять себя в руки никак не удавалось. Вроде и воспоминание к концу подошло, организм параллельно разрядку получил, а мне всё мало. И вдруг я почувствовала на себе чей-то взгляд. Быстро одёрнув подол сарафана, села, осторожно выглядывая из-под навеса. Хм… Вроде бы никого, но ощущение того, что кто-то смотрит не отпускает.

Может, в лесу кто-то прячется? Хотя кому тут быть? Глушь же. И тут всплыли в памяти совсем недавние ощущения: точно так же, будто смотрел на меня кто-то во дворе дома. Только тогда я не отдавала отчёта этим ощущениям, а теперь вот вспомнила.

И вдруг сзади послышался странный треск, будто под ногой ветка треснула. Оборачиваюсь

и… Моё сердце замедлило бег, и весь мир погас, я просто-напросто утонула в бездонной синеве глаз моего некогда «ночного гостя», вот только этот, будоражащий воображение, был реален — из плоти и крови, — он стоял метрах в десяти от меня и как будто чего-то ждал. «Неужели это судьба», — мелькнула последняя более или менее связная мысль, и я, отбросив все принципы и приличия, бросилась на шею так давно ставшего желанным мужчины.

Гера Симова
НЕ ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Наконец-то утренняя беготня по дому закончилась, и я готова к обстоятельной беседе с лучшей подругой. Она давно должна мне кое-что рассказать. Крупные куски дыни истекают соком, а я слюной от бесподобного аромата. Пора звонить Лесе, пока не захлебнулась. Где ты, моя хорошая?

— Свет, всё. Я решилась! — зазвенел в трубке Леськин голос.

О как, ни «здрасьте», ни «привет», сразу к делу. И чего так напрягается? Решила и ладно. Все через это проходят. Вот только выбор партнёра для первого раза мне не нравится, но так он ведь её, а не мой. Тем более, подруга уверена — у них любовь.

— Молодца! — придётся поддержать, раз такое дело. — Только ты на многое сразу-то не рассчитывай.

— Что я, совсем тёмная что ли? Уж как-нибудь переживу. Вон, в романах героини ещё и довольны остаются.

— Лесь, так то фэнтези, или твой Эдик скрывает

от общественности магические способности?

— Нет, но хочется надеяться на лучшее… — сникла Лесана.

— Многое зависит от его мастерства, — попыталась представить Эда в постели, но не смогла. — Вы как далеко уже заходите?

— Целовались…

— И всё?!

Я, конечно, понимаю — Лесана девушка скромная, но ведь были у неё ухажёры, свидания и более смелые ласки, чем просто поцелуи. Или не было ничего такого? А ведь и правда, о подробностях она всегда умалчивала, и ни с кем подолгу не встречалась. Эдик единственный, кто продержался больше месяца. Да какое уж, полгода на свидания водит, подарки дарит и не наглеет, насколько можно судить по её рассказам.

— Не совсем…

— Лесь, чего ты мнёшься, уж мне-то можно, — сегодня я вытрясу из неё правду. — Я же не мать тебе, а лучшая и, обрати внимание, единственная подруга!

— Светлячок, ты же знаешь, не люблю я о таком разговаривать. А про маму ты вообще зря, как вспомню её нотации, тошно становится.

— Хватит мямлить, рассказывай давай всё в по-

дробностях! В конце концов, кто ещё тебе сможет посоветовать что-нибудь дельное? И обещаю: ни одного плохого слова про твоего Эдика, а Зинаиду Львовну больше не упоминаю.

— Ты знаешь, мы с ним уже полгода встречаемся, как раз в эти выходные исполнится. Он ни разу ничего лишнего себе не позволил, сначала только руки целовал и комплименты говорил. Светик, а как он стихи читает! У меня мурашки от его голоса и взглядов…

Ещё бы, парень два года отыгрывает эльфийского целителя на выездах нашего клуба ролеплейщиков. Сандро говорил, что в школе он в театральном кружке занимался.

— Первый поцелуй с ним совершенно волшебный получился — в Новый Год. Мы ходили в парк смотреть салют и пили шампанское прямо там, на улице. Народа собралось — жуть! — заливалась соловьём Леся. — А он будто и не видел никого, кроме меня. Притянул к себе за шарф и прямо в губы сказал, что я — самое лучшее, что случилось с ним в прошлом году, а потом поцеловал. Нежно-нежно. Представляешь, я «поплыла», прямо как героиня из романа. Только Эдик не дал упасть, мы потом ещё долго гуляли за ручку и любовались фейерверками, которые народ запускал.

Хорошо, что подруга не видит скептическую гримасу на моём лице. Наверняка бы страшно обиделась. Но мне смешно думать о её бойфренде, как о романтическом герое. Слишком уж он практичный и меркантильный. В нашей тусовке именно Эдик ведёт расчёты по выездам на природу, и никому не позволяет халявить или ходить в должниках.

— Он меня домой почти под утро проводил и уехал в общагу, даже неловко было, что не пригласила. Но ты ведь знаешь, у меня всего один диван, а спать вместе было бы неловко. Он мне до утра СМСки писал!

— Лесь, погоди, как это «писал»? Теперь что, перестал?

Подруга недовольно засопела. Наверное, я её с настроя сбила, но ведь ни слова вставить невозможно!

— Конечно, не перестал! В новогоднюю ночь они все до одной были в стихах про любовь. Я некоторые даже не знала, а уж у меня подборка романтической лирики огромная, — зашуршала обёртка и Леся хрустнула печенькой. — И ты же обещала!

Ох, лучше бы я и правда промолчала, уж очень болезненно моя красавица воспринимает любые

слова в адрес своего обожаемого Эдика. Вон, даже невинный вопрос заедает. Сейчас главное не дать ей снова замкнуться.

— Ну Лесечка-а-а, не будь букой, — жалобный голос мне удаётся отлично и обычно это срабатывает. — Я же теперь помру от любопытства! За мной-то никто так долго и красиво не ухаживал.

Сказала и отправила в рот очередной ломтик дыни. Сладкие капли потекли по руке, а салфетки остались на кухне. Ну и ладно! Облизала сок с пальцев и присмотрелась к ним внимательнее: пора маникюр обновить.

— Это да, Эдик безумно романтичный! Он, как эльфийский принц, а я чувствую себя особенной, самой-самой для него.

— Согласна, в этом твой парень идеален, мне такие ни разу не попадались. В лучшем случае, в кино или кафе сводят, а потом начинаются «горизонтальные» намёки.

— Вот гады! Эд мне до сих пор ничего такого даже не говорил. Как-то обмолвился, что был бы счастлив провести всю жизнь с такой девушкой, как я. Да, после Нового Года он немного смелее стал себя вести. Я ведь под ёлкой от него подарок нашла, ну ты же видела, я эту подвеску-сердечко постоянно ношу, — звякнула ложка об край чаш-

ки, Леся громко прихлебнула чай. — Извини, во рту сохнет. Мы ходили в кино, даже в театр пару раз, но Эдик продолжал вести себя сдержанно. Мне иногда самой хотелось большего. Ты меня осуждаешь?

— С чего бы? Тебе исполнилось двадцать, гормоны наконец-то проснулись, а то всё ходила, как снулая рыба, — усилившийся хруст печенья в трубке заставил торопливо добавить. — Подруга, поверь, желание секса в твоём возрасте — норма. Только парень что-то долго тянет с этим делом.

— Светик, ты не понимаешь! Это любовь. У него даже пальцы подрагивают во время прикосновений. Знаешь, как сердце замирает и будто бабочки в животе порхают, стоит ему меня обнять? А от поцелуев я просто таю!

Выдержке Эда можно только позавидовать. Современные мужчины не привыкли месяцами ходить вокруг да около.

— Сознавайся, неужели всё настолько невинно?

— Опять ты за своё! Не все такие развратные, как вы с Серёгой. Думаешь, я не видела, чем вы в десятом классе в раздевалке после физры занимались?

— Ой, ничего особенного мы не делали, — и не

удержалась от подколки. — Готова поспорить, что у вас с Эдиком и до этого не дошло.

— А вот и нет! — вскинулась Леся. — Конечно, он меня догола не раздевал, но прикасался. Прижимал к себе так, что наши тела будто сливались воедино и спину гладил. А ещё я чувствовала, как напряжено его естество!

— Это член что ли?

— Фу, какая ты грубая! В тебе сохранилась хоть капля романтики?

— Если поискать хорошенько, то наверняка есть немного. Только ты мне вот что скажи, неужели он ни разу не попытался залезть к тебе под юбку?

— На словах это ужасно неприлично звучит, Светлячок. Только у нас с Эдиком правильные отношения. Ты смеёшься над моей страстью к чтению любовных романов, но ведь откуда-то авторы берут образы мужчин. Не может быть, что абсолютно все главные герои — сплошные фантазии. Когда Эдик за мной начал ухаживать, я сразу это поняла. И да, на последних свиданиях он ласкал мне грудь. Теперь ты довольна?

— Через лифчик на поролоне и шерстяной свитер? Чем тут можно быть довольной?

— Не поверишь, но я и от этого улетаю. Грудь

будто распирает и кажется, что она хочет прорвать одежду, чтобы обнажённой кожей почувствовать его слегка шершавые пальцы. У меня сердце в такие моменты колотилось так, что хоть к кардиологу беги. Трусики потом насквозь мокрые, ходить жутко неудобно. И стыдно. Мне кажется, что Эд видит моё возбуждение. Вдруг он считает меня распущенной и поэтому выжидает? Хочет быть уверенным, что я порядочная девушка.

— Ну и дурочка ты, Лисёнок. Конечно, он всё видит и понимает. Мужики на это дело чуткие, а вот почему так долго тянет, не знаю. Среди парней тоже не все торопятся поскорее девушку в кровать завалить, некоторым нравится постепенное развитие отношений. Надеюсь, что он в тебя действительно влюблён.

Не могу же я сказать этой глупышке, что парень её вываживает, как рыбак золотую рыбку. У меня ни на грош доверия к Эду нет, слишком хитрожопый. Леся девушка скромная, но симпатичная — всё при ней, да ещё с собственной квартирой. Этот будущий менеджер на неё при первой же встрече стойку сделал, а теперь она явно созрела.

— Кстати, сознайся, замуж за Эдика хочешь?

— Светик, зачем так сразу-то? Мы сначала должны проверить чувства, попробовать пожить вместе…

Представляю, как она накручивает на палец кончик косы и краснеет, пряча взгляд.

— Раз юлишь, значит, не хочешь.

— Да я вообще в ЗАГС не тороплюсь. Вон, мама моя до свадьбы себя берегла, а толку?

— Забудь ты уже про печальный опыт Зинаиды Львовны, сейчас время другое.

— А я о чём говорю? — зачастила Леся. — И без штампа в паспорте можно прекрасно прожить. Когда до ребёнка дело дойдёт, тогда и замуж можно.

— О, подруга, а ты глубоко увязла, раз о детях заговорила.

— Свет, мы вообще не об этом! До выходных осталось два дня, надо меню придумать, помоги. Я не могу выбрать, что лучше: свиная рулька или запечённая говядина? И какой салат сделать? А вино? Или лучше роллов накрутить? А…

— Мать, ты в своём уме? Вместо того, чтобы бегать по магазинам в поисках классного нижнего белья или записаться в салон красоты, думаешь о жратве для него! — сделала многозначительную паузу и добила наивную. — Он обожрётся и ниче-

го не сможет в постели.

— Ты серьёзно?! Но что же мне делать?

— Шопинг, пилинг, массаж, эпиляцию.

— На депиляцию я завтра вечером иду.

— С ума сошла?! Да у тебя там всё так опухнет, что Эдик прикоснуться побоится. Это же страшно больно, а потом воспаление несколько дней может держаться. Хорошо, что сказала. Ты блондинка, волосики там мягонькие, принесу тебе кремчик специальный и будешь у нас гладенькая, как попка младенца. А ещё лучше, сделаем модную интимную стрижку, стразами украсим, чтобы твой любимый навсегда запомнил эту ночь.

— Представляю, что это будет за причёска, — фыркнула подруга. — Нет уж, спасибо, сама как-нибудь справлюсь. Не хватало ещё перед тобой ноги раздвигать.

— Можно подумать, я чего-то там не видела. Или ты забыла, что мы вместе росли? Конечно, можешь и сама, только потом не плачь.

— С чего бы? Детство давно в прошлом, и теперь я большая девочка.

— Как хочешь, но я бы от помощи не отказывалась. По магазинам меня возьмёшь или решила лишить лучшую подругу и этого удовольствия?

— Ну что с тобой поделать, завтра в два на нашем месте.

— Договорились!

* * *

Шоппинг с подругой — это праздник. Тем более, когда на повестке дня сексуальное нижнее бельё. Как мне удалось уговорить Лесю на покупку пояса и чулок, я никому не расскажу. Да здравствуют скидки и моя способность убеждать! На нежной сливочной коже лиловый бюстик смотрелся потрясающе, а от вида атласных бантиков на подвязках у Эда крышу сорвёт наверняка.

Леся провела пальчиками по краю кружева, вопросительно посмотрела на меня и приподняла ладонями грудь. Во даёт! Она и так «стоячая», куда уж больше? И попка идеально смотрится в трусиках танга, в стрингах был бы вообще отпад, но на них развести скромницу не удалось. Они ей, видите ли, в врезаются.

Двумя довольными мартышками, увешанными свёртками, мы заскочили в кафешку, отметить забег по магазинам. Я себя тоже не забыла, поэтому этот поход последний на ближайший месяц. У Леськи растрепалась коса, щёчки заалели и глаза всё ещё лихорадочно поблёскивали.

Тощий официант ссутулился перед столиком, принимая заказ. Равнодушное выражение его усталого лица на мгновение сменилось удивлённым — нечасто девушки предпочитают сладости низкокалорийным салатам. Ничего, мы из экономии часть порций разделим на двоих, как в детстве.

— Не могу дождаться субботы! — последний кусочек торта только что исчез во рту подруги, а она уже посматривает на мой. — Ты уверена, что сиреневый точно подойдет?

— Не сиреневый, а лиловый это во-первых, — пришлось придвинуть тарелку с десертом ближе к себе. — А во вторых, только героини любовных романов ограничены для секса чёрным и алым бельём. Хотя кое-что красное у тебя всё-таки будет.

— Ты что задумала?

— У меня есть для тебя подарок, но его ты увидишь завтра.

Леська поглощала третий десерт и явно не собиралась останавливаться. Нет, так дело не пойдёт.

— Всегда есть мороженое одному не вкусно ни мне, ни тебе, ни ему, — я ткнула ложкой в сторону соседнего столика.

Несколько длинных прядей взметнулись,

следуя за поворотом блондинистой головы. Я же зачерпнула из креманки побольше сладкой массы и облизнулась. Всё-таки мороженое со взбитыми сливками и шоколадом придумал гений. Жаль, что приходится беречь фигуру, но сегодня можно — шопинг поглощает бешеное количество калорий.

— Так нечестно!

Попытка вырвать из моих рук вазочку с десертом заранее обречена на провал. Так что теперь Лесина очередь глотать слюни, заглядывая мне в рот. Я, конечно, не жадная, но мороженое тоже люблю, а ем его реже подруги. У неё-то всегда ведёрко с лайтовой версией вишни в шоколаде хранится в морозильнике. Если она продолжит в том же духе, то превратится в истинную русскую женщину, от которой кони шарахаются.

— Мне надо поддерживать форму, — грудь второго размера будто увеличилась до третьего. Не иначе как от сознания собственной важности.

— Конечно, только почему-то попа и щёки набирают её первыми.

Мы расхохотались под завистливыми взглядами дамочек из-за соседнего столика. С их болезненной худобой остаётся только захлебнуться слюной над стаканом с минералкой. То

ли дело мы с Лесаной: высокие, статные, гладкие — сразу видно, диеты не наш выбор. Хотя, если честно, то кое в чём приходится себя ограничивать. Надеюсь, не зря.

* * *

Утром следующего дня подруга планировала сделать новый нэил-арт, а мне предстояло зайти за её любимым сливовым вином. От намёков, что покупать выпивку для свидания задача для мужчины, практичная Леся отмахнулась. Вдруг он принесёт что-то не то, а ей придётся этим давиться? Согласна: с её капризами шанс угадать у Эдика мизерный — один из всех остальных. Так что пришлось сделать небольшой крюк до супермаркета.

— Глазам не верю! — дверь открыла сияющая супер-модель. — Кто ты, и куда подевала мою подругу?

Лесана заметно расслабилась, а я скинула неудобные сабо и сунула ноги в свои тапки-тоторо. Красота! Теперь можно и делом заняться. Квартиру-то Леська вылизала, и даже в салоне побывать успела, судя по ногтям и укладке, а едой у неё не пахнет. Я покосилась на часы. Времени впритык и хватит только на гигиенические про-

цедуры. Ничего, кавалер отведёт даму в ресторан, так гораздо романтичнее.

— Светик, как мы будем делать эпиляцию, у меня же укладка?

Леся тряхнула крупными тяжёлыми локонами. Да уж, придётся изгаляться, чтобы не испортить красоту.

— Ты сама себе злобный доктор, всю жизнь возишься с такой длиной. Они же всё твоё богатство скрывают!

— Какое богатство? — что-то подруга сегодня тормозит.

— Известно какое — попу!

Я успела увернуться от шуточного тычка в бок и взялась за работу. Волосы хоть и с трудом, но удалось поднять на макушку. Несколько больших «крабов» потерялись в блондинистых дебрях. В воде с пеной уже не поваляться — отсыреют и обвиснут, а быстренько обмыться можно.

В ванную Леся меня не пустила, но через полчаса вышла довольная, значит, всё получилось. Эда ждёт приятный сюрприз. Настало время подарка. Торжественное вручение пакета из бутика женского белья прошло в напряжённой тишине. Леська аж дыхание затаила, поднимая тяжёлую крышку с коробки и разворачивая отчаянно шур-

шащую бумагу.

— Ух ты! Светлячок, это же безумно дорого!

Руки подруги судорожно прижали к груди полупрозрачный пеньюар. Домашний махровый халатик полетел на пол. Видела я, как она смотрела на эту вещь в магазине, и не удержалась от соблазна порадовать.

— Со скидкой нормально, — успокоила я её. — И к твоему комплекту подходит идеально. Так что не позволяй ему сразу тащить себя в постель, пускай сначала всё хорошенько рассмотрит и оценит!

— Тьфу на тебя, бесстыжая. Пойдём лучше чая выпьем, пока время есть.

Расстаться с вожделенной вещью у Леси сил не хватило, так и отправилась на кухню, кутаясь в шёлк. Я вспоминала свой первый раз и удивлялась волнению подруги. Да, мне тоже было страшновато, но не так, чтобы стучать зубами и трястись.

— Лесь, хватит смотреть на меня, будто я сейчас тебя съем. Возьми шоколадку и расслабься, до прихода Эдика ещё два часа.

— Тебе легко, ты уже давно из-за этого не переживаешь, — ложка в Лесиной чашке тихо побрякивала о тонкий фарфор. — Вдруг я сделаю

что-то не так? Или будет ужасно больно! Я о таком читала…

— Лисёнок, ты нормальная девушка, молодая, нет причин для глупых страхов. Эд тебя боготворит, он наверняка постарается, чтобы было приятно, — я дёрнула подругу за прядь возле уха и полюбовалась, как она пружинит. — Давай, покажи мне свою одежду на вечер.

— Подожди пару минут, я быстро.

Убежала и пустую чашку на столе оставила. Даже любимый «Твикс» не доела. Наверное, кусок в горло не лезет. Надо заставить её съесть хотя бы бутерброд, а то нарушит романтический момент бурчанием пустого желудка, и займётся самоедством. Громко зацокали каблуки.

— Дорогая, но почему брючный костюм и белая блуза?!

— Мне в нём удобно…

— А в том жемчужно-сером платье нет? — я взяла её ледяные пальцы и попыталась согреть в ладонях. — Время есть, пойдём, переоденешься. В такой день офисный стиль не годится. Или я о тебе многого не знаю, и ты планируешь изображать строгую госпожу?

По мне, так хорошая порка Эдику не помешала бы. Только Леся на такие игры не способна, она

даже подобных книг избегает.

— Господи, Светик, нет, конечно! А это платье точно подойдёт?

— Абсолютно! Мужчинам нравятся юбки, потому что под них можно залезать и длинные молнии, которые легко расстегнуть одним движением.

Платье подчеркнуло и так заметные достоинства подруги, немного блеска для губ, лёгкий макияж и пара капель духов придали романтическому образу законченность. Леся осталась ждать Эда, раскрасневшаяся от моих нескромных комментариев про первый опыт некоторых общих знакомых. Надеюсь, мне удалось взбодрить подругу, и парень получит уверенную в себе девушку, а не овцу на грани обморока.

* * *

Светка, терпение твоё второе имя, уговаривала я себя в воскресенье. Звонить Лесе сейчас глупо, там романтика полным ходом. Значит, придётся терпеть до понедельника или ждать, когда она сама захочет пообщаться. Загружать выходной тоже нельзя, вдруг случится что-то непредвиденное и надо будет нестись утешать подругу. Хотя вряд ли. Эдик ничего такого не допустит, всё-таки

не дурак. Поэтому, надеваем резиновые перчатки и вперёд: тряпки и швабра ждут — настал их звёздный час.

Утро понедельника встретило меня ближе к обеду, а от Леси всё ещё не было ни слова. Что же с ней могло случиться? Дам ей, пожалуй, последний шанс, пока умываюсь и завтракаю. Чёрт, да я нервничаю так, будто это у меня был первый секс! И когда успела схватить телефон?

— Привет, Лисёнок!

— Здоров… Ты чего в такую рань звонишь?

— Во-первых, скоро час дня. А во-вторых, я умираю от любопытства! Рассказывай скорее!

— Я ещё сплю…

— Ну Лесечка-а-а, я слово волшебное знаю: немедленно!

— Свет, прости, это не телефонный разговор…

Мда, облом. Хорошо хоть за вином идти не придётся, в прошлый раз две бутылки купила. Надо только подождать ещё часик, и можно выдвигаться. Она мне всё расскажет!